

М 47
170 С - 9
Министерство
А. ВОЛГИНЪ.
2 - Писаревъ
1 - Бисетъ
Камчатскій

ОБОСНОВАНІЕ НАРОДНИЧЕСТВА

ВЪ ТРУДАХЪ Г-НА ВОРОНЦОВА (В. В.).

КРИТИЧЕСКІИ ЭТЮДЪ.

Suum cuique!

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія и Литографія Н. А. Тихонова, Садовая № 27.

1896.

M $\frac{47}{140}$

Писанин, П. В.
А. ВОЛГИНЪ.

ОБОСНОВАНІЕ НАРОДНИЧЕСТВА

ВЪ ТРУДАХЪ Г-НА ВОРОНЦОВА (В. В.).

КРИТИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ.

Suum cuique

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Садовая № 27.

1896.

А. ВОЛКОВ

ОБОЗНАЧЕНИЕ НАПРАВЛЕНИЯ

В. П. ДАКЕ Т-М. ВОРОНЕЖ (В. П.)

КНИЖНИКОВ

45006-0

2007334948

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Предисловіе	V—VI
Отдѣлъ I. Г. Воронцовъ какъ социологъ и политико-экономъ.	
Глава I. Г. Воронцовъ какъ социологъ	1—24
Глава II. Г. Воронцовъ какъ политико-экономъ	25—77
Отдѣлъ II. Г. Воронцовъ какъ теоретикъ народничества.	
Вступленіе	81
Глава I. Община	<u>82—175</u>
Глава II. Кустарина промышленность	176—249
Глава III. Самодѣтельность населенія какъ рычагъ общественной эволюціи	250—283

ОТЧЕТ

Введение	1-2
Глава I. Развитие лесного хозяйства в СССР	3-10
Глава II. Развитие лесного хозяйства в Казахстане	11-18
Глава III. Развитие лесного хозяйства в Узбекистане	19-26
Глава IV. Развитие лесного хозяйства в Киргизии	27-34
Глава V. Развитие лесного хозяйства в Таджикистане	35-42
Глава VI. Развитие лесного хозяйства в Туркменистане	43-50
Глава VII. Развитие лесного хозяйства в Средней Азии	51-58
Глава VIII. Развитие лесного хозяйства в Казахстане	59-66
Глава IX. Развитие лесного хозяйства в Узбекистане	67-74
Глава X. Развитие лесного хозяйства в Киргизии	75-82
Глава XI. Развитие лесного хозяйства в Таджикистане	83-90
Глава XII. Развитие лесного хозяйства в Туркменистане	91-98

0007334643

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ засѣданіи 3-го отдѣленія Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества 19 декабря 1893 года, во время преній, вызванныхъ докладомъ г. Савонова: «*Быть или не быть общинамъ?*», г. Исаевъ отнесъ г. Воронцова къ числу «авторитетныхъ руководителей» въ вопросѣ объ общинномъ землевладѣніи. Почтенный профессоръ, если мы не ошиблись, совершенно серьезно высказалъ это мнѣніе, которое раздѣляется, шрочемъ, довольно значительной частью русской читающей публики. Въ наше скептическое время къ «авторитетнымъ» писателямъ относятся строже, чѣмъ къ неавторитетнымъ. Не станемъ разбирать—хорошо это или дурно. Скажемъ только, что къ мнѣніямъ «авторитетныхъ руководителей» надо относиться во всякомъ случаѣ очень внимательно. Мы именно такъ и отнесемъ къ мнѣніямъ г. Воронцова.

Наша работа естественно распадается на двѣ части: въ первой мы изучаемъ г. Воронцова, какъ социолога и политико-эконома; во второй—какъ теоретика народничества.

Мѣстами намъ приходилось на время позабывать о г. Воронцовѣ и рассматривать взгляды другихъ исследователей русской жизни. Съ *формальной* стороны такіа отступленія, можетъ быть, неумѣстны; но въ значительной степени они вызывались самимъ *содержаніемъ* нашей работы.

Только что вышедшая ноябрьская книжка «Новаго Слова» показала намъ, что намъ слѣдовало бы прибавить къ первому отдѣлу новую главу: *Г. Воронцовъ какъ философъ и критикъ Гегеля*. Но для этого у насъ нѣтъ ни времени, ни возможности. Мы похожи на г. Воронцова въ томъ отношеніи, что никогда не читали Гегеля, а отличаемся отъ него тѣмъ, что не рѣшаемся судить о неизвѣстныхъ намъ предметахъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Изъ предисловія къ 1-му изданію «Новаго Слова» (1891 г.)

Ученые труды Гегеля издаются въ Россіи съ 1891 г. въ изданіи «Восточнаго Востока». Въ этомъ изданіи Гегель выведенъ изъ забвенія въ Россіи. Въ то время, когда Гегель былъ въ изданіи «Восточнаго Востока», въ Россіи не было еще ни одного изданія Гегеля. Гегель былъ въ изданіи «Восточнаго Востока» въ то время, когда Гегель былъ въ изданіи «Восточнаго Востока».

Въ то время, когда Гегель былъ въ изданіи «Восточнаго Востока», въ Россіи не было еще ни одного изданія Гегеля. Гегель былъ въ изданіи «Восточнаго Востока» въ то время, когда Гегель былъ въ изданіи «Восточнаго Востока».

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Г. Воронцовъ какъ социологъ и

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

**Г. ВОРОНЦОВЪ КАКЪ СОЦИОЛОГЪ И КАКЪ ПОЛИТИКО-
ЭКОНОМЪ.**

Тогда-то внезапно пообесела женщина «Нонна Сид-
 ны» и сказала мне, что хочет непременно бы приехать ко
 мне, чтобы увидеть меня лично; / / Впервые она сказала
 «прощай» Гитлеру. Но для меня у меня была не привычка
 не прощаться. Мы поехали на / / Вероятно в то же со-
 стояние, что и тогда на улице Ротки. Я вспоминаю это
 дело так, что не понимаю, почему я и вспоминаю это
 событие.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

1. ВОРОНОВСКИЙ НАД СОЛДОЛСКИМ И НАД ПОЛТИНОМ
 СЛОЖНО

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Г. Воронцовъ какъ социологъ ¹⁾.

Въ 1893 году г. Воронцовъ издалъ книгу подъ названіемъ «Наша направленія». Читающая публика равнодушно встрѣтила это новое произведение нашего «авторитетнаго» писателя; едва ли многіе прочитали его до конца. Это напрасно. Кто хочетъ понять г. Воронцова, кто хочетъ найти ключъ къ его литературной дѣятельности, тотъ долженъ внимательно изучать «Наша направленія». Съ своей стороны, мы сдѣлаемъ нѣкоторые комментаріи, которые, думается намъ, значительно облегчатъ дѣло изученія этого замѣчательнаго труда.

Книга состоитъ изъ крошечнаго предисловія, небольшого вступленія и четырехъ очень обширныхъ главъ. Предисловіе не интересно; но и вступленіе, и слѣдующія за нимъ главы такъ глубоко поучительны, что намъ, по настоящему, слѣдовало бы написать по дѣлому комментарий къ каждому изъ этихъ отдѣловъ, но это невозможно: въ такомъ случаѣ нашъ собственный трудъ переросъ бы назначенныя ему границы.

Мы съ сожалѣніемъ видимъ себя вынужденными ограничиться изложеніемъ и истолкованіемъ важнѣйшихъ социологическихъ изглаголовъ г. Воронцова, какъ они выразились въ разныхъ мѣстахъ книги «Наша направленія».

¹⁾ «Анонимъ В. В., какъ извѣстно, раскрытъ пристраженіемъ автору слѣдующія объ обиліи въ «Нашахъ экономическомъ изслѣдованіи Россіи по даннымъ лесной статистики» — г. Воронцову, половина премии Ю. О. Самарина», А. И. Смирновъ: Экономическіе эссеи, I, стр. 130.

Всякому, кто хочет заниматься социологией, надо прежде всего дать себе ясный отвѣтъ на вопросъ о томъ, гдѣ лежитъ та основная причина, отъ которой зависить въ послѣднемъ счетѣ вся оолокунность общественныхъ явленій. Конечно, еслибъ социология была хоть сколько нибудь установившейся наукой, то надъ этимъ вопросомъ нечего было-бы и задумываться, такъ какъ онъ былъ бы уже рѣшеннымъ вопросомъ. Но социология еще такъ мало установилась, что въ ней и до сихъ поръ спорить о томъ, гдѣ надо искать субстрата общественныхъ явленій. Это очень печально, но дѣлать нечего, приходится утѣшаться тѣмъ соображеніемъ, что и другія науки не сразу попали на твердую почву, да внимательнѣе вдумываться въ мысли тѣхъ выдающихся людей, которые стараются установить основныя начала («first principles») социологии. Съ однимъ изъ такихъ людей мы иждемъ теперь дѣло. Что узнаемъ мы отъ него по этой части?

Уже въ самомъ началѣ первой главы онъ говоритъ, что социальная отношенія представляютъ собою «производное духовнаго міра человека». Нѣсколькими страницами далѣе онъ опять рѣшительно заявляетъ, что «задачей социальной науки должно быть объясненіе происхожденія сложныхъ общественныхъ отношеній изъ болѣе простыхъ психологическихъ, подобно тому какъ физиология ставитъ себѣ задачей сведеніе сложныхъ явленій жизни животнаго на болѣе простые физико-химическіе процессы, свойственныя составнымъ частямъ его тѣла»¹⁾. Наконецъ, та же самая мысль часто повторяется по многимъ другимъ мѣстамъ его книги.

Это же новая мысль.

Ея держались еще французскіе просвѣтители 18-го вѣка; ея держались Сокъ-Симонъ, Контъ, Тэнъ; ея держится авторъ недавно изданной на русскомъ языкѣ книги «Социологическія основы исторіи»; ея же держалось и держится по истинѣ безчисленное множество философовъ, историковъ и социологовъ. Но давно и справедливо было замѣчено, что недостаточно высказать какую нибудь серьезную мысль, а надо уметь обосновать и стройно развить ее. Этому требованію далеко не вполнѣ удовлетворяють

¹⁾ «Наша западная» стр. 13.

писатели, высказавшие ранее г. Воронцова ту мысль, что ключом к пониманию общественных явлений надо искать в *психологии*.
Спрашивается, на сколько прав автор, выдвигая логику своих предшественников?

На страниц 138 и следующих он ополчается против того воззрения, «в котором (г. Воронцов хочет сказать: согласно которому) исторический процесс, вместо производного человека, обращается в силу производящую, а человек в его послушное орудие». Г. Воронцов «отвергает эту концепцию». Ясно, стало быть, что, по его мнению, исторический процесс есть «производное человека», т. е. результат тех человеческих чувств, взглядов и настроений, изучение которых должно составить предмет психологии. Можно согласиться с этим положением, можно осваривать его, но нельзя не признать, что, выставив его, г. Воронцов остается вполне вбредом своему коренному взгляду на психологическую основу социологии. Нельзя не отдать должного последовательности г. Воронцова. Жаль только, что она покидает его слишком скоро.

На той же самой страниц он заявляет, что «формы бытия являются результатом идей и чувств участвующих в них созданий людей, почему духовные силы человека — как полученные им от природы, так и развитые предшествующей историей — а также степень активности участия в процессе эволюции различных классов населения, представляющих неоднородные психические типы, суть исторические факторы первостепенного значения». Как ни плохо выражена здесь мысль г. Воронцова, но при известном внимании понять ее все-таки можно. Она сводится к тому, что человек получает свои духовные силы частью от природы, а частью от истории. Но если это так, то выходит, что силы эти являются, по крайней мере отчасти, результатом «исторического процесса», составившим его «производное». А так как «исторический процесс» есть, как мы уже знаем, «производное человека», и именно его «духовных сил», то, в качестве «производной», у нас получается «историческая философия», по своей логичности сильно напоминающая знаменитое мирозерцание, согласно которому земля стоит на китах, а киты на воде, а вода на

земли. Каким образом исторический процесс влияет на духовные силы человека, т. е. на его чувства и идеи? Ясно, что посредством тех «форм быта», которые, изменяясь больше или меньше быстро и больше или меньше глубоко в историческом движении человечества, создают условия больше или меньше благоприятные для развития названных сил. Но ведь это значит, что идеи и чувства человека являются результатом «форм быта», это значит, что не социология должна опираться на психологию, а наоборот, психология, по крайней мере общественная психология, психология, имбущая связь с идеями и чувствами людей, составляющих данное общество, должна апеллировать к социологии. Далее, «Различные классы населения представляют неоднородные психические типы». Это неоспоримо; это известно всем и каждому. Но čím же вызывается «неоднородность» этих типов? Где надо искать разгадки этого явления: в социологии или в психологии? Отчего крупный помещик-аристократ не похож, по своим чувствам и идеям, на городского пролетария? Не потому ли, что его чувства и идеи складываются под влиянием «форм быта», очень мало похожих на те, под действием которых образуется духовный мир пролетария? Если да, то как же можно говорить, что «формы быта являются результатом идей и чувств участвующих в их создании людей»? Что за путаница понятий. И какая удивительная неясность мысли!

Заметьте, что мы вовсе не отрицаем роли идей и чувств в происхождении форм быта. Мы готовы допустить, что роль эта очень велика. Но мы хотим последовательности, мы требуем, чтобы человек, взявшийся толковать об отношении социологии к психологии, сказал нам нечто определенное по этому вопросу и не путался в противоречиях, не опровергал своих собственных основных положений. Мы хотим знать, что думает об этом предмете г. Воронцов, а г. Воронцов пишет так, как будто он ничего не думает, а просто водит пером по бумаге.

Известно, однако, что и на солнце есть пятна. У самых замечательных писателей могут найтись неудачные, обично написанные страницы. Чтобы критиковать мыслителя, надо иметь в виду всю совокупность его взглядов, а не отдельные

слабыя мѣста его произведеній. Можетъ быть, въ другихъ мѣстахъ книги г. Воронцова очень хорошо разрѣшается удивительное противорѣчіе, такъ страшно обезображивающее 138 страницу «Нашихъ направлений»?

Пойдемъ этихъ желанныхъ другихъ мѣсть.

«Въ жизни каждаго общества—читаемъ мы на 15 страницъ— и въ процессѣ его эволюціи слѣдуетъ различать двѣ стороны: 1) органическую, стихійную или безсознательную и 2) телеологическую, сознательно-цѣлесообразную. Подъ первой нужно разумѣть рядъ явленій, служащихъ (sic!) результатомъ разрозненныхъ, несогласованныхъ и амбигуально преслѣдуемыхъ (!) отдѣльными членами ихъ частныхъ интересовъ. Подъ второй слѣдуетъ понимать факты, вытекающіе изъ дѣятельности организованныхъ группъ, ставящихъ себѣ извѣстныя социальныя задачи».

Какъ видите, здѣсь мы опять имѣемъ дѣло съ *first principles* г. Воронцова. Вдумаемся же въ нихъ хорошенько, чтобы и въ самомъ дѣлѣ не высказать неосновательнаго сужденія объ этихъ «основныхъ началахъ».

Г. Воронцовъ очень любезно приходитъ къ намъ на помощь со слѣдующими поясненіями.

«Читатель видитъ, что въ сдѣланномъ раздѣленіи явленій общественной жизни на сознательныя и безсознательныя, мы и прилагали терминъ «сознательный» въ условномъ смыслѣ. Собственно говоря, нѣтъ ни одного общественнаго отношенія, въ которомъ не участвовало бы сознаніе, такъ какъ эти отношенія обнимаютъ людей въ бодрствующемъ состояніи, а въ этомъ состояніи чловѣку присуще сознаніе. Такимъ образомъ, любое общественное явленіе складается изъ ряда сознательныхъ дѣятельностей участвующихъ въ немъ лицъ. Но находящееся нами здѣсь сознаніе не обнимаетъ разсматриваемое общественное явленіе, какъ таковое; оно относится не къ совокупности актовъ, составляющихъ явленіе, а къ каждому изъ нихъ въ отдѣльности. Общее же, явившееся результатомъ единичныхъ сознательныхъ актовъ, есть уже явленіе, для сознанія совершенно новое, раньше имъ не предусматривавшееся и обыкновенно простому сознанію даже не извѣстное. Оно явилось такъ же органически изъ столкновенія отдѣльныхъ созна-

тельных актов, как органически из яйца, поставленного из известных условий, развивается зародыш; его происхождение так же бессознательно, как бессознательно развитие какого-либо физического процесса.»

Это уже и само по себе достаточно ясно. Но г. Воронцов приводит примѣры, еще лучше уясняющій дѣло и замеченный имъ у г. Карлова. «Крестьянинъ везетъ на рынокъ продавать корову, чтобы на вырученные деньги купить принадлежности домашняго обихода, но изъ множества аналогичныхъ актовъ, совершаемыхъ съ аналогичными дѣлами, складываются формы экономического оборота цѣлой страны. Не ради ихъ осуществленія, конечно, нашъ крестьянинъ продаетъ корову и покупаетъ соль, козу и т. п. Италія, человѣкъ говоритъ, поступаетъ известнымъ образомъ, занимается продажей и покупкой и т. д., отнюдь не ради творчества языка, обычая, формы экономического оборота и т. п.; онъ ставитъ себя личнымъ дѣломъ, достиженіе которыхъ благодаря психическому взаимодействию, совершающемуся въ обществѣ, и другимъ условиямъ общежитія, — сопровождается такими объективными результатами коллективной дѣятельности, каковы суть формы языка или общественныхъ отношеній.»¹⁾

Это очень хорошій примѣръ, лучше нельзя и придумать. Но когда г. Воронцовъ «сознательно» замечивалъ этотъ примѣръ у г. Карлова, онъ, конечно, не «сознавалъ», что примѣръ этотъ опровергаетъ основное положеніе его социологіи: новое доказательство того, что изъ сознательныхъ дѣйствій людей вытекаютъ неожиданные и непредвидѣнные результаты! «Эта бессознательность происхожденія социальныхъ отношеній, — продолжаетъ г. Воронцовъ — которая оказывается соответствующими известнымъ общимъ дѣламъ и развиваются какъ бы по определенному плану, не смотря на то, что единичные акты, которыми они образуются, совершались безъ всякой мысли о созданіи известной общей формы, — данно обращала на себя вниманіе философовъ, стремившихся для объясненія этого явленія гипотезы, въ которыхъ человѣкъ являлся бессознательнымъ орудіемъ какой-то

¹⁾ «Наша цивилизація» стр. 11—13.

силы, направлявшей его поступки таким образом, чтобы, войдя в число удовлетворения его личных потребностей, они служили известным, преследуемым этой силой, абсолютным целям.... Но данное явление для своего объяснения и не требует предположения какой-то специальной силы, будто бы направляющей человека в его общественных отношениях, как не требуется предположения особой «жизненной силы» для объяснения физиологических отправления человеческого организма, почему указанная биологическая гипотеза, впрочем, столь распространенная, теперь вовсе оставлена. Выдвигание таких «сил» в социальную науку служат лишь доказательством сравнительной неразработанности этой более сложной области знания. В действительности же задачей социальной науки должно быть объяснение происхождения сложных общественных отношений из более простых психологических¹⁾.

Оставаясь в стороне «биологическую гипотезу», совершенно несправедливо упоминать, мы заметим г. Воронцову, что его умозаключение не соответствует его посылкам, и что «бессознательность» происхождения социальных отношений вовсе не вправе обращать на себя внимание мыслителей. В самом деле, из совокупности отдельных сознательных действий товаропроизводителей складываются известные общественные отношения, эти отношения имеют известный характер, определенными свойствами. От чего зависят эти свойства? Очевидно, не от «духовных сил», не от идей и чувств людей, создавших их своими действиями: ведь эти отношения создаются совершенно независимо от сознания и воли участвующих обмена. Очевидно, что «более простые психологические отношения» в данном случае равно ничто не объясняют.

Крестьянину вывозить на рынок свои продукты, вовсе не заданная цель содействовать возникновению и развитию товарного производства. Но раз товарное производство приобретает силу в данной стране, оно неизбежно влияет на дальнейшую экономическую деятельность нашего крестьянина и ему подобных.

¹⁾ «Наша литература» стр. 12—13.

Прежде онъ вывозилъ на рынокъ только то, что оказывалось лишнимъ въ его хозяйствѣ, и громадное большинство своихъ потребностей удовлетворялъ продуктами своего собственнаго труда. А теперь, подѣ влияніемъ экономическихъ отношеній, сложившихся независимо отъ его сознанія и воли, онъ будетъ производить только какой нибудь одинъ родъ продуктовъ, скажемъ зерновой хлѣбъ или овощи, и покрывать свои разнообразныя нужды деньгами, вырученными отъ продажи этихъ продуктовъ. Такой коренной переворотъ въ его хозяйственной дѣятельности измѣнить можетъ быть его экономическое положеніе въ хорошую сторону, а можетъ быть и въ дурную. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ эта перемена произойдетъ независимо отъ его сознанія: онъ и замѣтитъ-то ее лишь тогда, когда она уже совершится. Но этого мало. Положимъ, что нашъ крестьянинъ разбогатѣлъ вслѣдствіе развитія товарнаго производства, что у него завелась теперь лишняя деньжонка, которая онъ, вѣрный духу новаго времени, не прячетъ въ кубышку и не зарываетъ въ землю, а пускаетъ въ оборотъ. Онъ арендуетъ крупный участокъ земли у сосѣдняго помещика и нанимаетъ «работниковъ» для его воздѣлыванія. Онъ становится покупщикомъ чужой рабочей силы, предпринимателемъ, капиталистомъ. Это новсе для него общественное положеніе вызываетъ соответственныя измѣненія въ его чувствахъ и идеяхъ, короче, въ его духовныхъ силахъ: вѣдь самъ г. Воронцовъ признаетъ, что различные классы населенія представляютъ «*несомнѣнно различныя психическія типы*». У насъ является такимъ образомъ новый «психическій типъ», является,—просимъ не забывать этого,—подѣ влияніемъ общественныхъ отношеній, возникшихъ независимо отъ сознанія отдельныхъ лицъ. Этотъ новый «психическій типъ» будетъ, разумеется, въ свою очередь, совершать извѣстныя сознательныя дѣянія. Дѣянія эти будутъ имѣть извѣстный, болѣе или менѣе симпатичный характеръ. Чѣмъ определяется этотъ характеръ? Сказать, что онъ определяется идеями и чувствами нашего крестьянина-предпринимателя, значитъ не сказать ровно ничего: вѣдь вопросъ въ томъ и заключается, отчего предприниматели имѣютъ именно такіа, а не другія чувства и идеи. Ну, а на этотъ вопросъ отвѣтить, кажется, не трудно:

если бы не было предпринимателей, то не было бы и предпринимательской деятельности, не было бы и предпринимательского мирозерцания. А это значит, что деятельность в взгляды предпринимателей обуславливается общественными положениями этого класса. Но мы уже знаем, что общественное положение нашего крестьянина явилось как результат переворота в общественном хозяйстве, совершившагося независимо от человеческого сознания. Выходит, стало быть, что новая деятельность нашего крестьянина вызвана независящими от него изменениями в общественных отношениях; что сознание лишь отражает и выражает собою действие какой-то силы, находящейся вне его. Это совершенно неоспоримый вывод; его не станет оспаривать и г. Воронцов, категорически заявляющий, что «бессознательность процесса происхождения социальной культуры человека — почти общепринятое положение в науке»¹⁾. Следовательно, чтобы понять, где лежит причина общественной эволюции, т. е. между прочим и где перемены, которые совершаются в различных «психических танах», надо только понять, в чем заключается та, лежащая от человеческого сознания, сила, под влиянием которой видоизменяется и направляется к различным сторонам сознательная деятельность людей. Разумеется, называя эту силу «Бессознательным» или «Духом всемирной истории», и объясняя ее действие свойствами этих таинственных признаков, мы не делаем ровно ничего для ее научного понимания²⁾. Но нам совсем и не нужна гипотеза таинственных признаков. Гг. Карьеръ и Воронцовъ — по всей вероятности «бессознательные» — сами хорошо выяснили нам, в чем состоит интересующая нас сила, и сами прекрасно показали, что из этой силы нить ничего таинственного. Из приведенного ими примера ясно видно, что сила эта есть не что иное, как сила экономических отношений. Значит, не о чем и толковать: «органическая, стихийная или

¹⁾ «Наша направленность» стр. 11.

²⁾ Заметим, впрочем, что и Гегель и Гартманъ имела далеко не такие взгляды на этот предмет, какие имъ приписывает г. Воронцовъ вместе с г. Карьерымъ. Но у насъ нить теперь ни возможности, ни охоты спорить съ г. Карьерымъ объ исторіи философіи.

бессознательная» эволюция общества совершается под влиянием изменений, происходивших — независимо от сознания и воли людей — в области общественной экономии. Это единственный вывод, вытекающий из приводимаго гг. Карбенами и Воронцовымъ примѣра. Умозаключать же изъ него, что разгадки общественной эволюции надо искать въ *психологич.*, можно будетъ только тогда, когда изъ дважды двухъ станеть получаться старинная *срѣзка*.

Но вѣдь можно привести и другой примѣръ. Можно указать на зависимость общественной экономии, скажемъ, отъ такихъ явленій какъ войны и вообще международныхъ политическія отношенія. Тасъ, известно, что прекращеніе наполеоновскихъ войнъ вызвало въ Англій *промышленный кризисъ*. Англійскіе государственные дѣятели, подписавшіе миръ, разумеется, не хотѣли кризиса, и, вѣроятно, не ожидали его. Отъ явился независимо отъ ихъ воли и сознания. Промышленный кризисъ несомнѣнно принадлежитъ къ числу явленій экономическаго порядка. Но вызванъ онъ заключеніемъ мира, т. е. причиной вовсе не экономической. Если бы англичане были болѣе воинственны, то они и послѣ паденія Наполеона продолжали бы войну съ Франціей, на защиту которой выступили бы, вѣроятно, нѣкоторые изъ бывшихъ союзниковъ Англій. Произошелъ бы новый рядъ международныхъ столкновеній, которыя оказали бы *мное* дѣйствіе на экономію различныхъ европейскихъ странъ. Этотъ примѣръ какъ будто показываетъ, что общественно-экономическія отношенія зависятъ именно отъ идей и чувствъ общественныхъ дѣятелей, хотя сами дѣятели не предвидяютъ всѣхъ послѣдствій своихъ поступковъ и, следовательно, влияют на ходъ общественнаго развитія частью *сознательно*, а частью *бессознательно*.

Многіе найдутъ этотъ примѣръ до послѣдней степени убѣдительнымъ. Вѣроятно, его признаетъ такимъ и самъ г. Воронцовъ. До другихъ намъ здѣсь нѣтъ дѣла, а что касается до г. Воронцова, то мы попросимъ его вспомнить сказанное имъ о различіи «психическихъ типовъ» различныхъ общественныхъ классовъ.

Во время наполеоновскихъ войнъ политическая судьба Англій находилась почти цѣлкомъ въ рукахъ поземельной аристократіи.

Если тогдашняя международная политика этой страны принимала именно то, а не другое направление, то это зависело от идей и чувств английской поземельной аристократии. Но от чего зависели идеи и чувства этой последней? От чего вообще зависела психология различных классов? Мы сказали выше, что, по нашему мнению, она определяется их экономическим положением. Согласен ли не согласен с нами г. Воронцов? по-этому отвѣта из «Нашихъ направлеиіяхъ».

На стр. 187—188 мы читаемъ: «Надеждинъ является представителемъ того момента въ исторіи возрѣвѣи русской интеллигенціи на идею «народности», какъ основу культурнаго развитія страны, когда интимными основами самобытнаго характера культуры признавались только психическія черты, свойственныя народу, какъ извѣстному физиологическому типу.... Въ этомъ возрѣвѣи игнорируется социально-политическая обстановка развитія изъ прошлаго и настоящаго, не какъ внѣшняя среда, а какъ условіе, дающее происхожденіе тому или другому психическому содержанию людей одной и той же страны, но находящихся на различныхъ ступеняхъ сословной лѣстницы.—содержанію, опредѣляющему степень самостоятельности и характеръ доступной различнымъ классамъ культуры».

Если Надеждинъ ошибается, игнорируя вліяніе общественнаго положенія даннаго класса на его психологію, то г. Воронцовъ, который надо надѣяться, хочетъ избѣжать ошибки Надеждина, не станетъ игнорировать тотъ фактъ, что «психическое содержаніе» людей различныхъ классовъ опредѣляется положеніемъ этихъ классовъ на различныхъ ступеняхъ общественной лѣстницы. Онъ и дѣйствительно не игнорируетъ этого факта. Такъ, напримѣръ, на стр. 65 онъ говоритъ, что корнемъ данной общественной идеи надо искать въ *«стѣнѣ или друиыхъ социальныхъ отношеніяхъ»* (курсивъ нашъ). Нѣсколькими строками ниже онъ съ сожалѣніемъ констатируетъ отсутствіе у насъ основательной исторіи нашего общественнаго развитія и указываетъ причину этого пробѣла, между прочимъ, «въ отсутствіи перапатіи ученія о зависимости идей, циркулирующихъ въ обществѣ, отъ социально-бытоваго его строя». Ясно, что какъ ни мало раз-

внито учение объ этой зависимости, но нашъ авторъ о ней не забываетъ. А разъ это такъ, то онъ становится въ противорѣчiе съ самимъ собою, если вздумаетъ оспаривать, что психологiя даннаго класса опредѣляется его общественнымъ положенiемъ или, другими словами, экономической структурой общества. Если же, во избѣжанiе печальнаго *размоласiя съ самимъ собою*, онъ *соединится съ нами*, то тѣмъ самымъ вынужденъ будетъ признать, что факты, подобные англiйскому промышленному кризису 1815 г., нисколько не опровергаютъ насъ: пусть подобные факты вызываются чувствами и идеями того или иного класса; такъ какъ идеи и чувства общественныхъ классовъ обусловливаются экономiей, то несомнѣнно, что въ послѣднемъ счетѣ и эти факты порождаются экономiей. Мы уже не говоримъ о томъ, что такiя явленiя, какъ кризисы, *предполагаютъ извѣстный, совершенно опредѣленный способъ производства*.

Итакъ, если мы не ошибаемся, г. Воронцовъ хотѣлъ идти за здравiе психологiи, а пропалъ въ некоторомъ родѣ за ея уподобленiе: онъ хотѣлъ показать намъ, что социальныя явленiя объясняются явленiями психическими, а между тѣмъ—и очевидно независимо отъ своего «сознанiя»—убѣдилъ насъ въ томъ, что психологiя общества коренится въ его экономiи. Г. Воронцовъ чрезвычайно искусный диалектикъ!

Но мы знаемъ, что «въ жизни каждаго общества и въ процессѣ его эволюцiи слѣдуетъ различать двѣ стороны». Мы основались со взглядомъ г. Воронцова на «органическую, стихийную, бессознательную» сторону. Что скажетъ онъ о «телеологической, сознательно-цѣлесообразной»?

Въ первой главѣ г. Воронцовъ пускается въ длинныя разсужденiя объ исторiи западно-европейской общественной мысли. Въ этихъ разсужденiяхъ много запутаннаго и противорѣчиваго. Не мало тамъ и прямо ошибочнаго. Но для насъ они непосредственнаго интереса не представляютъ. Намъ важны лишь «заключенiя», къ которымъ приходитъ нашъ авторъ. Мы приводимъ ихъ цѣлкомъ, прося извиненiя за слишкомъ, можетъ быть, длинную выписку.

«Имя въ виду дѣлское состоянiе социологiи, какъ науки,

нужно быть очень осторожнымъ въ томъ, что касается признанія нашихъ социологическихъ обобщеній за непреложные законы общественныхъ отношений. Нужно понять, что главнѣйшимъ социальнымъ агентомъ является самъ человекъ съ его потребностями, страстями и сознаниемъ и что главнѣйшая функція интеллигенціи заключается въ усиленіи вліянія на социальные процессы общественного сознания вообще, сознательнаго воздѣйствія общественныхъ организацій въ частности. Что же касается содержанія сознания,—такимъ не могутъ быть объективными положенія, не мотивированныя субъективными моментами, потому что въ основѣ и представленій человека объ обществѣ, и самихъ социальныхъ явленій лежатъ потребности, чувства, идеи, т. е. явленія субъективной жизни. Сособразно направленію истории, по которому на арену общественно-политическаго вліянія выступали послѣдовательно различные классы, общественное сознание оцѣнивало явленія и воздѣйствовало на нихъ по преимуществу въ интересахъ одного класса. «Объективными» же научныя формулы, насколько онѣ оказывали вліяніе на развитіе общественныхъ отношений, играли такую роль, благодаря тому, что практически сдѣланы, изъ нихъ вытекавшія, отвѣчали болѣе или менѣе ясно сознаннымъ потребностямъ вліятельнаго класса... Оцѣнка окружающей жизни совершается съ точки зрѣнія неудовлетворенныхъ потребностей класса, задачи воздѣйствія на нее диктуются прежде всего невысказаннымъ на этотъ счетъ представленіями класса. Законы же социальной жизни привлекаются или для оправданія и систематизированія реальныхъ, жизненныхъ потребностей класса, или для того, чтобъ указать, какии практическія мѣры целесообразнѣе всего принять въ видахъ разрѣшенія задачи, продиктованной потребностями реально-существующихъ общественныхъ слоевъ¹⁾.

Здѣсь г. Воронцовъ старается вѣтъ такъ, чтобы вышло вмѣстѣ и за уюкой психологія, и за ея здравіе. «Содержаніе сознания» опредѣляется интересами людей; «оцѣнка окружающей жизни совершается съ точки зрѣнія неудовлетворенныхъ потреб-

¹⁾ «Наша направленіе» стр. 50—51.

ностей класса» и т. д. А чѣмъ порождаются потребности данного класса? Г. Воронцовъ самъ видитъ, что психологія не разрѣшаетъ этого вопроса, и вотъ онъ дѣлаетъ героическое усиліе для спасенія своего «основного начала». Онъ прикрываетъ прозу потребностей пелюдой «духовныхъ силъ»: «въ основѣ и представленій человека объ обществѣ и самихъ социальныхъ явленіяхъ лежатъ потребности, чувства, идеи, т. е. явленія субъективной жизни» (прекрасный слогъ у г. Воронцова!). Это сводится къ тавтологіи: *въ основѣ представленій лежатъ представленія*. Тавтологія счастливо возвращаетъ насъ къ тихой пристани психологіи. Но мы спрашиваемъ г. Воронцова: откуда берутся общественные классы? отчего потребности данного класса остаются иногда неудовлетворенными? и о какихъ это классовыхъ потребностяхъ мы имѣемъ честь бесѣдовать съ нимъ? Вотъ, заиримѣрь, наши авторы повторяютъ за г. Карѣвымъ, что французскіе просвѣтители прошлаго вѣка были навсѣгодъ пропитаны буржуазнымъ духомъ. Мы еще будемъ имѣть случай поговорить о томъ, въ какой мѣрѣ это справедливо, и какъ надо понимать буржуазный духъ тогдашнихъ французскихъ просвѣтителей. Но теперь мы безъ всякихъ оговорокъ принимаемъ сказанное г. Воронцовымъ и хотимъ знать одно: какого рода были тѣ потребности французской буржуазіи, которыя, къ неудовольствію гг. Карѣва и Воронцова, нашли себѣ выраженіе въ просвѣтительской французской литературѣ? Буржуазія была противъ феодальныхъ повинностей; она имѣла «потребность» устранить ихъ. Что же, эта ея потребность вызывалась «явленіями субъективной жизни», или явленіями какого-нибудь иного порядка? Къ какому порядку явленій относить г. Воронцовъ названныя повинности? Французская буржуазія была противъ церковной десятины. Можно-ли назвать церковную десятину явленіемъ «субъективной жизни»? Французская буржуазія, въ огромномъ большинствѣ своихъ представителей, была противъ деховъ. Чѣмъ же объясняется это: «субъективной жизнью» тогдашнихъ буржуа или какими-нибудь общественными отношеніями? Держаться субъективизма въ данномъ случаѣ могъ бы только идеалистъ школы Беркеля. А такъ какъ г. Воронцовъ, сколько мы знаемъ, съ числу послѣдователей этого философа не привад-

лежит, то онъ вынужденъ будетъ сказать: истина съ нами: потребности всякаго даннаго класса порождаются его общественными положениями, т. е. тою ролью, которую играютъ онъ въ общественномъ процессѣ производства, и тѣми отношеніями къ другимъ классамъ, которыя ею обуславливаются. А это значитъ, что интересующія насъ потребности коренятся не въ субъективной жизни людей, а въ ихъ общественныхъ отношеніяхъ. И г. Воронцову тѣмъ легче будетъ понять и признать это, что вѣдъ самъ же онъ говоритъ: ознаніе представителей даннаго класса опредѣляется, въ своемъ содержаніи, интересами этого класса. И въ другомъ мѣстѣ: интеллигенція, какъ принадлежащая къ опредѣленной націи и опредѣленному классу, въ своихъ научныхъ общественныхъ построеніяхъ обыкновенно бываетъ пред- ставителемъ не только своего времени или націи, но и опредѣ- ленного класса» (стр. 24). Очень возможно, что онъ говоритъ это «безсознательно»; безсознательность вообще играла, повидимому, не малую роль въ его литературной «эволюціи». Не вадъ же когда нибудь научиться понимать свои собственные слова.

Понять ихъ право же очень не трудно. Телеологическая, сознательно-цѣлособразная сторона общественной эволюціи опредѣляется и объясняется взаимными отношеніями классовъ, послѣдовательно выступающихъ на арену исторіи, влѣдствіе экономическаго развитія общества. Такойъ прямой, хотя — повтораемъ! — можетъ быть и «безсознательный» смыслъ сказаннаго на этотъ счетъ г. Воронцовымъ.

Очень хорошо! Какъ видимъ, г. Воронцовъ «безсознательно» высказываетъ иногда очень дѣльные мысли. Но за то тѣмъ комичнѣе становится въ его устахъ проповѣдь субъективной метода съ социологіи.

На стр. 37 г. Воронцовъ говоритъ о неспособности человѣческой мысли «подняться выше простаго эмпиризма» и объясняетъ эту неспособность недостаточностью матеріала для социологическихъ построеній. Неспособность эта, по его мнѣнію, совершенно неустраима вслѣдствіе ограниченности поля нашихъ социологическихъ наблюденій. Затѣмъ онъ прибавляетъ: «И нужно, чтобы человѣкъ убѣдился въ этой ограниченности объективныхъ

данных для его построений, чтобы он признавал преобладание въ обращающихся въ обществѣ идеяхъ субъективной основы и согласился съ тѣмъ, что его «научныя» построения, охватывающія прошедшее, настоящее и будущее, съ объективной стороны составляютъ не болѣе, какъ маленькій камешекъ для возведенія великаго зданія исторіи человѣческой жизни, которое нельзя считать еще и законченнымъ; и что главное значеніе этихъ построений въ настоящее время заключается не въ ихъ объективной будто бы непреложности, которая, повторяемъ, имъ не свойственна, а въ томъ, что этой мнимой «научной» непреложностью они располагаютъ общественное мнѣніе въ пользу притязаній одного класса, укрѣпляютъ его партійную программу, подставляя подъ нея якобы научную основу ¹⁾».

«Соціальныя законы», «научныя основы» различныхъ программъ, «объективные данные», на которыхъ онъ будто бы построилъ, — все это совершенные пустяки, все это одна фразеология, прикрывающая эгоистическія стремленія различныхъ партій: субъективная основа «преобладаетъ» въ идеяхъ, обращающихся въ обществѣ. Пусть будетъ такъ! Но на какомъ основаніи говорить все это нашъ авторъ? Имѣетъ-ли онъ для этого достаточныя «объективные данные», или онъ просто ублаживаетъ насъ словами, прикрывающими эгоистическіе интересы какой то это «партіи»? Если онъ никакихъ «объективныхъ данныхъ» для обоснованія своей мысли не имѣетъ и просто старается заговорить намъ зубы, — виноваты, мы употребили очень тріпнальное выраженіе, но оно само соскочило съ пера — то мы, поблагодаривъ г. Воронцова за откровенность, немедленно прекращаемъ свое собесѣдованіе съ нимъ. Если же онъ станетъ защищать свои мысли и ринется доказывать, что она не лишена «объективности» оснований, то мы очень охотно съ нимъ потолкуемъ.

Предполагаемъ второй случай: г. Воронцовъ, говоря о влияніи партійныхъ интересовъ на развитіе общественной мысли, руководствуется въ своемъ разсужденіи не капризомъ и не минутнымъ пессимистическимъ настроеніемъ, а объективными данными

¹⁾ Курсыкъ ильш.

истории. У него — уви, какъ и у всѣхъ насъ! — вообще говори, мало объективныхъ данныхъ для социологическихъ построений; его поле наблюдений очень ограничено; но все это не помешало ему подмѣнить причинную связь некоторыхъ общественныхъ явлений: онъ знаетъ, чѣмъ опредѣляется развитіе социально-политической мысли въ обществахъ, раздѣленныхъ на классы. А разъ онъ знаетъ это, то напрасно онъ скромничаетъ: при всей «недостаточности», «ограниченности» и проч., онъ оказывается обладателемъ чрезвычайно важной социологической истины, которая можетъ служить весьма серьезной *«научной основой»* для подробнаго изученія различныхъ фазисовъ умственного развитія человечества. Напрасно также говорить г. Воронцовъ, что мы не можемъ знать «социальныхъ законовъ». И какъ странно доказываетъ онъ это: *здесь его доказательство само опирается на законы развитія общественной мысли*. Даѣе. Можно ли сказать, что социально-политическія стремленія всякаго даннаго класса обыкновенно бывають лишени объективнаго основанія, что въ идеяхъ этого класса «преобладають субъективныя основы»? Мы уже видѣли, что *нѣтъ*. Мы уже знаемъ, что когда, напримѣръ, французская буржуазія стремилась къ устраненію лежащихъ на землѣ феодальныхъ повинностей или къ отиѣнѣ церковной десятины, то она слѣдовала въ этомъ случаѣ иному указанію тяжелаго опыта, а не фантазировала in 's Blaue hinein. Феодальныя повинности и церковная десятина — не «субъективныя», а объективныя явленія, но «представленія», а институты. Если бы въ «представленіи» г. Воронцова изъ дважды двухъ не выходила стегариновая свѣчка, то онъ понахъ бы, что, говоря о подчиненіи общественной мысли классовымъ интересамъ, онъ тѣмъ самымъ указываетъ объективную основу развитія этой мысли: классовые интересы не надумываются людьми, а порождаются общественной экономіей, которая въ свою очередь вовсе не есть простое «субъективное представление».

«Ученые когда-то доказывали, что возвышеніе заработной платы усланіями рабочихъ невозможно, такъ какъ уровень ея опредѣляется неотвратимыми социальными законами, — говоритъ г. Воронцовъ — и эти «законы» были отвергнуты лишь вслѣдствіе того,

что «невѣжественные» рабочіе игнорировали ихъ и фактически доказали ихъ несостоятельность». ¹⁾ Это справедливо. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Только то, что люди не всегда правильно понимаютъ законы тѣхъ общественныхъ явленій, о которыхъ они разсуждаютъ, и иногда геродить большой взоръ даже и по вопросу о томъ, что именно надо понимать подъ словами *законы общественныхъ явленій*. Но кто же этого не знаетъ? И нужно ли вывозить подобные примѣры изъ за моря, когда у насъ подъ руками имѣются сочиненія нашего несравненнаго соотечественника г. Воронцова? «невѣжественные» рабочіе оказались ближе къ истинѣ, чѣмъ ученые буржуазные экономисты. Мы очень рады за «невѣжественныхъ» рабочихъ; но то обстоятельство, что они были ближе къ истинѣ, показываетъ, что была какая то *объективная истина*, хотя рабочіе и не умѣли подойти къ ней научнымъ путемъ. Видъ вѣдь когда «невѣжественные рабочіе» разбирали машины и старались воспрепятствовать развитію машиннаго производства, то усвая ихъ не привели ни къ чему по той простой причинѣ, что они шли въ разрѣзъ съ объективной истиной. У западно-европейскихъ рабочихъ есть теперь далеко не «невѣжественные» представители, которые *сознательно* отстаиваютъ интересы своего класса. Что же, эти ихъ представители не имѣютъ никакихъ «объективныхъ данныхъ» для сужденія о томъ, повредить или не повредить данная тактика названнаго интересамъ? Можетъ быть, эти представители и не ищутъ никакихъ *объективныхъ* данныхъ на томъ основаніи, что—какъ увѣряетъ г. Воронцовъ—данныхъ этихъ все равно будетъ мало вследствие «ограниченности» нашего поля зрѣнія, «недостаточности» материала и проч.? Можетъ быть, эти люди просто ведутъ своихъ товарищей на обуть, разсчитывая на то, что «неудовлетворенныя потребности» сами выведутъ рабочихъ на правильный путь дѣлствій? Какъ бы не такъ! Если бы они поступали такимъ образомъ, то никто за ними и не пошелъ бы, и они перестали бы представлять кого бы ни было.

Между рабочими и управляющимъ бумаго-прядильной фа-

¹⁾ «Наша неправедія», стр. 51—52.

брига X въ Ланкаширѣ возмущаются неудовольствіемъ изъ-за платы. Повинуясь своимъ «неудовлетвореннымъ потребностямъ», рабочие рѣшаются бороться. Каковы должны быть средства борьбы? Некоторые предлагаютъ прекратить на время работу. Другіе говорятъ, что это невозможно; но, какъ видно, прекращение работы не сдѣлать умышленнаго уступки во имя того, что общій засой въ торговлѣ дѣлаетъ производимою почти собою невыгоднымъ. Рабочіе не слушаютъ этихъ предостереженій и переставятъ ходить на фабрику. Но управленіемъ не уступитъ: торговый засой дѣйствительно позволяетъ ему не торговаться съ уступками. Рабочіе видятъ себя вынужденными и сознаютъ, хотя къ сожалѣнію слишкомъ поздно, что права были люди, предостереганіе ихъ. Подобные факты случаются очень не рѣдко и всё они показываютъ, что однихъ «неудовлетворенныхъ потребностей» еще недостаточно, что всякій классъ, спорящій съ другимъ классомъ, долженъ понимать ту экономическую дѣятельность, на почвѣ которой ведутся споры; что всякій классъ для скольконибудь дѣйствительной защиты своихъ интересовъ неизменно долженъ критиковать свои собственные «идеи и представленія» съ точки зрѣнія объективной экономической действительности. При чемъ же тутъ субъективизмъ?

Г. Воронцовъ возражаетъ намъ, что у него рѣчь идетъ не о тѣхъ научныхъ построеніяхъ, которыя могутъ быть предприняты ради защиты классовыхъ интересовъ. Такія построенія, скажетъ онъ, я считаю совершенно возможными. Невозможными кажутся мнѣ лишь построенія, предписывающія намъ тѣ или другія отношенія независимо... Да пусть г. Воронцовъ говорить самъ за себя не въ гипотезѣ, а на самомъ дѣлѣ. ✎

«Объективные условія не остались безъ вліянія на формулированіе задачъ, подлежащихъ разрѣшенію при помощи сознательнаго владѣнія общественными организаціями: рабочіе, напирѣмъ, не требуютъ въ настоящее время уничтоженія машинъ или немедленнаго переустройства промышленности на совершенно новой задѣ, какъ это нѣрѣдко имѣло мѣсто въ предшествующей исторіи пролетаріата. Но это произошло путемъ отраженія объективныхъ условій въ сознаніи класса, котораго они касаются, и

служить лишь свидетельством того, что при проектировании задачи, подлежащих разрешению для удовлетворения субъективно поставленных требований рабочего класса, приходится считаться съ условиями мѣста и времени, а не доказывать, что сами задачи диктуются по потребностямъ реально существующихъ группъ населенія, а какими то объективными представленіями объ отношеніяхъ, осуществляющихся или подлежащихъ осуществленію въ будущемъ¹⁾.

Хорошо знаете г. Воронцовъ! Выше мы упрекнули его въ томъ, что онъ часто не понимаетъ смысла своихъ собственныхъ словъ. Теперь беремъ свой упрекъ назадъ: подите-ка поймите «научное построеніе», въ родѣ только что цитированнаго. Задачи диктуются потребностями реально существующихъ группъ населенія, а не какими то объективными представленіями объ отношеніяхъ, осуществляющихся или подлежащихъ осуществленію въ будущемъ... Что это за объективныя представленія? Откуда ихъ взялъ г. Воронцовъ? Неужели люди, осмѣивающіе субъективный методъ, закрываютъ глаза на значеніе «реально существующихъ группъ населенія» и ссылаются на какія то «объективныя представленія», которыя, въ противоположность «группамъ населенія», очевидно не имѣютъ *реальнаго существованія*? Еще разъ, что это за... странность?

Чтобы ни говорили тѣ люди, съ которыми спорить нашъ авторъ, во вздора, подобнаго «объективнымъ представленіямъ», они сказать не могли. Нужно быть г. Воронцовымъ, чтобы придумать такіе пустяки! Вотъ, вы послѣ этого и судите о «построеніяхъ» нашего авторитетнаго исследователя Россіи по даннымъ земской статистики: онъ придумываетъ ибѣтоневфройтное, невозможное, круглый квадратъ, сапери въ смятку, объявляетъ эту «неудобосказуемую» яичницу главной умственной пищей людей, несогласно съ нимъ мыслящихъ, и пускается въ тивелонисную «прю»! Это до послѣдней степени забавно. Но г. Воронцовъ не только забавляетъ; онъ трогаетъ, онъ умиляетъ. Атакуя свою собственную яичницу, онъ горячо, хотя и неловко, неуловимо, защищаетъ какъ разъ тѣ мысли, которыя высказываются противниками дорогой ему, субъективной социологіи. Читайте и умиляйтесь:

¹⁾ «Наша направленія», стр. 52.

«Изучая систематически социальные отношения, возводи разрозненные факты в цельную систему, интеллигенция действует возможным систематическое, сознательно-целесообразное воздействие на социальную жизнь, причем, в зависимости от того, интересы какого класса—ожидавшего или возникающего—она выражает, ее влияние бывает или консервативное, или прогрессивное, т. е. способствующее более быстрому развитию нового строя; но всегда оно бывает в духе какой-либо социальной группы, активно участвующей в общественной жизни. Если же некоторые лица остаются на высоте общего интереса, то, не выходя в окружающей жизни материала для построения практически осуществимых представлений, они создают утопии»¹⁾.

Кто это сказал, что унтер-офицерская жена не могла сама себя высечь? Отчего ничь? Если и не могла, то разве потому, что не была уровня этого искусства у г. Воронцова...

Не думайте, однако, что г. Воронцов занимается главным образом войною с несуществующими «реально» представлениями своих противников. У него есть и свои собственными социологические «построения»! И не думайте также, что эти его положительные «построения» хоть в чем-нибудь согласны с его «заключениями», которые в общем (если не обращать внимания на неуклюжесть и неясность их формулировки) совершенно согласны со взглядами людей, ими оспариваемых. Г. Воронцов употребляет прием несколько странный и, может быть, мало авторитетный, но тем не менее чрезвычайно замечательный. Именно, он сначала высказывает некоторые общие положения (*first principles*), которые гласят, что ключа к пониманию общественных явлений надо искать в психологии. Далее он доказывает эти положения и доказывает так удачно, что приходится к «заключениям», совершенно их опровергающим. Затем, опровергнув самого себя, он делает некоторые *дополнения* к «заключениям», в результате чего «заключения» в свою очередь оказываются опровергнутыми. Это отрицание отрицания благополучно возвращает его к его основным положениям, которые и служат ему руководящей нитью в изучении современной нам русской экономической

¹⁾ «Наша интеллигенция», стр. 25.

зани по данным земской статистики. Основные положения и заключения г. Воронцова нам уже знакомы. Выдаемъ на допущеніи.

Заключенія говорить, что лица, «оставшіеся на высотѣ общаго интереса», создаютъ утопіи. *Дополненія* приглашаютъ нашу интеллигенцію остаться на высотѣ общаго интереса.

«Благодаря тому обстоятельству, что развитіе прогрессивныхъ идей въ русскомъ обществѣ началось въ такое время, когда у насъ парии крѣпостные порядки, русская интеллигенція не могла заимствовать съ Запада идеи въ той оболочкѣ, въ какой онѣ оказывались наиболѣе соответствующими интересамъ господствовавшего тамъ буржуазнаго класса, хотя въ этой именно формѣ онѣ пользовались наибольшимъ распространеніемъ въ Европѣ. Еще менѣе она могла дать этимъ идеямъ облаченіе въ интересахъ господствовавшего у себя сословія, такъ какъ основные принципы соответствующаго строя уже давно были лишены авторитета, каковы они пользовались въ средніе вѣка, и находились въ непримиримомъ противорѣчій съ элементарными положеніями социальнаго этики. Такимъ образомъ наша интеллигенція могла принимать съ Запада прогрессивныя идеи во всей ихъ общечеловѣческой чистотѣ, а, переводя въ практическія формулы, могла дать имъ выраженіе, обнимающее всю массу народа, а не какой-либо привилегированный и полупривилегированный классъ. Она не только могла, но и должна была поступать такимъ образомъ»¹⁾.

На западѣ отдѣльные классы, послѣдительно выступавшіе въ роли активныхъ агентовъ всемірной исторіи, «перехватывали абстрактную общечеловѣческую идею на ея пути къ конкретному выраженію и облачали ее въ классовую одежду»²⁾. Наша задача заключается въ томъ, чтобы помѣшать этому «перехватыванію» и «облаченію». Мы не только можемъ, но и должны рѣшить ее. А что мы въ состояніи сдѣлать это, за то ручаемся... наша *отсталость*. Не думайте, что мы шутимъ. Г. Воронцовъ говорить это совершенно недвусмысленно: «наша интеллигенція уже вкорѣ

1) „Наша направленія“, стр. 85.

2) Тамъ же, стр. 83.

послѣ своего образованія отъличалась, — въ границахъ, конечно, своего общаго умственнаго развитія, — широтою, а не убожествомъ (сослонкой) воззрѣній. Названное обстоятельство въ значительной степени обилане своимъ существованіемъ большой отсталости Россіи сравнительно съ Западомъ»¹⁾.

Вотъ, что значитъ «большая отсталость». Если бы мы не отстали, то, стремясь остаться на высотѣ общаго интереса, мы были бы утопистами. Но такъ какъ отсталость наша не подлежитъ сомнѣнію, то указанная опасность намъ нисколько не угрожаетъ. Удивительно!

О наша родина, Богомъ хранящая,
Сквозь пророку изъ тебѣ необычнаго,
Сквозь также изъ тебѣ, о любящая,
Невостыжимаго и неовытнаго...

Г. Воронцовъ скажетъ, можетъ быть, что представляемый имъ общенародный интересъ совсѣмъ не то, что общечеловѣческій интересъ утопистовъ. Въ такомъ случаѣ онъ жестоко ошибается — какъ разъ то самое: имъ приглашаемъ его доказать противное.

Да и зачѣмъ намъ ходить къ социалистамъ. Возьмемъ теоретиковъ третьяго сословія. Г. Воронцовъ можетъ быть читалъ знаменитую брошюру аббата Сьейсса: «Qu'est ce que le Tierce-Etat?» Если — да, то онъ помнитъ, какъ опредѣляется тамъ третье сословіе: это весь народъ за исключеніемъ горсти привилегированныхъ. Аббатъ Сьейссъ защищалъ интересы третьяго сословія и, какъ видите, называлъ эти интересы *именно общенародными*. Съ формальной стороны «построеніе» г. Воронцова ничѣмъ, ну ровно столько ничѣмъ не отличается отъ «построенія» аббата Сьейсса.

— За то содержаніе у меня другое, возразитъ г. Воронцовъ. Это мы увидимъ. Но, предупредивъ насъ же самихъ, мы внимательно отнесемъ къ этому содержанію: какъ знать? пожалуй, и въ нихъ общечеловѣческая абстрактная идея прасуется не нагашою, а въ какой нибудь классовой одеждѣ.

Теперь же замѣтимъ, что тропательная ссылка на вашу отста-

¹⁾ Тамъ же, стр. 84.

лесть не составляет оригинальнаго изобрѣтенія г. Воронцова. Это просто всероссійско-утопическая вариация на старую славянофильскую тему.

«Народъ сохранилъ въ себѣ запасъ силы непотраченной, уберечь свои коренныя начала, не поддався никакимъ опаснымъ искушеніямъ и соблазнамъ, не оскудѣлъ добровольнымъ участіемъ и согласіемъ никакого существеннаго нарушенія своего внутренняго строя, не уложился ни въ одну заготовленную форму заграничнаго издѣлія,—и этимъ своимъ безучастіемъ, бездѣйствіемъ, этою *благодѣтельною необходимостью* (курсивъ нашъ), такъ часто осмѣяною и непонятою, спасъ себя и насъ, и воздѣйствовала на оторванныхъ своихъ членовъ»¹⁾.

Удостоверившись въ «дѣтскойъ осетиннѣ социологін» г. Воронцова, переходимъ къ его *политической экономіи*.

¹⁾ Статья въ газетѣ «Дня», помѣщенная 14-го октября 1861 г. и напечатанная въ 2-мъ томѣ полнаго собранія сочиненій И. С. Аксакова.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Г. Воронцовъ какъ политико-экономъ.

Экономисты-классики твердо держались того мифа, что капитализмъ представляетъ собою единственный *нормальный* способъ производства, единственный экономическій порядокъ, который способенъ удовлетворить естественнымъ, неискаженнымъ требованиямъ челоуической природы ¹⁾. Неудивительно, поэтому, что тѣже экономисты считали законы, свойственные этому порядку, *естественными, вечными и непреложными законами общественнаго хозяйства*.

Такъ было въ золотое время буржуазной политической экономіи, въ эпоху ея пышнаго расцвѣта. Теперь это время уже давно прошло. Теперь буржуазная экономія давно уже извѣрнулась въ самое себя, и теорія естественныхъ законовъ народнаго хозяйства потеряла почти всякій кредитъ. Теперь надъ ними смѣются даже такіе люди, которые продолжаютъ еще по уши сидѣть въ предрассудкахъ старыхъ экономистовъ.

Г. Воронцовъ тоже не признаетъ вѣчныхъ и непреложныхъ

¹⁾ This division of labour, from which so many advantages are derived is not originally the effect of any human wisdom, which foresees and intends that general opulence to which it gives occasion. It is the necessary, though very slow and gradual, consequence of a certain propensity in human nature which has in view no such extensive utility, the propensity to truck, barter, and exchange one thing for another. Adam Smith, An inquiry into the nature and causes of the Wealth of Nations. B. I, ch. II.

экономических законовъ. На стр. 103 своихъ «*Очерковъ теоретической экономикѣ*» онъ заявляетъ это ясно и рѣзко.

«Новѣйшіе представители политической экономіи въ Англіи... признали, — говоритъ онъ тамъ — что созданное ихъ великими соотечественниками строеніе админе теоретической экономіи воспроизводитъ отношенія только опредѣленнаго экономическаго типа — большихъ промышленныхъ предпріятій (great concerns), господствующаго въ немногихъ, такъ называемыхъ коммерческихъ странахъ, и приложимо къ объясненію явленій въ какой либо отдельной странѣ лишь настолько, насколько послѣдняя измѣняетъ свою организацію соотвѣтственно именно этому типу. Это значитъ, что классическая политическая экономіа есть наука не общихъ, а частныхъ экономическихъ законовъ...»

Г. Воронцовъ не безъ схиства вспоминаетъ о тѣхъ ученыхъ, которые, во имя вѣчныхъ и непреложныхъ законовъ политической экономіи, осуждали нѣкоторыя требованія рабочихъ. Онъ правъ, когда сибегетъ надъ ними: теперь ихъ аргументація не можетъ не казаться смѣшною.

Но то обстоятельство, что классическая политическая экономіа есть наука частныхъ, а не общихъ экономическихъ законовъ, не мѣшаетъ, по мнѣнію г. Воронцова, «существованію въ ней немногихъ, настолько широкихъ обобщеній, что они могутъ считаться имѣющими всеобщее значеніе и въ свое время войдутъ составной частью въ отдѣлъ экономическихъ знаний, который по справедливости будетъ носить названіе общей экономикѣ»¹⁾.

Мы не станемъ спорить съ г. Воронцовымъ на счетъ названія будущаго «отдѣла экономическихъ знаний». Мы только попросимъ читателя принять къ свѣдѣнію, что существуютъ все-таки въ классической экономіи немногія широкія обобщенія, значеніе которыхъ особыя. Это очень хорошо. Но если такіе законы существуютъ, то очевидно, что будущая «общая экономикѣ» окажется не чѣмъ инымъ, какъ ученіемъ объ естественныхъ и непреложныхъ законахъ народнаго хозяйства вообще, т. е. о тѣхъ самыхъ законахъ, которыхъ всегдѣ буржуазные экономисты. Г.

¹⁾ Тамъ же, та же страница.

Воронцовъ строгъ, но въ то же время и милостивъ. Онъ сначала прикрикнулъ на буржуазныхъ экономистовъ за ихъ пристрастіе къ «естественнымъ законамъ», а потомъ пошелъ на уступки: ну ужъ такъ, молъ, и быть, пусть будутъ у васъ естественные законы, только помните, пожалуйста, господа, что ихъ не много и притомъ непремѣнно отнесете ихъ въ отдѣлъ общей экономикъ.

Прекрасно. Давайте же изучать тѣ «немногія обобщенія», которыя по справедливости могутъ носить названіе естественныхъ законовъ народнаго хозяйства и которыми уже сдѣланы экономистами-классиками.

Г. Воронцовъ—сторонникъ «теоріи цѣнности»; по его мнѣнію, она хороша, между прочимъ, тѣмъ, что «выражаетъ тѣ именно вѣчныя и существенныя отношенія производства, которыми цѣнность образуется, а не путаетъ производство съ распределеніемъ, измѣняющимся въ зависимости отъ промышленной организаціи общества»¹⁾.

Внимательный читатель уже отсюда видитъ, что собственно войдетъ въ тотъ отдѣлъ экономическихъ знаній, который по справедливости назовется общей экономикой. Въ него войдутъ вѣчныя и существенныя отношенія производства, не зависящія отъ промышленной организаціи общества. Какія же это отношенія? Къ сожалѣнію, г. Воронцовъ мало распространяется на ихъ счетъ, но, упоминая о нихъ, онъ цитируетъ Д. С. Милля²⁾. Обратимся и мы къ этому экономисту, котораго г. Воронцовъ называетъ любимымъ авторомъ русскаго читателя³⁾.

По мнѣнію Д. Ст. Милля законы производства не зависятъ отъ промышленной организаціи общества. Они опредѣляются съ одной стороны свойствами *внѣшней* природы, а съ другой—свойствами *внутренней, умственной и физической природы человека*,

¹⁾ «Очеркъ теорет. экономикъ», стр. 88.

²⁾ «Каковы бы ни были различія ученыхъ въ мнѣніяхъ относительно распределенія продуктовъ—ноя признають, что законы производства не зависятъ отъ экономическаго типа общества, что они, по выраженію Милля, имѣютъ характеръ истины, о коихъ говорятъ естественныя нужды». Очеркъ теорет. эконом., стр. 60.

³⁾ Тамъ же, стр. 44.

короче—*коренными качествами материи и мысли*. Мы не можем изменить этих качеств, а потому во от нашей воли зависят и законы производства. Мы должны подчиниться им так же, как подчиняемся законам природы. На то съ явлениями распределенія. Принципы его зависят от сознания и воли людей, от законов и обычаев, от мнѣній и желаній правящей части общества. Въ нихъ нѣтъ ничего вѣчнаго и неизмѣннаго¹⁾.

Другими словами, подъ законами и условіями производства Д. Ст. Милль понимаетъ тѣ законы и условія, которыми опредѣляются, въ производительномъ процессѣ, *отношенія человека къ природѣ*. Не трудно согласиться съ тѣмъ, что «коренныя качества» материи и мысли неизмѣнны и ни въ какомъ случаѣ не зависятъ отъ воли людей. Но неизмѣнность «коренныхъ качествъ» материи и мысли еще не обуславливаетъ собою неизмѣнности тѣхъ отношеній, которыя устанавливаются, благодаря производству, между человекомъ и природой. Самъ Д. Ст. Милль справедливо замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ своего труда (именно во Введеніи), что условія производства зависятъ, строго говоря, не отъ качествъ материи, а отъ того, насколько эти качества известны людямъ даннаго мѣста и времени. Что же касается знаній и ихъ распространенія въ обществахъ, то онъ, по мнѣнію того же Д. Ст. Милля, «будучи отчасти причинами, являются отчасти слѣдствіями того состоянія, въ которомъ находится производство и распределеніе». Выходитъ, что *условія* производства вовсе не такъ неизмѣнны, какъ это казалось тому же Д. Ст. Миллю. Но можетъ быть измѣняется только *условія* производства, законы же его остаются неизмѣнными? Д. Ст. Милль не разграничиваетъ въ этомъ отношеніи условій производства отъ его законовъ; онъ говоритъ: «законы и условія производства имѣютъ характеръ истинъ, о какихъ говорятъ естественныя науки. Въ нихъ нѣтъ ничего зависимаго отъ воли, ничего такого, что можно было бы измѣнить». Но имъ предположить, что онъ плохо выразилъ свою мысль, что на самомъ дѣлѣ неизмѣнными онъ считалъ только законы

¹⁾ См. первую главу второй книги его «Политической экономіи».

производства. Возьмемъ великій законъ раздѣленія труда, столь важный не только для политическаго-экономнаго, но и для биологическаго. Этотъ законъ, повидимому, съ полнымъ правомъ можно приурочить исключительно къ «кореннымъ качествамъ» матеріи и мысли. Но спрашивается, вездѣ ли и всегда ли дѣйствуетъ этотъ законъ. Известно, что на первоначальныхъ ступеняхъ общественнаго развитія раздѣленіе труда существуетъ, можно сказать, въ зачаточномъ состояніи. Да и въ капиталистическомъ обществѣ «раздѣленіе труда, какъ это известно всѣмъ экономистамъ, ограничивается рамками рынка». Часто оно зависитъ отъ характера производительной дѣятельности¹⁾. То же приходится сказать и о размѣрахъ производства. Большой размѣръ производства, вообще говоря, выгоды не приноситъ. Это, можно сказать, общій и неизмѣнный законъ производства. Но возможность примѣненія крупнаго производства опять зависитъ прежде всего отъ размѣровъ рынка²⁾. Что же выходитъ? Выходитъ, что даже дѣйствительно неизмѣнные законы производства зависятъ, въ своемъ дѣйствіи, отъ постоянно измѣняющихся общественныхъ отношеній. Разъ существуетъ раздѣленіе труда въ производствѣ продуктовъ,—оно повліяетъ на производство именно такъ, а не иначе. Но самое существованіе его зависитъ не отъ «коренныхъ качествъ» матеріи и мысли, а отъ взаимныхъ отношеній людей въ общественномъ процессѣ производства. Разъ появляется крупное производство рядомъ съ мелкимъ, оно непременно окажется болѣе успешнымъ. Но явится оно или нѣтъ, и когда именно явится,—это опять таки опредѣляется не коренными качествами матеріи и мысли, а названными отношеніями людей въ указанномъ процессѣ³⁾. Что же касается этихъ отношеній, то самъ Д. Ст. Милль не считалъ ихъ вѣчными и неизмѣнными.

¹⁾ Д. Ст. Милль, *Л. с. н.* I, гл. VIII, § 6.

²⁾ *Ibidem*, н. I, гл. IX, § 3.

³⁾ Soweit der Arbeitsprocess nur ein blosser Process zwischen Mensch und Natur ist, bleiben seine einfachen Elemente allen gesellschaftlichen Entwicklungsformen desselben gemein, unabweichend hervorzuheben eine materielle Wirklichkeit. Aber jede bestimmte historische Form dieses Processes entwickelt weiter die materiellen Grundlagen und gesellschaftlichen Formen desselben.

Да и много ли этих вечных законов производства, независимых от «промышленной организации общества»? Отец Д. Ст. Милля, Джеймс Милль, в своих «Начинах политической экономии» посвящает отряду «производство» ровно пять маленьких страницек¹⁾. Да и на этих страницах Джеймс Милль, заданнй целью исследовать, «каковы те законы, которые регулируют производство богатств», поддосать намъ такая истины. «Для производства безусловно необходимы двѣ вещи: трудъ и капиталъ», «часто случается, что работники бѣдны, потому является раздѣленіе на классы: классъ работниковъ и классъ капиталистовъ» и пр.²⁾ Читатель видитъ, что эти, впрочемъ весьма почтенныя, истины не имѣютъ прямого отношенія къ вечнымъ и неизмѣннымъ законамъ производства.

У Милля-сына отрядъ, посвященный производству, несравненно обширнѣе. Но это единственно потому, что этотъ писатель вообще гораздо многословнѣе своего отца. О вечныхъ законахъ производства мы узнаемъ отъ него не больше, чѣмъ отъ Джеймса Милля, и потому сильно опасаемся, что будущая общія экономиста г. Верещагина «по справедливости» будетъ считаться всеякъ *тойже наукой*.

А что сказать о взглядахъ Д. Ст. Милля на «принципы» распределенія? Правила, которыми оно опредѣляется, создаются сознаниемъ и волей людей, «мнѣніями и желаніями правящей части общества». Если понимать эти слова въ ихъ буквальномъ смыслѣ, то получается довольно таки порядочная бессмыслица.

Возьмемъ капиталистическое общество. Правила, которыми опредѣляется распределеніе продуктовъ въ этомъ обществѣ, созданы мнѣніями и желаніями господствующей его части, т. е. капиталистовъ. Если это такъ, то выходитъ, что капиталисты господствовали въ западно-европейскомъ обществѣ уже въ то время, когда еще не существовалъ извѣстнѣй способъ распределенія продуктовъ, который явился будто-бы лишь благодаря тому, что они стали господствовать, быть созданы ими. Но вѣдь всѣмъ пони-

¹⁾ Мы считаемъ по французскому переводу его книги, вышедшему въ Парижѣ въ 1823 году.

²⁾ Л. с. р. 10.

нать, что въ то время капиталисты не были и не могли быть господствующей частью западно-европейскаго общества. Иначе сказать, по прямому смыслу словъ Д. Ст. Милля выходитъ, что капиталистическій способъ распределенія предполагаетъ господство капитализма. Но такъ какъ господство капитализма въ свою очередь предполагаетъ капиталистическое распределение продуктовъ, то мы попадаемъ въ замкнутый кругъ.

Кромѣ того, если правила, которыми опредѣляется распределение, действительно зависятъ только отъ сознания и воли людей, то трудно понять, какимъ образомъ изученіе этихъ [правилъ можетъ стать задачей политической экономіи. Въ этомъ случаѣ рациональнѣе было бы отнести ихъ въ ту область общественной науки, которая занимается или должна была бы заниматься исторіей идей. Если вспомнить къ тому же, что законы производства опредѣляются коренными качествами матеріи и мысли, и что эти коренныя качества тоже не могутъ быть предметомъ политической экономіи, то область этой науки сузится до послѣдней степени: нельзя будетъ и сказать сколько нибудь опредѣленно, чѣмъ же собственно она занимается.

Д. Ст. Милль самъ чувствуетъ это и потому спѣшитъ оговориться. «Мысли и чувства людей, замѣчаетъ онъ, конечно не зависятъ отъ случая, они опредѣляются основными законами человѣческой природы и состояніемъ знаній и опыта въ каждое данное время, нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ людей и общественными учрежденіями. Но законы, опредѣляющіе происхожденіе человѣческихъ мыслей, не входятъ въ тотъ предметъ, которымъ мы теперь занимаемся: они составляютъ часть общей теоріи человѣческаго прогресса, т. е. области изслѣдованія, гораздо болѣе обширной и трудной, чѣмъ политическая экономія. Мы должны изучать здѣсь не причины, а слѣдствія тѣхъ правилъ, по которымъ можетъ совершаться распреденіе...

Люди могутъ управлять своими поступками, но не тѣми послѣдствіями, которыя вытекаютъ изъ этихъ поступковъ для нихъ самихъ, или для ихъ ближнихъ. Общество можетъ подчинить распреденіе богатствъ правиламъ, которыя оно считаетъ наи-

лучшими, но только наблюдение и опыт ведут къ познанію практическихъ результатовъ, вытекающихъ изъ этихъ правилъ»¹⁾.

Во введеніи дѣлается та же оговорка. «Законы распределенія не безусловно изыты отъ произвола: они отчасти создаются самими людьми, потому что способъ распределенія богатствъ въ данномъ обществѣ зависитъ отъ господствующихъ въ немъ учреждений и обычаевъ. Но если правительства или нація имѣютъ власть опредѣлять, какія должны существовать учрежденія, то они не могутъ произвольно опредѣлять, въ какомъ направленіи будутъ дѣйствовать эти учрежденія».

Другими словами эту мысль можно выразить такъ: быть или не быть, положимъ, капитализму, — это зависитъ отъ сознанія и воли людей, отъ «правительства или націи»; но разъ онъ существуетъ, то люди уже не могутъ избавиться отъ тѣхъ послѣдствій, къ которымъ роковымъ образомъ приводитъ его существованіе. Эти-то неизбежныя послѣдствія данной системы учреждений, эти-то независимыя отъ сознанія и воли людей экономическія явленія и составляютъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми основными законами производства, предметъ политической экономіи. Такимъ образомъ, и по Д. Ст. Миллю выходитъ, что *жизніа распределенія подлежатъ вѣднію науки лишь постольку, поскольку они не зависятъ отъ сознанія и воли людей.*

«Разъ намъ извѣстно, каковы тѣ индивидуумы, между которыми распределяются продукты, — говоритъ Милль-отецъ («индивидуумы» являются у него представителями общественныхъ классовъ), намъ остается узнать, какими законами опредѣляется относительная величина тѣхъ частей, на которыя эта масса подраздѣляется»²⁾. Послѣ довольно длиннаго обхода Милль-отецъ рѣшаетъ въ отдѣлѣ о распределеніи именно эту задачу. Почему же онъ не прямо подошелъ къ ней, а предварительно распространялся о зависимости «принциповъ распределенія» отъ желаній и мнѣній господствующей части общества? ~~+~~ ~~*~~

Тутъ сказался духъ времени. Экономисты-классики считали

¹⁾ Книга II, гл. I, стр. 82.

²⁾ Л. с. р. 15.

естественными, и въ этомъ смыслѣ независимыми отъ воли и сознанія людей, все «принципы» капиталистическаго хозяйства. Милль-онъ признавалъ, что капиталистическая система сама есть продуктъ длиннаго историческаго движенія и что ошибочно считать ее единственною «нормальною» и, такъ сказать, единственною системою народнаго хозяйства. Поэтому онъ отказался признать «принципы» капиталистическаго распределенія естественными и непреодолимыми. Но историческое происхожденіе этихъ «принциповъ» осталось для него темнымъ. Онъ приурочилъ его къ мнѣніямъ и желаніямъ господствующей части общества, къ сознанію и волѣ людей. Благодаря этому онъ вернулся къ точкѣ зрѣнія французскихъ просвѣтителей 18-го вѣка. «Мнѣнія править міромъ» говорили просвѣтители. Мнѣніями опредѣляются принципы распределенія, говоритъ Д. Ст. Милль. Но и эта точка зрѣнія кажется ему уже не вполне удовлетворительною. Мнѣнія «правятъ міромъ» не случайны; они имѣютъ свою исторію. Чѣмъ же обуславливается ихъ историческое развитіе? И на этотъ вопросъ Д. Ст. Милль сначала отвѣчаетъ такъ, какъ отвѣчали просвѣтители, когда имъ случалось задуматься надъ ними: историческое развитіе мнѣній опредѣляется основными законами чело- + вѣческой природы. И опять онъ чувствуетъ неудовлетворенность этого отвѣта; онъ сознаетъ, что если основныя свойства чело- вѣческой природы неизмѣнны, то они не могутъ объяснить тѣхъ переменъ, которыя совершаются во мнѣніяхъ людей. Онъ указываетъ на состояніе знаній и на общественныя учрежденія. Въ концѣ концовъ оказывается, что общественныя учрежденія опредѣляются мнѣніями, а мнѣнія — общественными учрежденіями. + Понятно, что во всемъ этомъ нѣтъ и тѣни научнаго рѣшенія вопроса. Впрочемъ, Д. Ст. Милль едва ли претендовалъ на такое рѣшеніе. Его взглядъ на принципы распределенія представляеть собою скорѣе компромиссъ между старою политико-экономическою догматикой, изъ подъ власти которой ему такъ и не удалось выйти, и болѣе или менѣе передовыми стремленіями его времени. Этотъ взглядъ изготовленъ по формулѣ: надо сознаться, хотя + нельзя и не признаться. * *Вопрос не решенъ*

Въ шестидесятыхъ годахъ даже и очень даровитому русскому

писателю позволительно было не замечать, как много теоретически несостоятельного в приведенном взгляде Д. Ст. Милля. Но теперь эта несостоятельность прямо бросается в глаза и не видеть ее могут только совершенно отсталые в экономической науке или от «природы» слепые люди. Мы не беремся решать, к какой из этих двух категорий принадлежит наш любимый автор, г. Воронцов.

Но всего удивительнее то, что г. Воронцов смешивает принадлежащее Д. Ст. Миллю вечно законы производства с *«производственными отношениями»*. Между тем, это совсем не одно и то же. Отношения производства в современной науке называются как раз то, что Д. Ст. Милль называл *«принципами распределения»*, *правилами, по которым оно совершается*. В капиталистическом обществе продукт общественного труда всякого данного года распределяется между предпринимателями и работниками (мы предполагаем для простоты, что предпринимателям целиком достается вся прибавочная стоимость). По терминологии Д. Ст. Милля это основной «принцип» распределения в капиталистическом обществе. И это, конечно, справедливо. Но чем обуславливается существование и действие этого принципа? *Взаимными отношениями общественных классов к самому процессу производства*. Это прекрасно знали еще старые экономисты: напомним сделанные нами выше выписки из книги Милля-отца. Следовательно, основные «принципы распределения» вполне совпадают с тем, что называется теперь *отношениями производства*: они составляют, по замечанию цитированного нами выше немецкого писателя, *лишь обратную сторону этих отношений*. Допустим, что Д. Ст. Милль не ошибся, когда говорил, что основные принципы распределения зависят от знания и воли людей. Тогда тоже самое нужно будет сказать и об отношениях производства. Но тогда надо будет признать, что в этих отношениях нет ровно ничего внешнего и неизменяемого (существенного, как говорит г. Воронцов); что они, вопреки мнению г. Воронцова, *взаимиком вместе с «промышленной организацией общества»*. А если Д. Ст. Милль неправ, если *«принципы распределения»* и общественные отношения произво-

должен отъ взглядовъ, сознанія и воли людей не зависеть, то приходится выбирать одно изъ двухъ: или объяснить «вѣчными и существенными», необходимо вытекающими изъ природы человека, «производственными отношеніями» какой-нибудь одной исторической эпохи и смотрѣть на отношенія производителей, свойственными другимъ эпохамъ, какъ на неизмѣнтельное наскіе надъ человѣческой природой; или же надо позабыть о «вѣчныхъ и существенныхъ» отношеніяхъ производства и, — признавъ, что все течетъ и все измѣняется, — стараться объяснить историческую смѣлу «производственныхъ отношеній» дѣйствіемъ той или другой причины, лежащей внѣ человѣческаго сознанія и только вліяющей на него черезъ посредство названныхъ отношеній. Но ни въ какомъ случаѣ нельзя, ссылаясь на Д. Ст. Милля, противопоставлять принципамъ распределенія тѣ самыя отношенія производства, которые, повторяемъ, и по Миллю-отцу, и по Миллю-сыну, и по всемъ другимъ экономистамъ, и по «природѣ» вещей, и по здравому смыслу представляють собою лишь обратную сторону названныхъ принциповъ.

«Феноменъ цѣны» имѣеть, по справедливому замѣчанію г. Воронцова, очень «важное значеніе въ товарномъ хозяйствѣ». Отсюда «становится понятнымъ, почему ученіе о цѣнности занимаетъ центральное положеніе въ наукѣ и имѣть болѣе или менѣе виднаго экономиста, который, внеси что либо новое въ науку, не приложилъ бы свою руку и къ объясненію явленій цѣны. Но цѣна не есть самостоятельное явленіе; она — денежное выраженіе чего-то другого, аменюемаго стоимостью, цѣнностью, и интересующій насъ вопросъ заключается въ томъ — что же такое эта цѣнность предметовъ потребленія?»¹⁾

Изъ этого неуклюжаго отрывка видно, что г. Воронцовъ тоже собирается приложить свою руку къ объясненію явленій цѣны и цѣнности.

Мы уже знаемъ, что онъ защищаетъ «трудовую теорію цѣнности» и защищаетъ ее съ точки зрѣнія вѣчныхъ и существенныхъ отношеній производства. Такъ какъ взглядъ его на эти

¹⁾ Очерки теоретической экономіи, стр. 44.

отношения, можно сказать, совершенно неосуществимы, то спрашивается, нетъ ли какихъ странностей и въ его ученіи о стоимости ¹⁾).

«Трудовая теорія цѣнности...—не новость въ наукѣ;—говорить г. Воронцовъ—она принимается выдающимися экономистами, но до послѣдняго времени не проводилась строго систематически: развивая ее во вступительной, такъ сказать, части ученія о цѣнности, экономисты замѣняли «трудъ» «издержками производства», когда обращались къ приложенію теоріи къ объясненію явленій текущей дѣйствительности. Подъ издержками же производства понимались матеріальныя затраты, сдѣланныя предпринимателемъ-капиталистомъ. Очевидно, что мы имѣемъ здѣсь смѣшеніе частной точки зрѣнія съ общественной, и что трудъ и издержки производства, понимаемы въ указанномъ смыслѣ, не одно и то же» ²⁾).

Въ доказательство того, что трудовая теорія цѣнности «не проводилась строго систематически» и сводилась къ ученію объ издержкахъ производства, г. Воронцовъ указываетъ опять на Д. Ст. Милля. Д. Ст. Милль дѣйствительно смѣшивалъ «трудъ» съ «издержками производства». Можетъ быть, Д. Ст. Милль и былъ выдающимся экономистомъ. Но то несомнѣнно, что не мало выдающихся экономистовъ было и раньше его. Чрезвычайно выдающимся экономистомъ былъ, напримѣръ, Д. Рикардо, который сдѣлалъ для политической экономіи несравненно больше, чѣмъ Д. Ст. Милль. Смѣшивалъ ли Д. Рикардо «трудъ» съ «издержками производства»? Изъ приведенныхъ нами словъ г. Воронцова, повидимому, слѣдуетъ, что да. На стр. 51 «Очерковъ теоретической экономіи» ученіе Д. Рикардо о стоимости тоже излагается такъ, что можно подумать, будто гениальный англійскій экономистъ грѣшилъ тѣмъ самымъ грѣхомъ, которому, «до послѣдняго времени» грѣшили, по словамъ г. Воронцова, выдающиеся экономисты. На стр. 89 названныхъ «очерковъ» г. Воронцовъ опять повторяетъ, что экономисты-классики отклонились «отъ установленнаго ими трудового начала цѣнности» и создали «теорію издержекъ производства». Слѣдовательно, никакое сомнѣніе невозможно: ясно, что

¹⁾ Г. Воронцовъ употребляетъ выраженіе — цѣнность — разнѣе съ выраженіемъ — стоимость. Мы удивились это послѣднему, какъ болѣе употребительное.

²⁾ Очерки, стр. 73.

Рикардо «отклонился» вместе съ другими выдающимися экономистами. А между тѣмъ этого не было. Рикардо вовсе не «отклонился», чего ему до сихъ поръ не могутъ простить очень многие, выдающиеся и «исвыдающиеся», вульгарные экономисты. Если бы г. Воронцовъ далъ себѣ трудъ внимательно прочесть цитируемое имъ сочиненіе Рикардо («Начала политической экономіи»), то онъ не сказалъ бы того, что говорить безъ всякаго основанія и, повидному, безъ всякой надобности.

Правда, по мнѣнію Рикардо, въ современномъ обществѣ нередки случаи, когда законъ стоимости сталкивается съ закономъ равнаго уровня прибыли, и это столкновение разрѣшается въ ущербъ стоимости ¹⁾. Можетъ быть именно потому г. Воронцовъ и отнесъ Рикардо къ числу экономистовъ, смѣшивающихъ понятіе «трудъ» съ понятіемъ «надоржки производства»? На этотъ вопросъ мы отвѣтимъ ниже, и когда мы отвѣтимъ на него, тогда окажется, пожалуй, что г. Воронцовъ имѣлъ свои «субъективныя» основанія для неправильнаго изложенія взгляда Рикардо. Теперь же посмотримъ, въ чемъ состоитъ то строго систематическое проведеніе теоріи трудовой стоимости, на которое претендуетъ авторъ «очерковъ теоретической экономіи».

Что такое стоимость по ученію г. Воронцова?

Стоимость «не составляетъ явленія, свойственнаго одному какому либо экономическому типу цивилизованнаго общества, а присуща послѣднему на всѣхъ ступеняхъ его развитія и служитъ ему для регулированія производства предметовъ потребленія» ²⁾. Кто пойметъ это, тотъ одѣлаетъ «важный шагъ» въ пониманіи стоимости.

Не сомнѣваясь въ томъ, что читателю приятно будетъ сдѣлать этотъ важный шагъ въ обществѣ г. Воронцова и подѣ его надежнымъ руководствомъ, мы уступаемъ слово нашему авторитетному экономисту.

¹⁾ Principles, chap. I, section IV: «The principle that the quantity of labour bestowed on the production of commodities regulates their relative value, considerably modified by the employment of machinery and other fixed and durable capitals».

²⁾ Очеркъ, стр. 60—61.

«Но регулировать производство—значит распределять производительные силы общества таким образом, чтобы получилось соответствие между массов различных продуктов и теми потребностями, удовлетворить которым они призваны. Для достижения же указанной цели регулирование должно основываться на отношении, существующем между различными предметами потребления и производительными условиями, необходимыми для доставления их человеку; производительные силы общества должны быть распределены между промышленными отраслями соответственно затратам этих сил, требующимся для производства соответствующих продуктов. Таким образом, для правильного течения экономической жизни, план производства должен основываться на учете тех условий, помощью которых достигается приготовление людьми различных предметов потребления, и рынок, давая свои указания производителю, по необходимости должен пользоваться теми же средствами. Отсюда видно, что ценность, это—сумма затрат производительных сил, требующаяся для доставления человеку данного предмета или вещи, находящиеся в прямом количественном соответствии с этой затратой. В обоих случаях сущность дела, то, что характеризует рассматриваемый феномен по существу и изъ чего вытекает ряд явлений, в результате которых оказывается соответствие произведенных продуктов потребностям общества—заключается именно в издержках производства, трате производительных сил»¹⁾.

Экономисты-классики грѣшили тѣмъ, что, начиная съ «труда», приходили къ «издержкамъ производства». Г. Воронцовъ, «строго систематически» излагающій теорію трудовой стоимости, приводит насъ тоже къ «издержкамъ производства», но къ издержкамъ особаго рода, заключающимся въ «затратахъ производительныхъ силъ». О какихъ производительныхъ силахъ можетъ здѣсь идти рѣчь? Ясно, что эти «силы» сводятся въ действительности къ одной силѣ, которая называется рабочей силой человека. Стоимость всякаго даннаго товара опредѣляется коли-

¹⁾ Очерки, стр. 61.

чеством труда, необходимого для его производства. Стоимость не изменилась бы, если бы это количество оставалось неизменным. Но оно изменяется вместе с изменением *производительности труда*. Положим, что производительность труда, затрачиваемого на производство данного товара, удваивается. Это значит, что на производство этого товара из прежних количеств требуется теперь *одное меньше труда*, чем требовалось прежде. Поэтому стоимость его будет *одное меньше*. Если на производство данного продукта нужно теперь затратить вдвое меньше труда, чем прежде, то, конечно, можно сказать, что теперь его изготовление причинит вдвое меньше хлопот или затрат или издержек или и т. д., но такой способ выражения едва ли соответствует «строго систематическому проведению» теории трудовой стоимости. Положим, г. Воронцов употребляет его лишь временно. Запутав им мысль читателя в своем определении стоимости, он сам старается, сколько может, вывести эту мысль на настоящую дорогу и переходить к более точной терминологии. Его временная терминологическая путаница является своего рода педагогическим приемом. Но всякий видит, что подобные приемы до крайности неудачны. Они свидетельствуют лишь о неясности мысли самого автора.

Как бы там ни было, «сущность дела» сводится к тому, что производство всякого данного продукта предполагает известную затрату человеческого труда. И это обстоятельство наблюдается, по словам г. Воронцова, всегда и всюду, независимо от той промышленной организации, которая свойственна обществу в данное время. Это понятно, так понятно, что нас удивляет осторожность г. Воронцова, когда мы слышим от него, что стоимость, «*одна из элементов, лежащих в основании общества*» (курсив наш), является «*феноменом, без которого вряд ли может обойтись какая либо более или менее сложная экономическая организация общества*» (стр. 59). Нам неясны, кроме того, следующие слова г. Воронцова: «*понятие более или менее сложного общества в его экономических отношениях немислимо без понятия ценности*. В зародившемся состоянии мы его найдем на всех ступенях развития социального орга-

низна» (ibid.). Выходит, что есть такая ступень общественного развития, на которой *помысли* о цѣнности находится въ зародышевомъ состояніи. Это ли хочетъ сказать г. Воронцовъ? Или мы плохо его понимаемъ? Можетъ быть онъ имѣетъ здѣсь въ виду не *помысли* о цѣнности, а самый «*феномен*» ея? Но вѣдь стоимость («цѣнность») — «это сумма затратъ производительныхъ силъ, требующихся для доставленія человеку данного предмета». Неужели этотъ «феноменъ» является лишь при болѣе или менѣе сложной организаціи общества; неужели есть такая ступень общественнаго развитія, на которой эта «сумма» находится въ зародышевомъ состояніи? Если да, — то какія это ступени? Дикое состояніе? Да развѣ же дикари не тратятъ труда на приготовленіе нужныхъ для нихъ предметовъ, развѣ эти предметы не встрѣчаются готовыми въ природѣ? Производительныя силы дикарей *мыслюмы*; по *тѣмъ* большаго труда стоятъ имъ эти предметы. Число такихъ предметовъ крайне ограничено. Но изъ этого ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ, что ихъ *трудоваа* стоимость находится въ зародышевомъ состояніи ¹⁾.

«Понятіе цѣнности возникло изъ наблюденія мѣнового хозяйства, что и выражается терминомъ «мѣновая цѣнность». Но изъ этого ни коимъ образомъ не слѣдуетъ заключать, что илленіе, обозначаемое приведеннымъ словомъ, свойственно лишь товарному укладу общества; что въ этой организаціи исчезаетъ надобность въ свойствѣ предмета, называемомъ цѣнностью, въ томъ «нѣчто», что составляетъ сущность цѣнности и скрыто подъ денежною ея формою» ²⁾.

¹⁾ То правда, что въ обществахъ товарнопроизводителей конкуренція понуждаетъ этихъ послѣднихъ, подъ страхомъ поразенія на рынкѣ, считаться съ трудоваа стоимостью своихъ продуктовъ болѣе, чѣмъ считались съ нею при господствѣ тааъ называемаго натурального хозяйства. „In allen Zuständen musste die Arbeitsekt, welche die Production der Lebensmittel kostet, dem Menschen interessieren, obgleich nicht gleichmässig auf verschiedenen Entwicklungsstufen. Но отсюда „сма-ла“ и до „зародышеваго состоянія“ — далеко; намъ слѣдуетъ, что общество „сма-ла“ можетъ тогда либо „обойтись“ безъ одного изъ тѣхъ „элементовъ“, которые „лежатъ въ его основаніи“. Удивительная логика у г. Воронцова!

²⁾ Очерки, стр. 55.

Цѣнность, это—сумма затратъ производительныхъ силъ, требующихся для доставленія человеку, данному предмету. И эта сумма затратъ есть свойство предмета, въ которомъ (свойствѣ!) люди имѣютъ нѣобходимость (!) не только при товарномъ укладѣ общества. Что это? Какъ это?

Г. Воронцовъ, не обращая вниманія на наше недоумѣніе, идетъ далѣе. «Думать такимъ образомъ (т. е. познать, что видъ товарнаго производства людямъ уже неуживо указанное «свойство предмета». Авт.)—значитъ смотрѣть слишкомъ узко на роль рынка въ современномъ обществѣ; считать, что его задача—выразить не существенныя экономическія отношенія, присущія обществу на всѣхъ ступеняхъ его развитія, а лишь тѣ, которыя свойственны только товарной его формѣ. Считаю мѣну—механическое передвиженіе предметовъ, частнаго обладанія изъ однихъ рукъ въ другія—единственной функціей рынка, естественно заключить, что и орудіе, при помощи котораго совершается обмѣнъ—цѣна и скрывающаяся за нею цѣнность—имѣютъ смыслъ только пока предметъ является на рынокѣ представителемъ отдѣльнаго, самостоятельнаго производителя. Но послѣ того, что мы уже говорили о роли рынка, такое представленіе о немъ невозможно, а потому и цѣнность, черезъ посредство которой совершаются всѣ существеннѣйшія отправленія экономической жизни, отправленія, безъ которыхъ немисленно существованіе общества, утрачиваетъ элементъ случайности»¹⁾. Изъ этихъ словъ видно, что, по мнѣнію г. Воронцова, обмѣнъ совершается при помощи особаго орудія, которымъ служитъ «цѣна и скрывающаяся за нею цѣнность», и что только при узкомъ взглядѣ на роль рынка можно приписать этому орудію элементъ случайности (?). Неожиданное презращеніе «сумма затратъ производительныхъ силъ» въ орудіе обмѣна (Господи, твоя воля!) удивитъ всякаго читателя, непривычнаго къ нѣскольکو темному языку нашего любимаго автора. Намъ кажется, что мы уже научились понимать этотъ языкъ, а потому мы спѣшимъ разъяснить «сущность» мысли г. Воронцова. Прежде всего читатель долженъ припомнить, что, по

¹⁾ Очерки, стр. 58—59.

учеию этого не-классического экономиста, стоимость (цѣнность) регулируетъ производство, распределяетъ производительныя силы общества такимъ образомъ, чтобы полученные продукты соответствовали общественнымъ потребностямъ. Въ качествѣ такого регулятора, цѣна и скрывающаяся за нею цѣнность (стоимость) и является, по г. Вероцову, орудіемъ обмѣна. Намъ слажутъ, вѣроятно, что тѣмъ не менѣе это величайшій вздоръ, такъ какъ орудіе обмѣна совсѣмъ не то, что стоимость. Мы спорить и преклоняться не будемъ и только попросимъ читателя идумать вмѣстѣ съ нами въ распределяющую дѣятельность стоимости.

«Сумма затратъ производительныхъ силъ» распределяетъ производительныя силы общества. Это опять выражено очень нескладно, но это значитъ вотъ что. У даннаго общества существуютъ потребности: потребность въ пищѣ, въ одеждѣ, въ жилищахъ, въ отопленіи жилищъ и т. п. Производство предметовъ, нужныхъ для удовлетворенія этихъ потребностей, предполагаетъ известную затрату труда; величина этой затраты на различныхъ стадіяхъ развитія общественныхъ производительныхъ силъ будетъ различна, но въ каждое данное время ее можно считать определенной: можно сказать, что для производства такихъ то предметовъ, т. е. для удовлетворенія такой то потребности, нужно столько то рабочихъ часовъ, для удовлетворенія другой — вотъ сколько и т. д. Разъ общество нашло, что такія то его потребности должны быть удовлетворены въ такомъ то размѣрѣ, — оно тѣмъ самымъ рѣшило, сколько работниковъ должно вѣстись за одинъ родъ труда, сколько за другой и т. д. Если производительность труда возрастетъ въ какой нибудь отрасли промышленности, между тѣмъ какъ размѣръ старыхъ общественныхъ потребностей останется неизмѣннымъ, то въ распоряженіи общества окажется свободная рабочая сила, вследствие чего оно можетъ перейти къ удовлетворенію какой-нибудь новой потребности. Распределеніе рабочей силы общества сообразно съ его потребностями вовсе не такая легкая и простая задача, какъ это можетъ, пожалуй, показаться съ перваго раза. Но какъ бы тамъ ни было, задача эта, тѣмъ или инымъ способомъ, рѣшается, и при ея рѣшеніи приходится, разумѣется, прежде всего принимать въ соображеніе

производительность труда в различных отраслях производства: каждая ошибка в этом отношении приведет к большому или меньшему несоответствию между общественными потребностями с одной стороны и количеством или качеством продукта общественного труда — с другой. Все это ясно как солнце и вот эту то простую истину г. Воронцов преподносит нам, — валагая ее слогом Василия Кирилловича Тредьяковского — как нечто позабытое экономистами-классиками, как соображение, разоблачающее, наконец, «вѣчныя и существенныя отношенія производства».

Отношеніе чего къ чему? Отношеніе общественной рабочей силы къ общественнымъ потребностямъ. Но, какъ ни «существенно» это отношеніе, оно не можетъ быть названо вѣчнымъ и неизмѣннымъ, во-первыхъ, по тому, что варьируется производительность общественного труда, а во-вторыхъ, по тому, что общественная потребность, сегодня признаваемая насущною, завтра можетъ перестать признаваться таковою. Возьмемъ примѣръ. Когда египетскій фараонъ Хеопсъ рѣшилъ соорудить свою знаменитую пирамиду, онъ, конечно, долженъ былъ принять (черезъ посредство своихъ чиновниковъ) въ соображеніе то количество труда, которое нужно было для ея постройки, и хотя приблизительно сосчитать число тѣхъ, зачисленныхъ государству, работниковъ, которыхъ онъ могъ привлечь къ этому дѣлу въ такомъ-то году до Р. X.

Онъ, похубогъ и полновластный представитель государства, не могъ отнѣнить дѣйствіе того «вѣчнаго и неизмѣннаго закона», по которому продуктъ можетъ быть произведенъ только тогда, когда находится въ наличности необходимая для него рабочая сила. Но у г. Воронцова рѣчь идетъ о *регулируемѣмъ производствѣ*, о соотношеніи между *потребностями* даннаго общества и его *рабочей силой*. Потребность въ постройкѣ пирамиды, которую Хеопсъ признавалъ насущною общественной потребностью, очевидно, не была слѣдствіемъ упомянутаго вѣчнаго «закона». Откуда же вышла она? Чтобы эта потребность могла возникнуть и получить признаніе, необходимо было существованіе известныхъ общественныхъ отношеній, которыя въ свою очередь

натскали изъ взаимныхъ отношеній производителей въ общественномъ процессѣ производства, изъ того, что г. Воронцовъ называетъ *промышленной организацией общества*. Также приходится связать и объ *удовлетвореніи* этой потребности. Оно необходимо предполагало не только известную степень развитія общественныхъ производительныхъ силъ, но также и соответствующія этой степени *общественныя отношенія производителей*, позволившія фараону распоряжаться тѣмъ, что мы назывемъ теперь прибавочнымъ трудомъ агихъ производителей. Значеніе «*промышленной организации общества*» складывается, следовательно, и здѣсь не менѣе сильно. «*Регулированіе производства*» невозможно иначе какъ при наличности *общественныхъ потребностей*, «*принциповъ распределенія*», *общественныхъ отношеній производителей*, «*промышленной организации общества*», (т. е. при наличности *доммы* для регулированія), а г. Воронцовъ хочетъ увѣрить насъ, что оно можетъ совершаться независимо отъ этой организациі и «*можетъ быть построено лишь на существеннѣйшихъ производственныхъ отношеніяхъ*», т. е. на тѣхъ отношеніяхъ, которыя, какъ мы уже видѣли, г. Воронцовъ называетъ «*производственными*» лишь по недоразумѣнію.

Если дикарь-охотнику его лукъ стоить семи дней, а дичина стрѣль двухъ дней труда, то олъ, разумѣется, не ошибется въ опредѣленіи трудовой стоимости своихъ стрѣль и своего лука. Дикарь охотникъ знаетъ не хуже г. Воронцова, что производство всякаго даннаго продукта человеческого труда требуетъ затраты известнаго количества этого труда, и что если это количество труда не затрачено, то продукта совсѣмъ не будетъ, или олъ останется «*въ зародышевомъ состояніи*». Это само собою понятно. Но то, что понятно само собою, не дѣлается предметомъ научнаго изслѣдованія до тѣхъ поръ, пока вслѣдствіе расширенія умственнаго кругозора или усложненія явленій, оно не начинаетъ казаться страннымъ и непонятнымъ: удивленіе есть мать философіи, говорилъ Платонъ. Самъ г. Воронцовъ справедливо замѣчаетъ, что «*понятіе цѣнности возникло изъ наблюденія мѣноваго хозяйства, что и выражается терминомъ мѣновой цѣнности*». Вотъ это-то понятіе, возникшее известнымъ образомъ и

при известных обстоятельствах и приходилось анализировать экономистам-классикам. Г. Воронцов недоволен их анализом. Чем заменить его?

Частью вышеприведенными рассуждениями, которые, в том виде, в каком мы находим их в «очерках теоретической экономии», представляють собою не болѣе какъ жалкую, беспалазную и безнадежную путаницу понатій; частью какими то странными выхваляеіемъ трудовой «гипотезы», выхваляеіемъ, не имѣющимъ ничего общаго съ научнымъ анализомъ и построеннымъ по «формулѣ»: *prenez mon ours, c'est le meilleur*; и наконецъ, такими доводами, которые оишь таки в томъ видѣ, в какомъ приводить ихъ г. Воронцовъ, совершенно недостаточны и совсѣмъ неудовлетворительны.

«По трудовой теоріи¹⁾ стоимость данного продукта состоитъ изъ труда, оиществленнаго въ матеріалѣ и орудіяхъ производства, и труда, непосредственно приложеннаго, слѣдовательно, изъ двухъ главныхъ частей. По денежной же формулѣ цѣнности, гдѣ трудовые элементы превращены въ матеріальныя затраты, она состоитъ изъ расходовъ на матеріалъ и орудіе + расходъ на заработную плату + прибыль, т. е. изъ 3-хъ частей... И такъ, формула трудовой теоріи цѣнности характеризуется большою простотой, большимъ единообразіемъ состава сравнительно съ формулой теоріи издержекъ производства (содержитъ два члена, вмѣсто трехъ). Уже въ этомъ великое ея преимущество»²⁾.

Это восхваленіе: *prenez mon ours...* А вотъ образчикъ доводовъ. «Бери для простоты случай простой организаціи общества—гдѣ производитель одновременно и рабочій, и хозяинъ предіриятія—мы можемъ утверждать, что послѣдній не станетъ трудиться болѣе, чѣмъ это нужно для удовлетворенія его потребностей и желаній. Энергія его труда будетъ зависеть оттого, насколько масса получаемыхъ имъ продуктовъ, въ размѣрѣ вышеуказанныхъ потребностей, соотвѣтствуетъ затратамъ его труда и средствъ производ-

¹⁾ Кстати, пора-бы перестать называть теорію трудовой стоимости *теоріей стоимости*. Это такъ само, что называть номера для промышленности—*промышленными номерами*.

²⁾ Очерки, стр. 81.

ства. А объ этомъ соотношеніи онь судить по сравненію своего хозяйства съ окружающими. Если ему приходится работать больше другихъ, а получать столько же, если онь наблюдаетъ диспропорцію между своимъ доходомъ и затратами — онь недоволенъ, энергія его труда ослабѣваетъ, онь ставеть думать о сѣрѣмѣзѣ занятіи. Это значить, что для поддержанія энергіи труда въ напряженіи, необходимомъ для правильного теченія производства, потребленіе производителя въ настоящемъ должно быть таково же, какъ и въ прошедшемъ, и отношеніе объема этого потребленія къ усиліямъ, затраченнымъ на производство, должно соответствовать среднему отношенію тѣхъ же величинъ въ данномъ обществѣ. При господствѣ раздѣленія труда все это должно осуществиться путемъ обѣла, основаннаго на противупоставленіи цѣнностей. Поэтому предметъ является на рынокъ съ цѣнностью, равную всѣмъ тѣмъ затратамъ, какія имѣли мѣсто до момента его окончательнаго образованія¹⁾.

Съ помощью такой аргументаціи можетъ быть болѣе или менѣе удачно защищена только та «*трудоваѣ теоріѣ*», которую профессоръ Вернеръ Зомбартъ очень мѣтко называетъ «*субъективной теоріей трудоваѣ стоимости*» (Subjektivistische Arbeitswerththeorie) и которая, по его же справедливому замѣчанію, имѣеть назо общаго съ современнымъ ученіемъ о трудѣ, какъ источникѣ стоимости²⁾. Но съ субъективной аргументаціей въ наукѣ вообще далеко не удень. Это чувствуетъ самъ г. Воронцовъ.

Предметъ (т. е. товаръ) является на рынокъ со стоимостью равной всѣмъ тѣмъ затратамъ, которыя имѣли мѣсто до его окончательнаго образованія... Ну, а если я «затрачу» на изготовленіе «предмета» больше, чѣмъ нужно? Мнѣ все-таки возратить эти «затраты», потому что въ противномъ случаѣ ослабѣеть моя энергія и я буду «недоволенъ»? Се serait trop beau, какъ говоритъ французъ. — Конечно, trop beau, — возражаетъ г. Воронцовъ — потому то я и замѣчаю, что отношеніе объема потребленія къ усиліямъ, затраченнымъ на производство, должно соответствовать *среднему*

¹⁾ Очерки, стр. 65—66.

²⁾ См. его статью: Zur Kritik des ökonomischen Systems von Karl Marx въ Архивѣ Брауна.

отношению тѣхъ же величинъ въ данномъ обществѣ. Если это «среднее отношеніе» имѣетъ какой-нибудь смыслъ, то оно означаетъ, что стоимость продукта опредѣляется временемъ, *общественно-необходимымъ на его производство*. Это безъ сомнѣнія истинно. Но, выдвигая это несомнѣнно истинное положеніе, г. Воронцовъ переходитъ уже на *объективную* почву экономической действительности, при изслѣдованіи которой ему окажутъ очень мало помощи *тѣхъ неизоломическихъ* соображеній, которымъ онъ предается, изрѣдка, чтобы не измѣнить своему *соціологическому first principle*. Энергія производителей «ослабѣть»... *C'est se lon...* Вотъ наши дустари и немного наручаютъ за свои продукты, а энергія ихъ труда или, по крайней мѣрѣ, продолжительность ихъ рабочаго дня не уменьшается, а возрастаетъ. — Да, но это потому... Мы знаемъ, — почему; намъ извѣстно, что это зависитъ отъ *объективныхъ* отношеній, которыхъ мы никогда не поймемъ, если останемся на почвѣ *психологическаго анализа*. Производитель станеть думать о перемѣнѣ занятій... Это другое дѣло; перемѣна занятій, это — уже экономія; но недостаточно «думать» о ней, надо имѣть возможность осуществить свой замыселъ. А если этой возможности нѣтъ? Если производитель тѣмъ либудь привязанъ именно къ этой отрасли промышленности? — Пожалуйте, возражаетъ г. Воронцовъ, да видѣ мы съ нами предполагаемъ общество свободныхъ и независимыхъ товаро-производителей. Очень хорошо! Но разъ мы «предположили» такое общество, то намъ и слѣдуетъ имѣть въ виду *объективную логику* его внутреннихъ отношеній, а не пускаться въ психологическія разсужденія, *которыя, взятыя сама по себѣ, россю мнѣню не доказываютъ*. Кромя того, разъ мы предположимъ общество свободныхъ и независимыхъ товаро-производителей, мы тѣмъ самымъ предслагаетъ извѣстную «промышленную организацію общества», а г. Воронцовъ обѣщаль намъ «строго систематически» развить свое ученіе о стоимости, опираясь на независимые отъ промышленной организаціи общества «вѣчные и существенные» законы производства, *которыя онъ неправильно называлъ производственными отношеніями*¹⁾. Какъ видно,

¹⁾ По ученію г. Воронцова даже законы спроса и предложенія не зависятъ отъ промышленной организаціи общества. «Общественное выраженіе

не много помогли ему его вѣчные и существенные законы-отношенія!

Откуда взялась у г. Воронцова эта странная склонность апеллировать къ вѣчнымъ производственнымъ отношеніямъ? Это легко понять. Если, какъ думать иногда Д. Ст. Милль, основные принципы распределенія или, что тоже, отношенія производителей въ общественномъ процессѣ производства или, что тоже, промышленная организація общества зависятъ только отъ воли и сознанія людей, то для экономической науки остается очень мало мѣста. Мы уже указывали на это выше. Г. Воронцову хочется согласиться съ Д. Ст. Миллемъ: взгляды англійскаго экономиста, можно сказать, такъ и просятся въ субъективную социологию нашего русскаго писателя. Но въ тоже время этому послѣднему не хочется вырывать почву изъ подъ ногъ той самой науки, къ разработкѣ которой онъ «приложилъ» свою искусную руку. Вотъ онъ и старается найти такіа «отношенія», которыя не зависятъ отъ промышленной организаціи общества, обусловливаемой мнѣшными людьми: эти будто бы вѣчныя отношенія и должны стать неизбѣжной основой экономической науки. А такъ какъ, отвлекаясь отъ промышленной организаціи общества — или, что тоже, отъ отношеній производителей въ процессѣ производства, онъ отвлекается отъ условій мѣста и времени, то неудивительно, что искомыми имъ «отношенія» кажутся вѣчными, существенными, неизмѣнными, естественными, словомъ какими хотите, но только *не историческими*. Говоримъ — кажутся, потому что на самомъ дѣлѣ вѣчныхъ и неизмѣнныхъ *отношеній производства* гнѣть и быть не можетъ.

Если въ экономіи г. Воронцова оказывается бездна самой невозможительной путаницы, то этимъ онъ обязанъ своей *субъективной социологіи* ¹⁾.

Бовокупности частныхъ интересовъ — законъ спроса и предложенія — составляетъ явленіе, пещавшее отъ общественныхъ отношеній, образуетъ самостоятельную факторъ въ ряду другихъ общественно-экономическихъ явленій» (Очерки, стр. 15). Съ какими это поряками — явленіями? Взгляды г. Воронцова, это — постоянное царство хаоса!

¹⁾ Интересно, что, по мнѣнію этого субъективиста, общество есть организація (см. «Очерки», стр. 93). Что думатьъ объ этой ереси другія субъективисты?

Единственным, не вызывающим сомнений, результатом анализа является у г. Воронцова тот вывод, что «цѣнность образуется не на рынкѣ, а въ процессѣ производства»¹⁾. Но это давно и хорошо знали экономисты-классики. Пусть припомним г. Воронцова, что говорили объ этомъ *физиократы* въ спорѣ съ *меркантилистами*.

Есть въ «Очеркахъ» г. Воронцова мѣсто, которымъ онъ, по-видимому, особенно гордится. Въ этомъ мѣстѣ рѣчь идетъ о томъ, какъ *разрѣшается на практикѣ столкновѣніе закона стоимости съ закономъ равнаго уровня прибыли*.

Г. Воронцовъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ рекомендуетъ это мѣсто вниманію читателей.

«Отдавая свой трудъ на благосклонный судъ читателей, мы считаемъ не лишнимъ, въ виду имѣющейся на стр. 90 настоящаго издавія ссылки на приготовляемую къ печати III книгу сочиненія Маркса «Капиталъ» — разъяснить, что въ настоящее время эта книга уже вышла въ свѣтъ и потому читатели имѣютъ возможность убѣдиться въ томъ, насколько наша попытка примиренія трудовой теоріи цѣнности съ закономъ равенства нормы прибыли во всѣхъ предпріятіяхъ или, иначе говоря, указанный нами путь превращенія производственной цѣнности въ рыночную (стр. 92—93), по основной его мысли, близокъ къ тому рѣшенію вопроса, какое дается Марксомъ. Убѣдившись вмѣстѣ съ тѣмъ въ простотѣ и, такъ сказать, элементарности этого рѣшенія, читатели, надѣюсь, согласятся и съ высказанной на стр. 208—9 нашей книги мыслью о бесплодности поклоненія, воздаваемого этому замѣчательному мыслителю его многочисленными и горячими последователями»²⁾.

Въ чемъ же состоитъ предложенное г. Воронцовымъ простое и элементарное рѣшеніе?

Оно сводится вотъ къ чему.

«Въ современномъ обществѣ капиталистъ участвуетъ въ предпріятіи изъ-за прибыли, изъ-за $\frac{0}{100}$ отношенія дохода къ затратамъ

¹⁾ Очерки, стр. 87.

²⁾ Очерки, предисловіе.

капитала, из-за того, чтобы получать такое-же $\frac{1}{6}$ отношение, как и остальные капиталы страны. Товар же, вырабатываемый в различных отраслях промышленности, дает прибавочную стоимость (источник чистого дохода), стоящую в различном $\frac{1}{6}$ отношении к затратам капитала; и если бы прибавочная стоимость, образуемая в различных предприятиях, поступала плавкомъ собственнику соответствующаго капитала, каждый бросалъ бы одинъ отрасли и переходилъ другія. Рынокъ беретъ на себя задачу уравнивать выгоды капиталистовъ. Онъ заставляетъ однихъ производителей уступить часть своего дохода другимъ, распределитъ между ними общую массу прибавочнаго продукта иначе, чѣмъ это сдѣлано техническими условиями различныхъ промышленныхъ отраслей; и такъ какъ въ его распоряженіи имѣется только одно орудіе—цѣна товара, то и требуемаго распределенія барышей онъ достигаетъ, отклоняя мѣновыя стоимости продуктовъ отъ ихъ внутренней цѣности, повышая рыночную стоимость одного, понижая—другого... Общій прибавочный продуктъ страны извѣстнаго образа распределяется между всеми производителями, для чего мѣновыя цѣны товаровъ отклоняются отъ внутреннихъ. Предломъ этого отклоненія служитъ достиженіе одинаковаго отношенія дохода къ расходу во всѣхъ предприятияхъ—таковъ законъ мѣновой цѣности въ капиталистическомъ обществѣ»¹⁾.

Это рѣшеніе не только просто, но и не ново. Его далъ уже Рикардо въ своихъ Principles of political Economy and Taxation. Рикардо принимаетъ въ соображеніе не только составъ капитала, какъ это дѣлаетъ г. Воронцовъ, но также и время его оборота, — обстоятельство, на которое у г. Воронцова нѣтъ указанія въ примѣрѣ, приводимомъ имъ для поясненія своей мысли. Какъ мы уже замѣтили выше, единственное «отклоненіе» Рикардо отъ теории трудовой стоимости состоитъ именно въ признаніи этого неизбежнаго въ капиталистическомъ обществѣ дѣйствія закона равнаго уровня прибыли²⁾. И если г. Воронцовъ счелъ

¹⁾ «Очерки», стр. 92—93.

²⁾ Въ первоначальныхъ ступеняхъ общественнаго развитія (in the early stages of society) дѣйствіе закона равнаго уровня прибыли почти неизвѣстно

возможным «отклониться» в ту самую сторону, в какую отклонился Рикардо, он не имѣлъ никакого права упрекать этого экономиста в неспособительности. Тотже также не имѣлъ онъ никакого права утверждать, что «экономисты-классики не сумѣли найти изъ затрудненія, встречаемаго трудовой теоріей цѣнности при объясненіи равенства прибыли въ разныхъ занятіяхъ»¹⁾. Какъ же не сумѣли, когда въ лицѣ Рикардо, самой яркой звѣзды между ними, они вышли изъ него въ 1817 году, какъ разъ такъ, какъ вы, г. Воронцовъ, выходите въ настоящее время.

Смысль басни сей таковъ, что и неправильное изложене чужихъ взглядовъ иногда не безъ пользы для излагающаго принято быть можетъ. Если бы г. Воронцовъ вѣрно передалъ читателямъ ученіе Рикардо о стоимости, то онъ могъ бы сказать только одно: въ своемъ рѣшеніи я слѣдую за этимъ замѣчательнымъ экономистомъ-классикомъ. Но такъ какъ онъ привнесъ Рикардо «отклоненіе» въ сторону теоріи издержекъ производства, то онъ могъ претендовать чуть не на цѣлое открытіе и сопоставлять себя съ авторомъ «Капитала».

Написавъ эти строки, мы кладемъ перо и спрашиваемъ себя: да можно, могъ ли, даже и въ этомъ случаѣ? Вѣдь вотъ онъ, г. Воронцовъ, упоминаетъ о Родбертусѣ, который, по его словамъ, рѣшился, вмѣстѣ съ Марксомъ, «последовательно проводить разъ признаваемое начало цѣнности» (стр. 90), и достигъ на этомъ пути блестящихъ результатовъ! Когда г. Воронцовъ писалъ свою статью о «стоимости», третій томъ «Капитала» даже еще и не печатался, но «блестящіе результаты», достигнутые Родбертусомъ, были и тогда уже всѣмъ извѣстны. Въ чемъ они состояли?

Вотъ въ чемъ.

Прибавочная стоимость, которую Родбертусъ именовалъ, какъ извѣстно, *rentой*, распределиться прежде всего между предпри-

въслѣдствіе нечужности капитала. Тамъ товары обмѣниваются почти исключительно (almost exclusively) по количеству воплощеннаго въ нихъ труда. Никъ нтъ надобности говорить людямъ, знакомымъ съ ученіемъ Рикардо, что первобытнымъ обществомъ онъ считалъ обществомъ простыхъ производителей.

¹⁾ Очерки, стр. 90.

нимателями, производителями (руками своих рабочих) «сырой продукт» (Roßprodukt), съ одной стороны, и предпринимателями, производителями «продукта фабрикации» (Fabrikationsprodukt), продукты обрабатывающей промышленности,—съ другой. Это распределение совершается сообразно количеству труда, употребленного на производство въ каждой изъ этихъ отраслей промышленности. Часть прибавочной стоимости, доставшаяся предпринимателямъ, производителямъ «продукта фабрикации», разсматривается этими предпринимателями какъ прибыль на капиталъ и подразделяется между ними *пропорционально размеру капитала, затрачиваемого каждымъ изъ нихъ.* «Такимъ образомъ дается известный уровень прибыли, сообразно которому уравниваются прибыли отдельныхъ предприятий (die Kapitalgewinne), а следовательно определяется также и та часть ренты, приходящейся на сырой продуктъ, которая составляетъ прибыль на земельный капиталъ...¹⁾ Другими словами можно сказать, что прибыль во всякой данной отрасли промышленности будетъ составлять X процентовъ затраченного капитала. Сообразно этому уровню и будутъ теперь уравниваться прибыли. Еслибъ въ некоторыхъ отрасляхъ промышленности прибыль оказалась выше этого уровня, то конкуренция вызвала бы усиленный притокъ капитала въ эти отрасли. Никто не станетъ затрачивать свой капиталъ тамъ, гдѣ онъ не считаетъ возможнымъ получить прибыль, соответствующую общему уровню...»²⁾

Родбергусъ разсматриваетъ капиталъ, употребляемый для производства «продукта фабрикации», какъ одинъ общій національный капиталъ, а капиталы отдельныхъ отраслей обрабатывающей промышленности, какъ части этого общаго капитала, пропорционально величинѣ которыхъ и распределяется рента, приходящаяся на «продуктъ фабрикации». Что такое распределение при

¹⁾ Остальная часть этой ренты достается землевладельцамъ въ видѣ поземельной ренты. По учению Родбергуса, эта часть ренты, въ противоположность Рикардо, никогда не можетъ быть равна нулю, но не изъ этого дѣлается: дѣло здѣсь не касается Родбергусова учения о поземельной рентѣ.

²⁾ Zur Beleuchtung der sozialen Frage, Th. I. Zw. Aufl., стр. 163.

неодинакового составу капитала, фигурирующего въ различныхъ отрасляхъ промышленности, возможно только при некоторомъ отступленіи — въ ту или другую сторону — рыночной стоимости продукта отъ его трудовой стоимости, это понятно само собою. Но во избѣжаніе недоразумѣній Родбертусъ прямо указываетъ на это въ четвертомъ «*Соціалъномъ письмѣ къ Кирхману*».

«Я никогда не былъ того мѣнѣя, — говоритъ онъ тамъ — что въ каждомъ изъ послѣдовательныхъ подраздѣленій, на которое распадается, какъ на отдѣльныя отрасли промышленности, производство даннаго продукта, измѣряемая трудомъ стоимость достаточна для того, чтобы образовать прибыль, достигающую обычнаго въ странѣ уровня. Это прямо невозможно въ виду указанного подраздѣленія и при дѣйствіи закона равномерной прибыли на капиталъ. Легко показать это». Слѣдуютъ доказательства. За тѣмъ Родбертусъ продолжаетъ. «Однако конкуренція требуетъ равномерной прибыли, и такимъ образомъ, вслѣдствіе закона равномерной прибыли въ различныхъ предпріятіяхъ, на которыя распадается нѣтъ производство одного и того же продукта, видоизмѣняется то положеніе, согласно которому стоимость продукта, равная его трудовой стоимости, достаточна была бы для того, чтобы изъ нея могла образоваться прибыль на капиталъ». Родбертусъ не только признавалъ такое «*андалузское*» принципа трудовой стоимости, но считалъ себя *первымъ экономистомъ*, его отмѣтившимъ, въ отличіе отъ англійской школы, которая будто бы совсѣмъ не замѣчала его. Послѣ того, что мы сказали о Рикардо, читатель видитъ, что въ этомъ случаѣ Родбертусъ очень ошибался. Но намъ теперь это безразлично; намъ важенъ слѣдующій общій выводъ Родбертуса.

«Но я крѣпко держусь того взгляда, что если рыночная стоимость готоваго предмета потребления не всегда совпадаетъ съ его трудовой стоимостью, то все-таки она *влечется* къ ней. И точно также, хотя измѣряемая трудомъ стоимость, конечно, не вполнѣ покрываетъ собою обычную нѣтъ прибыль на отдѣльныхъ ступеняхъ производства, однако *въ целомъ* она *достаточна* для того, чтобы составлять собою сумму, равную общей совокупности всѣхъ тѣхъ частей ренты, — т. е. поземельной ренты и прибыли

на капиталы,—которые достаются кому слѣдуетъ на различныхъ ступеняхъ производства одного и того же продукта. Слѣдовательно, я держусь того мнѣнія, что если *національный продуктъ вообще* имѣетъ лишь стоимость соответствующую труду, то этого достаточно, чтобы обезпечить существованіе всѣхъ нашихъ нынѣшнихъ рентъ, поземельной ренты и ренты на капиталы¹⁾.

Изъ сдѣланныхъ вами выводовъ видно какъ слабы, такъ и сильные стороны взгляда Родбертуса. Авторъ «Соціальныхъ иссѣдъ» былъ совершенно правъ, когда объявилъ неудовлетворительной точку зрѣнія отдѣльнаго предпринимателя или, что тоже, точку зрѣнія вульгарнаго экономиста. Онъ былъ правъ, когда приглашалъ ученыхъ разсматривать національный капиталъ, какъ одно цѣлое, какъ одинъ общій капиталъ, части котораго распределяются между отдѣльными отраслями промышленности, а затѣмъ и отдѣльными предприятиями. Онъ былъ правъ, когда, разсматривая экономическую жизнь капиталистическаго общества съ этой общественной точки зрѣнія, онъ приходилъ къ тому заключенію, что, въ силу закона равномерной прибыли, рыночная стоимость продукта неизбежно и очень часто будетъ отклоняться отъ его трудовой стоимости. Но онъ былъ совершенно неправъ, когда покидалъ эту имъ же горячо защищаемую общественную точку зрѣнія; когда въ угоду своему предвзятому взгляду на *поземельную* ренту, онъ, подраздѣливъ національный продуктъ на двѣ части—сырой продуктъ и продуктъ фабрикаціи, совершенно произвольно объявилъ, что рыночная стоимость каждой изъ этихъ частей равна ей трудовой стоимости и совершенно достаточна для того, чтобы «покрыть» собою заработную плату и ренту изъ ея различныхъ подраздѣленій²⁾. Онъ забывалъ при этомъ, что законъ равнаго уровня прибыли дѣйствуетъ, если можно такъ выразиться, *одновременно на всей экономической территоріи общества*. Лишь перегородивъ эту территорію искусственнымъ барьеромъ, отдѣлившимъ производство сырого продукта отъ обрабатывающей промышленности, Родбертусъ вспоминалъ объ этомъ

¹⁾ Das Kapital, Vierter sozialer Brief an von Krehmann, ст. 11—18.

²⁾ Именно въ этомъ смыслѣ надо понимать сказанное имъ въ послѣдней изъ сдѣланныхъ нами выводовъ.

законов и исследовать его действие во области этой последней. Здесь оказывалось, что отклонение рыночной стоимости продукта от трудовой совершенно неизбежно во капиталистическом обществе.

Но этот вывод не помешал Родбертусу «твердо держаться» того взгляда, что рыночная стоимость каждой из двух больших частей национального продукта, взятой отдельно, во *общем* совпадает с ее трудовой стоимостью. Совсем напротив! Учение Родбертуса о поземельной ренте только и могло явиться как результат странного, искусственного соединения этого взгляда с учением о томъ равномъ уровнѣ прибыли, который долженъ былъ сначала определяться отношеніемъ прибавочной стоимости къ капиталу во *общемъ*—«фабричномъ»—отдѣлѣ національнаго производства, а затѣмъ уже *опредѣлять* собою распределеніе дохода между землевладѣльцами и сельско-хозяйственными капиталистами ¹⁾.

Этотъ, совершенно несостоятельный, прѣмъ разсужденія довольно сильно обезображивалъ собой «блестящіе результаты», достигнутые Родбертусомъ. Его непоследовательность была во глаза ²⁾. Тѣмъ не менѣе блестящихъ «результатовъ» было болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы найти то «простое и такъ сказать элементарное» рѣшеніе, которое нашелъ г. Воронцовъ. Даже (выразимся такъ для мягкости) позабывъ о Рикардо, трудно было позабыть о Родбертусѣ. Поэтому совершенно непонятно, съ какою стати нашъ «простой» цѣпочекъ дикой лѣзетъ въ горшокъ съ гвоздикой.

Правда, окончательные выводы автора «Капитала» совпали съ «рѣшеніемъ» г. Воронцова. Но почему? Единственно потому, что эти выводы *не разошлись* съ тѣми выводами Рикардо и Родбертуса, которые песторилъ нашъ дикой цѣпочекъ. Мы, право,

¹⁾ Именно въ этомъ заключается, по нашему глубокому убѣжденію, ошибка Родбертуса, а не въ законѣ-то фабрично-заводскомъ преобразованіи, въ которомъ упрямилъ его покойный Заберъ.

²⁾ На все указывалъ еще въ шестидесятыхъ годахъ Труэль въ немецкой литературѣ; на все же, если мы не ошибаемся, указывала у насъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ «*Отечественныя Записки*», въ которыхъ писалъ г. Воронцовъ.

не велики, большой заслуги въ тѣхъ повтореніяхъ. Видъ вотъ авторъ «Капитала» говорить иногда о дифференціальной земельной рентѣ тоже самое, что говорилъ Рикардо. Ученіе Рикардо о земельной рентѣ повторялось многими и многими писателями. Неужели эти писатели могутъ говорить теперь: смотрите, мы предложили пѣкоторымъ простыми и элементарными рѣшеніями, съ которыми согласенъ и авторъ «Капитала»? Позвольте господа, надо же и честь знать! Развѣ это *одинъ* рѣшеніи?

Дикой цѣпочекъ, даже и сиди въ одномъ горникѣ съ гвоздикой, не всегда становится душистымъ. Рѣшеніе, предложенное г. Воронцовымъ, сходится въ послѣднемъ счетѣ съ рѣшеніемъ, даваемымъ авторомъ «Капитала». Но кто прочиталъ третій томъ этого сочиненія, тотъ знаетъ, что названное рѣшеніе обосновывается тамъ далеко—о, безконечно далеко!—не такъ «элементарно», какъ въ «Очеркахъ теоретической экономіи»¹⁾. Кроме того, дикой цѣпочекъ, изложивъ свое, заимствованное у Рикардо—Родбертуса

¹⁾ Т. е. опять-таки не въ «Очеркахъ» г. Воронцова, а въ «Principles» Рикардо и въ различныхъ сочиненіяхъ Родбертуса. Но не въ этомъ дѣло. Мы хотѣли сказать, что даже и послѣ такихъ людей, какъ Рикардо и Родбертусъ, оставалось еще очень много сдѣлать для исследования вопроса о томъ, какъ и почему отклоняется рыночная стоимость продукта отъ его трудовой стоимости. То же и въ ученіи о дифференціальной рентѣ въ «Капиталѣ» мы находимъ на этотъ счетъ, если хотите, то же, что въ «Principles» Рикардо. Но это „но все“ до такой степени преувеличено и допущено, что получается, пожалуй, и совсемъ не то. А вотъ объ „Очеркахъ“ этого сказать нельзя. Если г. Воронцовъ „рѣшаетъ“ вопросъ о земельной рентѣ совершенно такъ, какъ рѣшалъ его Рикардо, то онъ не допускаетъ взглядовъ покойника, и не касается ихъ. „Вспомните,—говоритъ онъ—напримѣръ, законъ ренты: равнѣна въ доходѣ въ почвахъ, обрабатываемыхъ при болѣе или менѣе выгодныхъ условіяхъ производства. Вытекаетъ этотъ законъ, во-первыхъ, изъ естественныхъ различій плодородія земли, во-вторыхъ, изъ не менѣе естественныхъ условій размещенія населенія и, наконецъ, изъ техническихъ условій производства. Но онъ не стоитъ на въ какой зависимости отъ потребностей разныхъ экономическихъ классовъ, между тѣмъ какъ распределеніе земно и имѣетъ цѣлью удовлетвореніе этихъ потребностей; онъ не знаетъ этихъ потребностей, несогласованъ съ ними. Онъ—самъ по себѣ; онъ—самъ по себѣ“ (Очерки, стр. 33). Тутъ, что ни фраза, то—удивительна, несравненная, чисто воронцовская путаница понятій.

«рѣшеніе», спѣшить тотчасъ же сказать его на съ тѣмъ несообразными комментаріями.

«Выслушавъ это, читатель, можетъ быть, скажетъ, что здѣсь онъ видитъ противорѣчіе трудовой теоріи цѣнности. Если эта теорія создана для объясненія рыночной стоимости, и если затѣмъ оказывается, что послѣдняя отклоняется отъ того, что выдвигается за ея основу, то спрашивается, что побуждаетъ считать трудовую теорію истинной и зачѣмъ создавать ученіе, заведомо не согласующееся съ фактами, подлежащими объясненію? Это замѣчаніе врядъ ли можетъ быть признано справедливымъ. Начать съ того, что теорія цѣнности имѣетъ цѣлью объяснить не одинъ только фактъ обмѣна, а весь цѣль экономическихъ явленій, обнаруживающихся въ товарномъ обществѣ черезъ посредство рынка. Зачѣмъ, политическая экономія—наука абстрактная, а не конкретная, она открываетъ начала, присущія обществу, какъ организму вообще, а не лишь особенной только его формѣ товарно-капиталистическаго уклада. Эта особенная форма, какъ и всякая другая, требуетъ нѣкотораго измѣненія основныхъ началъ общежитія, открытыхъ наукой, и это не будетъ противорѣчить теоріи, которая ищетъ общее, абстрактное и объясняетъ помощью его частное, конкретное. Поэтому, мы должны заранѣе примириться съ тѣмъ, что принципы организаціи, присущіе обществу на всѣхъ ступеняхъ его развитія и которые пытается открыть экономическая наука, повторить въ той или другой конкретной формѣ известное измѣненіе. Это относится и къ закону цѣнности, и въ особенности къ приложенію къ капиталистическому обществу. Въ первомъ очеркѣ намъ известно, какова роль рынка и сколько различныхъ операций выполняетъ онъ однимъ фактомъ назначенія цѣны. Уже въ силу одного этого, послѣдняя не можетъ быть постоянной и точнымъ образомъ отражающей какое-нибудь основное начало общежитія. Но она не можетъ и не имѣть такого начала, потому что ея функція—регулированіе отношеній, свойственныхъ не одному только рассматриваемому типу общества, а и такихъ вѣчныхъ и постоянныхъ, напримеръ, какъ производство. Поэтому, напрасно будетъ искать теорію цѣнности, которая бы, во 1-хъ, обладала свойствомъ объяснять всю совокупность явленій, такъ или иначе

связанных с феноменом цены, и, во 2-х, буквально повторилась (!) на рынке. Мы должны быть удовлетворены, если нам удастся построить гипотезу, *объясняющую* происхождение и состав цены и в тоже время удовлетворяющую другим требованиям, предъявляемым теорией. Из всех же предложенных гипотез этому условию всего лучше удовлетворяет трудовая теория ценности¹⁾.

Отметим пока, что в этом отрывке встречается одно из тех открытий, на которых г. Воронцов такой мастер, и в которых несравненно больше оригинальной мысли, чем в его «решениях». Прежде г. Воронцов открыл нам, что «значение» спроса и предложения не зависит от общественных отношений, и что существуют вечные «производственные отношения», независимы от произвольной организации общества. Теперь мы узнаем, что существуют также принципы *организации*, присущие обществу на всех ступенях его развития. Жаль, что наш автор не говорит, какую именно «организацию» имбеть он в виду: если *«трагическую»* (что весьма вероятно), то у нас получаются значить не только вечные отношения *производства*, но и вечные принципы *распределения*. Выходит, что экономисты-классики вовсе не были неправы в своем стремлении открыть эти принципы. Но что сказала бы об этом нашему дикому индустриальному душастому гвоздику?

Слушайте дальше.

Изъ всего, что нам до сих пор известно, следует, что есть цена производственная и цена рыночная, рыночная. Первая выражает отношения постоянные, присущие обществу на всех ступенях его развития; отношения наиболее важные, потому что производством продуктов определяется удовлетворение потребностей человека (а от распределения оно не зависит?). Вторая есть равнодействующая всех влияний, оказавшихся в данный момент на рынке; главнейшая из них—отношения производства и распределения продуктов; рыночная цена должна примирить требования производства и распределения. И вот, предлагается

¹⁾ «Вперед», стр. 93—94.

отыскать такое начало цѣнности, исходя изъ котораго можно было бы объяснить всю совокупность подлежащихъ явленій и которое въ то же время было бы вполнѣ тождественно съ началомъ, скрывающимся за рыночной цѣнностью и составляющимъ его основу. Это требование предполагаетъ, между прочимъ, что какова бы ни была организація общества и законы распределенія продукта, рыночная цѣнность послѣднiго представляетъ постоянную величину (постоянную величину! Побойтесь Бога, г. Версиговъ; никто ничего подобнаго не «предполагаетъ»). Такое предположенiе намъ кажется неосновательнымъ (ну еще бы!) и именно вотъ почему. Если рыночная цѣнность выражала только отношенiя производства—дѣла какаго либо продукта была бы та же самая при всевозможныхъ организаціяхъ общества, если только технически условiя производства въ сравниваемыхъ случаяхъ одинаковы! Но какъ скоро рыночная стоимость должна отступать отъ производственной ради удовлетворенiя требованiямъ распределенiя,—естественно предположить, что размѣръ этого отступленiя будетъ зависеть отъ принциповъ, лежащихъ въ основѣ распределенiя. А если такъ, то рыночная стоимость лишается постоянства (вотъ оно что!) и слѣдовательно терять надежду (вообразимъ ей очкарикъ!) получить какое либо неизмѣнное основанiе»¹⁾.

Это уже полное торжество субъективизма въ политической экономiи. Первоначально г. Версиговъ съ анализа отношенiй производителей въ процессѣ производства сбивался на анализъ того, что должно происходить въ душѣ этихъ *производителей*. Теперь онъ *одушевляемъ рыночную стоимость* и изображаетъ ее передъ нами въ видѣ задрганной лошади, которая, тихо стараясь «прихирить» одно съ другимъ тѣ направленiя, по которымъ дергаетъ ее неунымый бодокъ, «стеряетъ», извонедъ, «надежду» пропихнуть въ его намѣренiя и идетъ, какъ попало. Можетъ быть оно, по ученому-то, такъ и надо, но душистая гвоздика и въ этомъ случаѣ врядъ-ли согласилась бы съ дикимъ прѣтченкоу.

Рыночная стоимость выражаетъ собою отношенiя товаропроизводителей въ общественномъ процессѣ производства. Пока и по-

¹⁾ «Очерки», стр. 97—98.

сколько мы имеем дело с обществом простых товаропроизводителей, до тех пор и постольку она выражает их точно и, *в общем*, совпадает с *трудою стоимостью* продуктов. Но вот общественные отношения производителей уложатся. Простые товаропроизводители становятся капиталистическими товаропроизводителями (видь капитал это—тоже общественное отношение производства). Мировая стоимость производится теперь ради производства *прибавочной* стоимости. Это уложение общественных отношений производителей имеет на мировую стоимость в смысле ее отклонения от трудовой стоимости. Вот только и всего. Неужели это не ясно? Неужели это не просто?

Возьмем пример из физики. Физика говорит, что лучи света распространяются по прямой линии. И она, разумеется, лгать не обманывает. В пустом пространстве и в однородной среде свет, действительно, распространяется таким образом. Если бы мы этого не знали, то совсем не могли бы объяснить световые явления. Но при переходе светового луча из одной прозрачной среды в другую, отличающуюся другою плотностью, происходит его преломление. Движение светового луча совершается в этом случае уже *не по прямой* линии. Преломление света тоже имеет свои законы. Их тоже надо знать, чтобы объяснять явления света. Ну и что же, «отклоняются» от чего вдобаву ученые, исследующие законы преломления света и указывающие их действия? «Противоречат» они основному положению оптики, гласящему, что свет распространяется по прямой линии? Устраняют ли законы преломления света закон его прямолинейного распространения? Нет, они только *выдвигают окончательный результат* *сво* *действий*, а сам он ни на одно мгновение не перестает действовать. И это всякому понятно: всякий образованный человек знает, что столкновение двух законов природы не прекращает действия ни одного из них. А вот в политической экономии этому многие продолжают удивляться. И сам г. Воронцов, предлагая свое (гм! гм!) «решение», чувствует себя так неловко, что топить совершенно правильную (хотя и чужую) мысль в безобразной «телемагдон» комментарий, способных показать только одно:

то, что онъ совершенно не усвоилъ духа новейшей теоріи стоимости. Такъ мало привыкли «образованные люди» обращаться съ понятиемъ о законсообразности общественныхъ извѣстій!

Но какъ бы ни объяснялась печальная дѣйствительность, она не перестаетъ быть печальной. Чѣмъ бы ни вызывалось отклоненіе рыночной стоимости продукта отъ трудовой его стоимости, оно все-таки совершается, и г. Воронцовъ чувствуетъ себя не хорошо. Ему хотѣлось бы устранить неприятную прозу капитализма. И вотъ его фантазія начинаетъ усиленно работать. Наконецъ, загадка разрѣшается, г. Воронцовъ дѣлаетъ новое открытіе.

«Мы можемъ представить себѣ — говоритъ онъ — и такую организацію общества, при которой, даже при существованіи работы на рынокъ, рыночная стоимость вполне бы соотносилась внутренней. Для этого достаточно, чтобы добавочное вознагражденіе производителя за затрату лишннихъ, сравнительно съ другими, средствъ производства, взяло на себя правительство, получившее нужная для этого средства путемъ общаго налога»³⁾.

Утопія, которая со временемъ несомнѣнно займетъ свое, хотя и не весьма почетное, мѣсто въ исторіи *утопическихъ социальныхъ системъ!*

Когда г. Воронцовъ оспариваетъ какую нибудь теорію, онъ любитъ пускаться въ догадки о томъ, каковы психологическія побужденія людей, ее отстаивающихъ. Такихъ соображеній много какъ въ «Нашихъ направленіяхъ», такъ и въ «Очеркахъ теоретической экономіи». Мы не одобряемъ этой манеры г. Воронцова, но примѣръ заразителенъ, и мы ему слѣдуемъ. Мы спрашиваемъ себя: почему г. Воронцовъ такъ настойчиво, хотя и неудачно, защищаетъ «трудовую теорію» стоимости? Почему онъ такъ горько любитъ эту стоимость до тѣхъ поръ, пока она не всакается капитализмомъ?

Намъ кажется, что отвѣтъ на этотъ вопросъ надо искать въ нижеслѣдующихъ строкахъ.

«Справедливость и равенство правъ, вотъ главнѣйшіе устои, на которыхъ буржуа восемнадцатаго и девятнадцатаго столѣтій

³⁾ «Очерки», стр. 100.

желал бы вадвинуть свое общественное зданіе на развалинахъ феодальныхъ несправедливостей, неравенства и привилегій. Опре- дѣленіе же стоимости товаровъ трудомъ и совершающійся на осно- ваніи этого мѣрила стоимости свободный обмѣнъ продуктовъ труда между равноправными товаропроизводителями,—это и есть та реальная основа, на которой покоится вся совокупность полити- ческой, юридической и философской идеологии современной бур- жуазіи. Ея лучшія чувства должны глубоко оскорбляться нево- роченностью такого міра, гдѣ на словахъ трудъ признается мѣри- ломъ стоимости товара, на дѣлѣ же этотъ основной законъ справедливости, повидному, ежеминутно нарушается самымъ безцеремоннымъ образомъ. И именно мелкій буржуа, видящій какъ конкуренція крупнаго производства и машинъ ежедневно все болѣе и болѣе обезцѣняетъ его честный трудъ (исполняемый, впрочемъ, учениками и подмастерьями)—именно этотъ то мелкій производитель и долженъ всего сильнѣе надыхать о такомъ обще- ствѣ, гдѣ продукты обмѣнивались бы, наконецъ, вполнѣ и безъ всякихъ исключеній, по ихъ трудовой стоимости. Другими словами, онъ долженъ надыхать о такомъ обществѣ, гдѣ дѣйствовали бы исключительно и неограниченно лишь одинъ изъ законовъ товар- наго производства, но были бы устранены тѣ условія, при кото- рыхъ онъ только и можетъ дѣйствовать, а именно остальные законы товарнаго, а затѣмъ капиталистическаго производства».

Объяснивъ намъ законъ или «явленіе» стоимости (мы уже знаемъ, что г. Воронцовъ смѣшиваетъ эти научные термины) съ точки зрѣнія «вѣчныхъ и существенныхъ» отношеній производства, нѣтъ не-классической экономистъ пераходитъ къ изслѣдованію «частныхъ экономическихъ законовъ». Въ трехъ довольно боль- шихъ очеркахъ онъ говоритъ о капиталистическомъ законѣ про- изводства, распредѣленія и потребления, о характерѣ капита- листической промышленности и, наконецъ, о нѣкоторыхъ вспомо- гательныхъ средствахъ ея эволюціи. Мы должны связать нѣсколько словъ объ этихъ очеркахъ.

Очеркъ «Вспомогательныя средства капиталистической эво- люціи» посвященъ вопросу о значеніи непродовольственнаго по- требленія въ капиталистическомъ обществѣ. Г. Воронцовъ пред-

1. Воронцовъ Францъ Г. 3
 2. В. Воронцовъ

лагаетъ тамъ то самое «простое» и «такъ сказать элементарное» *решеніе* этого вопроса, которое нѣсколько раньше его предложено было въ сочиненіи Мальтуса «*Principles of political Economy*», казѣтвомъ възявъ экономистамъ и вышедшемъ... въ 1820 году. Сибезъ думаетъ, что читателю знакомы взгляды Мальтуса, и потому не находимъ нужнымъ критиковать «рѣшеніе», предлагаемое г. Воронцовымъ. Отрицать только, что хотя нашъ авторъ, правда, ни разу не называетъ Мальтуса, но за то и не грѣшитъ противъ скромности: онъ ничего не говоритъ о «бесплодности поклоненія». Мы очень охотно выдвигаемъ впередъ эту послѣднюю заслугу русскаго изслѣдователя, мы рады похвалить его, но..

Проклятое «но!» Блескъ сказалъ какъ-то о Листѣ, что его нельзя осудить иначе, какъ съ большою похвалою, и нельзя похвалить иначе, какъ съ большимъ порицаніемъ. Г. Воронцовъ отчасти похожъ на Листа. Хотя у насъ и нѣтъ никакихъ основаній для того, чтобы порицать его съ похвалою, но мы, къ сожалѣнію, не можемъ похвалить его иначе какъ съ большимъ порицаніемъ. Г. Воронцовъ изложилъ взгляды Мальтуса, правда, ни однажды не назвавши его имени, но за то и ни разу не позабылъ о томъ, что скромность есть лучшее украшеніе писателя. Это очень хорошо. Однако, этой заслугой и ограничивается сдѣланное г. Воронцовымъ для «теоретической экономіи». Отсюда и происходитъ наше «но» или точнѣе *намъ* «но», потому что ихъ много.

Та «промышленная организація общества», тѣ общественныя отношенія производства, съ которыми никакъ не можетъ справиться, въ своей «теоретической экономіи», г. Воронцовъ, представляють собою пещобѣжное, независящее отъ воли людей слѣдствіе развитія общественныхъ производительныхъ силъ. Какъ и всякій результатъ историческаго движенія человечества, отношенія эти имѣютъ свое начало и свой конецъ, свое дѣтство, свою юность, свой зрѣлый возрастъ и свою старость. Вызванныя къ жизни развитіемъ общественныхъ производительныхъ силъ, они сначала сами содѣйствуютъ дальнѣйшему развитію этихъ силъ, и тогда за нихъ болѣе или менѣе горячо стоятъ, тогда ихъ болѣе или менѣе страстно идеализируютъ всея производители, т. е. все обще-

ство, за исключением небольшой кучки сторонников поштного движения. Но когда кульминационная точка оказывается пройденной, обнаруживается оборотная сторона медали. Те самые общественные отношения, которые когда-то способствовали развитию общественных производительных сил, теперь начинают препятствовать ему, и это столкновение производительных сил с отношениями производства порождает целый ряд противоречий, которые отражаются на всем ходе общественной жизни и разрешение которых и становится важнейшей общественной задачей данного времени.

От этой судьбы не ушла ни одна до сих пор существовавшая система общественных отношений производителей. Не ушла от нее и капиталистический способ производства. Развитые им колоссальные производительные силы передовых стран Запада все энергичнее и энергичнее сталкиваются теперь со свойственными ему общественными отношениями производителей. В течение довольно долгого времени столкновение это выразалось в периодических промышленных кризисах, теперь оно начинает сказываться хроническим перенасыщением рынка, против которого бездельна как дешёвая мудрость дилетантских экономистов, так и добрая воля научных горьким опытом предпринимателей.

Об этом столкновении говорить теперь очень многие. Говорить о нем и г. Воронцов. Но, втрый своему обыкновению, он немедленно переносит вопрос в ту туманную область, где совершенно пропадают из виду все условия места и времени, и где, поэтому, остается анимировать лишь из «человеческой природы».

«Если то, что в виде заработной платы входит в издержки производства, потребляется трудящейся частью населения, то прибавочная стоимость, за исключением доли, назначенной для будущего рынка расширения производства, должна быть уничтожена капиталистами. Если они в силах сделать это и делают его (?)—излишек снабжения товарами не имев бы места, если же нет—является перепроизводство продуктов, промышленные кризисы, вытеснение рабочих с фабрик и следующая

за нимъ рядъ бѣдствій, заставляющихъ однихъ экономистовъ про-
 кляпать машины, другихъ — требовать увеличенія производи-
 тельнаго потребленія капиталистовъ, фабрикантовъ и т. п. По-
 слѣдній совѣтъ, впрочемъ, чуть ли не вѣнчанъ: во скромность
 и воздержаніе фабрикантовъ служить причиною излишка продук-
 товъ, а ограниченность или недостаточная эластичность челове-
 ческаго организма, не успѣвающего расширить свои потреби-
 тельныя способности съ тою быстротою, съ какою растетъ прибо-
 вочная стоимость»¹⁾.

Вопросъ о перепроизводствѣ сведется такимъ образомъ къ
 вопросу объ эластичности человеческого организма; изъ области
 политической экономіи, мы перендаемъ въ область физиологіи. Уди-
 вительно, что никому изъ экономистовъ не пришло до сихъ поръ
 въ голову столь «простое» и «такъ сказать элементарное рѣшеніе».

Въ прошломъ вѣкѣ отправился во Францію, во время реген-
 ства, знаменитый польскій панъ Радзивиллъ. Онъ ѣхалъ на сво-
 ихъ лошадахъ и для всякаго почета покупалъ домъ. Прибывъ
 въ Парижъ, онъ очень совѣлся съ регентомъ. Однажды, ему по-
 надобилось что-то сообщить этому послѣднему. Онъ послалъ къ
 нему своего слугу. Слуга долго бродилъ по городу, но не нашелъ
 Пале-Рояля. — Фу, какая скука, воскликнулъ Радзивиллъ по воз-
 вращеніи слуги, велите моему повѣренному спустить дома между
 моимъ дворцомъ и Пале-Роялемъ, да и сдѣлайте улицу, чтобы
 этотъ дуракъ не луталъ, когда я его опять пошлю къ регенту!
 Такъ образовался passage Radzivil.

Очень возможно, что организмъ Радзивилла не былъ эластичнѣе
 организма г. Воронцова; это не помѣшало и не могло помѣшать
 несомнѣнному пану прожизнать безконечно больше, чѣмъ про-
 живаетъ г. Воронцовъ. Одного этого анекдота, слышаннаго авто-
 ромъ «Былаго и Дуны» отъ Ворцеля, достаточно, чтобы показать,
 какъ мало расходъ высшихъ классовъ зависитъ отъ ихъ физио-
 логическихъ потребностей—собственно такъ называемыхъ—и до
 какой степени неумѣсто искать въ физиологіи убѣжденія отъ за-
 трудней, встрѣчающихся въ области «теоретической экономіи».

¹⁾ «Очерки», стр. 161.

Если бы, составляя смету своих ежегодных расходов, крупные предприниматели должны были считаться только съ «эластичностью» своего организма, то им, право, не знаемъ, гдѣ остановились бы эти расходы.

Дѣло тутъ вовсе не въ эластичности организма, а въ тѣхъ самыхъ законахъ капиталистическаго способа производства, о которыхъ собирався говорить нашъ авторъ. Расширеніе производства, а слѣдствительно и накопленіе капитала, обязательно для предпринимателя *по чисто экономическимъ причинамъ*. Что въ капиталистическомъ обществѣ расширеніе это встрѣчаетъ много препятствій, ведущихъ къ періодическимъ потрясеніямъ всего производительнаго общественнаго организма, это неоспоримо. Но существованіе этихъ препятствій вовсе еще не доказываетъ, что въ капиталистическихъ странахъ сбытъ продуктовъ можетъ увеличиваться только на счетъ иностранныхъ рынковъ. Увеличеніе емкости внутреннего рынка такихъ странъ представляетъ собою безспорный историческій фактъ, и отъ этого факта нельзя отговориться произвольными примѣрными выкладками на подобіе тѣхъ, которымъ предается г. Воронцовъ въ очеркѣ: «капиталистическій законъ производства, распределенія и потребленія» (см. напр. стр. 127: «въ странѣ, именуемой у насъ Англійей», «въ нашей такъ называемой Германіи» и т. п.). Разумѣется, и это увеличеніе имѣетъ свои предѣлы, перейти которые капитализмъ рано или поздно окажется неспособнымъ. Но до наступленія этого времени капитализмъ каждой изъ большихъ промышленныкъ странъ будетъ развиваться не только на счетъ внѣшняго, но и на счетъ внутреннего рынка.

Это тѣмъ болѣе приходится сказать о Россіи, которая, по словамъ г. Воронцова, есть одна изъ некапиталистическихъ странъ (стр. 206). Разъ въ такой странѣ началось развитіе капитализма, оно, конечно, можетъ встрѣтить — и даже напредумно встрѣтить — много препятствій со стороны устарѣлыхъ, отживающихъ общественныхъ отношеній, но оно не встрѣтитъ тѣхъ предѣловъ, которые сами являются лишь какъ результатъ полного торжества капиталистическаго способа производства.

Постепенное, все болѣе и болѣе быстрое исчезновеніе въ ней

старого натурального хозяйства постоянно открываетъ передъ капиталомъ новое, все болѣе и болѣе широкое поле. Капиталъ, оказавшійся излишкомъ въ одной отрасли промышленности, можетъ быть съ успѣхомъ перенесенъ въ другую, новую область, гдѣ ему надобно будетъ, да и то не всегда, преодолѣть лишь вовсе неопасную конкуренцію производителей, державшихъ допотопныхъ способовъ производства ¹⁾.

Устарѣлыя, оживающія общественныя отношенія производителей представляютъ собой много препятствій для развитія капитализма въ Россіи. Но въ этомъ нѣтъ ровно ничего удивительнаго. Такъ было не только въ Россіи. Такъ было вездѣ и вездю до тѣхъ поръ, пока капитализму не удавалось преодолѣть препятствія, встрѣчавшіяся ему со стороны устарѣлыхъ общественныхъ отношеній. Но что, не смотря на указанные препятствія, русскій капитализмъ все-таки быстро развивается, частью завоевывая, а частью *создавая* внутренний рынокъ, этого не могутъ не сознавать, этого не могутъ не признавать сами сторонники такъ называемаго у насъ народнаго способа производства. Вотъ, что мы читаемъ, напримеръ, въ томъ самомъ «Новомъ Словѣ», однимъ изъ столповъ котораго является не-классическій авторъ «Очерковъ теоретической экономіи».

«Горное дѣло на югѣ Россіи выросло на нашихъ глазахъ. Это можно сказать буквально о жѣлезной промышленности, наилучшей особенное развитіе именно въ послѣднее десятилѣтіе. Каменноугольное дѣло нѣсколько старше, но и оно за послѣднія 10 лѣтъ выросло втрое, и Донецкій бассейнъ даетъ теперь больше угля, нежели всѣ остальные каменноугольные районы: польскій, уральскій и, подмосковный и др.» ²⁾.

¹⁾ На это обстоятельство не разъ уже указывали г. Веропшова, Углицкая на него, между прочимъ, и г. Туганъ-Барановскій въ своемъ изслѣдованіи о промышленныхъ кризисахъ въ Англій (стр. 436, примѣч.). Г. Веропшова обонялъ значаніемъ это выраженіе г. Туганъ-Барановскаго, Статистическая черта г. Веропшова заключается въ полной неспособності не только возраженія своихъ противниковъ. Въ этомъ отношеніи «замечательность» его сорганизма крайне незначительна.

²⁾ «Новое Слово», Октябрь 1895, Библиографическій отдѣлъ, стр. 80.

Это показывает, если не ошибаемся, что въ горнозаводской промышленности дѣла капитализма обстоятъ не такъ ужъ плохо, какъ этого хотѣлось бы г. народникамъ. Подумайте, въ самомъ дѣлѣ: «за послѣднія 25 л. эта отрасль въ Россіи возросла почти въ 10 разъ, въ то время, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ всего въ 3½, разъ, въ Австріи въ 3 разъ, въ Германіи въ 2—3 раза и въ Англіи въ 1½, разъ»¹⁾. Не ясно ли, что въ этой отрасли капитализмъ не встрѣчаетъ тѣхъ непреодолимыхъ препятствій, которыми вырастаютъ для него изъ... примѣрныхъ арифметическихъ расчетовъ г. Воронцова? А если это такъ, то не ясно ли, что расчеты эти не волиѣ самостоятельны?

Рецензентъ «Новаго Слова» прибавляетъ: «Но тѣ же цифры получаютъ совершенно иное значеніе, если отъ относительныхъ величинъ мы перейдемъ къ абсолютнымъ и узнаемъ, что тогда какъ средняя ежегодная добыча угля въ теченіи 1881—1890 гг., сравнительно съ пятилѣтіемъ 1866—1870 гг., въ Австріи повысилась на 853 милл. пуд., въ Германіи на 2,695 милл. пуд., въ Великобританіи на 3,709 милл. пуд. и въ Соединенныхъ Штатахъ на 4,853 милл. пуд., въ Россіи она увеличилась всего на 261 милл. пуд., — меньше, нежели въ крошечной Бельгіи (на 337 м. п.)».

Намъ кажется, что когда рѣчь идетъ о развитіи той или другой отрасли промышленности, то важны прежде всего именно «относительныя величины», которыя одни только и способны показать, стоитъ ли она на одномъ мѣстѣ, подвигается ли она впередъ, или, напротивъ, идетъ назадъ. Мы видимъ, что «относительныя величины», показывающія ростъ горнаго дѣла въ Россіи, не оправдываютъ народническихъ предсказаній касательно «судебъ русскаго капитализма». Что же касается абсолютныхъ величинъ, то онѣ только свидѣтельствуютъ, что горное дѣло развито у насъ пока еще слабо; но о будущей судьбѣ этого дѣла онѣ не говорить, да и говорить не могутъ. А если и говорить, то говорить скорѣе противное тому, въ чемъ хотѣлъ бы увѣрить насъ г. Воронцовъ: онѣ показываютъ, что въ этой отрасли промышленности капиталисты-предприниматели могутъ еще очень и очень широко рас-

¹⁾ Тамъ же, стр. 81.

ширять свое производство. И вотъ тутъ-то и является многозначительнымъ свидѣтельство «относительныхъ величинъ», изъ котораго известно, что горное дѣло растетъ у насъ дѣйствительно чрезвычайно быстро. А развитіе горнаго дѣла дастъ новый толчекъ другимъ отраслямъ промышленности, развитіе которыхъ въ свою очередь увеличитъ рынокъ для сбыта продуктовъ горнаго дѣла. Таковы естественный и неизбежный теперь ходъ вещей, противъ котораго напрасно ополчается г. Воронцовъ со своими соображеніями объ «эластичности» человѣческаго организма и со своими примѣрными расчетами.

«Постоянный избытокъ товаровъ на рынкѣ—говорить вышѣ авторъ—долженъ служить оградой прешатствіемъ дальнѣйшему прогрессу капиталистической промышленности. При такомъ избыткѣ дѣлы продуктовъ падаютъ, многіе производители разоряются, другіе претерпѣваютъ сокращеніе доходовъ»¹⁾.

Что правда, то правда; именно такія явленія наблюдаются тамъ, гдѣ рынокъ переполненъ товарами. Эти явленія до такой степени неизбежны, что тамъ, гдѣ мы встрѣчаемся съ ними, мы почти безъ ошибки можемъ улозаклчить къ переполненію рынка товарами. Посмотримъ же, «разоряются» ли русскіе производители-капиталисты.

Изъ опубликованныхъ въ «Вѣстникѣ финансовъ» отчетокъ за 1887 годъ видно, что чистой прибыли получали:

Россійская бумагопрядильня въ Петербургѣ	15	проц.
Товарищество мануфактуры Балана	16	»
» Викулы Морозова	16	»
Нарвская льнопрядильня	18	»
Самсоновская бумагопрядильня	21,3	»
Товарищество Екатеринбургской бумагопрядильни	23	»
Бумагокрасильная фабрика Рабенка	25,4	»
Измайловская бумагопрядильня	26	»
Никольская мануфактура Морозова	28	»
Невская бумагопрядильня	38	»

¹⁾ «Обзоръ», стр. 180.

Кривогольская мануфактура	44,9 проц.
Товарищество шерстяных надъбай Торитона	45 . . . 9)

Это уже очень почтенныя цифры, по говорить, что онѣ не соответствуютъ действительности; что на самомъ дѣлѣ чистая прибыль нашихъ предпринимателей еще и очень значительно выше. Такъ, наприимѣръ, есть основаніи думать, что мануфактура Видулы Морозова дала не 16, а 28 процентовъ чистаго дохода, Невская бумагопрядильня не 38, а 53, Никольская мануфактура не 28, а свыше 40 проц. и т. д. ¹⁾ Допустимъ, однако, что это преувеличенный расчетъ; допустимъ, что наши крупные предприниматели не скрываютъ истины и не стараются ложными отчетами «сохранить за собою право плакаться на худыя дѣла». Все-таки выходитъ, что мы очень далеки отъ того переполюсненія нашего рынка, которое ведетъ за собою разореніе предпринимателей, и что какова бы ни была «эластичность» организма нашихъ капиталистовъ, она не мѣшаетъ имъ дѣлать хорошия дѣла и съ увѣренностью смотрѣть въ будущее, какъ выразился года два тому назадъ г. Морозовъ въ своей нижегородской рѣчи. Выходитъ, что каковы бы ни были препятствія, встрѣаемыя русскими капиталистами со стороны нашихъ устарѣлыхъ «производительныхъ отношеній», этотъ способъ производства еще не пошатъ у насъ въ тѣ противорѣчія, которыя несомнѣнно явятся, когда онъ станетъ съловиться въ упадку и на который хотѣлъ указать г. Воронцовъ своими разсужденіями объ эластичности человѣческаго организма.

Предпринимательская прибыль очень высока у насъ въ настоящее время: и именно этимъ обстоятельствомъ объясняется ничтожность усилій, дѣлаемыхъ русскими капиталистами для завоеванія иностранныхъ рынковъ.

Когда у насъ въ литературѣ поднимается вопросъ о такомъ завоеваніи, то наши касльдователи ограничиваются рутиннымъ и равно ничего не объясняющимъ соображеніемъ, сводящимся къ

¹⁾ Ходатайства Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества объ измѣненіяхъ въ русскому таможенному тарифу. С.-Петербургъ. 1890 г. стр. 150.

²⁾ Тамъ же, стр. 151.

формулы: «гдѣ ужь намъ». Даже Императорское Вольное Экономическое Общество въ своихъ «Ходатайствахъ» безъ дальнѣйшихъ доказательствъ и объясненій заявляетъ, что и самыя распространенныя у насъ хлопчатобумажныя издѣлія, «68 лѣтъ уже протезируемы запретительными пошлинами, все еще не могутъ конкурировать съ дешевыми чужестранными ни на одномъ доступномъ рынкѣ» (стр. 35). Это совсѣмъ не вѣрно, какъ это хорошо знаютъ иностранцы, знакомые съ состояніемъ русской хлопчатобумажной промышленности и съ качествомъ ея издѣлій.

«Въ общемъ русская хлопчатобумажная промышленность удивительно растетъ...—говорить г. Г. Кунъ—готовятся преимущественно ивнше помера пряжи, но что касается этихъ померовъ, то Россія можетъ успешно соперничать даже съ Англіей»¹⁾.

А что говорить сами англичане, безспорно наиболее компетентные судьи въ этомъ дѣлѣ?

13-го Сентября 1889 года Джорджъ Н. Кордонъ прочтаетъ передъ собраніемъ Британской Ассоціаціи въ Ньюкэстлѣ докладъ, посвященный вопросу о торговомъ соперничествѣ Россіи и Англіи на среднеазиатскихъ рынкахъ. Общій выводъ Кордона тотъ, что «русскіе торговцы все болѣе и болѣе укрупняются въ Средней Азіи, вследствие чего деньги перестаютъ приливать въ бомбейскіе и манчестерскіе карманы, направляясь въ карманы нижегородскіе и московскіе»²⁾.

Кордонъ повторяетъ и подтверждаетъ этотъ выводъ въ своемъ большомъ сочиненіи: *Russia in Central Asia*. London, 1889.

Калькутскій «*Englishman*» въ № отъ 12 Октября 1892 года заявляетъ, что съ постройкой запасной желѣзной дороги рынки Средней Азіи оказываются фактически закрытыми (closed) для англо-индійскихъ продуктовъ.

Лондонскій «*Board of Trade Journal*» далеко отъ пессимизма Кордона. Въ статьѣ «*Manchester Cotton Goods in Persia*», напечатанной въ мартовской книжкѣ этого журнала за 1894 годъ, приводится мнѣніе одного свѣдущаго человѣка, который думаетъ,

¹⁾ Die Baumwolle, ihre Kultur, Structur und Verbreitung. Wien, Pest, Leipzig, 1892, стр. 264—265.

²⁾ Asiatic Quarterly Review, October 1889, стр. 439.

что англичане могут удержать за собою все свои прежние персидские рынки за исключением Мешеда. Но эта надежда основывается главным образом вот на какомъ соображеніи:

«Говоря вообще, англійскія хлопчатобумажныя издѣлія предпочитаютъ въ Персіи и продаются тамъ дороже русскихъ, такъ какъ они болѣе приспособлены къ вкусамъ персіянъ. Русскія ткани вообще лучше качествомъ (курсивъ нашъ), но уже англійскихъ» (стр. 322).

Это мнѣніе англичанна-практика о качествѣ русскихъ хлопчатобумажныхъ издѣлій удивить многихъ изъ тѣхъ русскихъ читателей, которые принимаютъ за хорошую мовету тенденціозныя, а отчасти и просто неискренненныя сужденія нѣкоторой части нашей печати. Но въ англійской публикѣ мнѣніе это не является чѣмъ либо исключительнымъ.

Въ 1886 г. генеральный консулъ У. Дек. Эбботъ предпринималъ нѣкое слѣдствіе касательно сбыта англійскихъ хлопчатобумажныхъ издѣлій въ Персіи. Вотъ что узналъ онъ между прочимъ:

It is asserted that these Russian goods leave completely in the background those which are now being imported into this market from Manchester; that they are superior as regards colour, printing, cloth, and especially so in soundness¹⁾.

Эбботъ не сомнѣвается въ томъ, что Манчестеръ можетъ производить ткани лучше московскихъ (еще бы усомнился въ этомъ англичанинъ, бывшій до послѣдняго времени царями хлопчатобумажныхъ рынковъ!). Москва не убогѣетъ Манчестера. Но въ восьмидесятихъ годахъ привозимыя въ Персію русскія издѣлія все-таки оказались значительно лучше англійскихъ, и Эбботъ обращаетъ за это вниманіе англійскаго правительства и англійскихъ фабрикантовъ, замѣчая, что обстоятельство это стоитъ въ тѣсной связи (this subject is intimately connected) съ большимъ развитіемъ

¹⁾ Т. е. что русскія издѣлія этого рода (хлопчатобумажныя и ситцевыя) оставляютъ далеко за собою манчестерскія издѣлія въ отношеніи качества ткани, въ набивкѣ, красочности и особенно прочноствѣ. Foreign Office, Miscellaneous series, 1886, № 15. Persia. Report on the importation of cotton goods of an inferior quality into Persia. p. 3.

русской торговли не только въ Персіи, но и во всей Средней Азии ¹⁾.

Предостереженіе Эббота было принято къ свѣдѣнію манчестерскими фабрикантами. Подъ вліяніемъ русской конкуренціи, во второй половинѣ восьмидесятихъ годовъ, равно какъ и въ девяностыхъ, качество хлопчатобумажныхъ издѣлій, присылаемыхъ въ Персію англійскими фабрикантами, значительно улучшается. Соответственно этому изменяется и тонъ консульскихъ отчетовъ. Теперь рѣже встрѣчаются заявленія о безусловномъ превосходствѣ московскихъ издѣлій. Генеральный консулъ въ Мешедѣ Р. Томпсонъ въ своемъ докладѣ за 1892—1893 г. говоритъ, что эти издѣлія не могутъ сравниться съ манчестерскими. «Но, прибавляетъ онъ, русскіе бодрствуютъ, между тѣмъ, какъ мы снижили издѣлія очень сильно улучшаются съ каждымъ днемъ. Особенно прогрессируютъ, по его мнѣнію, русскіе *смиты*: они «have improved immensely». Поэтому общій выводъ его не особенно утѣшителенъ для англичанъ: «статистика показываетъ, говоритъ онъ, что въ теченіе послѣдняго года наша торговля одѣлала большіе успѣхи, а русскіе пошли назадъ. За это мы должны благодарить холеру... Если холера явится и въ этомъ году, то насъ ожидаетъ результатъ, подобный предшлаговавшему, а если нѣтъ, то намъ предстоитъ большія пораженія» ²⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 5.

²⁾ Foreign Office. 1893. Annual Series, № 1268. Report for the year 1892—1893 on the Trade of the consular district of Meshed, p. p. 3 и 4. Ср. также докладъ ген.-консула Машъ-Лина за 1889—90 г.: All articles of English manufacture are considered infinitely superior, and are much preferred to Russian goods, but being of better materials, and having to be brought a longer distance, they cannot be sold so cheaply. At the present moment English and Russian chintzes are selling at the same price in the bazaars. The Russians are trying to force the English articles out of the market by the importation of large quantities of their own chintz, which they are selling at a very small profit. The English chintz, on the other hand, must be got rid of, and sold, too is being sold at a loss, or at no profit, etc.

Машинъ Машъ-Линъ можно противопоставить также англоперсидское издѣліе китайскаго сѣтунскаго чина, о которомъ совместно русскихъ издѣлій, извѣстнаго Г. Д. Черчиллеви, консуломъ въ Реннѣ, въ отчетѣ за 1892—93 годъ,

Замѣчательно, что какъ ни горды англичане качествомъ своихъ манчестерскихъ издѣлій, но они вынуждены были признать, что на персидскомъ рынкѣ некоторыя русскія ткани, напримѣръ *кумача*, даже будучи уже англійскихъ на нѣсколько дюймовъ, спрашиваются больше и оплачиваются дороже ¹⁾. Имъ пришлось поэтому подражать московскимъ издѣліямъ ²⁾.

Мы могли бы замѣтывать изъ отчетовъ тѣхъ же консуловъ не безынтересныя свѣдѣнія о сбытѣ въ Персіи русскихъ металлическихъ издѣлій, сахара и т. п. Но это выходитъ изъ предѣловъ нашей задачи. Мы хотѣли лишь указать на то, что, вопреки мнѣнію Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, русскія хлопчатобумажныя издѣлія *могли бы* успѣшно конкурировать даже съ англійскими, если бы... если бы наши предприниматели дорожили иностранными рынками. Но они не дорожатъ, да, при вышнемъ положеніи дѣлъ, и не имѣютъ основанія дорожить ими.

Послушаемъ опять англичанъ.

«Наши торговцы болѣе обстоятельные люди и довольствуются низкимъ уровнемъ прибыли», говоритъ генеральный консулъ Айбегъ, въ отчетѣ за 1893—94 годы, вполнѣ соглашаясь въ этомъ случаѣ съ мнѣніемъ цитируемой имъ газеты «*Kaokaz*» ³⁾.

Русскій и особенно московскій хлопчатобумажный фабрикантъ не довольствуется утренней прибылью, скажемъ въ 5 процентовъ. Обыкновенно онъ стремится получить 15, 20 и даже болѣе процентовъ на свой капиталъ, говорить въ своемъ докладѣ за 1892 годъ петербургскій консулъ Майгелль... Онъ не захочетъ изнаться за предприятие, не сулящее ему подобной, необыкновенно высокой прибыли» ⁴⁾.

Майгелль указываетъ и причину этой необыкновенной «эластич-

¹⁾ Foreign office, 1894. Annual Series, № 1376. Persia. Report for the years 1892—93 and 1893—94 on the trade etc. of the consular district of Ispahan, p. 19.

²⁾ Тамъ же стр. 68: our importers have... found it necessary to have cotton goods printed in the same style and designs as some of the Russian chintz. These are known in bazaars as *chit-corus* or Russian chintz...

³⁾ F. O. A. S. № 1429, стр. 2.

⁴⁾ Board of Trade Journal, sept. 1893 годъ, стр. «Cotton manufacture in Russia», стр. 303

ности органима» русских хлопчатобумажных фабрикантов. Они привыкли получать высокій уровень прибыли благодаря извѣстному покровительству (*excessive protection*), говоритъ онъ. И это мнѣніе разделяется очень многими иностранцами.

Если оно справедливо, и мы думаемъ, что оно совершенно справедливо, то слабый вывозъ нашихъ мануфактурныхъ издѣлій объясняется не тѣмъ, что «*куда деть нашу*», а тѣмъ, что «*зачѣмъ же наша*» и «*стоитъ ли руки марать изъ-за пустяковъ?*»

Если бы нашъ внутренний рынокъ действительно былъ хронически переполненъ мануфактурными издѣліями, какъ въ этомъ насъ стараются увѣрить наши старомодные противники капитализма, то тогда наши фабриканты, переставъ получать привычную для нихъ, ненормально высокую прибыль, обратили бы серьезное вниманіе на иностранные рынки. Теперь же ихъ не тянетъ на иностранные рынки по той простой причинѣ, что имъ достаточно хорошо, даже болѣе, обыкновенно хорошо и у себя дома.

«Вывозъ изъ Россіи издѣлій сталъ съ половины восьмидесятихъ годовъ довольно сильно возрастать — говоритъ г. Моревъ. До 1886 года ихъ никогда не вывозилось болѣе, чѣмъ на 7.360,000 рублей, въ среднемъ же выводѣ за десятилѣтіе 1876—1885 гг. вывозъ составлялъ только 6.107,000 руб.; въ послѣднее же пятилѣтіе съ 1888 по 1892 г. средній вывозъ издѣлій равнялся 25.144,000, слѣдовательно, увеличился въ 4 раза. Несмотря, однако, на такое быстрое увеличеніе вывоза издѣлій, они и теперь еще составляютъ очень незначительную часть изъ общей суммѣ нашего отпуска»¹⁾.

Это безусловно справедливо и, какъ мы видѣли, вполне понятно.

Покровительственный тарифъ въ теченіе нѣкотораго времени былъ совершенно необходимъ для развитія нашей крупной и вообще капиталистической промышленности. Но теперь и особенно при тѣхъ размѣрахъ, которые приняло покровительство въ девяностыхъ годахъ, онъ, продолжая быть выгоднымъ для нѣкотораго числа русскихъ капиталистовъ, начинаетъ задерживать дальнѣй-

¹⁾ Очеркъ коммерческой географіи и промышленной статистики Россіи, изданіе четвертое, стр. 304.

шее развитие русского капитализма. Наша промышленность не сдѣлаетъ всѣхъ тѣхъ успѣховъ, которые она можетъ сдѣлать до тѣхъ поръ, пока существуютъ нынѣшняя почти запретительная система. Впрочемъ она не можетъ быть долговѣчною. Чѣмъ болѣе капиталистическій способъ производства будетъ охватывать наше земледѣліе ¹⁾, тѣмъ сильнѣе скажется необходимость уступокъ нашимъ фритредерамъ, и теперь въ значительной степени сознательно или бессознательно вдохновляемыхъ интересами эмледальскаго капитала, и всякая такая уступка послужитъ сильнымъ толчкомъ для развитія нашей обрабатывающей промышленности ²⁾. Тогда и дѣло завоеванія внѣшнихъ рынковъ приметъ у насъ другой оборотъ, а лучше сказать, — тогда оно *дѣйствительно начнется*. А теперь — мы можемъ, *да не видимъ необходимости*.

Наши старомодные «враги капитализма» воображаютъ, что разъ на всемірномъ рынкѣ утвердился «болѣе передовая страна», то странамъ «отсталымъ» тамъ рѣшительно нечего дѣлать. Это представление не соответствуетъ действительности. На самомъ дѣлѣ «отсталыя страны» силою вещей *вынуждаются* догонять «передовыя» и часто соперничаютъ съ ними *очень усильно*. Было время, когда немцамъ странно было бы и думать о соперничествѣ съ Англіей, а теперь горькій опытъ показываетъ англичанамъ, какіе быстрые успѣхи дѣлаетъ нѣмецкая промышленность ³⁾.

Да что немцы! Теперь съ англичанами конкурируетъ (на китайскихъ рынкахъ) уже Остъ-Индія и даже Японія ⁴⁾. Про-

¹⁾ Ниже мы увидимъ, въ какомъ видѣ этотъ способъ производства является у насъ, кромѣмъ, въ земледѣліи.

²⁾ Хотя, разумѣется, только до нѣкоторыхъ предѣловъ. О полной свободѣ торговли теперь у насъ не можетъ быть рѣчи (да не о ней говорить и наши фритредеры).

³⁾ «There has been for some years a panic among British merchants here with regard to german trade, which they maintain is besting the British import, out of the country». F. O. 1892. A. S. № 1099. Report district of the consulate-general at Constantinople, p. 5.

⁴⁾ До какой степени здѣсь неуместно схематизировать и все зависить отъ сочетанія великаго множества отдѣльныхъ условій, показываетъ слѣдующій примеръ. Остъ-Индія хлопчатобумажными тканями съ трудомъ выдерживаетъ

мысленная монополия Англии отошла уже в область предания, — и это обстоятельство имеет огромную важность для всего культурного мира: оно несомненно будет способствовать новому, прогрессивному видоизменению общественных отношений производителей в самой Англии, и в то же время оно означает, что «отсталая страна» все более и более разрывалась с идеализмом ветхозаветной, сельской жизни; что одна Обломовка за другою пробуждается от своего анковского сна. Сожалеть об этом могут только те, которые сами еще не совсем проснулись или которым хотелось бы по той или иной причине уснуть другим.

Г. Воронцов уверяет, что он вовсе не сторонник промышленного сна и экономического застоя, что он тоже сторонник поступательного движения, но что он не видит, почему поступательное движение должно совершаться под знаменем капитализма, а не под знаменем *народной* промышленности. В последующих главах мы на примере России увидим, до какой степени прав был экономист, сказавший, что тот способ производства, который у г. Воронцова называется *народным*, превращается по своей неизбежной внутренней диалектике в производство *капиталистическое*. А теперь, подводя итоги сказанному нами о г. Воронцове, как политико-экономисте, заметим:

Взгляды экономистов-классиков во многих отношениях неудовлетворительны. Это знает теперь всякий школьник. Но если бы мы не имѣли для замены этих устарѣлых взглядов ничего, кромѣ сбивчивых и запутанных экономических воззрѣній г. Воронцова, то нам лучше было бы покрепче держаться за экономистов-классиков: маленькая рыба все же лучше, чѣм большой тараканъ — справедливо полагать нашъ сатирикъ.

Объяснение
всего
этого

на китайских рынках конкуренцию манчестерских, между тѣмъ какъ есть-индская пряжа легче сбывается тамъ, чѣмъ англійская.

ВСТУПЛЕНИЕ

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

Г. ВОРОНЦОВЪ, КАКЪ ТЕОРЕТИКЪ НАРОДНИЧЕСТВА.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Г. Кудринъ выразилъ въ «Русскомъ Богатствѣ» ту человѣколюбивую мысль, что г. Воронцову слѣдуетъ простить его скитанія въ дебряхъ «Нашихъ направлений». Мы ничего не имѣемъ противъ этого: и въ самомъ дѣлѣ, почему не простить г. Воронцову его теоретическихъ злоключеній? Мы не понимаемъ только, почему г. Кудринъ не идетъ дальше и не извиняется также и за «Очерки теоретической экономіи»: они еще слабѣе «Нашихъ направлений». Вообще, если ужъ прощать, то прощать цѣлкомъ и безъ оговорокъ. И не мѣшаетъ помнить при этомъ, что г. Воронцовъ остался вѣренъ себѣ и въ своихъ очеркахъ современной экономической жизни Россіи. Онъ вездѣ такой же убежденный субъективистъ и такой же плохой мыслитель, какими мы видимъ его въ непроходимыхъ дебряхъ «Нашихъ направлений».

Въ этомъ отдѣлѣ мы хотимъ научить г. Воронцова, какъ теоретика народничества.

Г. Воронцовъ говоритъ: «интересы народа, какъ цѣль, формы, вырабатываемыя его коллективной мыслью или другія, состоящія изъ его желанія, какъ средство, и самостоятельность населенія, какъ рычагъ общественной эволюціи—такими три положенія, характеризующія народничество, какими оно опредѣлялось въ реформенную эпоху нашей исторіи. Практическое осуществленіе этихъ *principia* требуетъ умственного подъема массы, который поэтому и поставленъ, какъ главная задача переживаемаго момента»¹⁾.

Для ознакомленія съ формами, вырабатываемыми коллективной мыслью народа, намъ надо ознакомиться съ общиной и съ кустарной промышленностью. Мы начнемъ съ общины.

¹⁾ Наши направленія, стр. 7.

ГЛАВА I.

Община.

Основное социологическое положение г. Воронцова, как мы уже знаем, гласит, что форма общественного быта представляет собою «производное» человеческих чувств и воледей. Вѣрный этому своему *first principle*, г. Воронцовъ въ «Итогахъ экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики» стремится показать, что у русскихъ крестьянъ существуетъ независимое отъ вѣнскихъ условий «стремленіе къ общинѣ, какъ къ формѣ быта»¹⁾.

Онъ увѣряетъ насъ, что, когда бывшіе однодворцы переходить отъ т. н. четвертного землевладѣнія къ общинному, то рѣшающимъ моментомъ въ дѣлѣ этого перехода являются не экономическія нужды землевладѣльцевъ и государства, а «чувства и мысли массъ». Экономія является, такимъ образомъ, функцией психологій.

Если это положеніе г. Воронцова вообще можетъ быть доказано, то, разумѣется, нигдѣ нельзя найти болѣе убѣдительныхъ доказательствъ въ его пользу, какъ именно въ тѣхъ случаяхъ, когда однодворцы отъ частной собственности на землю, существовавшей у нихъ съ очень отдаленнаго времени, переходятъ къ общинному землевладѣнію. Самый фактъ подобнаго перехода, совершающагося подчасъ на нашихъ глазахъ, повидному, дѣлаетъ указанное положеніе совершенно несомнѣннымъ и ужъ, конечно, проливаетъ яркій свѣтъ на «формы, вырабатываемыя коллективной мыслью» народа.

Приглядимся же къ нему внимательнѣе. По словамъ г. Се-

¹⁾ «Крестьянская община», стр. 42.

менского, уже въ началѣ второй половины XVIII-го вѣка однопольцы стали сознавать необходимость введенія передѣловъ. Это сознание сказывается въ нѣкоторыхъ наказахъ депутатамъ въ известную Екатерининскую комиссію. «Одновременно съ этимъ— прибавляетъ г. Веронцовъ— необходимости введенія передѣловъ раздаются голоса и изъ среды местной администрации (курсыя нашъ). Толчкомъ къ фактическому осуществленію указанного стремленія было генеральное размежеваніе, при которомъ однопольческая земля отводилась не каждому владѣльцу особо, а всѣмъ цѣлому селенію, разверстаніе же отведенной площади между совладѣльцами предоставлено было самимъ крестьянамъ. При этомъ мѣстами произошло, вѣроятно, тоже самое, что можно было наблюдать при размежеваніи четвертныхъ земель въ новѣйшее время: малоземельные крестьяне вставали на разверстаніи земли по душамъ, такое требованіе находило поддержку въ спутанности землевлѣднія и затруднительности опредѣлить юридическую долю каждаго совладѣльца въ общей площади угодья. Гдѣ встрѣтилась указанная комбинація обстоятельствъ, тамъ вопросъ разрешался распределеніемъ земли по душамъ. При такихъ, вѣроятно, условияхъ произошло обращеніе четвертнаго владѣнія въ общинное въ концѣ прошлаго вѣка. Но хотя описываемое время представлялось весьма удобнымъ моментомъ для этого процесса, такъ какъ, при благоприятной идѣ уравнина настроенія правительства, тогда было всеобщее размежеваніе, но въ массѣ населенія идеи перехода отъ подворнаго владѣнія къ общинному, повидимому, недостаточно еще нагрѣла, а при относительномъ многоземельіи, переходъ къ общинѣ и не могъ представляться настолько необходимымъ, какъ въ настоящее время, вслѣдствіе чего обращеніе четвертнаго владѣнія въ общинное осуществлялось сравнительно въ небольшомъ числѣ поселеній. За то разъ начавшись, процессъ продолжалъ развиваться и послѣ исчезновенія указанныхъ благоприятныхъ условий, что доказывается существованіемъ переходовъ отъ четвертей на души въ 10-хъ и 20-хъ гг. текущаго столѣтія... Новый толчекъ процессу обращенія четвертнаго владѣнія въ общинное получилъ въ 30-хъ годахъ, благодаря сочувственному отношенію къ общинѣ учреждений, находившихся подъ управле-

ніамъ графа Киселева..... Третьимъ моментомъ, оказавшимъ вліаніе на процесъ обращенія четвертнаго владѣнія въ душевое, было специальное размежеваніе послѣднихъ десятилетій, имѣвшее цѣлью уничтоженіе чересполосицы разныхъ владѣній... При размежеваніи четвертныхъ земли каждаго селенія по возможности собиравались въ одинъ кусокъ и отмежевывались отъ сосѣднихъ владѣній казны другихъ крестьянскихъ обществъ и помѣщиковъ. Разъ это было сдѣлано, крестьянамъ ставилась задача... разбить общую площадь четвертной земли между совладѣльцами такъ, чтобы каждый изъ нихъ получилъ долю, какою пользоваться до размежеванія. Во многихъ случаяхъ задача эта была довольно затруднительна, такъ какъ постоянное раздробленіе участковъ привело къ тому, что до размежеванія владѣніе каждаго перѣдко состояло изъ разбросанныхъ тамъ и здѣсь клочковъ не точно опредѣленной величины, а мѣстами площадь, принадлежащая каждому члену общины, измѣрилась не десятинами, а неопредѣленною мѣрою— «четверть», или даже выражалась въ частяхъ общаго владѣнія, въ зависимости, между прочимъ, отъ степени близости родства владѣльца съ родовачальникомъ общества. Этотъ способъ измѣренія владѣній собственниковъ иногда приводилъ къ такой запутанности землевладѣнія, что и до размежеванія крестьянамъ трудно было разбираться въ своихъ участкахъ. Такъ, въ татарской деревнѣ Тетюшевскаго уѣзда, Степное Елани, единственнымъ лицомъ, знающимъ и вѣдающимъ дѣла односельцевъ, является Хасанъ Незабова. «Безъ Хасана бѣда, говорятъ крестьяне, онъ кончалъ (умретъ)—айда споръ,—лучше бы уже подъ одну шапку». Такой исходъ спутанности и дробности землевладѣнія, какъ подведеніе «подъ одну шапку» встрѣчается перѣдко и имѣетъ вѣсто какъ при размежеваніи такъ и внѣ его¹⁾.

Все это съ поразительной ясностью доказываетъ, что въ фактѣ перехода крестьянъ отъ четвертнаго владѣнія къ общинному роду «вѣчныхъ условій» была осязательная волна. Разъ всматриваю у читателя это убѣжденіе,—а оно не можетъ не возникнуть—оно естественно спрашиваетъ себя: да ужь не въ этихъ-ли условіяхъ и

1) Крестьянская община, 31—35.

все дѣло? Не ими-ли создано, не ими-ли поддерживалось стремленіе четвертныхъ крестьянъ «къ общинѣ, какъ къ формѣ быта»?

Г. Воронцовъ горюится разсѣять эти сомнѣнія.

«Такая запутанность и неопредѣленность земельныхъ, однако,—говоритъ онъ—существовала далеко не во всѣхъ обществахъ, перешедшихъ отъ четвертей на души; ее нельзя считать единственнымъ и даже главнымъ основаніемъ такого перехода. Съ другой стороны, при известномъ психическомъ настроеніи массы, распределеніе земли между сохотѣльцами и при запутанности отношеній могло бы все-таки разрѣшиться на принципі старого владѣнія, хотя бы для этого и пришлось неоднократно обращаться къ суду. Въ крайнемъ случаѣ, наконецъ, общество рѣшилось бы на то, чтобы разрубить гордиевъ узелъ подушной разверстной землей, прибѣгая къ этой мѣрѣ лишь какъ способу разверстанія, за неизмѣнней лучшаго, и оставляя юридическія основанія земельнаго владѣнія нетронутыми, сохранивъ наследственное владѣніе землей. Легкое согласіе крестьянъ на примѣненіе этого способа разрѣшенія затрудненій, конечно, свидѣтельствовало бы о значительномъ развитіи социальныхъ чувствъ въ населеніи и отсутствіи того индивидуализма, развивающагося на почвѣ частной собственности, который является большимъ препятствіемъ къ мирному разрѣшенію земельныхъ затрудненій. Но если, не ограничиваясь одновременнымъ передѣломъ земли, общество вводило его въ обычную практику, это доказываетъ нѣчто большее, чѣмъ социальную покладистость населенія; оно свидѣтельствуетъ о сочувствіи массы къ идеѣ, опредѣляющей тотъ или другой складъ социальныхъ отношеній»¹⁾.

Итакъ, значительное развитіе социальныхъ чувствъ и отсутствіе индивидуализма въ крестьянской средѣ способствовало *мирному разрѣшенію земельныхъ затрудненій*. Это столь отрадно, что мы приглашаемъ читателя вмѣстѣ съ нами подольше насладиться зрѣлищемъ такой идилліи.

Вотъ, напр., какъ произошло «*мирное разрѣшеніе земель-*

¹⁾ Тамъ же, стр. 36—37.

ных затруднений» въ Рязанскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи.

«Когда неравномерность владѣнія у различныхъ семей становилась резко замѣтной, когда значительной части домохозяевъ становилось тѣсно на ихъ наѣлахъ, малоземельные начинали агитацію о передѣлѣ всей земли по душамъ; они составляли многочисленную и очень дружную группу и скоро склоняли на свою сторону преобладающее большинство домохозяевъ; при этомъ многие даже изъ предвидѣвшихъ уменьшеніе своего владѣнія вследствие передѣла безъ сопротивленія соглашались на него, предвидя отъ новаго порядка пользу въ будущемъ, при увеличеніи семьи. Стоявшее за передѣлъ большинство домохозяевъ уговаривало, улаживало остальныхъ; многихъ поднимали и при этомъ добивались ихъ согласія, поднимая за передѣлъ; самыхъ упорныхъ запугивали, нередко избивали, портили ихъ посѣвы, увозили телеги со дворовъ, бывали случаи поджоговъ и т. п. Однимъ словомъ, употреблялись все средства, чтобы вынудить у противившихся передѣлу «земляковъ» (т. е. многоземельныхъ) согласіе на него. Въ некоторыхъ случаяхъ этихъ собственныхъ средствъ оказывалось недостаточно и вся земля передѣлялась безъ вмешательства суда и вообще начальства; но нередко, несмотря на все усилія большинства, оставалась некоторая, обыкновенно небольшая, часть домохозяевъ, не уступавшихъ никакимъ натискамъ, не согласныхъ на передѣлъ. Тогда дѣло переходило къ начальству, въ судъ. Въ большинствѣ случаевъ и здѣсь «душемык» принимали мѣры, чтобы склонить «начальниковъ» на свою сторону, и имѣли въ этомъ обыкновенно гораздо больше успѣха, чѣмъ ихъ малочисленные противники. По рѣшенію суда и послѣ «увѣщаній» начальства передѣлялась или вся земля, или за исключеніемъ участковъ нѣсколькихъ самыхъ многоземельныхъ и упорныхъ домохозяевъ»¹⁾.

Во многихъ случаяхъ попытки земельного передѣла совершенно разбивались о сопротивленіе «земляковъ», иначе — «широкодачниковъ». Такъ, напр., въ д. Кондратьевой, Спасской волости,

¹⁾ К. П.—въ «Четвертое землеустройство». «Русская Мысль», 1886, № 3, стр. 28—29.

Курского уезда крестьяне «выбжали уже на поле дѣлить землю по душамъ, но широкодачники помѣшали—чуть было смертоубійства не сдѣлали». Въ селѣ Высокомъ той же волости «составили приговоръ о передѣлѣ на души и выѣхали въ поле приводить его въ исполненіе, но широкодачники затѣли драку, въ которой убили одного крестьянина, что и помѣшало совершенію передѣла». Въ деревнѣ Ванинѣ, Старковской волости, «передѣлъ по приговору состоялся, владѣли по душамъ четыре года, но потомъ широкодачники дѣло казачь поворачивали; обошлось имъ это больше 2,000 рублей¹⁾. Въ селѣ Грязновкѣ, Троицкой волости, Раденбургскаго уезда, «во время размежеванія поднимались сильные споры о передѣлѣ земля по душамъ; согласились было на это всѣ, кромѣ двухъ-трехъ самыхъ многоземельныхъ дворовъ, которые затѣявъ перетянули на свою сторону еще нѣсколькихъ хозяевъ. Ожесточеніе противъ нихъ было сильное; на поляхъ дрались въ колья, и т. д. Наконецъ, обѣ стороны наняли адвокатовъ и повели дѣло судомъ, который рѣшилъ его въ пользу четвертнаго владѣнія»²⁾. Въ Выгородскомъ уездѣ, въ д. Вишнѣ, Карповской волости «въ 40-хъ годахъ два раза переходили на души, но оба раза изъ-за смуты, возвращались въ четвертямъ. Дѣло доходило, говорить, до волеень и ножей, такъ что священникъ выходилъ въ поле въ церковномъ облаченіи и съ крестомъ въ рукахъ»³⁾.

При ближайшемъ разсмотрѣніи являли оказывается не столь примечательной, какъ это мы думали, основываясь на словахъ г. Воронцова. Закуливанія и притѣсненія несогласныхъ на передѣлъ, поджоги, драки на поляхъ кольями и ножами, убійства, «униженія» со стороны «мачальниковъ»,—все это придаетъ мирному разрѣшенію поземельныхъ затрудненій нѣсколько воинственныхъ видъ. Съ другой стороны, «стремленіе къ общинѣ, какъ въ формѣ быта», обнаруживается только у малоземельныхъ крестьянъ и совершенно чуждо широкодащикамъ. А это значитъ, что оно является результатомъ тѣхъ самыхъ «вышнихъ условій», отъ

¹⁾ Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Курской губ. Выпускъ первый. Курскій уездъ, Москва 1883, стр. 60.

²⁾ К. П.—въ, цитированная статья «Русская Мысль», 1886, №3, стр. 30.

³⁾ В. В. «Крестьянская община», стр. 49.

которых оно, по уверению г. Воронцова, не зависит. До какой степени велико здесь значение внешних условий, показывает следующий замечательный случай. «В с. Колыбельскомъ и Демкинѣ около 1860 года передѣлили было по душамъ большую часть земли, выдѣливъ на уголь участки несогласившихся на это; но затѣмъ многие изъ данныхъ сначала свое согласие на передѣлъ потребовали восстановления прежняго владѣнія: согласившаяся, они имѣли въ виду передѣлъ всей земли, а судъ разрѣшилъ передѣлать лишь земли «согласившихся»; за выдѣломъ самихъ многоземельныхъ, какъ несогласныхъ, многимъ изъ согласившихся прежде на передѣлъ оный сталъ невыгоденъ и потому не состоялся»¹⁾. Иначе сказать, пока малоземельные надѣялись, что имъ удастся пожить на землѣ широкодачниковъ, у нихъ было сильное «стремленіе къ общинѣ, какъ къ формѣ быта», а когда ожидаемая добыча ускользнула изъ ихъ рукъ, они вдругъ почувствовали совершенно противоположное стремленіе къ частной собственности. Г. Воронцовъ и самъ видитъ, что факты плохо согласуются съ его теоріей. «Переходи къ психологическимъ основаціямъ изучаемаго процесса, нельзя не остановиться прежде всего на узко-эгоистическихъ его мотивахъ»²⁾, — сознается онъ. Однако, его еще не покидаетъ надежда справиться съ фактами, примирить ихъ со «стремленіемъ къ общинѣ, какъ къ формѣ быта».

«Но признавая всю важность стремленій малоземельныхъ крестьянъ расширить свои участки на счетъ широкодачниковъ, какъ причину перехода (отъ) четвертей на души, мы не можемъ этому мотиву приписать въ процессѣ обращенія четвертнаго владѣнія въ общинное решающую роль. Для того, чтобы переходъ совершился, за него должно стоять огромное большинство общества; неврѣотно, чтобы все это большинство выиграло при этомъ на величинѣ участка. Это было бы вѣрно, если бы четвертные владѣльцы распались на массу крайне малоземельныхъ и небольшое число очень многоземельныхъ крестьянъ. Но подобная крайности неравнобѣрнаго распределенія земли встрѣчались, вѣро-

¹⁾ К. П.—изъ цитированнаго статьи, стр. 30. Это далеко не единственный случай возврата крестьянъ отъ душевого владѣнія къ четвертному.

²⁾ „Крестьянская община“, стр. 40.

итно, рѣдко, обыкновенно же на ряду съ крайними группами стояла группа крестьянъ среднеземельныхъ, для которыхъ подушное уравнение земли не принесло ни зажиточнаго преравенія, ни уменьшенія участковъ. Эта группа своимъ голосомъ нерѣдко рѣшала вопросъ въ пользу уравненія... Присоединеніе среднеземельнаго крестьянина къ сторонникамъ уравненія заставляеть предполагать, что въ послѣднемъ крестьяне видятъ нѣчто болѣе благовидное, чѣмъ экспроприацію владѣній богатыхъ въ пользу бѣдныхъ, что переходъ въ общинѣ значить для нихъ не одно только уравненіе земли въ настоящемъ, въ которомъ данная группа не участвуетъ, что идея общины связывается въ ихъ представленіи съ идеей формы быта, формы отношеній, отличной отъ той, какая свойственна четвертому владѣнію.

Это стремленіе къ иной организаціи быта... существуютъ и въ сознаніи малоземельныхъ, которымъ такой переходъ выгоденъ непосредственно... Сторонники передѣла весьма часто прибѣгаютъ къ различнымъ благо- и неблаговиднымъ средствамъ побужденія широководчиковъ не отдѣляться отъ міра—прибѣгаютъ, потому что перспектива расширенія ихъ участковъ составляетъ, какъ мы сказали, важный мотивъ, склоняющій крестьянъ къ общинѣ,—и во успѣвъ въ этомъ, иногда откладываютъ намѣреніе перейти на души; но столь же часто, а можетъ быть и чаще, общество распадается при этомъ на два: нѣсколько богачей остаются при старыхъ правахъ, масса мало- и среднеземельныхъ крестьянъ образуетъ подворную форму владѣнія въ общинную. Въ такихъ случаяхъ выгоды, протекающія отъ увеличенія участка, сводятся къ минимуму въ томъ смыслѣ, что таковое увеличеніе достается самой малоземельной группѣ крестьянъ. Если же на переходъ согласилось и остальное большинство, то уже не изъ-за возможности пользоваться при этомъ чужою собственностью, а изъ-за иныхъ преимуществъ новыхъ порядковъ,—иначе говоря,—изъ стремленія къ общинѣ, какъ къ формѣ быта: ⁴⁾ «Благоприятное отношеніе къ общинѣ доказали и нѣкоторые изъ крестьянъ, не перешедшихъ со всѣми односельцами на души, когда, черезъ

⁴⁾ „Крестьянская община“, стр. 41—42.

несколько дѣтъ отдѣльнаго существованія на своихъ большихъ участкахъ, они согласились присоединить свои угодья къ общему владѣнiю»¹⁾.

Обращаемся опять къ фактамъ.

Въ Новоскольскомъ уѣздѣ, при переходѣ въ 1859 году деревни Цыпляевки, Троицкой волости, на души, 85 рев. душъ изъ 437 осталось при старомъ владѣнiи и получала землю въ особнякъ. Но «такой расколъ оказался невыгоднымъ для протестантовъ, такъ какъ, имѣя незначительный особнякъ, они были лишены возможности пасти на немъ скота, а миряне на свою землю его не пускали». Поэтому, 78 «протестантовъ» пожелали присоединиться къ общинѣ²⁾.

Въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ, «въ с. Мясодовкѣ, противъ передѣла протестовали двѣ фамилии изъ семи, но имъ пригрозили карѣзать землю и дала отъ усадебъ и не пропускать туда скота, и онѣ согласилась съ большинствомъ».

Въ селѣ Севриковѣ того же уѣзда «недовольствъ передѣломъ былъ лишь одинъ домохозяинъ, который за это и былъ миромъ публично высѣченъ».

Въ д. Незащскѣ, Мценскаго уѣзда, «ширококачички согласились пустить свои 25 десятинъ земли въ передѣлъ съ условiемъ, чтобы сверхъ шести десятинъ, приходящихся ему по душевой разверсткѣ, ему дали бы еще по одной десятинѣ лучшей земли въ каждомъ полѣ»³⁾.

Довольно. Остатки неразрѣшеннымъ мало изслѣдованнымъ нами вопросомъ о томъ, насколько «публичное мнение народа» способствуетъ рожденiю въ ширококачичкахъ «стремленiя къ общинѣ, какъ формѣ быта», мы замѣтимъ, что всѣ остальные изъ указанныхъ случаевъ доказываютъ какъ разъ противоположное тому, что г. Воронцову хотѣлось бы доказать. Во всѣхъ этихъ случаяхъ ширококачички присоединились къ общинѣ именно подъ влiянiемъ «вышнихъ» условiй самаго недвусмысленнаго характера. Въ своей, уже цитированной нами, статьѣ «Четвертое

¹⁾ «Крестьянская община», стр. 43.

²⁾ Тамъ же, стр. 49.

³⁾ Тамъ же, стр. 44, примѣчанiе.

землеуладініе» г. К. П.—въ признаеть это безъ всякихъ обинкавъ. «Иногда и эти послѣдніе (широкодачники), проуладініе два-три года отдѣльно отъ остальныхъ, отдавали затѣмъ свою землю въ общій передѣлъ, вынуждаемые къ этому множествомъ притѣсненій со стороны громаднаго числа односельцевъ, которые выдѣляли четвертными самую плодую землю, не пускали ихъ скота на общіе выпасы, донимали штрафами за потрапы, при раскладкѣ податей облагали «не по совѣсти», «зря» и т. п. Тамъ, гдѣ не согласившіеся на передѣлъ составляли болѣе многочисленную и сильную грунну, они удержались въ своей новой позиціи, на выдѣленномъ отъ остальныхъ участкѣ» (стр. 29). Кажется, ясно? Г. К. П.—въ тоже имѣеть очень сильное «стремленіе къ общинѣ, какъ къ формѣ быта», но, болѣе добросовѣстной изслѣдователь, онъ не пытается, по крайней мѣрѣ, въ угоду этому стремленію, направить совершенно очевидный смыслъ фактовъ.

Въ селѣ Тросномъ Елецкаго уѣзда превращенію въ душевое владѣніе «подерлася» не только четвертная земля, о которой еще можно было спорить, но даже и земли, купленная отдѣльными домохозяевами, т. е. такая земля, относительно которой всякіе споры были невозможны по существу. Положимъ, это произошло «по предписанію казенной палаты, разъяснившей, что эта земля не подходитъ подъ категорію признаваемой личной собственности однодворцевъ, въ которую включаются лишь земли, приобретенныя у постороннихъ лицъ до времени запрещенія такихъ покупокъ межевой инструкціей»¹⁾ Но какимъ образомъ въ это дѣло вмѣшалась палата? Не вследствие-ли ходатайства малоземельныхъ крестьянъ, которые, какъ мы знаемъ, вѣрдо обращаются за помощью къ «начальникамъ»? Это по вѣщней мѣрѣ вѣроятно. А если это вѣроятно, то не совпало-ли при этомъ у малоземельныхъ «стремленіе къ общинѣ, какъ къ формѣ быта», со стремленіемъ «пользоваться чужою собственностью»? Повидимому, *спотало какъ нельзя лучше.*

Мы не хотимъ ставить въ вину *сельской беднотѣ* это извѣщеніе къ праву собственности зажиточнаго слоя деревенскаго

¹⁾ «Крестьянская община», стр. 47, стрѣл.

населения. Для него есть много смягчающих обстоятельств. Но мы решительно ставим в вину г. Воронцову попытку придать этому неуважению *мистический вид*, найти его источник в недрах народного духа, как и донынѣ выражаются некоторые теоретики «народности», вѣсто того, чтобы исслать его тамъ, гдѣ онъ дѣйствительно находится, т. е. въ экономіи.

Что касается сочувствія передѣлу «среднеземельныхъ» крестьянъ, которымъ переходъ къ общинѣ не обѣщаетъ будто бы выгоды, то и оно равно ничего не доказываетъ. Во-первыхъ, передѣлу сочувствуютъ даже не всѣ «среднеземельные», какъ это ясно показывають тѣ случаи, въ которыхъ передѣлы не могъ состояться ¹⁾.

Во-вторыхъ, тамъ, гдѣ среднеземельные крестьяне сочувствуютъ ему, ихъ сочувствіе обуславливается рядомъ «вышнихъ условій», нѣкоторыхъ прямыхъ отношеній къ ихъ интересамъ. Здѣсь повторяется то же самое, что слышно и ридомъ происходитъ въ мѣстностяхъ съ издавна установившимся общиннымъ землевладѣніемъ. Въ этихъ мѣстностяхъ, «по производимымъ вычислениямъ, обыкновенно остается въ умирномъ ота передѣла съ небольшимъ количествомъ домохозяйствъ» ²⁾. Между тѣмъ для его совершенія нужно

¹⁾ Гдѣ найдемъ болѣе полныя данныя, такъ представляется возможнымъ сдѣлать замѣчаніе, что обращеніе четвертой земли въ общинную совершается въ разныхъ мѣстностяхъ далеко не равномерно. Такъ, сѣверныя уѣзды съ широкимъ разлитіемъ четвертого землевадѣнія характеризуются въ то же время и его устойчивостью. Въ Тимокскомъ уѣздѣ, гдѣ четвертые крестьяне составляютъ три четверти населенія, а остальная четверть почти сплошь занята крестьянами бывшими помещичьями, отъ подворного къ общинному владѣнію перешло всего три общества... Въ Курскомъ уѣздѣ, гдѣ число обществъ, владеющихъ землей на четвертныхъ правахъ, достигаетъ 192, къ общинѣ перешло всего три общества четвертныхъ крестьянъ; въ Корочанскомъ уѣздѣ крестьянъ частью или почти четвертныхъ насчитывается болѣе 50 обществъ, переходъ отъ четвертной на души шестеть для 4 обществъ... въ Щигровскомъ уѣздѣ въ четвертномъ владѣніи состоитъ земля у 83 обществъ, переходъ же отъ четвертного владѣнія къ душевому шестеть для 9 общинъ государственнмъ крестьянъ; въ Малекскомъ уѣздѣ изъ 72 обществъ четвертныхъ крестьянъ къ душевому владѣнію перешла одна деревня „Печавна“ и т. д. *Крестянская община* стр. 27—28.

²⁾ «Крестянская община», стр. 58.

согласіе $\frac{2}{3}$ членовъ общины. На первый взглядъ, кажется, поэтому, что часть домохозяевъ, соглашающихся на передѣлъ, руководствуются исключительно «альтруистическими соображеніями». Но при ближайшемъ знакомствѣ съ дѣломъ, оно представляется въ другомъ свѣтѣ. Вотъ поучительные факты. Въ Бердявскомъ уѣздѣ, въ с. Орловкѣ крестьяне приступили къ передѣлу на томъ основаніи, что малоземельные домохозяева слишкомъ обременены были «натуральными повинностями, *распредѣляемыми по рабочей силѣ*». Выказываясь за передѣлъ, среднеземельные крестьяне, не имѣя основанія предполагать увеличенія своихъ надѣловъ, повиновались, однако, самому элементарному соображенію выгоды: вѣдь круговая порука заставляетъ ихъ отвѣчать за несостоятельныхъ членовъ общины. Въ с. Н. Троицкомъ, Дибровскаго уѣзда, «жителю котораго занимались больше скотоводствою, нежели хлѣбопашествомъ, и многіе бросали землю и уходили на сторону, первый передѣлъ по наличнымъ душамъ въ 1878 году имѣлъ цѣлью распределеніе убылыхъ душъ и избавленіе общества отъ платежа за нихъ; слѣдующій передѣлъ по наличнымъ же душамъ въ 1884 г., произведенъ съ цѣлью утравленія отъ пользованія землей лицъ, причисленныхъ къ обществу безъ надѣла, но захватившихъ мѣрсаи угоды». Въ Вугуруславскомъ уѣздѣ «стремленіе крестьянъ распределить недомки на новыхъ основаніяхъ между платежными силами всюду служило почти главнымъ регуляторомъ при передѣлахъ земли»¹⁾.

¹⁾ «Крестьянская община», стр. 148—150.

Въ селѣ Таловкѣ, Соловьевской волости, Какалинскаго у. «раньше вездѣ владѣли по числу ренскихъ душъ... Выморочные души переходили къ обществу, которое, если находило нужнымъ, отдавало ихъ въ другія семьи. Владѣніе навозненія недомокъ въ 1881 г. земли была передѣлена на новое число душъ» (Сборникъ Статист. Свѣдѣній по Сарат. губ. Томъ XI, Камышинскій уѣздъ, Саратовъ, 1891 г. Отд. III, стр. 305). Наложение недопокъ очень часто побуждаетъ крестьянъ къ передѣламъ. Но иногда оно же и затрудняетъ передѣла. Въ хуторѣ Чивомомъ, Красновскаго волости, того же уѣзда «здесь уже довольно, какъ складна и наладна по силѣ домохозяевъ произрасталось... рѣшено поднять землю на число наличныхъ душъ, передѣлъ отложенъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ уплачены недопки, которыми общество затрудняется распределить на новое число душъ (тамъ же,

Во всѣхъ такихъ случаяхъ—а ихъ можно было бы указать еще великое множество—среднеземельнымъ крестьянамъ, чтобы высказаться за передѣлъ, не было рѣшительно никакой надобности ни въ «альтруистическихъ побужденіяхъ», ни въ стремленіи «къ общинѣ, какъ къ формѣ быта»¹⁾.

Допуская, что не вызывають никакихъ сомнѣній тѣ вычисления, по которымъ въ выигривші отъ передѣла остается съ небольшимъ половина домохозяйствъ, несомнѣнно, что эта «съ небольшимъ половина» есть *среднее число*, т. е. своего рода абстракція. Въ отдѣльныхъ случаяхъ дѣйствительность очень отклоняется отъ этой абстракціи: часто отъ передѣла выигрываетъ гораздо большая часть домохозяйствъ, которая дѣлкомъ и стоитъ за него помимо

стр. 258). *Д. Барковскіа, Посельской волости (Хвал. уѣзд) не считаетъ возможнымъ перейти къ валочной дѣлѣ раньше какъ черезъ 5 лѣтъ, когда кончатся всѣ покосы... Та же причина удерживаетъ отъ передѣла Тельтинковскую общину Баранск. вол. Промѣной годъ просили старшину доволать передѣлъ, а онъ отвѣчалъ: «погодите еще урожай». Въ будущемъ году надѣются набрать дѣй триа голосовъ на передѣлъ, но спешатъ хотѣть покрасть великую» (Сборникъ Слѣдств. Слѣдствій по Сар. губ. томъ V, Хвалыинскій уѣздъ. Саратовъ, 1886 г., стр. 26). Одно я та же причина приводитъ къ диаметрально противоположнымъ слѣдствіямъ. Изъ этого видно, какъ легко ошибиться, владея въ нульными сужденіями о современной русской крестьянской жизни, особенно при склонности переносить въ область «народнаго духа» такіе причины явленій, которая поряется исключительно въ крестьянскомъ хозяйствѣ.

¹⁾ Иногда—совсѣмъ напротивъ. Въ с. Губиновск. Мелитопольскаго уѣзда, въ 1869 г., по совету мещанскаго, крестьяне, прежде владавшие землем по праву перваго нахвата, подѣлили землю на равныя дѣли, чтобы набрать мещанамъ покосовъ и *дать возможность близкимъ сѣверамъ свои надѣлы за арендную плату*. Подобныя же мотивы побудили въ передѣлу и какувскую общину въ 1842 г. (Сборникъ статистическихъ слѣдствій по Таврической губернии, томъ I, вып. II, часть II, стр. 49). Въ этомъ случаѣ среднеземельные могли высказываться за передѣлъ съ заднею мыслью вознаграждать себя арендой надѣльныхъ земель. Кроме того, среднеземельныя семьи, уже достигшія предѣла рождаемости и рашчитывающія въ будущемъ не на увеличеніе, а на уменьшеніе числа своихъ душъ, естественно будутъ проиние передѣломъ; тѣ же среднеземельныя семьи, которыя рашчитывають на увеличеніе числа душъ, выскажутся за вытѣ. Слѣдовательно отношеніе «къ общинѣ, какъ къ формѣ быта», здѣсь будетъ опредѣляться простымъ расчетомъ выгоды.

всякаго «стремленія къ общинѣ» и пр. Когда г. Воронцовъ встрѣчается съ такими случаями, онъ, помня лишь отвлеченное среднее число, не можетъ объяснить ихъ иначе, какъ «альтруистическими побужденіями» общинниковъ.

Кромѣ того, какъ группируются поземельные интересы въ тѣхъ общинахъ, гдѣ передѣлъ выгоденъ дѣйствительно только «съ небольшимъ половиной домохозяйствъ»? Противъ него высказывается, очевидно, лишь болѣе или менѣе незначительное меньшинство, такъ какъ часть среднеземельныхъ ничего не выигрываетъ, но и ничего не проигрываетъ отъ передѣла. Борьба ведется, значить, сторонами очень неравными по численности; но въ такомъ случаѣ, тѣмъ среднеземельнымъ крестьянамъ, которые прямо не заинтересованы въ передѣлѣ, часто окажется выгоднѣе поддержать большинство просто изъ страха какихъ нибудь притѣсненій съ его стороны.

Очень часто многіе крестьяне высказываются за передѣлъ именно потому, что онъ не затрагиваетъ ихъ непосредственныхъ хозяйственныхъ интересовъ. Въ д. Андреевкѣ, Нижне-Добринской вол., Камышинскаго уѣзда «землю надѣлхаютъ всегда разверстывали по рабочей силѣ... впрочемъ, эти правила соблюдаются не строго, потому что обладаніе душевымъ надѣломъ не представляетъ ни большого интереса, ни большого убытка» ¹⁾. Въ этомъ случаѣ среднеземельнымъ крестьянамъ не трудно согласиться на передѣлъ и тѣмъ дать г. Воронцову поводъ къ ихъ идеализаціи. А вотъ крестьянамъ-собственникамъ, бывшимъ г. Хохутовой, въ с. Поповкѣ, того же уѣзда, передѣлъ представляется уже не столь безразличнымъ явленіемъ. «До освобожденія ежегодно дѣлили паровое поле по тугамъ, а каждое (изъ трехъ) поле дѣлилось, слѣдовательно, черезъ два года въ третій и, вслѣдствіе тяжести земельныхъ на землѣ платежей, при каждой переверсткѣ производили складку и накладку душъ; складывали души съ умершихъ, съ солдатъ, съ больныхъ и съ несостоятельныхъ, а

¹⁾ Сборникъ Статист. Свидѣній по Сарат. губ. Томъ XI, Отд. III, стр. 234.

со стариковъ по усмотрѣнію общества; не складывали иногда даже и съ 70-лѣтнихъ. Накладывали на 15 — 18-лѣтнихъ $\frac{1}{2}$ души, 18-лѣтнего — 1 душу и на женатаго — $1\frac{1}{2}$ души. Теперь, въслѣдствіе пониженія вынужденныхъ платежей, «тучо дають, да вѣчи я вовсе не дають земля. Надѣям солдатъ теперь остаются въ ихъ семьяхъ»¹⁾. Теперь, при новыхъ условіяхъ, противъ передѣловъ высказываются, вѣроятно, многіе изъ тѣхъ, которые прежде за нихъ стояли. Достаточно было незначительнаго облегченія податной тяготы, чтобы измѣнилось направленіе «народной мысли».

Наконецъ, если бы часть крестьянъ высказывалась въ данное время за передѣлы совершенно независимо отъ какихъ нибудь соображеній выгоды, то и это еще ни мало не доказывало бы правильности взгляда г. Воронцова на русскую общину. Мысли, чувства, привычки и склонности людей создаются условиями ихъ жизни. Выросшіи въ общинѣ крестьянине естественно привыкають къ ней и стоятъ за нее даже тамъ, гдѣ они отъ этого ровно ничего не выигрываютъ, а пожалуй даже и теряють. Въ этомъ сказывается лишь сила привычки, «die Macht der Tradition», какъ выражается г. Кейслеръ въ своемъ известномъ сочиненіи объ общинѣ.

Нарѣдко общинники даже и не подозревають, что можетъ существовать какой нибудь иной родъ крестьянскаго землевладѣнія. Это давно уже констатировали у насъ земскіе статистики, о чемъ съ великой радостью напоминаетъ г. Воронцовъ на стр. 141 своей книги — «Крестьянская община». Но эта неспособность крестьянина хоть на минуку выйти мыслью изъ круга общиннаго представленія свидѣтельствуетъ лишь объ ограниченности его міросозерцанія, а вовсе не о томъ, что его стремленіе къ общинѣ независимо отъ «общинныхъ условій». Покойный Орловъ хорошо понимаетъ это говоря: «воззрѣнія крестьянъ Московской губерніи на мірское землевладѣніе различны, и обусловливаются они главнымъ образомъ хозяйственнымъ положеніемъ общины, къ которой принадлежать высказывающіеся крестьяне,

¹⁾ Тамъ же, стр. 112—113.

а съ другой стороны разницей въ имущественномъ положеніи отдѣльныхъ дворовъ».

Г. Воронцовъ приводитъ (стр. 142) этотъ выводъ Орлова, не догадываясь, что онъ испровергаетъ всё его разсужденіе о независимой отъ «внѣшнихъ условій» приверженности крестьянъ къ общинѣ, «какъ къ формѣ быта». Еще болѣе противорѣчатъ его положенію слѣдующія слова Орлова: «Въ тѣхъ общинахъ, въ которыхъ не имѣется благоприятныхъ условій для земледѣльческаго хозяйства... крестьяне *средняго состоянія* стоятъ за сохраненіе *мірскаго владѣнія*; крестьяне же *крайнихъ состояній*, т. е. *наиболѣе и наименѣе состоятельные, сочувственно относятся къ замѣнѣ мірскаго владѣнія подворно-наследственнымъ*»¹⁾.

Но это замѣчательное явленіе интересно для насъ не только тѣмъ, что оно показываетъ, до какой степени лишены всякаго основанія славянофильскія разсужденія г. Воронцова. Оно свидѣтельствуетъ также о томъ, что крестьянскія мысли уже покидаютъ у насъ свои старыя привычки, что новыя хозяйственныя условія приводятъ крестьянина къ новымъ взглядамъ на поземельныя отношенія. Г. Воронцовъ, старовѣрческаго упорства котораго не поколеблуть никакія «*внѣшнія условія*», никакія перемѣны въ нашемъ народномъ хозяйствѣ, очень кстати позабылъ объ интересномъ свидѣтельствѣ московскаго статистика.

По справедливости надо замѣтить, однако, что не одинъ г. Воронцовъ склоняетъ у насъ изображать «стремленіе къ общинѣ» какъ нечто независимое отъ «внѣшнихъ условій». Эту склонность раздѣляютъ съ нимъ многіе исследователи народной жизни. Г. Ф. Шербина, указавъ на семь общинъ Воронежскаго уѣзда, замѣчаетъ: «Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію тотъ фактъ, что передѣлы земли во всѣхъ семи общинахъ могли произойти при наличности прямыхъ выгодъ не у двухъ третей домохозяевъ. Фактъ, конечно, могущій свидѣтельствовать только о томъ, что крестьяне руководились въ этихъ случаяхъ началомъ справедливости, а не одними материальными выгодами, и что, по-

¹⁾ См. стр. 289—290 извѣстнаго изслѣдованія его: «Формы крестьянскаго землевлѣнія въ Московской губерніи».

этому, часть изъ большинства домохозяевъ сознательно поступила своими интересами въ пользу меньшинства. Но крайней мѣрѣ иного объясненія приведеннымъ выше цифрамъ никакъ нельзя дать, не наслушав фактовъ»¹⁾.

Приведенныя г. Щербина цифры указываютъ лишь переменны, вызванныя передѣломъ въ размѣрахъ участковъ отдельныхъ домохозяевъ. Мы уже знаемъ, что передѣлы могутъ быть выгодны, скажемъ болѣе—необходима крестьянамъ совершенно независимо отъ этихъ переменъ. Поэтому, мы можемъ сказать, что указанные имъ факты еще ровно ничего не доказываютъ. А если бы и доказывали, то развѣ только одно: силу привычки, «*die Macht der Tradition*». Какъ велика эта сила, «свидѣтельствуесть» самъ г. Щербина. «Другой формы владѣнія землей крестьяне, собственно говоря, не понимаютъ даже въ примѣненіи къ своей жизни. На вопросъ о томъ, вѣтъ-ли жемающихъ подѣлить подворно земли на вѣчныя времена, крестьяне вѣсто отвѣта не безъ внутренней тревоги твердятъ обыкновенно: «такъ не полагається», «такъ нельзя», «это—не по русски», «Богъ съ нимъ», «за это насъ дѣти проклянутъ» и проч. и проч. Часто въ отвѣтъ на этотъ вопросъ дѣлые сходы обнаруживаютъ свое недоумѣніе однимъ лишь выразительнымъ: «и-ну?» Еще чаще приходится повторить десять разъ одно и то же въ разныхъ видахъ и съ различными разъясненіями, пока крестьянинъ не усидеть, наконецъ, уловить основной смыслъ понятія о подворномъ землеуладѣніи»²⁾. Дальше этого некуда идти привычкѣ. Но привычка—ненадежная опора: мы видимъ, что въ Московской губ. она уже въ семидесятихъ годахъ была совсѣмъ подорвана новыми условиями жизни. Мало того, привычка дѣло обоюдоострое, какъ объ этомъ опять «свидѣтельствуесть» самъ г. Щербина. «Переходя къ совершившимся уже фактамъ передѣловъ у государственныхъ крестьянъ,—говорить онъ—необходимо прежде всего замѣтить, что за исключеніемъ одного Кондратьевскаго поселка, Московской волости, въ которомъ передѣлы со времени реформы произведены

¹⁾ Сбор. статист. свѣд. по Воронеж. губ. Т. I. Воронежъ, 1884 г., стр. 72—73.

²⁾ Цѣнтр. сборникъ, стр. 86—87.

уже въ третій разъ, въ остальныхъ 56 общинахъ (Воронежск. уѣзда) коренная перестройка угадй является въ первой послѣ ревизіи. Двадцать единицомъ лѣтъ отсутствія фактомъ этого рода настолько отучили крестьянъ отъ періодическихъ дѣлеж, что послѣдніе оказываются своего рода новинкою для позднѣйшихъ крестьянскихъ поколѣній и, поэтому, въ большинствѣ случаевъ совершены какъ бы въ видѣ опыта, имѣющаго измѣниться и принять всолиѣ законченныя формы только съ теченіемъ времени»¹⁾. Какъ видите, сила привычки поворачивается теперь отчасти уже противъ общиннаго землеуладія даже въ земледѣльческой Воронежской губерніи. Со временемъ она, разумѣется, еще больше повернется противъ нея. А это показываетъ, что очень непрочно приурочены въ этой силѣ улованія гг. народники.

Въ томъ же самомъ Курскомъ уѣздѣ, гдѣ четвертные крестьяне обнаружили «стремленіе къ общинѣ, какъ къ формѣ быта», государственные и помѣщичьи крестьяне, издавна жившіе при условіяхъ общиннаго владѣнія, обнаружили какъ разъ обратное стремленіе. «Въ Курскомъ уѣздѣ со времени послѣдней ревизіи, въ теченіи 24 лѣтъ, не было не только общинъ коренныхъ владѣльцевъ, т. е. галухъ, при которыхъ измѣняется все количество единицъ разверстки и каждый домохозяинъ получаетъ по какому либо признаку новое количество этихъ единицъ, въ немъ не было даже такъ называемыхъ свалокъ и навалокъ, т. е. снятія известнаго количества вадѣльцевъ съ однихъ домохозяевъ и навалки ихъ на другихъ. Участки принимали тотъ же характеръ родовой собственности, какъ и у сосѣдей—четвертныхъ владѣльцевъ; мало того, переходъ ихъ по наследству практикуется даже въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ у четвертниковъ: бездѣльная вдова подучаетъ весь надѣлъ мужа и «оправдываетъ» податя, между тѣмъ какъ у четвертныхъ владѣльцевъ вдова ничего не получаетъ. Надѣлы душевыхъ крестьянъ всегда переходятъ къ принятымъ наследникамъ, если ихъ нѣтъ, къ дальнимъ родственникамъ и только въ случаѣ полнѣйшей вымороч-

¹⁾ Тамъ же, стр. 75—76.

ности земля «поступает на общество», которое сдает ее на пополнение общественных расходов. В д. Ломоной, Рышковской волости, намъ сообщили, что «многіе крестьяне передали свои земли кому хотѣли; некоторые надѣлы перешли въ постороннимъ лицамъ по домашнимъ завѣщаніямъ — миръ ничего подѣлать съ ними не можетъ»; въ заключеніе крестьяне прибавляютъ: «у насъ только начина когда ибудь переѣхлы — такое побоще выйдеть!»¹⁾

Изъ сказаннаго — прибавляютъ земледѣльцы Курск. г. — видно... что поскольку четвертое земледѣліе утрачивало свой характеръ родовой собственности и приобретало особенности, характеризующія общинную форму, постольку, наоборотъ, послѣдняя утрачивала въ Курскомъ губѣ этотъ характеръ и самое общинное земледѣліе представляется далеко не преслѣдуемымъ ту точную уравнивательность, которая достигается въ общинахъ средней полосы Россіи»²⁾.

Г. Воронцовъ думаетъ, что у русскихъ крестьянъ слабо развито «чувство личной собственности»³⁾. Вообще говоря, это, разумѣется, совсемъ не вѣрно. Что касается движимой собственности, то намъ крестьянннъ стоять за насъ равно въ такой же мѣрѣ, какъ и крестьянннъ Западной Европы⁴⁾. Но по отношенію къ землѣ чувство личной собственности мѣстами действн-

¹⁾ Сборн. стат. свѣд. по Курской губ., выпускъ первый, стр. 69—70.

²⁾ Тамъ же, стр. 70—71.

³⁾ «Крестьянская община», стр. 49.

⁴⁾ „Извѣстной дозой кулачества обладаютъ каждыя крестьянннъ, за исключеніемъ недоумковъ, да особенно добродушныхъ людей и вообще „нарасей“. Каждый куликъ въ извѣстной степени куликъ, цура, которая на то и въ моръ, чтобы нарась не дремала... Я не разъ указывалъ, что у крестьянъ крайне развитъ индивидуализмъ, жонья, стремленіе къ индивидуализму... каждыя гордится быть цуной и стремится покрыть нараса“. Зинель-гарды. „Изъ Деревни“. С.-Петербургъ, 1885, стр. 491.—„Мы, люди деревни, живущіе среди крестьянъ и вмѣстѣ съ ними постоянными спосовеніи, знаемъ, что при извѣстной степени ихъ развитія и при ихъ вышесказанныхъ этическихъ взглядахъ, равно лишь въ весьма рѣдкомъ изъ нихъ нѣтъ «цуланъ» въ зародышѣ“. И. М. Рева. „Кіевскій крестьянннъ и сло долабство“. Кіевъ, 1893, стр. 14.

только «слабо развито» въ немъ, на что существуетъ совершенно достаточная причина: исторія *омучила* его смотреть на землю, какъ на объектъ личнаго присвоенія.

Въ исторіи русскаго крестьянскаго — да и не одного только крестьянскаго — землевладѣнія остается до сихъ поръ не мало темныхъ вопросовъ, разъясненіе которыхъ составить одну изъ важнѣйшихъ задачъ нашихъ будущихъ историковъ. Но какъ бы ни было ограничено наше знаніе судьбы русскаго землевладѣнія, уже теперь совершенно несомнѣнно то обстоятельство, что современная наша община съ передѣлами вовсе не есть тотъ остатокъ первобытнаго коммунизма, за который еще недавно принимали ее многіе русскіе и западно-европейскіе писатели. «Учрежденія нашихъ общинъ суть произведенія новаго времени, — говоритъ г. Чичеринъ, заканчивая свою знаменитую статью: «Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи», — и сравнивать ихъ съ патриархальными общинами другихъ народовъ, значить отрицать въ насъ историческое развитіе»¹⁾. Историческіе взгляды, высказанные г. Чичеринымъ въ этой статьѣ, теперь уже во многихъ отношеніяхъ устарѣли, да и въ моментъ ихъ обнаруженія они, можетъ быть, не чужды были нѣкоторой тенденціозности. Но обязательный выводъ г. Чичерина неоспоримъ и теперь: *действительно, нельзя уподоблять нашу современную поземельную общину родовымъ общинамъ первобытныхъ народовъ; действительно, эта община есть продуктъ длиннаго историческаго развитія, смыслъ котораго давно уже пора понять нашимъ народологамъ.*

Разложеніе первобытныхъ кровныхъ союзовъ привело у насъ къ тому, что г-жа А. Ефименко очень удачно назвала *долевой деревенской организаціей*. «Это не было общинное владѣніе, такъ какъ величина участка каждаго деревенскаго совладѣльца опредѣляется *наследованіемъ, покупкой и т. п.* основаніями, не имѣющими ничего общаго съ тѣми основаніями, которыми теперь опредѣляется право общинника на его долю. Но это не было и подвор-

¹⁾ Опытъ по исторіи русскаго права. Москва. 1858, стр. 58.

но-учетковое владѣніе, такъ какъ каждый деревенскій совладѣлецъ явился представителемъ идеальной доли цѣлаго, деревни, всего, «что къ той деревнѣ изотарь потягло». Каждый сосѣдь, складчикъ, саберъ въ смыслѣ поземельнаго владѣнія есть только дробь деревенской единицы и ужъ, конечно, еще гораздо дальше отстоитъ отъ современнаго крестьянина-собственника, чѣмъ отъ крестьянина-общинника»¹⁾. Это былъ чрезвычайно важный переходный моментъ въ развитіи поземельной собственности. «Долевая деревенская организація можетъ быть сочтена за материнскую форму, которая заключаетъ въ себѣ въ зародышѣ всѣ существенныя черты обѣихъ развившихся изъ нея формъ поземельнаго владѣнія, какъ общинной, такъ и подворно-участковой. Отъ постороннихъ вліяній зависяло, которыя стороны будутъ подхвачены жизненнымъ процессомъ, получать питаніе и ростъ, которыя замрутъ. Существеннѣйшимъ изъ такихъ вліяній было то, въ какомъ отношеніи останется крестьянинъ къ своей землѣ. Если отъ сохранить на немъ право собственности... то неизбежное послѣдствіе—разрушеніе деревенской организаціи и возникновеніе участковаго владѣнія, начало котораго мы и видимъ на сѣверѣ въ XVIII вѣкѣ. Если право собственности на землю будетъ отдѣлено отъ земледѣльческаго класса и перейдетъ къ государству или къ другому классу, какъ было въ центрѣ,—тѣ стороны, подъ давленіемъ которыхъ развивалось индивидуальное владѣніе, замрутъ, и получатъ возможность роста и развитія лишь тѣ, которыя будутъ поддерживать коллективность формы»²⁾.

Развитіе «коллективности формы» совершенно правильно ставится г-жею Ефименко въ связь съ отдѣленіемъ права собственности отъ земледѣльческаго класса, т. е. говоря проще, съ экспроприаціей этого класса. Но одной экспроприаціи его было еще недостаточно: экспроприація могла бы повести только къ созданію безземельнаго пролетаріата. Чтобы вмѣстѣ такого пролетаріата появился крестьянинъ-общинникъ, надо было лишитъ земледѣльческій классъ не только права собственности на землю, но

¹⁾ Исследования народной жизни, выпускъ первый, Москва, 1884, стр. 225.

²⁾ Тамъ же, стр. 225—226.

также и права собственности на самого себя, т. е. свободы: надо было закрѣпить его высшимъ классамъ или государству. При этомъ условіи «коллективность формы» не только могла возникнуть, но и возникла также неизбежно, какъ возникла она во всякомъ рабовладельческомъ хозяйствѣ, гдѣ ни одна рабочая сила не въ состояніи предъявить права частной собственности на то помещеніе и на тѣ орудія труда, которыми она пользовалась и которыми она употребляла въ дѣло съ разрѣшенія и въ интересахъ хозяина. «Коллективные формы», подобныя нашей общинѣ, являлись всюду, гдѣ по тѣмъ или инымъ историческимъ причинамъ оказывались налицо оба указанныхъ нами условія: въ Византіи, въ древнемъ Египтѣ, въ Индіи, въ Китаѣ.

По мѣрѣ того какъ росли нужды Московскаго государства, земли черносочинныхъ крестьянъ, равно какъ и сами эти крестьяне, все болѣе и болѣе превращались къ государственную собственность. Пока много было «порожнихъ», «лихихъ» земель, которыми можно было «довольствоваться» безземельныхъ, рѣдко представлялась надобность отрѣзывать «лишнія» земли у тѣхъ крестьянъ, которые издавна владѣли ими. Но по мѣрѣ роста народонаселенія и захвата земель служилыми сословіемъ и духовенствомъ такая надобность стала встрѣчаться все чаще и чаще. Поэтому уже въ московскомъ періодѣ обнаруживается значительное стремленіе къ тому, что впоследствии названо было, — посредствомъ илѣкаго, хотя и проказвольнаго словосочетанія, — *генеральнымъ порабощеніемъ*. Уже уложеніе царя Алексѣя Михайловича лишаетъ тяглыхъ людей въ черныхъ сотняхъ и слободахъ всѣхъ правъ поземельной собственности, угрожая имъ жестокимъ наказаніемъ за продажу или залгъ своей земли («а кто черные люди тѣ свои дворы продадутъ или заложатъ, и тѣхъ черныхъ людей за воровство бити кнутомъ»). Но московскій періодъ зналъ только цѣпки этой поземельной политики: ей иголки созрѣли въ XVIII столѣтіи. «Казалось, московская формула: «чтобы земли не выходила изъ тягла» — была всеобъемлюща; но это только казалось, говорить г-жа Ефименко. На самомъ дѣлѣ масса силъ выскользнула изъ подъ венъ, выдвигая впередъ себя тягловцевъ, которые и расплывались передъ государствомъ за все про все...

Ревизія (1719 г.) и указъ о введеніи подушной подати (1722 года) ввели, на мѣсто стараго принципа, «чтобы земля не выходила изъ тягла», новый, «чтобы никто не былъ въ избыткахъ» т. е., «чтобы никто не былъ безъ платежа подушной подати»... Но очевидно, что выбираться подать должна была съ той же земли. Правительство это такъ и понинало съ самаго начала ¹⁾. Подушное распределение земли сдѣлалось сознательной и неизбежной цѣлью его поземельной политики: «Если государство есть настоящій собственникъ тяглою земли, а не крестьянство, если каждая душа должна платить, — естественный выводъ, что государство обязано обезпечить за каждою душою возможность платить путемъ надѣленія ея землей» ²⁾. Знаменитыя межевыя инструкции совершаютъ цѣлый переворотъ въ крестьянскомъ землевладѣніи. Мѣстами крестьяне настойчиво ходатайствуютъ о «вострѣбіи отъ нихъ старинной ихъ владѣемой земли», ихъ просьбы остаются безъ послѣдствій. Мѣстами они даже возстаютъ «многочисленно, съ дубьемъ и дреколѣмъ»; ихъ сопротивленіе, какъ это понятно само собою, подавляется, имъ «чинятъ нещадное батожье съ наказаніемъ», а землю все-таки передѣляютъ сообразно государственному виду. Передѣлы земли между крестьянами выходятъ за границы отдѣльныхъ общинъ или даже цѣлыхъ волостей и распространяются, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, на все государство ³⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 325.

²⁾ Тамъ же, стр. 326. Ср. также Кейсера *Zur Geschichte und Kritik des Gemeindebesitzes in Russland* I, стр. 106—107 и III, стр. 33 и слѣд.

³⁾ Въ 1800 году производившіе ревзію сенаторы докладываютъ сенату, что означенная казенная палата поступаетъ неправильно, дѣлая различіе по каждой волости, между тѣмъ какъ ей надо «соблюдать въ предѣлѣхъ случаевъ по крайней возможности такое правило, чтобы всякій или по крайней мѣрѣ казенныхъ, будучи одинаковою казенностью облагалъ, одинаково же со стороны казеннаго пространства и вѣчно имѣлъ выгоды». В. Якушкинъ. «Очерки по исторіи русской поземельной политики съ XVIII и XIX вѣковъ». Москва, 1890, стр. 160.—Виднѣе до крестьянской реформы 1861 года земскіе управители въ Алтай очень часто собственною властью, по одному словесному распоряженію, даже безъ отбѣдокъ на планахъ, уравнивали селенныя надѣлы... «Алтай» Ист. Стат. Сборн. ред. П. Голубева, Томскъ, 1890,

«Генеральное поранение» коснулось также и владѣльцев четвертныхъ земель. Потомки служилыхъ людей высшего разряда, охранявшихъ некогда московскія окраины, владѣльцы эти уже въ царствованіе Петра Великаго были помещены въ подушный окладъ и почти совершенно сравнены съ другими крестьянами. Прежде земля давалась имъ на началахъ помѣстного права. Но съ теченіемъ времени понятіе о помѣстьи, какъ о жалованіи за службу, теряло свое значеніе: помѣстья служилыхъ людей высшихъ разрядовъ мало-по-малу приравнены были къ *общинамъ*, помѣстья же «однородцевъ» сошли на степенъ крестьянскаго разряда, который, какъ мы уже знаемъ, признавался собственностью государства. Въ интересахъ казны, государство и здѣсь не перестаетъ заботиться какъ объ «удовольствованіи» владѣльцевъ землею, такъ и о нестѣсждаемости ихъ участковъ. Указъ Верховнаго Тайнаго Совѣта отъ 14 августа 1727 г. повелѣваетъ «спредъ сего у однородцевъ, которые по перенеси въ поголовный окладъ положены и содержатъ ландмилицію полки, дачи ихъ земель, которыми они владѣютъ, никому не покупать и выкапывать образцы не крѣпить и не записывать, чтобы изъ того въ платежѣ подушныхъ денегъ и въ содержаніи ландмилицкихъ полковъ помѣшательства не было». Инструкція мезевникамъ 1754 года, въ которой цѣлая глава посвящена однородцамъ, предписываетъ намежевать каждому двору, считая его въ

стр. 28. — Основной мотивъ всѣхъ этихъ хѣропринятій ясно выражается указомъ 19 мая 1769 года, который повелѣваетъ: «Въ случаѣ неудачи крестьянина въ годовой срокъ подушной недоимки, забирать въ города старостъ и выборныхъ, держать подъ карауломъ, употребать ихъ въ тяжкія работы безъ платежа заработныхъ денегъ, доволъ вся недоимка заплачена не будетъ». Г. Заблудный-Дашковскій, приведя этотъ «жестокій указъ», замѣчаетъ, что онъ имѣлъ огромныя послѣдствія для экономическаго быта государственнскихъ крестьянъ: «онъ уничтожилъ личную отвѣтственность плательщика за податъ, имѣлъ круговую поруку, обратилъ сельскія свободныя общины въ податныя единицы, а податной системѣ придавалъ значеніе постоянной контрибуціи». (Графъ Н. Д. Киселевъ и его время. С.-Петербургъ, 1882, т. 2-й, стр. 30). На счетъ свободы сельскихъ общинъ мы замѣтимъ, что она и прежде была очень ограничена. Но то несомнѣнно, что указъ 19 мая даль-
1769-

четыре души, по десяти четвертой въ полѣ, на усадьбу и всѣмъ угодьямъ—по 30 дес.,— и по намѣреніи того числа земли на каждую четыре души, отмежевать къ слободамъ, селамъ и деревнямъ въ одну окружную межу отъ всякаго чина помѣщичьихъ земель особо, а въ той же межѣ дѣлать имъ ту землю для содержанія себя по пропорціи, и изъ той общей межи имъ, однодворцамъ, землю своихъ никому, въ силу 1727 г. указа, не продавать и не закладывать и въ насмѣ не отдавать, а если кто продасть или заложитъ, то онымъ купчимъ или заложнымъ недѣйствительнымъ быть». Третій пунктъ той же инструкции предписываетъ: если въ какомъ селеніи однодворческой земли не хватитъ до указанной пропорціи, а въ другихъ селеніяхъ того же уѣзда окажется излишество, то изъ недостаточныхъ селеній переселить въ избытокъ нужное число однодворцевъ по жребію; а если въ уѣздѣ такихъ лишнихъ земель не оказывается, то о переселеніи въ другія мѣста свѣдѣть съ запиской украинской канцеляріи. То же подтверждается и инструкціей 1766 г. ¹⁾ Смысл этихъ распоряженій очевиденъ. Предписывая однодворцамъ хлѣбъ отмежеванную имъ землю «для содержанія себя по пропорціи» и указывая, какова должна быть эта «пропорція», государство тѣмъ самымъ обьявляло имъ законъ установившее у четвертныхъ семейно-наслѣдственное владѣніе. Неудивительно, поэтому, если, какъ говоритъ г. Воронцовъ, генеральное межеваніе послужило «точкомъ» для перехода отъ четвертного владѣнія къ общинному. Удивительно только, что г. Воронцовъ смелъ возможнымъ изобразить этотъ переходъ, какъ слѣдствіе независимой отъ «внѣшнихъ условій» эволюціи народной мысли. Нечего сказать, хороша независимость! Саратовскіе статистики повяли это интересное явленіе гораздо лучше, чѣмъ нашъ трудолюбивый, но мало сообразительный теоретикъ народничества.

Вотъ, напр., что читаемъ мы въ Сборникѣ статистическихъ свѣдѣній по Хвалынскому уѣзду (рѣчь идетъ о бывшихъ служилыхъ татарахъ, нѣкогда владѣвшихъ землею на основіи подворно-семейнаго права).

¹⁾ В. Якушкинъ. Цитированное сочиненіе, стр. 106 и 163.

«Генеральное межевание 1798 г. обмеживало земли татаръ отъ казны и соседнихъ владѣльцевъ по душамъ пятой ревизіи, опредѣливъ на каждую 15 десятинъ, а всю остальную землю подъ названіемъ «примѣрной» оставило при тѣхъ же селеніяхъ, гдѣ она и была. Этотъ актъ имѣлъ огромное значеніе. Во-первыхъ, онъ ввелъ, вмѣсто подвараго наследственнаго владѣнія съ четвертными разной мѣры, общинное, уравнительное по числу душъ ревизіи, во-вторыхъ, отвергъ помѣстный характеръ жалованныхъ земель, призвавъ ихъ казенно-общественными... Естественные результаты генеральнаго межеванія обнаружались весьма скоро. Казенная палата стала распорядиться четвертными землями, какъ казенно-общественными, а не какъ помѣстными. Она стала отчуживать *примѣрные* земли въ видѣ *изъясненій* отъ однихъ татарскихъ селеній къ дачамъ тѣхъ селеній, у которыхъ не хватало до указанной 15-десятинной пропорціи на ревизскую душу»¹⁾.

Кажется ясно? Обративъ бывшихъ служилыхъ людей въ податное сословіе, государство обращаетъ въ свою собственность ихъ земли, съ которыми оно и обращается вѣдѣть по своему усмотрѣнію, имѣя въ виду прежде всего интересы своего казначейства.

Г. Воронцовъ старательно отбываетъ ту гармонию, которая обнаружилась въ этомъ случаѣ между видами государства, съ одной стороны, и пресловутыми народными идеалами — съ другой. По его словамъ, «условія правительственной агитаціи (подразумѣвается та агитація въ пользу общиннаго землевладѣнія, которую вели впоследствии чиновники *графа Киселева*)... имѣвшей результатомъ пребрашеніе въ теченіе года сотенъ тысячъ десятинъ земли изъ частнаго владѣнія въ общинное, конечно, можетъ быть объяснено только тѣмъ, что само населеніе стремилось къ тому же, и что предложеніе правительства совпало съ мыслью большинства. Дѣлая свое предложеніе, правительство не вносило въ сознаніе крестьянъ новой идеи, а, такъ сказать, заявляло сторонникамъ уравненія, что въ ихъ борьбѣ съ противниками оно будетъ на ихъ сторонѣ»²⁾.

¹⁾ См. стр. 7—8 названнаго сборника.

²⁾ «Крестьянская община», стр. 33.

Эта гармония сводится къ слѣдующему.

Уже ко времени генеральнаго размежеванія некоторые изъ четвертныхъ владѣльцевъ были, вследствие семейныхъ раздѣловъ и продажи своихъ участковъ, частью почти совсѣмъ обезземелены, частью сильно стѣснены. Сравнительно большой надѣль, обіщанный имъ правительственными указами, являлся для нихъ желаннымъ выходомъ изъ тяжелаго экономическаго положенія. Поэтому они обрадовались этимъ указамъ, увидя въ нихъ желаніе правительства прийти къ нимъ на помощь. Хвалынскіе четвертные татары ¹⁾ немедленно—и очень живо—изъявили «желаніе на рѣшеніе въ надѣленіи ихъ землею» (наим. сбор стр. 8). Само собою понятно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство въ состояніи было исполнить это «желаніе на рѣшеніе въ надѣленіи», малоземельные четвертные владѣльцы радостно приветствовали новый порядокъ вещей: онъ приносилъ имъ прямую, очевидную выгоду. Но за то тамъ, гдѣ по недостатку земель, надѣлы четвертныхъ не могли быть увеличены до обіщанной «пропорціи», и гдѣ, слѣдовательно, ожидавшееся четвертными владѣльцами «надѣленіе» землею не состоялось, они были сильно разочарованы, и когда, въ началѣ 19-го вѣка, казенныя палаты, продолжая «правительственную агитацію» предлагали имъ перейти къ душевой разверсткѣ, они уже гораздо чаще давали отрицательный отвѣтъ. Въ Саратов. г. Хвал. и Кузнецк. уу. нѣкоторые татарскія деревни, какъ, напр., Могилка, Демина, Сулеймановка и друг. поголовно отказались отъ уравнительнаго раздѣла земель и вообще остались при четвертномъ владѣніи безъ всякой перемѣны; въ другихъ деревняхъ въ пользу общины высказались лишь малоземельные четвертные владѣльцы ²⁾. «Широкодачники» рѣшительно протестовали теперь противъ нея. И это понятно. Первоначально широкодачники могли имѣть съ малоземельными выразить свое «желаніе на рѣшеніе въ надѣленіи», полагая, что правительство лишь приведетъ дачи *Бидяковъ* къ 15-ти-десятинной нормѣ прирѣзкой къ нимъ незанятыхъ ка-

¹⁾ Т. е. собственно малоземельные, желавшіе получить обіщанный 15 дес. на душу.

²⁾ «Саратов. Дневникъ», 1886 годѣ № 50, статья г. Чекалина, цитировано въ «Сборн. статист. слѣд. по Кузнецкому уѣзду», стр. 95.

земныхъ земель. А когда они увидѣли, что «рѣшеніе въ надѣленіи» означаетъ уменьшеніе размѣровъ ихъ собственныхъ участковъ, они возстали противъ него, какъ противъ вопиющей несправедливости. Тамъ, гдѣ планъ правительства осуществленъ былъ вопреки ихъ сопротивленію, они, мѣстами, и до сихъ поръ не могутъ забыть нанесенной имъ обиды.

Даже тамъ, гдѣ переходъ къ общинному землевладѣнію и не состоялся, бывшіе четвертные владѣльцы, сохранивши память о своихъ старыхъ привилегіяхъ, негодуютъ на обращеніе ихъ въ податное сословіе. Такъ, напр., «въ настоящее время ногайковскіе татары считаютъ пограничныя свои законныя права... Къ общинному владѣнію и связанной съ нимъ круговой порукѣ татары относятся крайне враждебно и, наоборотъ, очень дорожатъ своимъ четвертнымъ земельнымъ устройствомъ, съ которымъ для нихъ связаны представленія о старинныхъ привилегіяхъ и надежды на возобновленіе этихъ привилегій въ будущемъ»¹⁾.

Г. Воронцовъ изображаетъ ходъ этихъ событій примѣнительно къ вышеуказанной, любезной ему гармоніи. У него выходитъ, какъ мы знаемъ, что въ концѣ прошлаго вѣка идея перехода отъ четвертнаго владѣнія къ общинному «недостаточно еще назрѣла въ массѣ населенія», и поэтому она совершается тогда лишь въ небольшомъ числѣ поселеній. Для своего дальнѣйшаго «назрѣванія» идея эта нуждалась въ новыхъ «толчкахъ» со стороны государства, которые, къ счастью для Россіи, и были даны ей сначала графомъ Киселевымъ, а потомъ специальнымъ распоряженіемъ послѣднихъ десятилѣтій.

Извѣстное латинское изреченіе гласитъ, что книги имѣютъ свою судьбу. Имѣютъ свою судьбу и государственные дѣятели. Судьба покойнаго графа П. Д. Киселева замѣчательна тѣмъ, что онъ, прекрасно понятый и одѣянный императоромъ Николаемъ I, былъ совершенно непонятъ какъ своимъ преемникомъ, графомъ Муравьевымъ, такъ и нашей народолюбивой «интеллигенціей». У этой послѣдней вошло въ обычай превозносить бывшаго министра государственныхъ имуществъ не за то, что онъ дѣйстви-

¹⁾ «Обозр. статист. свѣд. по Кавказскому уѣду», отдѣлъ III, стр. 13.

тельно сдѣлать для государства, а за то, что онъ вынесся въ *ем* *воображеніи* какимъ-то *предмечей народничества*. Даже г. Семеновскій, отъ котораго, какъ отъ мужа науки, можно было бы ожидать болѣе осмотрительнаго и вдумчиваго отношенія къ предмету, изображаетъ Киселева чуть не Граховымъ. Нечего и говорить, что такое изображеніе ни мало не соответствуетъ действительности и что оно, *напротивъ*, вызвало бы справедливо-негодующее изумленіе въ самомъ Павлѣ Дмитриевичѣ. Какъ мало похожи были взгляды графа на «идеалы» гг. народничества, показываетъ его замѣтка о «*мнражъ къ усиленію дѣйствія закона о свободныхъ глѣбтанцахъ*» (дѣлаемъ выписки по книгѣ самого г. Семеновскаго «Крестьянскій вопросъ», т. II, стр. 37—38).

«Въ Англіи, Ирландіи и въ некоторыхъ частяхъ Италіи, подобно тому, какъ у насъ въ остзейскихъ губерніяхъ, съ освобожденіемъ крестьянъ земли остались въ полномъ и неограниченномъ распоряженіи дворянства; крестьяне, за малымъ исключеніемъ кортоншавель или фермарей, сдѣлались вольными поденщиками, т. е. бобылями: положеніе опасное при всякомъ недостаткѣ выгодной работы для бобылей и особенно при неурожаѣ или внутреннихъ замѣнательствахъ, гдѣ люди, лишеныя осядлости, обыкновенно бываютъ орудіемъ злоумышленныхъ дѣйствій. Во Франціи, Швейцаріи и въ некоторыхъ частяхъ Германіи крестьяне вмѣстѣ со свободою получили прежнія крестьянскія поля, а помѣщикамъ оставлены одни господскія зачатки. Въ Пруссіи земли также разделены между помѣщиками и крестьянами. Слѣдствіемъ распоряженіемъ, во-первыхъ, нарушены права собственности дворянства, во-вторыхъ, ослаблена самостоятельность высшаго государственнаго сословія и черезъ то уничтожена важнѣйшая нравственная сила, черезъ которую верховная власть дѣйствовала на народъ, и, въ третьихъ, по праву вотчинной собственности привлечена къ участию въ важнѣйшихъ предметахъ государственнаго управленія масса народа, которая силою необузданнаго большинства испровергаетъ равносѣе въ частяхъ и колеблетъ порядокъ государственнаго устройства». «Система Франціи, Швейцаріи, некоторыхъ частей Германіи и Пруссіи, утвердившая за крестьянами право вотчинничества, основанная на началахъ демократіи и порожден-

ная политическии переворотами, должна быть чужда всякаго примѣненія къ Россіи». Въ Россіи нужно поставить «крестьянъ на приличную для нихъ степень свободныхъ или обязанныхъ земледѣльцевъ», но не слѣдуетъ давать имъ «права, принадлежаща одному только дворянству».

Эти взгляды Киселевъ высказалъ въ то время, когда онъ уже былъ министромъ государственныхъ имуществъ, т. е. когда онъ могъ, подобно съ ними, оказывать сильное влияние на поземельные порядки государственныхъ крестьянъ. Крестьяне этого разряда были, какъ мы уже знаемъ, *закрѣплены государству*, которое и обращалось съ ними, какъ помѣщикъ обращался со своими крѣпостными ¹⁾. Помѣщикъ заботился о томъ, чтобы своевременно «использовать» всякую новую рабочую силу, выросшую въ его деревнѣ: какъ только крѣпостной крестьянинъ приходилъ въ надлежащій возрастъ, его женили и «сажали на тягло», т. е. ему давали известной надѣлы, налагая на него известные обязанности. Подобное же тягло налагало на каждого изъ *своихъ* крестьянъ и государство. Периодически проеходившія ревизіи имѣли цѣлью именно приведеніе въ извѣстность того числа крестьянъ, которое въ данное время можно было «использовать». Занимая постъ министра государственныхъ имуществъ, графъ Киселевъ ни на югу не отсутствовалъ отъ этой экономическаго политики. Но онъ держался ея строже, онъ проводилъ ее последовательнѣе, чѣмъ это дѣлалось когда-либо прежде. Въ этомъ и заключается главная отличительная черта его дѣятельности, какъ министра государственныхъ имуществъ.

Во времени назначенія его министромъ, на казенныхъ крестья-

¹⁾ «Смотри по тому, на чьей землѣ находились крестьяне на казенной (государственной), удѣльной (принадлежавшей Императорской Фамиліи) или помѣщичьей (принадлежавшей дворянству), — крестьяне находились государственнымъ, удѣльнымъ или помѣщичьимъ. До 19-го февраля 1861 года всѣ крестьяне были крѣпостными (т. е. находились въ крѣпостной зависимости или во владѣніи) государства, удѣльнъ (управленія имѣніемъ Императорскаго Дома) или помѣщичьимъ-дворянъ». «Сельское и лесное хозяйство Россіи», изданіе Департамента Земледѣлія Сельской Промышленности Министерства Государственныхъ Имуществъ, С.-Петербургъ, 1893, стр. 55.

вахъ наконтилось множество предикомъ ¹⁾. Это было, разумеется, очень неудобно, и императоръ Николай I указалъ на необходимость «твердыхъ правилъ къ постоянному платежу податей». Чтобы положить конецъ неприятному положенію дѣлъ, Киселевъ рѣшился атаковать зло въ его источникѣ, а источникомъ зла явилась, по крайней мѣрѣ, во многихъ мѣстностяхъ, недостаточность крестьянскихъ надѣловъ. Графъ нашелъ, что на каждую казенную ревизскую душу должно быть отведено отъ 8 (въ «малоземельныхъ») до 15 (во «многоземельныхъ» губерніяхъ) десятинъ земли. Въ действительности эта мѣра никогда не была осуществлена даже съ приближительною точностью, но вѣрно то, что повсюду, гдѣ было приступлено къ ея осуществленію, она послужила сильнымъ «толчкомъ» къ переходу крестьянскихъ земель изъ однихъ рукъ въ другія. У крестьянъ, какъ государственныхъ, такъ и четвертныхъ и удѣльныхъ, до сихъ поръ сохранилось довольно живое воспоминаніе объ этомъ «толчокѣ». Вотъ примѣры.

Деревня Ушаковна, Золотовской волости, Камышинскаго уѣзда. «До 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія «вахали вольницу»; къ этому времени сложилось довольно устойчивое подворно-участковое землевладѣніе, на что указываютъ сохранившіеся до сего времени названія частей пашни по презваньямъ ихъ владѣльцевъ: Шипкина пашня, Мозалець хуторъ и пр. Къ душевому владѣнію перешли по настоянію властей, вѣроятно, одновременно съ переходомъ въ удѣлъ, когда ихъ заставили раздѣлить пашни на три ножи и парѣзать ихъ на десятины. Распоряженіе это встрѣтило сильное сопротивленіе, окончившееся ссылкой тысячныхъ человекъ въ Сибирь» ²⁾.

«При переходѣ отъ четверти на души д. Заломской, Бузавовск. волости, Новоскопскаго уѣзда (въ концѣ 50-хъ годовъ), начальство, въ лицѣ окружнаго, по словамъ крестьянъ, дѣятельно способствовало этому переходу въ виду того, что душевое владѣніе подчиняло крестьянъ закону о круговой поруцѣ въ пла-

¹⁾ Несмотря на то, что въ 1814 году собрано было съ счетовъ недожковъ 30 милл. руб. асс. и съ 1826 по 1836 г. на 17 милл. руб., къ 1 января 1838 года въ недожковъ осталось 64 милл. руб.⁴ Л. Холдскій, «Земля и Земледѣлецъ», С.-Петербургъ, 1891 г., т. II, стр. 143.

²⁾ Сб. ст. св. во Камыш. у., отд. III, стр. 59.

тежѣ податей...» Въ «Бѣлгородскомъ уѣздѣ, с. Наумена, Толокн-ской волости, перешло на души послѣ X ревизіи при размежеваніи, подѣ въліиіемъ, съ одной стороны требованія малоземельныхъ, а съ другой—настоящаго начальства, руководствованнаго тѣмъ, что при введеніи общиннаго владѣнія съ общества можно будетъ по круговой поруцѣ взыскать недоимку, въ большихъ суммахъ накопившуюся за нѣкоторыми домохозяевами. Крестьяне с. Черная Полина, Старгородской волости, въ концѣ 50-хъ годовъ подѣлили было землю на души, при поддержкѣ окружнаго начальства, но когда узнали, что для перехода требуется согласіе ²⁾ 2/3 хозяевъ, а большинство, желавшее уравненія, не достигало этой цифры, то вернулись къ четвертному владѣнію» ³⁾. Въ Обоянскомъ уѣздѣ по единогласному отзыву крестьянъ, «община создана или прямо и непосредственно правительствомъ, или же при его инициативѣ и при его болѣе или менѣе активномъ участіи». Бремя этого «созданія» отнесется къ 1839—1840 г., когда по уѣзду разъѣзжали чиновники, предлагавшіе крестьянамъ передѣлить ихъ подверные четвертные участки по ревизскимъ душамъ. Эта «агитация» вызвала чрезвычайно сильное волненіе между крестьянами. Если министерство государственныхъ имуществъ руководилось тѣмъ соображеніемъ, что переходъ на души равносильнъ былъ добровольному принятію крестьянами на себя значительныхъ платежей, отъ которыхъ были свободны четвертные владѣльцы, то малоземельные хозяева надѣялись поживиться на счетъ болѣе зажиточныхъ семей, съ своей стороны, всѣми силами противоудѣствовавшихъ этому плану добрыхъ соседей. Дѣло не разъ доходило до открытаго сопротивленія властямъ со всѣми его послѣдствіями. Въ большинствѣ случаевъ желокорные должны были смириться, но иногда имъ, сверхъ чаянія, удавалось «отхлопотать свою землю отъ душевого передѣла».

Графъ Киселевъ былъ лучшимъ представителемъ той помещичьей политики, которая подкашивалась московской и потому петербургской Россіи отсталымъ состояніемъ ея производительныхъ силъ и неотложными нуждами государственнаго управленія.

¹⁾ «Крестьянская община», стр. 34.

При тогдашнемъ экономическомъ положеніи Россіи нужды эти не могли быть удовлетворены иначе, какъ посредствомъ превращенія въ несвободныхъ тяглыхъ людей всѣхъ производителей. Но какъ ни разумна была, при указанныхъ условіяхъ, эта экономическая политика, она въ послѣднемъ счетѣ, привела къ результатамъ, идеализированъ которые въ высшей степени странно. Она поставила землевладѣльца въ то самое положеніе, въ какомъ мы видимъ его, напримѣръ, въ древнемъ Египтѣ¹⁾, и въ концѣ концовъ превратилась въ *силлѣйшее препятствіе для развитія тѣхъ самыхъ производительныхъ силъ, отъ недостатка которыхъ издавна страдало русское государство*. Теперь она уже ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть продолжена, и *чѣмъ скорее она будетъ устранена, тѣмъ болѣе омигратъ и народное, и государственное хозяйство*. Великія колебанія въ этомъ отношеніи — *а изъ до сихъ поръ было слишкомъ много* — только усилить то тяжелое, даже прямо невыносимое положеніе, въ которомъ находится теперь русскій производитель и въ которомъ онъ, оставаясь по прежнему несвободнымъ и беззащитнымъ тягелопомъ, «государственнымъ сиротомъ», страдаетъ одновременно и отъ существенныхъ неудобствъ старой экономической политики и отъ дурныхъ сторонъ новаго, пореформеннаго хозяйства. Нужно много наивности и много «интеллигентной» беззаботности на счетъ народныхъ интересовъ, чтобы, подобно г. Воронцову, стрѣнть утѣши на почвѣ идеализаціи нашей старой помещельской политики. *Что было, то бывшемъ порошло, а что будетъ, то будетъ не по старому, а по новому!*

Въ ноябрьской книжкѣ «Новаго Слова», въ статьѣ: «*По поводу внутреннихъ вопросовъ*», г. С. К., жалуясь на современное состояніе русской литературы, между прочимъ говоритъ:

«Вотъ статьи противъ народниковъ, напоминающія прежнія статьи западниковъ противъ славянофиловъ и не желающія знать, что народничеству не меньше ихъ авторокъ близки всѣ положительныя стороны и идеалы европейской жизни» (стр. 191).

¹⁾ См. Масперо: Du genre épistolaire chez les Egyptiens de l'époque pharaonique, Paris, 1872.

Мы не имеем удовольствия знать, какие идеалы «ближки» г. С. Б., но, что касается гг. народниковъ вообще, то нельзя не видеть, что идеалы восточной жизни имъ гораздо ближе, чѣмъ идеалы Европы, и что единственное название, приличествующее имъ въ настоящее время, это — название *восточниковъ*.

Но возвратимся къ русской общинѣ.

Что крестьянинъ, въ теченіе долгаго времени испытывавшій на себѣ влияние указанной возмемельной политики, постепенно приспособился къ ней своимъ взглядамъ на землеуладеніе, въ этомъ нѣтъ ровно ничего удивительнаго: было бы удивительно, если бы не произошло такого приспособленія. Но видеть въ немъ результатъ независимаго отъ внѣшнихъ условий движенія народной мысли, значить ровно ничего не понимать въ психологіи русскаго народа.

Накладывая тягло на крестьянина, государство говорило ему: вотъ тебѣ земля, которая дастъ тебѣ возможность исполнить мои требованія. Известно, что крестьянинъ часто искалъ въ бѣгствѣ спасенія и отъ земли, и отъ требованій. Но когда бѣгство было невозможно или неудобно, когда, волею-неволею, приходилось исполнять требованія, онъ естественно желалъ, чтобы имъ освобождалась какъ-нибудь возмемельная надѣла. Малоземельный крестьянинъ просилъ за свою «службу» земли, несколько не заботясь о томъ, откуда возьмечь «казна» эту землю: отрѣзать-ли она ее отъ участковъ «широкодачниковъ», или отъ своихъ собственныхъ владѣній. Совершенно такъ же помѣщичій крестьянинъ просилъ земли у бурмистра или старосты, сажавшаго его на тягло.

Когда, въ началѣ восьмидесятихъ годовъ, во многихъ губерніяхъ началось между крестьянами движеніе въ пользу каренныхъ передѣловъ общинныхъ земель, однимъ изъ главныхъ доводовъ, выдвигавшихся сторонниками «равненія» была ссылка на то обстоятельство, что сельская молодежь пошла въ военную службу, не получивъ, однако, никакого надѣла (известно, что у государственныхъ крестьянъ передѣловъ не было въ большинствѣ случаевъ со времени послѣдней ревизіи ¹⁾). Здѣсь ясно вы-

¹⁾ «Въ настоящее время большинство крестьянъ (государ.

сказался выработанный историей взгляд крестьянина на поземельный надѣлъ какъ на противоядіе податямъ и повинностямъ.

Понятно, что существуетъ неоспоримая гармонія между такимъ взглядомъ крестьянина на землю и нашей старой поземельной политикой. Но не менѣе понятно, во-первыхъ, то, что существовавшее у крестьянъ подобное взгляда на землю вовсе не служитъ доказательствомъ «саможостельной» эволюціи народнои мысли, а, во-вторыхъ, то, что онъ не ручается за прочность дошедшихъ г. Варонцову «устоевъ». Необходимый тогда-то продуктъ экономическихъ отношеній нашей страны, онъ неизбежно исчезнетъ при новыхъ экономическихъ условіяхъ. И онъ уже колеблется, онъ, какъ мы видѣли, уже исчезаетъ тамъ, гдѣ сильно сказываются новыя, «порешоренныя» условія нашей общественно-экономической жизни ¹⁾.

сербск. г.) наготовило добивается раздѣла земли. «Въ содѣлахъ пенселя, а земли нима», «силнось беруть, а мы бѣшь земли», «Царь-ли мы служители?» «нѣтъ не жить на будахъ-то» — энергично иллюстрируютъ крестьяне необходимость кореннаго раздѣла земли. Сборн. статист. свѣд. по Екатеринославской губ., выпускъ 3-й, Славяносербе, уѣздъ, Екатеринославъ 1886, стр. 72 — 73.

¹⁾ Вотъ еще примѣръ. «Зеленовское общество Лескицкой волости (составилось въ 1862 году изъ подворныхъ владѣльцевъ Киевской губ.) дѣлать землю по наличнымъ душамъ раздѣла 1881 г., но меншая доля домохозяевъ хотеть раздѣла на ревизскія души изъ виду того, что «свѣла земля стало на душу», что «уже свѣзко жить старымъ владѣльцамъ платили за землю, а тутъ вдругъ у нихъ отбирають». На претензію молодежи: «сдѣла не изъ земли достать» — они отвѣчаютъ: «наша отцы выпросили себѣ землю (въ 1862 году), выразившияте и мы у князя въ Краюу земли много». На нашу вопросъ — чѣмъ нѣтъ въосторженствуютъ — слыди отвѣтъ: «сдѣлаемъ такъ, какъ въ старыхъ слободахъ». Въ Ново-Колотонивѣ въ 1882 году состоялся прѣговоръ о раздѣлѣ земли на ревизскія души. На то соображеніе, что молодежь люди служить Царю и Отечеству, а земли нѣтъ при ревизской раскладкѣ не даютъ — колотонивши возражаютъ: «изъ Полтавской и Черниговской губерніяхъ (крестьяне Ново-Колотонива эмигрировали въ Мелитовольскій уѣздъ въ 1862 году изъ Колотонивскаго уѣзда, Черниговской губ.) тоже служить въ содѣлахъ, а земли не получаютъ». Какъ на причину, побуждающую къ раздѣлу земли по ревизскимъ душамъ, крестьяне указываютъ на то, что «кругомъ мужики стали покупать всѣмуду землю» (Сборникъ статист. свѣдѣній по Таврической губерніи. Т. I, вып. II, ч. II, стр. 54).

Къ тому же, указанная гармонія установилась не безъ труда и не сразу. Въ своемъ докладѣ императору Николаю отъ 17 мая 1837 г. графъ Киселевъ говорилъ: «Въ Московской и Владимирской губерніяхъ распространились между крестьянами слухи о новомъ устройствѣ ихъ на возпномъ положеніи со введеніемъ общественной записки, произвели въ нихъ опасеніе и побудили богатѣйшихъ къ переходу въ городское состояніе»¹⁾.

Въ Пермской губерніи крестьяне говорили, что начальство, безъ вѣдома царя, продало ихъ какому-то важному барину, котораго называли то Киселевымъ, то Бульневимъ, то Медвѣдовимъ (такъ какъ на волостныхъ управленіяхъ выставленъ былъ мѣстный горбъ—медвѣдь). Эти слухи, въ связи съ нѣкоторыми неудачными распоряженіями новаго министерства, привели къ крестьянскимъ волненіямъ, охватившимъ нѣкихъ три уѣзда. Порядокъ былъ восстановленъ лишь съ помощью военной силы. «Математики, — говоритъ оффиціальныи документъ, касающійся волненій въ Камышловскомъ уѣздѣ, — обнаружили сильный испугъ, но въ постоянномъ убѣжденіи о правотѣ своего дѣла не изъявили никакого признака сожалѣнія о содѣянномъ, а тѣмъ же не раскаяніи»²⁾.

Г. Воронцовъ разсуждаетъ такъ: прежде передѣлы совершались у государственныхъ крестьянъ лишь во время ревизій; теперь, во многихъ мѣстахъ крестьяне совершили ихъ, не дожидаясь новой ревизіи. Это значитъ, что «принципъ государственнаго регулированія періодическаго перораспределенія земли» уступилъ мѣсто «началу свободной инициативы общины», а изъ этого слѣдуетъ, что народная мысль ушла впередъ въ своемъ развитіи³⁾. Это разсужденіе нашего автора, подобно всѣмъ прочимъ, не выдерживаетъ самаго легкаго практическаго самой снисходительной критики.

Вообще, въ аргументахъ противъ общиннаго владѣнія, у крестьянъ дѣло не стояло.

¹⁾ Заблошій-Деслятовскій, лит. соч. т. II, стр. 39.

²⁾ Объ этомъ см. интересную статью г. Колопанова: «Камышловское вѣдѣніе къ «Восточной Европѣ» 1870 г., нр. 10.

³⁾ «Крестьянская община», стр. 56.

Въ крѣпостной общинѣ передѣлы совершались по волѣ помѣщика. Выразаясь словами г. Воронцова, мы можемъ сказать, что при крѣпостномъ правѣ господствовали принципъ помѣщичьяго регулированія періодическаго перераспределенія земли. Но и при крѣпостномъ правѣ передѣлы совершались иногда по почину крестьянъ, какъ въ этомъ могутъ убѣдить г. Воронцова случаи, указываемые г. Семеновымъ, котораго онъ же цитируетъ на стр. 58—60 своей книги. Изъ словъ г. Семенова видно, что «свободная инициатива общины» проявлялась тогда, когда особенно давало себя чувствовать «неудовлетворительное положеніе» нѣкоторыхъ типовъ, а помѣщикъ почему-либо медлялъ предписать передѣлъ. При этомъ «начало свободной инициативы общины» всегда стояло въ совершенно подчиненномъ отношеніи къ принципу помѣщичьяго регулированія. Крестьяне не считали себя въ правѣ совершить самовольный передѣлъ; они просили въ него позволенія у помѣщика. Совершенно то же видимъ мы въ передѣлахъ, совершавшихся въ теченіи прошлаго десятилѣтія и давнѣихъ г. Воронцову поводъ *сочинять* «эволюцію» народной мысли. Почувствовать нужду въ передѣлѣ, крестьяне долго не рѣшаются приступить къ нему безъ «царскаго указа». Они съ нетерпѣніемъ ждутъ новой ревизіи, чтобы распределить землю по наличнымъ душамъ, которыя будутъ записаны въ новыя ревизскія сказки.

Но такъ какъ ревизіи все нѣтъ и нѣтъ, а нужда въ передѣлѣ сказывается все сильнѣе, то самыя сильныя или наиболѣе понукаемыя нуждою общины рѣшаются, наконецъ, совершить его «самовольно». Видя, что подобное «самовольство» не плечетъ за собою никакого возмездія со стороны начальства, сосѣдніе общины также приступаютъ къ передѣлу, и разъ начавшееся движеніе усиливается. Въ настоящее время есть указы, гдѣ «самовольныя ревизіи» произошли, за малыми исключеніями, повсемѣстно. Иногда новый передѣлъ совершался на опредѣленный срокъ, а иногда крестьяне формально оговаривались, что новое распределеніе земли *должно оставаться въ силѣ до казенной ревизіи, до ожидаемаго указа*. «Начало свободной инициативы общины» громко

завязало, таким образом, а своим подчиненн «принципу государственнаго регулнрованн». Это знакомое намъ дореформенное отношенн.

Что, совершенно передѣлы, крестьяне вовсе не думали послгать на «принципъ государственнаго регулнрованн», доказываютъ очень многн факты.

Въ селѣ Миткинкѣ Руднннской волости *Камышинскаго* уѣзда крестьяне въ 1886 году «передѣлили землю отчасти «по предписанн» неправннка и отчасти потому, что семейный составъ не соответствовалъ ревнзскимъ душамъ»¹⁾. Въ *Хвалынскомъ* уѣздѣ первый передѣлъ у государственныхъ крестьянъ произошелъ въ 1881 году въ деревнѣ Дубовомъ Гаѣ, гдѣ «по совѣту мѣстнаго предводителя дворянства, В. В. Безобразова, крестьяне раздѣлили... землю на наличныя души»²⁾. Въ *Мелекитольскомъ* уѣздѣ движенн въ пользу передѣловъ очень усилилось послѣ того, какъ мировые посредники на вопросъ крестьянъ, какъ владѣть землей, отвѣчали: хотите—по дворамъ владѣйте, хотите—по ревнзскимъ душамъ; хотъ по наличнымъ, хотъ на бабъ, хотъ на скотъ дѣлите. Въ *Славяносербскомъ* уѣздѣ въ с. Перевзвановскомъ передача ревнзскимъ подросткамъ надѣловъ умершихъ ревнзскихъ душъ совершалась по иженню непремѣннаго члена присутствн по крестьянскимъ дѣламъ³⁾. Въ... не, кажется, нѣтъ надобности приводить новыя примѣры. Дѣло ясно какъ день. Въ передѣлахъ новѣйшаго времени сказались не «эволюцн» народнои мысли, а вѣрность ея старымъ преданнмъ.

По мнѣнн г. Воронцова, «сущность процесса, совершавшагося до послѣднихъ лѣтъ среди государственныхъ крестьянъ», состояла не только въ замѣнѣ извѣстнаго «*принципа*» извѣстнымъ «*началомъ*», но и въ «переходѣ отъ развертки земель по душамъ мужскаго пола къ болѣе совершеннымъ системамъ» (опъ замѣчаетъ, правда, что этотъ послѣднн переходъ замѣтенъ «уже

¹⁾ Сборн. стат. свѣд. по Саратов. губ., т. IX, Отд. III, стр. 484.

²⁾ Сборн. стат. свѣд. по Саратов. губ., т. V, стр. 23.

³⁾ «Крестьянская община», стр. 109.

гораздо меньше»¹⁾. Проверим и это мнѣніе нашего автора съ помощью фактовъ, при чемъ остановимся прежде на фактахъ, имѣвшихъ мѣсто въ средѣ государственныхъ крестьянъ.

Государственные крестьяне до послѣднихъ переделовъ владѣли землей по ревизскимъ душамъ. Это весьма шибкое извѣщеніе. Но въ наложеніи г. Воронцова и оно искажается. Мы знаемъ, что распределеніе земли между государственными крестьянами совершалось «по душамъ мужскаго пола, т. е. по потребительной нормѣ» (курсивъ нашъ). Это чистѣйшій вздоръ, ничто въ родѣ круглаго квадрата, по той простой причинѣ, что распределеніе земли по потребительной нормѣ, ни въ какомъ случаѣ не могло бы считаться только съ душами мужскаго пола: развѣ женщинами не «потребляютъ»? Распредѣлять что бы то ни было по потребительной нормѣ значить руководствоваться принципомъ: каждому по потребностямъ. У насъ же и государство, и община при распределеніи земли руководствовались скорѣе противоположнымъ принципомъ: съ каждою (члена податнаго сословія) до послѣдней возможности. Платя подати по числу записанныхъ въ ней ревизскихъ душъ, община естественно распредѣляла свою землю по той же самой «нормѣ», т. е. по числу тѣхъ же самыхъ душъ. Въ моментъ ревизіи число этихъ душъ совпадало съ числомъ наличныхъ душъ «мужскаго пола» въ каждой общинѣ, и тогда распределеніе земли соответствовало производительной нормѣ. Правда, норма эта не опредѣлялась съ достаточной точностью: двѣ семьи, имѣющія одно и тоже число душъ мужскаго пола, далеко не всегда обладаютъ одинаковой производительной силой. Но государство не имѣло практической возможности полнѣе осуществить свой принципъ. Оно должно было довольствоваться грубымъ, приблизительнымъ опредѣленіемъ производительной нормы, да періодическимъ устраненіемъ (посредствомъ новыхъ ревизій) того несоотвѣтствія, которое непременно возникало съ теченіемъ времени между ревизскими сказками, съ одной стороны, и числомъ наличныхъ душъ въ каждой общинѣ—съ другой. Когда крестьяне, не дождавшись новой ревизіи, рѣшились «самовольно» передѣ-

¹⁾ «Крестьянская община», стр. 56—57.

леть землю и разверстали ее по числу наличных душ, то никакого перехода къ «болѣе совершеннымъ системамъ» при этомъ не произошло. Крестьяне поступили такъ, какъ поступали ихъ отцы, дѣды, прадеды и т. д. Допустимъ, что такая вѣрность преданію представляеть собой что-то очень отрадное. Но и въ этомъ случаѣ очевидно, что передъ нами явленіе, которое, выражаясь языкомъ покойнаго Н. С. Аксакова, надо назвать *счастливой неподвижностью*, а вовсе не *эволюціей*; благодушной косностью, а вовсе не *движеніемъ впередъ* ¹⁾.

Но косность привилась только тамъ, гдѣ крестьяне, въ моментъ «самовольной ревизіи», распредѣляли, какъ это дѣлалось и прежде, по числу наличныхъ душъ свою общинную землю. Это имѣло мѣсто, однако, *далеко не во всѣхъ* общинахъ, совершившихъ новый коренной переделъ. Мѣстами крестьяне очень отклонились отъ старой системы разверстки, чѣмъ и доказали, во первыхъ, что ихъ мысль уже начинаетъ разставаться со спасительной неподвижностью, а во вторыхъ—и еще разъ—что она подчиняется тѣмъ самымъ «внѣшнимъ условіямъ», отъ вліянія которыхъ хотѣли бы освободить се г. Воронцовъ.

¹⁾ Противопоставимъ мысля г. Воронцова, выражающагося въ «двухъ земской статистикѣ», мнѣніе людей, занимавшихся статистикою на мѣстѣ. «При каждой ревизіи государственному крестьянству навѣвалось 8-ми десятичная провозорія (перѣдѣ 15-десятичная) на ревизскую м. п. душу; подушная подать и государственный земскій сборъ считалась какою-то рентами м. п. души, и по откуже по душамъ во всѣхъ казенныхъ селеніяхъ Мезитовольскаго уѣзда и разверстывались, круговая порука связывала ревизскихъ м. п. души. Раскладочная единица дана была государствомъ, оставалось зримѣнать ее въ раздѣлу земли. Теперь, когда со времени ревизіи прошло 26 лѣтъ, ревизская душа есть величина мнимая, формальная. Когда не было периодическихъ, быстро сдѣлывавшихъ одна за другой ревизіи, то они регистрировали дѣйствительное наличное населеніе. Вотъ почему никогда не нужно забывать, что въ переходѣ государственныхъ крестьянъ отъ ревизской къ наличной разверсткѣ земли и платной земли констатировать мниманого новаго принципа обложенія. Крестьяне, дѣлившіе землю въ 1858 году (X ревизіи) по ревизскимъ мѣстамъ душамъ, а въ 1872 году по наличнымъ м. п. душамъ, не создали никакой новой раскладочной единицы, а лишь проиневели какъ бы новую ревизію, только при нѣсколькихъ иныхъ условіяхъ». Сб. ст. св. по Таврической губ. т. I, вып. II, часть II, стр. 52.

Прежде всего укажем на некоторыя общины, въ которыхъ новая разверстка на наличныхъ душахъ не могла состояться. Въ Камышевскомъ у. во времени изслѣдованія (1886—1887 гг.) изъ 57 общинъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ къ наличной разверсткѣ перешло лишь 32, т. е. около 56%, общаго числа. Правда, во время изслѣдованія шли толки о переделахъ и въ некоторыхъ другихъ общинахъ, но въ то же время были случаи *возврата* отъ наличной разверстки къ ревизской ⁴⁾. Намъ не важно здѣсь знать, сколько еще общинъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ этого уѣзда перешло къ наличной разверсткѣ; допустить, что при ревизской разверсткѣ осталось только 10% общинъ (хотя это и мало вѣроятно). Эти 10 (или сколько ихъ тамъ окажется) процентовъ свидѣтельствуютъ о томъ, что старый порядокъ крестьянскаго землевладѣнія очень сильно шатается.

⁴⁾ См. «Сборн. статист. свѣд. по Камышевскому уѣзду», отдѣлъ I, стр. 157. Подобные случаи возврата бываю, разумется, и въ другихъ мѣстностяхъ. По словамъ г. Постникова въ Новороссіи, «въ 1880 году въ группѣ государственныхъ крестьянъ, перешедшихъ отъ ревизской къ наличной раскладкѣ, начинается понятное движеніе къ ревизской раскладкѣ. Замыселъ статистическаго переизслѣдованія 23 такихъ обратныхъ переходовъ. Случилось, что одно и то же селеніе мѣняло въ теченіи десятилѣтій нѣсколько разъ систему своихъ раскладокъ». «Южно-русское крестьянское хозяйство», Москва 1891, стр. 41.

«При первомъ переделѣ на наличныхъ душахъ многія общины удержали тотъ же размеръ пашни на наличную душу, каковъ имѣла ревизская душа; въ другихъ общинахъ этотъ размеръ только не много понижался. Достиженіе это очень просто, путемъ рефлации выгона. Но послѣ 2—3 переделовъ по наличнымъ душамъ, почти весь выгонъ оказался распаханнымъ, приростъ населенія продолжался своимъ чередомъ и наличная душа х. т. имѣлась владѣльцемъ только 3¹/₂—4 дес. вместо прежней 8 десятиковой пропорціи. Черезъ 15 лѣтъ эти 4 дес. превратились въ 2, а потомъ въ 1 десятину, на которой можно заниматься садоводствомъ или огородничествомъ; но стаить хлѣбъ уже нельзя. Это быстрое уничтоженіе только это замалываніе душеваго пашни вызвало крестьянъ, в 80-ые годы общинами или общинными товарищами. Многія крестьянскія общества стали составлять приговоры о возвратѣ къ старой раскладочной единицѣ—ревизской душѣ. Мало того, большинство общинъ прямо стало стремиться къ выкупу земли и раздѣлуеи на индивидуально-владѣтельные участки, т. е. къ полному уничтоженію общиннаго землевладѣнія». Сборн. статист. свѣд. Тверич. губ. Малотопольскій уѣздъ, стр. 52—53.

Владѣніе надѣльной землей по старымъ ревизскимъ душамъ есть, безъ сомнѣнія, тоже *общинное владѣніе*, но уже совершенно *особаго порядка*: при немъ значительная часть сельскаго населенія лишается права на земельный надѣлъ, а общинники-землеуладѣльцы являются *привилегированнымъ классомъ*. Такимъ образомъ, то простое обстоятельство, что часть крестьянъ удерживаетъ ревизскую разверстку, наноситъ смертельный ударъ той общинѣ, которую наши народники привыкли считать воплощеніемъ правды и справедливости. *Это вѣдоть, да не тотъ* ¹⁾.

Но и тамъ, гдѣ состоялся переходъ отъ ревизской разверстки къ наличной, явленіе это осложнилось многими обстоятельствами, придавшими ему весьма поучительный смыслъ. Такъ напримѣръ, въ слободѣ Савсаровой, Камышинскаго уѣзда, съ 1883 года разверстывали землю по наличнымъ душамъ мужского пола съ 12-ти лѣтняго возраста. Но при этомъ «новое число разверсточныхъ душъ пришло къ старому, чтобы на душу доставалось то же количество земли» ²⁾. *Это опять вѣдоть и опять не тотъ*.

¹⁾ Не надо думать, что наличная разверстка всѣмъ практикуется теперь большинствомъ общинъ. Въ Ростовскомъ на Дону уѣздѣ «наличныя земли во всѣхъ безъ исключенія русскихъ общинахъ распределены между домохозяйствами по числу ревизскихъ душъ, получившихъ надѣлы». Въ Херсонской губерніи «преобладаютъ въ огромномъ числѣ общины, сохраняющія ревизскую раскладку земли (95%, общаго числа), при чемъ большая часть ихъ не проводитъ у себя никакихъ ни частныхъ передѣловъ-переворотковъ, ни пережарьбыновъ». Въ Дзержонскомъ уѣздѣ Таврической губерніи въ большинствѣ общинъ «сохраняется пока еще ревизская раскладка» (Постниковъ, литур. соч., стр. 51, 41 и 42).

²⁾ См. литур. сборникъ, отдѣлъ II, стр. 273.

Въ Милитовскомъ уѣздѣ премаи другихъ совершилось въ ревизской разверсткѣ с. Ново-Ивановка (Шульговка). Въ 1873 году шульговцы были увлечены общиннымъ движеніемъ и подѣлили землю на наличныя души, но уже черезъ 5 лѣтъ они раскаялись въ этомъ и въ 1878 году составили приговоръ о надѣлѣ земли на старымъ ревизскимъ душамъ. Вслѣдъ за тѣмъ Ново-Ивановка въ 1880 году перешла отъ наличныхъ душъ къ ревизскимъ, въ 1881 году—Орловскъ, въ 1882 году уже 5 общинъ составили приговоръ о переходѣ отъ наличной къ ревизской раскладкѣ (Горьковъ, Курдюковъ, Ново-Колотоянска, Ново-Полова, Ново-Успенска), въ 1883 году—Ефремова и Пескошиновъ. Движеніе въ пользу ревизской раскладки охватило дѣлу

Въ с. Большое Костырево того же уѣзда въ 1884 году рѣшено было, вслѣдствіе неравнѣрнаго распределенія земли, передѣлить ее по наличнымъ душамъ, «при чемъ однако тѣмъ, кто были малосильны или въ глазахъ общества неаккуратны въ платежахъ, земли было дано не на всѣхъ мальчиковъ, а на меньшее число душъ, по усмотрѣнію общества» ¹⁾. *И здѣсь черты бедности оказываются измѣненными «несимпатичными» образомъ.* Въ с. Малое Костырево при передѣлѣ земли въ 1885 году по наличнымъ душамъ недомычки были совсѣмъ лишены надѣла ²⁾. Въ с. Мокрая Ольховка въ 1885 году передѣлили землю на наличныя души: *отобрали землю у недомычкова.* Всѣхъ наличныхъ душъ въ этой общинѣ было 1051, а лишеныя земли недомычкова оказалось 273 души ³⁾. *Бедоты стали совсѣмъ уже неприметными.* Столь же непривлекательны онѣ въ хуторѣ Большомъ Петруниѣ, гдѣ при передѣлѣ въ 1884 году по наличнымъ душамъ «надѣлы на всѣхъ мальчиковъ давали лишь аккуратнымъ въ платежахъ домохозяйствамъ, а *земли на стѣрени земли совсѣмъ не получили.* Въ довершеніе, черезъ два года покинули эту будто бы наличную разверстку и вернулись къ ревизской: «старики не захотѣли давать землю на малолѣтнихъ» ⁴⁾. Во многихъ мѣстахъ Таврической и отчасти Херсонской губерніи при-

массу селеній (Михайловку, Шотовку, Семеновку, Богдановку, Гавриловку, Матвѣевку, Веселое, Манчегуры и др.) здѣсь тоже составлялись притоворы на ревизскую раскладку, но $\frac{2}{3}$ голосомъ не хватило въ подпискахъ, и притоворы признало неправильными. Въ некоторыхъ селеніяхъ, какъ Матвѣевка, Богдановка и Семеновка, притоворы раздѣлились на двѣ партіи: *поборничковъ ревизской и наличной раскладки; эти партіи враждовали по нѣскольку годовъ, дѣло доходило до отчужденія храмовъ, «до полей».* Набираясь хоминъ 70—100 одной партіи, отбирали другъ у друга руги и, не составляя притовора, двинулись къ мирской землѣ съ саженою дѣлать ее по натурѣ на свои души. Противная партія, избѣгая злобности враговъ, бросалась съ возжами и на мирныхъ пакетныхъ разгрызавалась жестокая кровопролитная драма. (Сб. ст. св. Таврич. губ. т. I, вых. II, часть II, стр. 53)

Замѣчательная эволюція общинной мысли!

¹⁾ Сб. ст. св. по Кавказу, т. 1, стр. 319.

²⁾ Тамъ же, стр. 322.

³⁾ Тамъ же, стр. 332.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 434.

тается смешанная раскладка, при которой «наличные души, не ревизионные, получают надѣлы вдвое меньшіе, чѣмъ ревизионныя, но въ некоторыхъ селеніяхъ въ три, четыре и даже въ пять разъ менѣе». Напр., въ с. Оранскѣ, Мелитопольскаго уѣзда, по раскладу 1896 года ревизская душа получила 7½ дес., а перевиционная 1½ дес., въ Михайловкѣ—8 и 2½ дес. и т. д. ¹⁾ Въ большинствѣ селеній того же Мелитопольскаго уѣзда, а также и Вордянскаго, проявляется стремленіе лишать надѣловъ лицъ, уходившихъ изъ селеній на житье въ другія мѣста. Это стремленіе составляетъ «въ мѣстномъ крестьянствѣ одну изъ злобъ дня, порождающую безчисленные споры и жалобы въ уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія» ²⁾. Интересно, что эти послѣдніе выступали не рѣдко защитниками *старого* поземельнаго порадка, поставивъ на видъ сельскимъ обществамъ, что они не имѣютъ права лишать надѣловъ тѣхъ изъ живущихъ на сторонѣ крестьянъ, которые имѣютъ въ своемъ обществѣ усадьбу и ведутъ хозяйство сами, или черезъ другихъ членовъ своей семьи. Если бы мы, подобно с. Воронцову, обладали склонностью къ неосознательнымъ обобщеніямъ, то мы могли бы теперь предаться размышленіямъ на ту тему, что вотъ, молъ, «нѣшнія условія» вліяютъ на крестьянъ въ смыслѣ сохраненія старой общины, а народная мысль, независимо отъ этихъ условій, направляется въ сторону индивидуализма. Но не обладая счастливою склонностью нашего автора, мы взглянемъ на дѣло съ другой стороны и постараемся выяснить, не существуютъ-ли «условія», способствующія разложенію общины съ такою силой, съ какою не сражаются ни уѣздныя присутствія, ни наша сентиментальная «интеллигенція».

Г. Постыковъ спросилъ одного захиточнаго крестьянина Мелитопольскаго уѣзда, какая изъ раскладокъ земли лучше? «Если земли много, была отвѣтъ, то лучше уравнительная, по наличнымъ душамъ, но если мало, то такая, какая есть» (въ селеніи, къ которому принадлежалъ крестьянинъ, утвердилась смешанная

¹⁾ Постыковъ, *итг. соч.*, стр. 61.

²⁾ Тамъ же, стр. 63.

раскладка 9. Это в высшей степени замечательный шаг. Мысль крестьянина, его дажная, далеко не пропитана «индивидуализмом»: в принципе он стоит за уравнительную раскладку; но земли мало, и он вынужден признать, что лучшее эмпирическая раскладка. Он считает ее «вынужденными условиями» и поневоле подчиняется им.

Г. Постников говорит, что фактически общинное землевладение не спасает крестьян от безземелья. Мы видим, что это совершенная правда. Так же справедливо и следующее изображение того же явления (стр. 65).

«Не трудно предвидеть, что число таких крестьян, de jure имеющих право на землю, но de facto ее не пользующихся, будет постоянно возрастать в сельском обществе. По мере дробления земли и уменьшения надѣла, принадлежащего домохозяйству, последние все более будут терять в валовом и чистом доходе от своего земледелия. С уменьшением площади хозяйства избыток продуктов с нее над собственным потреблением и содержанием скота и хозяйственного инвентаря может настолько уменьшиться, что он не обеспечит уже возможности уплаты податей, даст крестьянину меньше того, что он может добыть своим трудом на стороне. Дальнейшее ведение хозяйства станет для него невозможным, и, так как на собственном сель спрос на работников ограниченный, он должен идти на сторону и, следовательно, в данном случае лишаться своей надѣльной земли».

Конечно, можно запретить обезземеление отсутствующих членов общины. Но это не поведет ни к чему. Это не устранить «экономии», существующей в современной деревне, а неизбежным следствием тѣсноты будет стремление одной части общинников пожизненно на счет надѣла другой части, почему-либо неспособной выдерживать все более обостряющуюся борьбу за существование. Промните антагонизм из двери, он слезит из окна.

Г. Воронцов, подгонявший факты под свою любимую идею об эволюции «критической мысли» крестьян в сторону усвер-

*) Там же, стр. 65.

уществовавшего землевладения, рассказывает, что «критика существующего не остановилась и перед формальным правом: требование передёла раздалось и в тех селениях, которые юридически установили у себя подворное владение; а нашлись и такие подворники, которые вовсе отрицали свой переход от одной формы владения к другой, не смотря на то, что этот переход санкционирован формальным приговором»¹⁾.

В настоящее время дело почти повсюду обстоит так, что многие крестьяне не остановятся перед какими бы и чем бы то ни было «формальным правом» ради хотя бы временного увеличения своего надела. Случается, как мы уже сказали, что общины настаивают на передёле даже «купчих» земель своих более зажиточных членов,—чего прежде никогда не было. Но все это указывает лишь на затруднительность современного экономического положения крестьян, затруднительность, ведущую за собой полную расшатку старых «устоев» крестьянской жироземли. А что эта расшатка приведет вовсе не к торжеству «идеи передёла» и общинного землевладения, за это ручается хотя бы та дифференциация в среде деревенского населения, на которую единогласно указывают все безпристрастные исследователи нашей народной жизни.

«В данный момент ясно уже обособились, каждая со своими специфическими интересами, три группы в среде крестьянства: а) богачи, владеющие промышленными капиталами и скопившие эти капиталы путем индивидуальной предприимчивости, помимо общины (кулаки, промышленники, подрядчики-хозяева, земледельцы-собственники, живущие в общинах и пр.); б) умственно-хозяйственные мужички-землепашцы, коренные общинники, «средняки» по достатку, исключительно стремящиеся к скопленю в своих хозяйствах возможно более наделных или арендных общинных земель; в) общинный пролетарий-вольник, безземельные, бобыли, батраки на собственных наделах и пр.»

Это писал еще в начале восьмидесятых годов, горький, убежденный народник, Н. Н. Златовратский. Его наблюдения,

1) «Крестьянская община», стр. 69.

относились, главным образом, въ *промышленной* Владимирской губернии. А вотъ что пишетъ десять лѣтъ спустя г. В. Постниковъ о *земледѣльческихъ* новороссійскихъ губерніяхъ:

«Въ настоящее время всякое сколько нибудь значительное южно-русское село (и то же, впрочемъ, можно сказать о болышинствѣ мѣстностей Россіи) представляетъ столько разнообразія въ экономическомъ положеніи отдѣльныхъ группъ своего населенія, что крайне трудно говорить о благосостояніи отдѣльныхъ семей, какъ цѣлыхъ единицъ, и рисовать это благосостояніе средними цифрами. Такія среднія цифры указываютъ нѣкоторые общія опредѣляющія условия экономическаго быта крестьянства, но онѣ не даютъ никакого понятія о всеобщемъ разнообразіи экономическихъ явленій въ дѣйствительности»¹⁾.

Совершенно то же слышимъ мы отъ г. Рева, какъ видно, обстоятельно изучившаго положеніе крестьянъ въ *Кіевской* губернии.

«Со времени освобожденія крестьянъ по настоящій моментъ деревни наша весьма значительно измѣнила свою физономію и въ ней произошли крупныя измѣненія не земельнаго владѣнія, а земельнаго пользованія. Обстоятельство это совершенно ускользаетъ отъ формальной официальной статистики, а между тѣмъ, для опредѣленія экономическаго благосостоянія крестьянской массы, оно имѣетъ почти рѣшающее значеніе. De jure, каждая крестьянская семья владѣетъ тѣмъ же недвижимымъ имуществомъ, de facto—ничего подобнаго нѣтъ. За послѣдніе 30 лѣтъ въ крестьянствѣ нашемъ образовалась глубокая трещина, въ немъ произошло (самый процессъ этотъ, впрочемъ, еще далеко не законченъ) разложеніе на два диаметрально противоположные лагера: на крестьянъ достаточныхъ и крестьянъ нищихъ»²⁾.

Въ самомъ дѣлѣ, въ новороссійскихъ губерніяхъ *земледѣліе* составляетъ почти *исключительное занятіе* сельскаго населенія. Если къ этому прибавить, что въ нихъ очень распространено *общинное земледѣліе*, то, довольствуясь средними цифрами, можно съ полнымъ, повидному правомъ предаться *отраднымъ*

¹⁾ Цитир. соч., стр. 106.

²⁾ „Кіевскій крестьянинъ“, стр. 12—13.

размышлениямъ на ту тему, что Новороссія — не Западъ, и что наше евро-русское крестьянство до сихъ поръ, не смотря ни на что, вѣрно «устояетъ». Но присмотритесь поближе къ быту этого крестьянства, и вы увидите что вашъ оптимизмъ обязанъ своимъ происхожденіемъ простой ошибкѣ.

Земская перепись даетъ слѣдующія поучительныя цифры по тремъ материковымъ уѣздамъ Таврической губерніи ¹⁾:

	Колонія	Прочія селенія.
Общее число дворовъ	9,496	74,539
число дворовъ безъ рабочаго скота	972	11,555
« « « « « посѣва	865	<u>5,477</u>

Оставляя въ сторонѣ колоніи, какъ поставленныя вообще въ исключительное положеніе, мы видимъ, что въ «прочихъ селеніяхъ» около $\frac{1}{2}$ части крестьянъ не имѣютъ рабочаго скота, а отчасти и посѣва. Это уже не такъ страшно, какъ преобладаніе земледѣлія, широкое распространеніе общины и проч. Но къ этому мы должны прибавить еще вотъ что:

«Въ сущности, всѣ сѣищіе домохозяева и малосѣищіе, обрабатывающіе свою землю наймомъ чужого скота, не представляютъ большой разницы въ своемъ хозяйственномъ положеніи. Первые сдаютъ въ аренду односельчанъ всю свою землю, вторые только часть ея, но какъ тѣ, такъ и другіе либо служатъ батраками у своихъ односельчанъ, либо промышляютъ сторонними и болѣею частью земледѣльческими же заработками, проживая въ собственной усадьбѣ. Поэтому обѣ категоріи крестьянъ — не сѣищихъ и мало сѣищихъ — можно разсматривать вмѣстѣ; и тѣ, и другіе принадлежатъ къ домохозяевамъ, терпящимъ свое хозяйство, въ большинствѣ случаевъ разорившимся или разоряющимся, не имѣющимъ нужнаго для веденія хозяйства скота и инвентаря» ²⁾.

Въ Таврической губерніи около $\frac{1}{2}$ части домохозяевъ не эксплуатируютъ своей надѣльной земли, сдавая ее въ аренду. Между

¹⁾ В. Постышевъ, стр. 134.

²⁾ Тамъ же, стр. 134—135.

сдающихъ есть меньшинство, имѣющее собственную, «купчую», землю и арендующее значительные участки на сторонѣ. Это та же крестьянская аристократія, тѣ же «богачи», «промышленники», съ которыми встрѣчался г. Златовратскій во Владимирской губерніи. Только на югѣ они «промышленяютъ» землю, а не арендуютъ, не ткачатъ и т. п. Южно-русскіе «богачи» и по своему образу жизни, и по своимъ нравственнымъ привычкамъ и даже по своимъ умственнымъ потребностямъ не имѣютъ уже ничего общаго съ тою толпою, которая сдаетъ свои надѣлы *по бѣдности* и «промышленяетъ» единственно *продажей своей рабочей силы*. По словамъ г. Постникова, богачи нерѣдко «отличаются строгими нравственными правилами, читаютъ газеты и журналы». Не то съ бѣдняками, съ *шалашами*.¹⁾ Эти, кажется, не очень строги по части нравственности. Они не рѣдко «запутываются въ разгульной жизни и преступленіяхъ». Изъ нихъ «набирается» конокрады и т. д. Богачи и вообще зажиточные крестьяне относятся къ нимъ съ тѣмъ, явоніи понятнымъ презрѣніемъ, съ которымъ истинная добродѣтель издавна привыкла, не смотря на свою скромность, смотреть на пороки: «идается, гуляется, о хозяйствѣ никогда не думаетъ»²⁾. Само собой разумѣется, что добродѣтель не отказывается при случай вознаградить себя за неприятности, причиняемыя ей порокомъ. Она снимаетъ у порока его землю, при чемъ списываетъ до «угощенія» его винкомъ, къ которому порокъ испытываетъ, разумѣется, непреодолимое влеченіе³⁾. Она придумываетъ подчасъ очень хитроумныя комбина-

¹⁾ См. тамъ же 130 и слѣд.

²⁾ «Надѣльная земля служитъ въ настоящее время предметомъ обширной спекуляціи въ южно-русскомъ крестьянскомъ быту. Подъ землю получаютъ займы съ выдачею пенселей, весьма распространенныхъ дѣлъ между товарищескими крестьянами, причѣмъ доходъ отъ земли остается въ пользу ссудившаго впередъ до уплаты долга, земля сдается или продается на годъ, два и болѣе долге срока, 8, 9, и 11 лѣтъ, и такіе сдачи надѣловъ формально свидѣтельствуются въ волостныхъ и сельскихъ правленіяхъ. По воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ мнѣ случалось видѣть въ большихъ селахъ предъ зданіемъ сельскихъ правленій цѣлыя толпы оживленнаго народа. На вопросъ о причинахъ сбора мнѣ отвѣщало, что это идетъ угощеніе и продажа надѣловъ, свидѣтельствующихъ въ нѣмалыхъ сельскими властями.

ция съ «убыльной землей», т. е. съ надѣлами умершихъ или разорившихся домохозяевъ, земли которыхъ поступаютъ «въ мѣръ». Такъ напр., изъ статистическаго описанія Вахмутскаго уѣзда видно, что «подъ влннннмъ богатыхъ домохозяевъ, въ убыльную поле отрѣзывается отъ надѣльной дачи кусокъ самой лучшей по качеству земли и, подъ предлогомъ исправнаго поступленія аренды, раздается сельскимъ начальствомъ тѣмъ же богачамъ и зажиточнымъ крупными частями, иногда въ нѣсколько десятковъ десятинъ, а бѣднымъ крестьянамъ изъ нея или ничего не достается, или достается немногимъ по 1—3 десятинамъ. Такой именно «порядокъ» установился съ теченнмъ времени въ селгахъ Троицкомъ, Скотоватомъ, Ясеноватомъ и Зайцевѣ, въ которыхъ убыльной земли ежегодно отдается въ аренду 8,221 дес. При всемъ этомъ, много земли разбирается тѣми же богатыми крестьянами даромъ, безъ уплаты аренды, что они достаютъ путемъ утайки отъ общества... или, вѣрнѣе, отъ бѣдныхъ крестьянъ цѣлыхъ клѣтокъ въ 25 дес.; способствуютъ имъ въ этомъ дѣлѣ «мѣрщики», которыхъ мѣръ наижаетъ, со просьбъ самихъ же богатыхъ крестьянъ, для пропѣрки земли въ натурѣ, и которыхъ богатые-арендаторы обязательно угощаютъ за показаннє и послѣдствн за ними, арендаторами, меньшаго количества земли, чѣмъ есть въ дѣйствительности. Арендная плата за убыльную землю назначается ниже существующей въ данной мѣстности цѣны на землю не только того же, но и худшаго качества, по крайней мѣрѣ въ 2—3 раза»¹⁾. Также

Казенная недвнмля у крестьянъ слушать такое обычное причинное продажа земли, но крестьяне рѣдко допускаютъ, чтобы эта продажа происходила у нихъ вынужденно черезъ расправу (которая по закону имѣетъ право отобрания члсти надѣлы у крестьянъ при недомыслии), потому что тогда ихъ земля идетъ дешевле и «близъ перловъ». Продавая же свою землю самъ, крестьянинъ получаетъ «сверху» въ нѣсколько рублей на десятину, а покупщикъ обязывается внести за его землю всѣ платежи. Въ большихъ селгахъ имъ владѣли и такіе кулаки, которые, купивъ надѣлы укрѣпощенныхъ крестьянъ, потомъ продавали ихъ съ пользаю для другихъ, разумеется, съ надбавкой за комиссію». В. Пестриковъ, цитиров. сочиненіе, стр. 139.

¹⁾ Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Екатеринбургской губерніи. Т. II. Вахмутскій уѣздъ. Екатеринбургъ, 1886. Отд. II, стр. 181.

самая добродѣтель «учить» пороки въ волостномъ правленіи ¹⁾. Наконецъ, она же, пользуясь предоставленнымъ общинѣ правомъ удалять своихъ порочныхъ членовъ, увекзаетъ пороки въ мѣста болѣе или мѣста отдаленныя. «Въ большомъ селѣ Михайловкѣ Мелитопольскаго уѣзда—сообщаетъ г. Постниковъ—въ 1889 году такими мирскими приговорами удалены были изъ селенія цѣлыхъ 29 семействъ» (! ²⁾).

Помощи отъ зажиточной добродѣтели бѣднымъ пороки, естественно, не имѣть никакой. «Какъ ему дать—говорятъ крестьяне—когда съ него нечего взять». Въ Таврической губ. очень распространены сельскія ссудосберегательныя товарищества, пользующіяся поддержкой со стороны государственнаго банка; «но пользуются займами изъ нихъ лишь зажиточные и достаточные домохозяева» ³⁾. При арендахъ земли «бѣднѣе» безземельные и вообще бѣднѣйшіе крестьяне совсѣмъ устранились отъ пользования снатыми участками. По книгамъ управления государственныхъ имуществъ, въ 1890 году, въ трехъ материковыхъ уѣздахъ Таврической губерніи около 62% всей сданной въ аренду казенной земли находилось въ рукахъ крестьянскихъ обществъ. Но въ дѣйствительности снатыя общества земля досталась лишь очень небольшой группѣ зажиточныхъ домохозяевъ. — Въ Днѣпровскомъ уѣздѣ у зажиточной группы крестьянъ находилось въ пользованіи болѣе $\frac{1}{2}$ всей арендованной пашни, въ Бердянскомъ уѣздѣ болѣе $\frac{2}{3}$, а въ Мелитопольскомъ, гдѣ всего болѣе арендуется казенной земли, даже болѣе $\frac{4}{5}$ арендованной площади. У бѣднѣйшей же группы крестьянъ (засѣвающихъ до 10 дес. пашни)

¹⁾ Въ этотъ счетъ интересная данія можно найти у г. Харкоменова: «Промыслы Владимирск. губ.», вып. III, Москва, 1882. Въ этой губерніи благодаря развитію кустарныхъ промысловъ, работъ на «фабрикеткахъ», роль историч. игралъ богатые крестьяне. «Экономическая жизнь такой поволж. въ юридическому безправію, но нигдѣ это безправіе не выразилось такъ рельефно, какъ въ обычай подвергать тяжелой домашности исполненію на мучлату холста фабриканту» (стр. 57 и слѣд.).

²⁾ Цит. соч. стр. 131.

³⁾ Постниковъ, тамъ же, стр. 138—139.

находилось во всѣхъ уѣздахъ всего 1,938 дес. или около 4%, арендованныхъ земель»¹⁾.

Очень ошибся бы тотъ, кто подумаетъ бы, что подобная практика «общественныхъ» арендъ представляетъ собою печальное исключеніе. Совершенно напротивъ. Эта практика все болѣе и болѣе становится общимъ правиломъ, такъ въ этомъ можетъ убѣдить читателя свидетельство г. Карышева, посвятившаго «крестьянскимъ внѣшадѣльнымъ арендамъ» особое изслѣдованіе²⁾. Вотъ выводъ г. Карышева.

«Чаще всего въ мирской (замѣтите, читатель, въ *мирской*) арендѣ участвуютъ не всѣ члены міра. Исключаются изъ пользованія снотой землей именно тѣ, кто въ ней больше другихъ нуждается, — хозяева маломощные, обдѣланные, обладающие меньшимъ количествомъ рабочихъ силъ и скота. Арендваемая земля дѣлится на пай, при чемъ тѣ, кто могутъ заплатить больше, получаютъ по цѣлому пая, по нѣсколько пайевъ, а тѣ, которые не могутъ этого сдѣлать, получаютъ одинъ пай на нѣсколько хозяевъ. Или земля дѣлится просто «по деньгамъ», «по капиталу», «по снротности» и т. д. Въ иныхъ мѣстахъ при началѣ аренды «высказываются всѣ домохозяева, но многіе лишь загімъ, чтобы немедленно преругнуть свои доли болѣе состоятельнымъ сообщникамъ... Наконецъ, появляется даже передача мирской аренды своимъ же сочленамъ за повышенную плату. Шагъ далѣе — мирская аренда итннеть даже названіе, превращаясь въ артельнуръ. Болѣе состоятельные домохозяева, не принимая даже формы общиннаго съема, выдѣляются въ обособленные группы и арендуютъ землю на свое имя... Такое выдѣленіе болѣе состоятельнаго крестьянскаго слоя, слнвою земледѣльческой массы, имѣеть крайне невыгодныя послѣдствія для хозяйственнаго быта остальныхъ домохозяевъ. Последнимъ создается конкуренція въ сѣмѣ земель и тѣмъ болѣе могучая, чѣмъ сильнѣе разннца въ имущественномъ положеніи обонхъ классовъ... Болѣе обезнченныя могутъ прнбрѣтать еще, а

} B

¹⁾ Тамъ же, стр. 130.

²⁾ Оно нашло, какъ извѣстно, въ Дерптѣ въ 1892 г. и составляетъ второй томъ «Исторіи экономическаго развитія Россіи по даннымъ земной статистики».

меньше обезпеченные отстраиваются конкуренцией на второй план» (стр. 219—220) ¹⁾.

Если бы народная мысль действительно развилась независимо от «внѣшнихъ условий», то, пожалуй, можно было бы надѣяться, что группы, различные между собой и даже враждебными одна другой по своему экономическому положенію, дружно пойдутъ рядомъ по пути развитія общинныхъ «идеаловъ» и духа солидарности. Но такъ какъ указанная независимость существуетъ лишь въ воображеніи г. Воронцова, то не можетъ быть и рѣчи о солидарности и прочности общинныхъ идеаловъ въ современной русской деревнѣ,—по крайней мѣрѣ въ той, которой уже коснулось вліяніе новѣйшаго экономическаго движенія. Солидарность уступаетъ мѣсто ожесточенному соперничеству, община становится орудіемъ эксплуатаціи бѣдныхъ крестьянъ зажиточными и богатыми. Какъ сильно это орудіе, показали отчасти уже вышеприведенные факты (пусть припомнимъ читатель массовую ссылку «шалашей»), а отчасти покажетъ слѣдующій случай.

Въ Дніпровскомъ уѣздѣ арендовали казенную землю, между прочими, сельскія общества Больше-Копанское и Ново-Алексѣевское. Въ обоихъ обществахъ святою землею на самую дѣль пользовалась лишь небольшая часть зажиточныхъ крестьянъ. Но и этимъ крестьянамъ не удалось «осилить» нанятые за сравнительно высокую цѣну участки. Они оказались несостоятельными. Тогда земля была у нихъ отобрана казною и снова сдана въ аренду «хозяйственнымъ способомъ», по цѣнѣ вдвое высшей. Недочетъ обязаны были уплатить старые арендаторы (а окъ для Ново-Алексѣевки доходилъ до 4000 руб.). Но кто же эти старые арендаторы? Вѣроятно, тѣ зажиточные крестьяне, которые пользовались казенною землею? Нѣтъ, земля была сдана въ мирскую аренду, а потому и отвѣчать за нее пришлось *миру*. Недостаточныя суммы разложены были по *душамъ* ²⁾. Если бы аренда принесла *выгоду*, то бѣдняки не имѣли бы къ ней доступа; но такъ какъ

¹⁾ Этими, отнесенными на второй планъ, наименѣе состоятельными арендаторамъ, приходится платить за землю гораздо дороже, чѣмъ состоятельнымъ. Объ этомъ смотри у г. Карышева, у В. Постыкова и др.

²⁾ Постыковъ, цит. соч. стр. 152—153.

она принесла убыток, то этот последний был *братски* разложён между всеми членами названных общин. Нечего сказать, замечательная эволюция «общинной идеи»!

Г. Воронцова умиляют коренные перемены, совершившиеся в очень многих общинах государственных крестьян в течение последнего двадцатилетия. Г. Воронцов видит только внешнюю сторону этих явлений; он не замечает того, что скрывается за нею, по крайней мере, дѣлает вид, что не замечает. Пусть же недосказанное одним народником доскажет другой, пусть г. Златовратский дополнит г. Воронцова.

«Переделъ все больше теряет свое практически-рациональное значение и дѣлается игрой въ «свалку и кавалку душъ», при которой из второй же день носы передела только что уравненные надѣлы снова складываются въ прежнее *status quo*, съ незначительными измѣненіями: надѣлы подбираются экономически-мощными хозяевами, иногда группирующими въ своих руках до 8—10 надѣловъ, обрабатывать которые напихают батраковъ, между тѣмъ какъ сами хозяева этихъ надѣловъ уходятъ въ города, въ заработки или въ батраки на собственные надѣлы... Мы можемъ указать въ особенности на большія села, которыя представляютъ характерные примѣры особаго рода земледѣлія, именно общинъ землепашцевъ, а не общинъ земледѣльцевъ. Въ этихъ селахъ фактически владѣютъ землей изъ 700 душъ всего 30 хозяевъ, которые берутъ на себя обработку всей земли, напихивая на время лѣтнихъ работъ цѣлыя арміи батраковъ. Настоящій же «правовой» хозяинъ земли ходитъ въ заработкахъ или просто по міру... Вы совершенно поражаетесь, когда видите, что въ селахъ съ 500—700 душъ весь сельскій сходъ состоитъ только изъ 40 человекъ, да изъ нихъ только половина работаетъ сама, а прочіе — лавочки, кабатчики, кулаки, «хозяева», собственно же рабочая масса — женщины, батраки и владѣльцы надѣловъ, уходящіе въ заработки, — не принимаютъ тутъ никакого участія и на сходъ не ходятъ. Результатъ всего этого весь хозяйственный инвентарь все болѣе сосредоточивается въ рукахъ незначительнаго меньшинства; большинство теперь почти совсѣмъ перестаетъ его заводить и начинаетъ «жить на хлѣбахъ».

Русская община отличается поразительной гибкостью, — укрывают насъ гг. народники — она умѣетъ приспособиться ко всевозможнымъ внѣшнимъ условиямъ.

Мы видимъ теперь, что гг. народники не ошибаются действительно, трудно придумать чтонибудь болѣе «идеальное», чѣмъ русская община; она не перестаетъ быть общиной даже в томъ случаѣ, когда превращается въ свою собственную противоположность.

Наши старые народники — Златовратскій, Успенскій и многие другіе — относятся къ новѣйшимъ народникамъ и къ Воронцову, какъ буржуазные экономисты-классики къ вульгарнымъ экономистамъ послѣдующей эпохи. Старые народники безстрашно описывали то, что совершалось передъ ними, они не боялись истины, потому что еще не вкусили отъ древа познания добра и зла, потому что имъ даже и въ голову не приходило, что истина противорѣчитъ ихъ «идеаламъ». Г. Воронцовъ и ему подобные подкрашиваютъ действительность и подслащаютъ мужика, потому что они поняли, что исподрашенная действительность и исподслащенный мужикъ сводятъ на нѣтъ ихъ «идеалы».

Что такое крестьяне, не имѣющие рабочаго скота? Это тѣ — по выраженію Г. И. Успенскаго — *милы мымылы*, связь которыхъ съ землей уже совершенно *подорвана*. А между тѣмъ, домохозяевъ, не имѣющихъ скота, у насъ вездѣ очень много. Они составляютъ по крайней мѣрѣ четвертую часть крестьянскаго населенія Европейской Россіи (не считая 3 острѣвскихъ и 10 польскихъ). Не многимъ обезпеченіе и положеніе тѣхъ хозяйствъ, въ которыхъ приходится по одной штукѣ рабочаго скота: неурожай, паденіе, даже простая «заминка» въ дѣлахъ, «недохватка» въ деньгахъ, — которыхъ, разумеется, и безъ того немного — и крестьянинъ лишается послѣдняго «живота», отчего все его хозяйство быстро идетъ подъ гору. Хозяйства, обладающіе одной штукой скота, у насъ считается болѣе 25% крестьянскаго населенія. Взятые вѣстѣ, эти кандидаты въ пролетаріи составляютъ по-истинѣ ужасающую сумму. Вотъ внушительная таблица, заимствуемая нами у г. П. Скворцова 1):

1) «Юридическій Вѣстн.», 1892, № 11, «Итоги крестьянскаго хозяйства», стр. 440.

ХОЗЯЙСТВО

	Без работа- го скота.		Съ 1 штукой ра- ботного скота.		Техъ и дру- гихъ
	Всего	%	Всего	%	
Полесье центральное	85,852	28,0	105,813	36,9	64,0
Полесье северное	54,861	19,7	127,470	46,0	65,7
Северный трехпольный черно- земь	216,032	29,4	332,181	34,0	63,4
Северный естественный чер- воземь	64,875	18,7	67,575	19,5	38,2
Южный естественный черно- земь	78,501	25,5	19,586	9,5	35,0
Южный трехпольный черноз.	230,086	25,1	231,569	25,3	50,4
Итого	729,997	25,3	784,184	27,2	52,5

Более пятидесяти процентов разорившихся хозяев, канди-
датовъ въ полные прелегари! И это по даннымъ восьмидесятихъ
годовъ. Неурожанъ 1891 и 1892 гг. еще болѣе увеличили эту
цифру. Зная, что именно домохозяева, имѣющие мало скота или
вообще его не имѣющие, чаще всего сдаютъ свои надѣлы, мы пой-
мемъ, какъ сильно должна быть распространена сдача этихъ по-
слѣднихъ, и зная это, мы вынуждены будемъ согласиться, что
не много преувеличенія въ вышеприведенныхъ словахъ г. Злато-
вратскаго; что, действительно, передѣлъ все болѣе и болѣе утра-
чиваетъ свое старое практическое значеніе и становится игрой
въ свалку и навалку дунга, происходящей прежде всего въ ин-
тересахъ сельской добродѣтели—бузаковъ, кабатчиковъ, заводчи-
ковъ, хозяйственныхъ мужичковъ и другихъ щукъ, жадно гла-
тавшихъ задремавшихъ барасей¹⁾.

¹⁾ Много данныхъ, касающихся сдачи надѣловъ, собрано г. Г. Сазоновъ
въ статьѣ: *Значеніе аренды крестьянскихъ земель въ вопросъ о зем-
лечужденности и т.д.*, составляющей приложение въ его книгѣ: *Необходимо-
сть крестьянскихъ земель въ связи съ государственнo-экономической про-
граммой* (целье вѣроятно г. Сазонова). С.-Петербургъ, 1869. Г. Сазоновъ,
столь твердо вѣрующій по всеобщности государственнаго вмешательства,
какъ видно, считаетъ превращеніе сдачи крестьянскихъ надѣловъ цѣлью

Должны будем согласиться... Вот до чего мы дошли! Въ *обязанности* *идеалъ* приходится съ цифрами въ рукахъ доказывать, какъ *вообще*, тѣ истины, которыя считались старыми въ *селидесятилетъ* ¹⁾. Но что прикажете? Такова «эволюція» нашего народничества. Прежде народники кричали о разложении общины, а теперь, даже въ специальныхъ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ именно общинѣ, они предпочитаютъ распространяться на тему объ «эволюціи» крестьянской мысли въ сторону любезныхъ народникамъ идеаловъ. Старость не радость!...

Но послушаемъ еще г. Воронцова: можетъ быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ открылъ такія явленія, которыя должны вызвать цѣлымъ переворотомъ въ нашень взглядѣ на народную жизнь. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, вопреки неблагоприятнымъ «внѣшнимъ условіямъ», совершился у насъ, по крайней мѣрѣ кое-гдѣ, переходъ къ болѣе совершеннымъ системамъ распределенія земли? До сихъ поръ мы въ словахъ г. Воронцова указаній на это не видали. Но видъ его рчи, еще не оконченъ: кто поручится, что она не сдѣлается болѣе убѣдительною?

«Прошлымъ зимамъ дала крестьянину общиннику систему раздѣла трудно достижимой. Не смотря на всю важность неотчуждаемости, сомнѣніе незолото закрадывается въ душу—металлологически называетъ это. Полюкимъ, законоположеніе водило къ слуху, неотчуждаемость стала фантомомъ. Какія явленія произойдутъ въ империализмъ народа? Обширный вышеприведенный матеріалъ позволяетъ усомниться въ важности перемѣны. Теоретически крестьянинъ будетъ собственникомъ неотчуждаемой земли, на самомъ же дѣлѣ онъ—собственникъ фиктивной, п.с. земля будетъ принадлежать кредиторамъ, а собственникъ онъ будетъ изъ сущности арендаторомъ, т. е. существеннаго явленія не произойдетъ. Далеко къ тому, что земля ускользаетъ изъ рукъ мужика не потому, что нѣтъ закона о неотчуждаемости, а потому, что существуютъ непреодолимая для крестьянъ причины, создающія дачу нахлоботки»²⁾...

¹⁾ «И такъ, теперь общинное землевладѣніе почти утратило всю свою практическую важность,— оно не защищаетъ крестьянъ отъ пролетаріата, который является у насъ подъ именемъ бездомнаго батрачества. Все неизвѣстное, но законное дѣло—міровой, производя послѣдовательно все больше и больше пролетаріатъ, въ то же время имѣетъ тенденцію сократить размѣры крестьянскаго производства хлеба» и т. д. В. Гизранскій, «Общественно-экономическія отношенія въ юго-восточной Россіи». «Слово», Мартъ, 1878, отд. I, стр. 162.

верстки земли по потребительной норме, именно по душамъ мужского пола, занесеннымъ въ ревизію (мы уже видѣли, что норма эта вовсе не *потребительная*, а грубо, не точно опредѣленная *производительная*—А. В.). Никто не скажетъ, чтобы эта система была совершеннымъ выраженіемъ идеи, лежащей въ основѣ распределенія земли по нуждамъ семей (еще бы! она къ нуждамъ семей не имѣла равно никакого отношенія!) и, наоборотъ, есть основаніе предполагать, что она явилась или по крайней мѣрѣ сохранилась до нынѣшняго времени въ известной мѣрѣ искусственно (вотъ это такъ! Это мы знаемъ наизусть. Только вы слишкомъ перфидически это выражаете, г. Воронцовъ: *есть основаніи* предполагать, что она именно *вожлась* «искусственно» и столь же «искусственно» сохранилась). Очень возможно, что не будь въ прошломъ внимательства государства въ поземельныхъ отношеніяхъ—община представилась бы намъ иномъ, чѣмъ мы ее видимъ въ настоящее время. Но разъ это внимательство возымѣло мѣсто—возможно, что процессъ эволюціи идеи уравниванія прерванъ былъ не среднимъ и станетъ продолжаться послѣ того, какъ будутъ устранены задерживавшія обстоятельства. Считаю землю ничьей, божьей, государевой, зная, что ея раздѣлами опредѣляется благосостояніе семьи, крестьянинъ естественно приходитъ къ мысли о распределеніи этого божьаго дара между всеми, пропорционально потребностямъ каждаго... Мы не говоримъ, что начало мужской души внесено въ общинную жизнь государствомъ; весьма вѣроятно, что последнее исходило въ своихъ мѣропріятіяхъ изъ того, что уже существовало въ действительности (это уже знакомая намъ «гармония»), но своимъ авторитетомъ оно закрѣпило существующее, придало ему ту устойчивость, какой при свободномъ развитіи общины оно можетъ быть и не имѣло бы. Съ устраненіемъ же указаннаго вліянія со стороны, естественно, если прерванный процессъ развитія общинной идеи возобновится (?) и рядомъ съ душой мужского пола.. выдвинутся другія единицы, лучше соответствующія идеальнымъ началамъ человѣческой природы и социальному смыслу разсматриваемой формы землепользованія¹⁾.

¹⁾ «Крестьянская община», стр. 250—251.

Слѣдуетъ примѣры изъ жизни крестьянскаго населенія Херсонскаго уѣзда. Примѣры эти вполнѣ заслуживаютъ внимательнаго разсмотрѣнія. Они проливаютъ яркій свѣтъ не только на «эволюцію общинной мысли», но и на мышленіе самого г. Воронцова.

Въ Херсонскомъ, да и не въ одномъ Херсонскомъ уѣздѣ, происходятъ мѣстами *борьба «за дѣвожа»*. Это означаетъ вотъ что. Когда поднимается вопросъ о переходѣ къ наличной разверсткѣ, то домохозяйка, у которыхъ много дочерей, доказываютъ, что надѣлены земелью должны быть души *обоихъ полей*. Херсонскіе статистики видятъ въ этомъ результатъ сравнительно равноправнаго положенія женщины среди малорусскаго населенія. А г. Воронцовъ, ссылаясь на подобныя же явленія въ Вѣликороссіи, полагаетъ, что на нихъ «нельзя смотрѣть какъ на отраженіе традиціоннаго взгляда», и естественно предположить, что они служатъ признакомъ свѣжей струи въ общинной жизни вообще, что ими открывается новый періодъ въ развитіи общинной идеи, которое было прервано образованіемъ крепостнаго дореформеннаго государства и возобновилось послѣ того, какъ внѣшнее давленіе на общину ослабло»¹⁾.

Замѣтимъ прежде всего, что въ тѣхъ селовицяхъ Херсонскаго у., на которыя указываетъ г. Воронцовъ, — въ Новомъ Бугѣ, Ново-Архангельскомъ и Киселевскѣ — «общинная идея» оказывается очень слабой и потому мало надежной: въ первомъ изъ нихъ долгое время господствовало *поворно-наследственное владѣніе*, а въ двухъ остальныхъ оно *фактически господствуетъ* и теперь — по крайней мѣрѣ господствовало въ моментъ изслѣдованія — такъ какъ *передѣлъ въ нихъ не могъ состояться*. При фактическомъ господствѣ поворнаго владѣнія устанавливался порядокъ, вслѣдствіе которыхъ умершимъ главамъ семействъ наследовали какъ сыновья ихъ, такъ и *одна изъ дочерей*. При возникновеніи вопроса о разверсткѣ по наличнымъ душамъ, права женщинъ отстаивались именно тѣми семьями, въ численномъ составѣ которыхъ преобладали души женскаго пола. Предвидя уменьшеніе своихъ участковъ, при передѣлѣ земли по душамъ мужскаго пола, такіа семьи высказыва-

¹⁾ Тамъ же, стр. 252.

важнѣе *вообще противъ передѣла*: «у меня одна душа мужская наличная, а пять дѣвочекъ: чѣмъ же я ихъ буду кормить, когда поступлю своей землей на общество?» Это очень естественное соображеніе. Но оно доказываетъ совсѣмъ не то, что хочется доказать г. Воронцову. Такъ называемый имъ *женскій вопросъ* возникъ въ этихъ селеніяхъ вследствие *умада* общинной мысли, а вовсе не вследствие ея дальнѣйшаго развитія и укрѣпленія. Г. Воронцовъ изображаетъ явленія совершенно обратно тому, какъ они происходятъ въ дѣйствительности.

Это было бы очень неудобно для читателей, если бы нашъ авторъ не опровергалъ самого себя съ безпристрастіемъ, заслуживающимъ наибѣйшаго одобренія. Безпристрастіе его блистательно проявилось по поводу «женскаго вопроса» въ деревнѣ. На стр. 316 своей книги онъ категорически заявляетъ: «Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (напр. въ Херсонской губерніи) мы застаемъ общину въ тотъ моментъ ея эволюціи (!), когда крестьяне смотрятъ на землю скорѣе какъ на личную собственность, чѣмъ на мірскую, и этотъ взглядъ отражается на отношеніи женщинъ къ землѣ. Въ такихъ мѣстностяхъ права женщинъ на надѣлы довольно широки, такъ что вдова и дочь нередко сохраняютъ за собой участки умершаго владѣльца земли, даже если онѣ выходить замужъ за лицъ, постороннихъ обществу. Это широкое право является здѣсь, слѣдовательно, продуктомъ идеи личной, а не общиннаго начала землевладѣнія».

Очень хорошо, г. Воронцовъ; такъ хорошо, что съ этой стороны мы можемъ считать «женскій вопросъ» рѣшеннымъ. Но объясните ли вы намъ теперь, — благо настала минута откровенности — какое значеніе имѣютъ тѣ случаи возникновенія «женскаго вопроса» въ великороссійскихъ деревняхъ, которые вы назвали признакомъ свѣжей струи и т. д.?

Г. Воронцовъ отвѣчаетъ:

«Тамъ, гдѣ сохраняется ревизская разверстка земли, большимъ распространеніемъ пользуется правило, что вдова или мать (иногда и дочь) умершаго оставляютъ за собой надѣлы покойнаго на общемъ основаніи до новаго передѣла земли или до выхода въ замужество за иностранца, а мѣстами и за однообщественника».

Так как переделы по новым душам получили распространение недавно, то еще не представляется возможности определенно высказаться о том, сохраняется ли приведенное правило в общинах, отступивших от ревизской разверстки, т. е. есть ли это правило естественный продукт общинной идеи, или является плодом некоторой индивидуализации воззрений, развивающейся вследствие продолжительного отсутствия переделов. Судя по примеру некоторых местностей (см. Медитовольский уезд), можно полагать, что такое же правило будет иметь применение и в общинах с наличной разверсткой земли. Рассматривая его поэтому, как порядок общинных отношений, мы можем видеть в нем только средство простого признания или же считать результатом признания со стороны общины за женщиной права на землю — как таковую, — права, получающего осуществление чрез посредство мужской части семьи, а за отсутствием таковой лично¹⁾.

Г. Воронцов высказывается неопределенно. Он уже не хочет отрицать свой собственный взгляд с той похвальной решительностью, с какой он только что сдвигал это относительно Херсонского уезда. И тем не менее, г. Воронцов отступает до всей линии. Как ни запутанно его объяснение, мы все таки можем вполне право сдвигать из него следующие выводы.

1) Очень может быть, что «женский вопрос» есть «плод некоторой индивидуализации воззрений» не в одном только Херсонском уезде. Это наше предположение перейдет в полную уверенность, если, при заимши ревизской разверстки наличною, права женщины на землю будут ограничены.

2) Но есть основание думать, что они при этом ограничены *не будут*. А если это так, то отвод женщинам земли можно рассматривать *только как средство простого признания*.

3) Можно, однако, взглянуть на него и иначе. Можно допустить, что оно есть результат признания за женщиной права на землю как таковую.

4) Но тогда надо помнить, что, будучи признано, право это осуществляется, однако, лишь чрез «посредство мужской части

¹⁾ Там же, та же страница.

семьи», т. е., другими словами, *всёе отрицается*, так как через посредство мужской части осуществляются права только мужской части.

5) За отсутствием мужской части семьи названное право осуществляется, однако, и «лично» т. е. «через посредство части *женской*», если такие случаи не означают «простого призрака».

«Сибская струя» выводится до таких ничтожных рамок, что самое существование ее можно «рассматривать», как нечто совершенно сомнительное, тем более, что уже с очень давних пор крестьянские женщины местами пользуются у нас надбавкой по смерти мужа, т. е. «за отсутствием мужской части семьи». Сибская струя оказывается, значит, и не весьма «свежей»: она есть «результат» давнего обычая, который даже повелен в закон правительствующим сенатом, согласно указам которого: «общество не может обезземельивать крестьянок, пользовавшихся земельным надбавком по смерти мужа на правах домохозяйки и отбывавших повинности»; «пока они не выйдут замуж в другое общество» (там же, стр. 317, примеч.).

Мы могли бы из книги г. Воронцова заимствовать еще много примеров, хорошо выясняющих значение «женского вопроса». Полагаем, однако, что оно и без того ясно читателю, а так как места у нас не много, то мы предпочитаем выписать крестьянский взгляд на землю как на «ничью, божью, государствену»⁴⁾.

⁴⁾ Спешим, впрочем, не лишним напомнить читателю, как обстоят «женский вопрос» в Молотовском уезде, на который указывает г. Воронцов. «Женщины видимо ратуют за равную раскладку и даже, как мы видели в Семеновке, участвовать в составлении неправильных преговоров, наполненных плутиной. Дело в том, что при обычной размерности женским после смерти мужа владеть землей только до следующего передела, стало быть не более 10 лет (наиболее длинной промежуток между двумя переделами), а затем надель у них отбирается, и только «бесплодные» вдовам дается несколько десятин мироплатной земли. При равной размерности, по смерти отца семейства, его душа на всю жизнь остается у вдова, которая обыкновенно живет с одним из разделившихся сыновей. Положение матери, владящей землей, далеко не таково, как бесплодной: уходя от сына, она увозит с собою 8 деся-

Здѣсь мы, во-первыхъ, напомнимъ читателю, что русскій крестьянинъ давно уже не отождествляетъ «ничьей, божьей» земли съ землею казенной, какъ это доказываютъ продолжавшіеся въ теченіе цѣлыхъ столѣтій побѣги не только помещичьихъ, но и казенныхъ крестьянъ въ «прекрасную пустыню», съ казенной земли на ту, которая дѣйствительно была тогда «ничьей, божьей». Но это мимоходомъ. Главное же вотъ что:

Въ Александрійскомъ уѣздѣ помещичьи крестьяне въ первое время по освобожденіи не только охотно давали выморочнымъ и вообще «пустымъ» земли лицамъ, не принадлежавшимъ къ ихъ общинамъ, но и сами брали на себя инициативку отысканія такихъ людей, которые согласились бы взять часть ихъ земли. Настоящій золотой вѣкъ! Самая трогательная идиллія! Крестьяне, очевидно, твердо проникнуты тѣмъ убѣжденіемъ, что земля ничья, божья, государева, и что ее надо распределять по «нестребительной нормѣ». Къ сожалѣнію, идиллія была недолговѣчна. Въ настоящее время «крестьяне начинаютъ тѣснить постороннихъ пришельцевъ, не записанныхъ въ ревизскую сказку и уставную грамоту»¹⁾. Что же это за вранчя? Отчего люди, прежде смотрѣвшіе на землю, какъ на *ничью*, теперь вдругъ стали смотрѣть на нее, какъ на свою *собственность*, и вспомнили о своихъ юридическихъ правахъ, о ревизскихъ сказкахъ, объ уставныхъ грамотахъ и прочей прозе? Очень простое дѣло! Прежде земли не окунала лежащихъ на ней платежей, и тогда принимать на нее постороннихъ людей было *амодно*. А теперь доходность валѣвной земли повислалась; теперь владѣніе ею не представляетъ уже тягости; теперь *амодно* стало уже не приглашеніе къ общинѣ постороннихъ людей, а

тѣмъ землѣ; это обстоятельство заставляетъ дѣтей почтуть старуху, слушаться ея. Такимъ образомъ при ревизской раскладкѣ даже беднѣйшая вдова на всю жизнь обеспечена 8-десятиннымъ надѣломъ, а при дѣлѣхъ вдовленіе вдовы болѣе почетно и независимо, чѣмъ вдовленіе безземельной старухи при валѣвной разверсткѣ. Сборн. статист. свѣдѣній по Таурическ. губ., т. I, вып. II. ч. II, стр. 57. Женскія права плохо уживаются съ общиной, какъ она должна была бы быть, т. е. съ валѣвной разверсткой. Поэтому женщины проищаютъ общинѣ, т. е. за ея вступленіе посредствомъ ревизской разверстки,

¹⁾ В. Покшанковъ, цит. соч., стр. 53.

напротив, ихъ *удаление*,— вотъ и удаляютъ этихъ людей, посредствомъ ревизскихъ сказокъ и уставныхъ грамотъ. Прежде земля *черезчуръ* уже была казенной, поэтому и старался каждый домохозяинъ, что-бы она сдѣлалась если не «*казней*» (это было невозможно), то хоть *чужою* землею,—землею другого домохозяина, все равно, принадлежащаго или не принадлежащаго къ данному обществу. А теперь принадлежность земли «*казнѣ*» чувствуется уже не такъ сильно, и каждому крестьянину хочется сдѣлать изъ нея *свою* землю, вырвать ее изъ чужихъ рукъ. Что можетъ быть притче этого? Но съ другой стороны, что же остается отъ «потребительной нормы»?

«Такого же рода борьба отмѣчается и въ уѣздахъ Екатеринославской губ.,—продолжаетъ г. Постниковъ— гдѣ она указана земской статистикою въ восточныхъ уѣздахъ губернии, въ мѣстностяхъ, гдѣ сильнѣе шло возвышеніе цѣны на землю»¹⁾. Повторяемъ, это очень просто и естественно. И чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно проникнуться тѣмъ убѣжденіемъ, что человѣческая мысль вообще, а слѣдовательно, и крестьянская въ частности, иногда и вездѣ развивается независимо отъ «внѣшнихъ условий». Чуждый этого убѣжденія, г. Воронцовъ, не смотря на массу упорнаго труда (въ этомъ отношеніи ему надо отдать полную справедливость, трудолюбивъ у него бездна, *охота* у него *смертная*), до сихъ поръ не могъ доработаться до сколько нибудь опредѣленнаго, непротинорвчиваго взгляда на значеніе современныхъ крестьянскихъ передѣловъ (*участы* г. Воронцова въ этомъ случаѣ очень *зоркая*). А вотъ г. Григорьевъ, повидимому безъ труда, совершенно точно и опредѣленно выкинулъ это значеніе. «Въ грунтѣ (общинѣ) съ наиболѣе доходнымъ надѣломъ—писалъ онъ еще въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ о крестьянахъ Саратовскаго уѣзда—къ военному передѣлу приступило со времени X ревизіи менѣе половины общинъ: 48,6%, а тамъ, гдѣ надѣлъ въ тагетъ большинству дворовъ, военный передѣлъ произведенъ почти всѣми обществами: 93%. Подобное явленіе отмѣчено и изслѣдователями Московской, Рязанской и проч. губ. Такъ какъ

¹⁾ Цит. соч., стр. 54.

въ Саратовскомъ уѣздѣ числе общинъ съ малодоходнымъ надѣломъ весьма значительно, то и проценты общинъ, совершившихъ крѣпной передѣлъ со времени X ревизии, весьма велики: 70⁰/₁₀₀.

Какъ видите, и здѣсь то, что г. Воронцову представляется результатомъ прогрессивнаго развитія общинной мысли, есть на самомъ дѣлѣ результатъ бѣдности крестьянъ, отягощенныхъ ихъ непосильными платежами. Независимость же народной мысли отъ «внѣшнихъ условий» оказывается просто «безличнымъ» явленіемъ. Именно этими условиями и опредѣляется то или иное отношеніе крестьянъ къ передѣламъ. Наставкая на передѣлѣ или отказываясь отъ него, крестьянинъ руководствуется не отвлеченными принципами, а простымъ расчетомъ выгоды. Такъ несомнѣнно происходитъ дѣло въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьянская мысль, подъ вліяніемъ новаго склада экономическихъ отношеній, освободилась уже отъ господства преданія. А такихъ мѣстностей теперь уже очень много: русскій крестьянинъ теперь уже не тотъ, какимъ онъ былъ до реформы 1861 года ¹⁾. А разъ отношеніе крестьянина къ общинѣ стало опредѣляться простымъ расчетомъ выгоды, надъ общиной — т. е. надъ старой общиной, которую любятъ гг. народники — задо поставить крестъ или, по крайней мѣрѣ, надо заблаговременно заготовить этотъ крестъ, потому что все рѣже и рѣже будутъ происходить, все рѣже и рѣже будутъ

¹⁾ Пусть не обижаться насъ въ искусственномъ построеніи ны и здѣсь, лишь повторяемъ то, что давно уже было высказано народниками-экономиками: «Къ своей общинѣ крѣпостной мужикъ относился, поочти, совершенно иначе, чѣмъ относился мужикъ повѣйшей формациі, говоритъ г. Захаровскій... Крѣпостной мужикъ не могъ и не имѣлъ достаточно сильныхъ побужденій смотреть на свою общину критически: онъ, видѣвъ съ бариномъ, призналъ ее, какъ традиціонный фактъ отъ дѣдовъ... Все хорошее и худое держалось по рутинѣ, по традиціи, по убѣжденію, что все установлено по законамъ, не при насъ изданнымъ, ины и существованіе самого барина». Другое дѣло—мужикъ повѣйшей формациі: «Къ своей общинѣ, прижуденный боролся за существованіе, онъ становился въ критическое отношеніе... Отъ этого мужика мы услышите совсѣмъ другія рассужденія объ его общинѣ, чѣмъ отъ крѣпостнаго мужика: онъ не поклонится передъ ней какъ передъ священной и заповѣданной традиціей, онъ знаетъ, что въ ней хвалять, что порицать» и т. д.

повторяться такі сочетанія інтересовъ отдѣльныхъ домохозяевъ, которыя необходимы для новыхъ передѣловъ. И теперь уже къ общинѣ отрицательно относятся не только кулаки, на которыхъ мы привыкли сваливать все общинныя неудачи, и которые иногда—тоже расчетъ выгоды!—являются горячими сторонниками общиннаго землевладѣнія, но и бѣднѣйшая часть общинниковъ, а это уже гораздо болѣе злобный признакъ.

Привыкнувъ видѣть въ общинѣ чуть не панацею отъ всѣхъ экономическихъ бѣдствій, наши благодушные народолюбцы воображаютъ, что именно деревенская-то бѣднота и должна всего энергичнѣе стоять за передѣлы. А между тѣмъ, не говоря уже о тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, когда бѣднота христомъ-богомъ отпрашивается отъ земли, она очень нерѣдко обнаруживаетъ къ передѣламъ совершенное равнодушіе. Примеръ. Село Шербаковка, Ванюковской вол., Камышинскаго уѣзда: «Землю дѣлить по ревизіи и душамъ... Потребисеть въ коренномъ передѣлѣ не чувствуете: народъ безхозяйственный»¹⁾. И такихъ примеровъ можно привести множество. И все они показываютъ, какъ отвлеченно, какъ поверхностно, какъ односторонне понимаютъ народные интересы наши защитники общины *quand même*.

Четвертая глава разбираемой нами теперь книги г. Воронцова посвящена «*индивидуалистическимъ стремленіямъ въ современной общинѣ*». Тамъ собрано не мало фактовъ, показывающихъ силу этихъ стремленій. Но г. Воронцову эти факты не мѣшаютъ твердить объ «эволюціи общинной мысли». Когда онъ встречается съ ними, онъ или утѣшаетъ себя тѣмъ соображеніемъ, что процессъ распада общины отличается «не вполнѣ сознательнымъ характеромъ» (стр. 162), или придирается (читатель сейчасъ увидитъ, почему мы говоримъ: *придирается*) къ отсутствію формальныхъ переговоровъ о переходѣ къ подворному владѣнію.

«Если считать серьезнымъ рѣшеніемъ, выражаемое крестьянами вскорѣ послѣ перваго появленія идеи передѣла, намѣреніе не дѣлить земли, то это, конечно, равносильно уничтоженію общины обычнаго типа. Но въ такомъ случаѣ общество не остано-

¹⁾ «Сборн. статей. сѣд. по Камаш. у.», отдѣлъ 2, стр. 100.

вится на осужденіи возникшаго стремленія къ передѣлу, а естественнымъ образомъ попытается закрѣпить существующее распределение земли законнымъ приговоромъ о переходѣ къ подворному владѣнію. Пока этого приговора нѣтъ, — на отрицательное отношеніе крестьянъ къ передѣлу общинныхъ угодій нужно смотрѣть не иначе, какъ на переходный моментъ въ эволюціи общинно-земельной идеи, на которомъ можетъ послѣдовать не только переходъ къ подворному владѣнію но и осуществленіе передѣла» (стр. 165).

Что переходъ къ подворному владѣнію не всегда совершается «вполнѣ сознательно», это совершенно вѣрно, но это плохое утѣшеніе для гг. народниковъ. Процессъ распаденія общины и на Западѣ никогда не былъ «вполнѣ сознательнымъ», однако это не помѣшало ему совершиться. Глубокии перемены общественныхъ отношеній всегда бывають сначала безсознательными. Но тѣмъ хуже для сторонниковъ старыхъ порядковъ, потому что тѣмъ неизбежнѣе эти перемены ¹⁾.

Смысла на безсознательность имѣть въ устахъ г. Воронцова смыслъ надежды на поворотъ къ лучшему: взглянуть сознательно на свои поземельныя отношенія, крестьяне, можетъ быть, и примѣнятъ свое отношеніе къ общинѣ. Читатель согласится, что слаба

¹⁾ На счетъ „сознательности“ г. Воронцовъ предъявляетъ очень высокія требованія. «Если бѣла приговора — говорить объ — нѣтъ сознательнаго разрушенія общиннаго владѣнія, то существованіе перваго не доказываетъ еще наличия вполнѣ сознательнаго отклоненія іра къ вопросу. Существованіе подобнаго приговора... свидетельствуетъ только объ отрицательномъ отношеніи крестьянъ къ общинѣ въ данный моментъ постановленія приговора. Равнѣсть на этотъ пунктъ, способный фатально отразиться на судьбѣ будущаго поволенія, никакимъ образомъ не доказываетъ, что общество серьезно наклонно слабымъ и сильнымъ сторонамъ общиннаго и подворнаго владѣнія... Очень часто приговоръ о подворномъ владѣніи постановляется не въ виду дано сознанныхъ преимуществъ этой формы владѣнія землей или несоотвѣстна общиннаго владѣнія міросозерцанію и настроенію населенія, а по недоразумѣнію или подъ вліяніемъ слабого эгоизма»... (стр. 169). Надо сознаться, что кто можетъ отвѣчать отъ опыта и логики жизни, тотъ имѣетъ все данныя для того, чтобы до самой смерти своей сохранить отрадное убѣжденіе относительно блестящаго развитія „общинной идеи“.

и эта надежда при вышних «вышних условиях», когда все ведет к усилению неравенства внутри общины. Но между «вышними условиями» есть одно, которое может, по мнению г. Воронцова, сразу произвести желательный переворот. В виду этого «вышнего условия» наш автор и ухватывается за отсутствие приговоров. Послушайте г. Воронцова:

«По ст. 57 Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, подобные приговоры должны записываться в особую книгу. Имѣя въ виду, что значительная часть приговоровъ о превращеніи общиннаго владѣнія въ подворное не занесена на бумагу, а изъ остальныхъ, вѣроятно, большая часть не была представлена на утвержденіе присутствія по крестьянскимъ дѣламъ (какъ это извѣстно, напр., относительно случаевъ ямбургскаго у.), — мы можемъ смѣло считать эти приговоры незаконными и переходъ къ подворному владѣнію юридически несостоявшимся»¹⁾. *А какъ тамъ?*

Вы понимаете теперь, какое «вышнее условие» имѣлъ въ виду г. Воронцовъ, придираясь къ отсутствію приговоровъ? Это вышнее условие должно объявить незаконными уже состоявшиеся случаи дозволеннаго закономъ перехода къ подворному владѣнію, и г. Воронцовъ предупредительно подсказываетъ ему нужная на сей конецъ юридическія придирки.

Во взаимномъ отношеніи частей уже знакомаго намъ гармоническаго цѣлага должна произойти, такимъ образомъ, весьма поучительная перемена. Прежде государство являлось только выразителемъ народныхъ стремленій, оно только давало «толчекъ» къ осуществленію того, что подготовила сама народная мысль. Теперь государство должно останавливать «самохотельность» народной мысли, разъ она принимаетъ неприятное г. Воронцову направленіе; теперь «толчки» должны *разрушать* то, что подготовляется народнымъ сознаніемъ. Прежде государство «танцало», теперь оно должно «не пущать».

Кстати о народномъ сознаніи. Народники твердятъ, что во многихъ общинахъ крестьяне не передѣляютъ земли единственно

¹⁾ «Крестьянская община», стр. 191.

но незнанию своего права на это. Отсюда делается то умозаключение, что, когда сельское население лучше ознакомится со своими правами,—устои сделаются много прочтѣе. Не вѣдь ли это такъ. Самъ г. Воронцовъ признаетъ, напр. (стр. 210), что «незнание крестьянами своего права выкупать надѣлы отдѣльно отъ общества» есть одна изъ причинъ слабого развитія досрочнаго выкупа надѣловъ бывшими помѣщичьими крестьянами. Самъ г. Воронцовъ признаетъ также (стр. 210—211), что «пріобрѣтеніе крестьянами познанія своихъ юридическихъ правъ на землю» содѣйствуетъ учащенію досрочныхъ выкуповъ. И г. Воронцовъ, вопреки своему обычаю, говоритъ совершенную правду. А вѣдь это что значитъ? Это значитъ, что лучшее знаніе крестьянами своихъ правъ можетъ и не повести къ упроченію устоевъ. И вѣрите всего, что устои еще болѣе расширятся.

Это болѣе или менѣе смутно «сознають» и сами народники. Потому-то они и кричатъ о необходимости отменить тѣ права домохозяевъ, которыя противорѣчатъ народническимъ «идеаламъ». Потому-то знаменитая 165 ст. и подвергалась столь единодушному осужденію съ ихъ стороны.

Но о томъ, что *будетъ*, мы успѣемъ поговорить, когда оно будетъ. Теперь задумаемся лучше въ то, что *уже есть* въ нашей народной жизни.

«Если при передѣлахъ общество не отводитъ земли платящимъ, говоритъ г. Воронцовъ, то это—главнымъ образомъ по причинѣ того, что они не только не пользуются лично землею, но и не платятъ податей. Другая часть недвижимцовъ, не занимаемая самостоятельно хозяйствомъ, пробивается въ родномъ селѣ падежными работами, службой въ батракахъ и т. п.; наконецъ, известная часть неисправныхъ плательщиковъ готова бы заниматься хозяйствомъ, да не имѣетъ силы сдѣлаться настоящими земледѣльцами. Такъ какъ съ пользованіемъ землею связаны известные платежи, которые, въ случаѣ неисправности отдѣльныхъ лицъ, ложатся на весь міръ, то обществу предстоитъ отнестись къ неплательщикамъ или какъ къ несамостоятельнымъ членамъ, требующимъ иѣсть призрѣнія, и въ такомъ случаѣ отводить имъ надѣлы бесплатно, какъ они отводятся иногда вдовамъ, преста-

рѣшамъ, сиротамъ и т. п., или считать ихъ за самостоятельныхъ членовъ союза и отбирать у нихъ землю, за которую они не вносятъ платы (здесь *вамъ и потребительная норма!*). Обыкновенно общества ставаются на вторую точку зрѣнія, а нерѣдко и сами маломощные крестьяне, опасаясь запущенія недовомокъ и не особенно дорожа надѣльной землей, отказываются отъ всего или части участка, приходящагося имъ по общественной разверсткѣ¹⁾.

Видите-ли, какъ все хорошо обстоитъ въ русской общинѣ! Во-первыхъ, несостоятельными крестьянамъ «приходится» избѣгать участки, чѣмъ достигается торжество «потребительной нормы» и доказывается яснота общинной мысли. Не несостоятельные крестьяне «опасаются запущенія недовомокъ» и потому «сами» отказываются, частью или цѣликомъ, отъ своихъ надѣловъ. И это тѣмъ легче дѣлать имъ, что землей они «не особенно дорожатъ», очевидно, имѣя на то достаточныя основанія. Изъ того, что, даже не особенно дорожа землей, крестьяне все болѣе совершенствуютъ свои общинныя идеалы, слѣдуетъ, что «вышшія условія» дѣйствительно не имѣютъ рѣшительнаго вліянія на развитіе народныхъ идеаловъ. Далѣе. Если у шаттаевъ отбирается земля, то единственно потому, что лично она съ не пользуются — новое торжество потребительной нормы. Наконецъ, если лишаются участковъ даже и такіе домохозяйства, которые были бы не прочь лично пользоваться землей, то это происходитъ единственно потому, что съ ними обращаются какъ съ «самостоятельными членами», — блестящее подтвержденіе той мысли, что община не подвизаетъ личности. Чего лучше? Всѣ идеалы спасены и превознесены, всѣ воли сыты, а если и некоторые ошцы и не совсѣмъ цѣлы, то онѣ, какъ мы уже знаемъ, и сами «не особенно дорожатъ» своею цѣлостью.

Благодаря своему удивительному стремленію размазывать розовыми красками то, что въ дѣйствительности имѣетъ несомнѣнный чернѣйшій цвѣтъ, г. Верещовъ, противъ собственнаго вѣдома и желанія, разоблачаетъ передъ нами свою истинную

¹⁾ «Крестьянская община», стр. 300—301. 201 годъ 1881 г.

сущность, свое настоящее призвание. Г. Воронцов «не особенно дорожить» интересами беднейшей части крестьянства: «шатаи» не вызывают в нем чрезвычайных симпатий; что и жалеть, коли нечим помочь! Героизм его романа является хозяйственным мужичьим средним зажиточности, — тот мужичек, который не остановится даже перед «формальным правом», когда увидит возможность приумножить свое имущество; тот мужичек, который не постыдится забрать надбавку бѣды, заставив его «пробиваться въ родномъ селѣ поденными работами, службой въ батракахъ и т. п.», а при случай не откажется и подать свой голосъ за ссылку въ Сибирь непокорнаго «шатаи», — словомъ, *мелкій буржуа земледѣля. Призвание г. Воронцова заключается въ идеализацию именно этого слоя.*

А онъ обѣщаетъ намъ хранить въ частотѣ общечеловѣческую идею и не облекать ее въ классовыя костюмы!

Читатель замѣтитъ, можетъ быть, что до сихъ поръ мы, говоря о деревенскихъ порядкахъ, брали примѣры почти исключительно изъ быта государственныхъ крестьянъ. Мы совершенно сознательно держались на почвѣ, *наиболѣе благоприятной* для г. Воронцова. Въ самыхъ дѣлѣ, процессъ разложенія общины у бывшихъ помещичьихъ крестьянъ пошелъ гораздо дальше, чѣмъ у государственныхъ. Самъ г. Воронцовъ сознается, что «среди значительной части помещичьихъ крестьянъ вопросъ о будущемъ общины находится подъ сомнѣнiемъ и что фактически здѣсь разнѣваются черты, свойственныя подворному владѣнiю»¹⁾. Намъ надо было прослѣдить «эволюцію общинной мысли» тамъ, гдѣ она могла быть всего замѣтнѣе. Но за то, разъ мы убѣдились, что и тамъ эта «эволюція» совершается въ сторону разложенія общины, мы можемъ совсѣмъ ужъ не переводить спора на почву, неблагоприятную для г. Воронцова. Мы вполне можемъ удовлетворяться его собственнымъ признанiемъ. Но, разумеется, мы ни на минуту не должны забывать, какое значенiе имѣетъ это драгоцѣнное признанiе. Мы должны помнить, что если г. Воронцовъ говорить: будущее общины находится подъ сомнѣнiемъ, — это зна-

¹⁾ Тамъ же, стр. 192.

читъ, что нѣтъ уже мѣста ни для какого сомнѣнія, что община очевидно и быстро разлагается.

Намъ тѣмъ болѣе можно и должно оставить безъ разсмотрѣнія успѣхи «общинной мысли» среди бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, что намъ надо поберечь мѣсто для обсуждения вопроса о томъ, насколько совместимы общинные порядки съ улучшениями въ земледѣльческой рехникѣ. Всѣ признаютъ теперь необходимость такихъ улучшеній, да нельзя и не признавать ихъ: слишкомъ ужъ больно бьетъ насъ, какъ выражался покойный Энгельгардтъ, американецъ дѣлней по лбу; а еще того больше бьютъ неурожаи, сдѣлавшіеся хроническими. Вотъ и спрашивается, поэтому (по крайней мѣрѣ, такъ спрашиваютъ очень многие), не мѣшаетъ-ли община введенію болѣе совершенныхъ приемовъ обработки земли? Г. Воронцовъ написалъ цѣлую книгу для того, чтобы доказать, что община не только не мѣшаетъ этому, но напротивъ, очень способствуетъ. Какъ же доказываетъ онъ это положеніе?

«Хотя нельзя отрицать,— говоритъ онъ — что нѣкоторые изъ порядковъ общиннаго владѣнія землей въ черноземной полосѣ, выработанные въ предшествующую исторію подъ вліяніемъ различныхъ условій, оказываются находящимися въ противорѣчій съ требованіями возвышенія сельско-хозяйственной культуры, возникшими въ позднѣйшее время, но слѣдуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ признать, что община не остается безучастной къ этимъ требованіямъ и случаи принятія ею тѣхъ или другихъ мѣръ обезпеченія хозяевамъ болѣе или менѣе продолжительнаго владѣнія участками считаются многими сотнями или даже тысячами. По высказаннымъ соображеніямъ, никакимъ образомъ нельзя утверждать, что примѣненіе удобренія въ черноземной полосѣ сдѣлается общераспространеннымъ явленіемъ лишь послѣ того, какъ вліяніемъ извнѣ община будетъ принуждена измѣнить много изъ своихъ распорядковъ»¹⁾.

Что касается нечерноземной полосы, гдѣ давно уже вошло во всеобщій обычай удобреніе полей, то и здѣсь «община при-

¹⁾ «Прогрессивная теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ». С.-Петербургъ, 1892, стр. 127.

нимаютъ различнаго рода мѣры для того, чтобы обезпечить своимъ членамъ извѣстную степень продолжительности пользования однимъ и тѣмъ же участкомъ земли съ цѣлью побужденія ихъ къ лучшему уходу за нею... Сроки, обыкновенно устанавливаемые съ этой цѣлью для передѣловъ земли, настолько продолжительны, что ими вполне обезпечивается улучшение земледѣльческой культуры и въ отношеніи лучшей обработки почвы, измѣненія экстенсивныхъ сѣвооборотовъ въ интенсивныя, введенія посѣва травы, корнеплодовъ, лікарственныхъ и огородныхъ растений и т. п.»¹⁾

Что длинными сроками передѣловъ вполне обезпечиваются названныя улучшения, это подтверждается, по мнѣнію нашего автора, примѣромъ многихъ государствъ Запада, гдѣ «развитіе самыхъ интенсивныхъ системъ хозяйства было достигнуто еще при менѣе благоприятныхъ условіяхъ, такъ какъ эти системы были применены арендаторами, владѣвшими чужой землей, приблизительно, въ теченіи того же времени, какимъ (г. Воронцовъ хочетъ сказать: въ теченіи котораго) пользуется своимъ участкомъ русскій крестьянинъ-общинникъ, и рискованными, по окончаніи аренднаго контракта, быть вовсе изгнанными съ мѣста и во всякомъ случаѣ, не имѣвшими ни малѣйшей увѣренности въ томъ, что воздѣлываемая ими земля хотя частью перейдетъ къ ихъ дѣтямъ»²⁾.

Наконецъ, г. Воронцовъ указываетъ на огородничковъ Ростовскаго уѣзда Ярославской губерніи, которые ведутъ очень интенсивное хозяйство, а между тѣмъ крѣпко держатся за общину³⁾. Примѣръ ростовскихъ огородничковъ кажется г. Воронцову особенно убѣдительнымъ; онъ совершенно укрѣпляетъ нашего автора въ той мысли, что общинное владѣніе землею «прекрасно уживается съ самыми интенсивными системами хозяйства».

Все это очень хорошо, но, съ сожалѣніемъ, несомнѣтельно.

Во-первыхъ, сравненіе русскаго крестьянина-общинника съ западно-европейскими фермерами несомнѣтельно не той простой

¹⁾ „Прогрессивныя теченія“, стр. 154—155.

²⁾ Тамъ же, стр. 155.

³⁾ Тамъ же, стр. 157—159.

причинъ, что положеніе первого совсѣмъ не похоже на положеніе послѣдняго 1).

Во-вторыхъ, если бы даже и было основательно это поразительно легкомысленное сравненіе, то оно въ лучшемъ случаѣ доказало бы только то, что община *могла бы, при известныхъ условіяхъ, и не мѣнять сельско-хозяйственнымъ улучшеніямъ.* Иначе сказать, оно все таки ни на одну минуту не вызвало бы насъ изъ области *возможности.* Но рѣчь идетъ не о *возможной* общинѣ въ какой-то фантастической *возможной* странѣ, а о *дѣйствительной* русской общинѣ, существующей при совершенно определенныхъ, *дѣйствительныхъ* русскихъ условіяхъ. И вотъ эти-то *определенныя, дѣйствительныя* русскія условія и ставятъ сельско-хозяйственныя улучшенія *въ противорѣчіе съ общиной.*

Только очень внимные или сильно заинтересованные въ изложеніи истины люди могутъ, *разсуждая* о желательныхъ улучше-

1) На это указавъ уже г. А. И. Смирновъ, възражалъ г. Поспелову. «Сравненіе общиннаго хозяйства съ аренднымъ неправомерно, ибо хотя въ томъ и другомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ срочнымъ пользованіемъ, но различіе положенія арендатора и общинника громадно. Во-первыхъ, при арендѣ срочности и срокъ пользования есть результатомъ соглашенія участвующихъ въ договорѣ сторонъ и, сообразно сроку и вообще условіямъ аренды, устанавливается и плата за пользованіе; а когда арендаторъ—крупный капиталъ, какъ въ Англіи, то не можетъ быть и рѣчь о томъ, что плата вынуждается необходимостью для фермера арендуемаго участка. Наоборотъ, при общинѣ, срокъ пользования или совершенно не определяется, или же определяется независимо отъ логическа отдѣльнаго члена, коленъ большинства, недовольный установленнымъ срокомъ не можетъ подобно фермеру, уйти и искать себѣ земли въ другомъ мѣстѣ, на условіяхъ болѣе соответствующихъ его желаніямъ. Плата же за пользованіе въ нашей общинѣ не зависитъ даже и отъ воли цѣлой общины, а определяется совершенно тѣмъ же самымъ условіемъ. Во-вторыхъ, опредѣленіе срока пользования превращаетъ англійскаго фермера въ недостаточнаго для обезпеченія культуры и они требуютъ, а все-гда уже добился, системы вознагражденія уклонившаго фермера за неиспользованіемъ имъ улучшеній почвы. Введеніе системы такихъ вознагражденій при каждомъ общинномъ хозяйствѣ совершенно невозможно, по той простой причинѣ, что тотъ, къ кому переходить улучшенный участокъ, обыкновенно не имѣетъ для этого средствъ, да и у общины нѣтъ для всего нужныхъ ресурсовъ».

«Двоякообразныя причины голода въ Россіи», 1894, стр. 82—83.

нияхъ въ нашемъ современномъ крестьянскомъ земледѣліи, умалчивать о томъ, что въ настоящее время есть множество крестьянъ, рѣшительно не имѣющихъ экономической возможности не только *улучшить* свое хозяйство, но даже просто *поддерживать* его на той низкой ступени, на которой оно стояло прежде. Нечего и говорить о такъ называемыхъ *безземельцахъ*, которые уже конечно не перейдутъ къ интенсивной обработкѣ собственныхъ полей, в число которыхъ вездѣ составляетъ у насъ очень значительный процентъ обываго числа домохозяевъ. Но всѣ безземельные и одношадные, всѣ эти «кули дѣлать», «дробн» или кандидаты въ кули и дробн,—какія улучшения могутъ предпринять они въ томъ, что какъ бы въ насмѣлку называется ихъ *хозяйствомъ*? Возьмемъ хоть обильное поле лучшей сортомъ зерна. Это еще не богъ знаетъ какое улучшение хозяйства, и требуетъ оно сравнительно ничтожныхъ затратъ. Но какъ вы хотите, чтобы эти сравнительно ничтожныя затраты сдѣланы были людьми, которые *совсѣмъ не имѣютъ никакихъ средствъ для окупа?* Не до журу, *быть бы женоу*, — совершенно справедливо скажутъ вамъ такіе люди, а вѣдь ими имѣтѣ регионъ. Развернемъ хоть «*статист. ежегодника Московской губ.*» за 1890 г., т. е. за годъ, *предшествовавшій урожаю*. Тамъ на стр. 44—45 первого отдѣла мы встрѣбаемъ такія выдержки изъ корреспонденцій, относящихся къ посѣву яровыхъ.

«Недостатокъ овса оказался большой; по дороговизнѣ его приобретали не всѣ. Картофель занялъ большую часть земли: онъ былъ почти у всѣхъ, да и покупался-то онъ не дороже 10 коп. мѣрка» (Бронницкій уѣздъ, Рождеств. вол., свид. С. А. Веселовскій).

«Какъ и прежде, исправные домохозяева собрали сѣмена на посѣвъ, а горевые—обращались, по обычаю, къ своимъ благодѣтелямъ, платя имъ по 4 рубля и даже съ палтянкой за тотъ сорный и плохой овесъ, который они же—крестьяне—осенью вручили въ *укуплату* по 2 руб. 20 коп. и по 2 руб. 50 коп.» (Бронницкій у., Ульяновск. вол., свид. М. А. Суворовскій).

«Крестьяне каждую весну нуждаются въ овсѣ, приобретаая его большею частью въ кредитъ до 1 октября. За четверть въ восемь мѣрь платится по 4 руб. 50 коп., сверхъ сего—поработать во время

покоса—обыкновенно косить одно утро» (Бронницкий у., Лобановск. вол., управ. А. С. Фиононовъ).

«Земля сѣмянъ всегда у насъ преобладаетъ, такъ какъ полученное лишнее отъ урожая продается, и на эти деньги дѣлается иногда выгодный, иногда невыгодный оборотъ. Въ концѣ года крестьяне обыкновенно занимаютъ съ большимъ процентомъ у мѣстныхъ кулаковъ» (Вдинскій у., Борщевской волости, дворянъ С. М. Львовъ).

«Двѣ трети домохозяевъ обсадились своими сѣменами, вѣчными изъ общественаго хлѣбнаго магазина, остальные—приобрѣли зерно займомъ...» (Русскій у., Ащерин. вол., кр. Ф. П. Петровъ).

То же самое повторяется, конечно, ежегодно и въ другихъ мѣстностяхъ. Вотъ, напр., что происходило въ 1889 году въ разныхъ уѣздахъ Саратовской губерши.

Царицынскій у. Въ Литовской вол. «у бѣдниковъ не хватило сѣмянъ, преимущественно пшеницы на 1117 десятинъ». Въ селѣ Александровскій «у многихъ сѣмянъ не хватило, отчего уменьшились яровые посѣвы и многіе сѣли изъ половинъ».

Въ Ольховской вол. «въ сѣменахъ былъ недостатокъ; покупали у зажиточныхъ крестьянъ и землевладельцевъ; часть полей пустовала; нѣкоторые сѣли исполу».

Хвалыинскій уѣздъ. «Почти всѣ корреспонденты утверждаютъ, что въ настоящемъ году по уѣзду былъ большой недостатокъ въ сѣменахъ».

Волыинскій уѣздъ. «Изъ 28 корреспондентовъ 2 указываютъ, что высевание при посѣвѣ яровыхъ обошлось сѣменами своего урожая; въ остальныхъ же недостатокъ своихъ сѣмянъ позволялся займомъ до урожая, заборомъ въ кредитъ и покупкой на наличныя на базарахъ. Кредитъ, впрочемъ, игралъ выдающуюся роль» и т. д.»¹⁾

Человекъ ясно видитъ, что лучше ему было бы засѣять свой участокъ яровой пшеницей или овсомъ. Но своихъ сѣмянъ, положимъ хоть овса, у него нѣтъ, а на покупку не имѣется денегъ, и вотъ онъ засѣваетъ свое поле картофелемъ, благо продается

¹⁾ Сельско-хозяйственный обзоръ Саратовской губ. за 1889 г.; выпускъ первый, Саратовъ, 1890, стр. 64—68.

онъ «не дороже 10 коп. шѣрка». Иному все-таки удается раздобыть въ долгъ овса, но овесъ оказывается «сорнымъ и плохимъ». Между тѣмъ, богатый или даже просто зажиточный крестьянинъ покупаетъ, *на наличныя деньги*, хорошаго сѣмена, который съ легкой возвратитъ ему его затрату ¹⁾.

Въ Невѣрхивской вол. Кузнецкаго уѣзда крестьяне покупали сѣмена «товариществами и цѣлыми обществами, за круговой порукой, съ отсрочкой уплаты до 1-го октября» ²⁾. Покупка въ долгъ цѣлымъ *обществамъ*, безъ всякаго сомнѣнiя, выручаетъ изъ затрудненiя даже и бѣдняка. Но вѣдь мѣстами покупали не обществами, а *товариществами*, что далеко не одно и то же. При покупкахъ, равно какъ и при арендахъ, товариществами складываются между собою домохозяева приблизительно одинаковой степени зажиточности; бѣдняки, «горевые», устраниваются. Допустимъ, что товариществамъ удастся раздобыть хорошихъ сѣмянъ, значительно лучшихъ, чѣмъ тѣ, которыми употреблялись прежде. Что выходитъ? Хозяйство «горевыхъ» падаетъ, хозяйство зажиточныхъ улучшается; вслѣдствiе этого разстоянiе между бѣдными и зажиточными все болѣе и болѣе увеличивается. Г. Воронцовъ прекрасно знаетъ это—потому что кто же этого не знаетъ?—и все таки радостно твердитъ одно: община не препятствуетъ хозяйственнымъ улучшенiямъ. Что это: злая насмѣшка надъ «горевыми» крестьянами, или наивность того героя сказки, который на свадьбѣ востъ вѣчную память, а на похоронахъ—пускается писать въ присядку?

Г. Воронцовъ много говоритъ о распространенiи между крестьянами улучшенныхъ сельско-хозяйственныхъ орудiй. Мы ни мало не сомнѣваемся въ томъ, что эти орудiя распространяются. Даже въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ распространенiе ихъ незначительно, бывають случаи приобретенiя крестьянами конныхъ молотилокъ, стоющихъ до 400 рублей ³⁾. Но вѣдь не «горевые» же

¹⁾ Въ Московской губ. зажиточные крестьяне довольно часто покупаютъ новые сорта сѣмянъ.

²⁾ Сельско-хозяйственный обзоръ Сар. губ. за 1889 г. стр. 66.

³⁾ См. Обори. статист. свѣдѣнiя по Екатеринбург. губ., выпускъ третiй, Славяносербскiй уѣздъ, Екатеринбургская, 1886 г., отдѣлъ 1-2, стр. 221.

хозяева покупать эти дорогие машины? Надо думать, что не они: имъ такихъ машинъ не «осилить». Не осилитъ имъ даже порядочнаго плуга, стоящаго 40—60 руб., или вѣлки, стоящей приблизительно столько же. Стало бытъ, и здѣсь должно повториться уже указанное нами явленіе: *разстояніе между бѣдняками и зажиточными домохозяевами, приобретающими усовершенствованныя орудія, все болѣе и болѣе возрастаетъ*. Такъ это и говорить изслѣдователи, не считающіе нужнымъ вводить въ заблужденіе своихъ читателей.

«Распространеніе среди крестьянъ улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій — справедливо пишетъ г. М. Рева — только тогда могло бы служить признакомъ общаго прогресса крестьянскаго хозяйства, если бы концы орудій вполне, или хотя приблизительно соотвѣствовали цѣнѣ старыхъ, которыя ими замѣняются. Лишь при такой приблизительно равноцѣнности усовершенствованныя земледѣльческія орудія могли бы дѣлаться достояніемъ возможно большаго количества крестьянскихъ хозяйствъ, могли бы способствовать массовому повышенію культуры крестьянскихъ полей. Но хорошо извѣстно, что въ дѣйствительности этого нѣтъ, и потому въ данное время распространеніе среди крестьянъ улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій указываетъ не столько на крестьянскій хозяйственный прогрессъ вообще, сколько на усиленіе экономическаго разни между крестьянами. Это не парадоксъ, это истина, понять которую не трудно»¹⁾.

Намъ могутъ замѣтить, что, попадая въ деревню, усовершенствованныя сельско-хозяйственныя орудія служатъ часто не только своимъ покупателямъ, но и многимъ сосѣдямъ. Это правда. Но развѣ собственники сельско-хозяйственныхъ орудій *даромъ* отдають ихъ въ пользованіе сосѣдей? Не только не даромъ, но берутъ за нихъ наемъ иногда странно-высокую плату. «Въ с—дѣ Петрово-Красносельѣ снимають вѣялки по 1 р. въ день, вѣлка кр. Пыжина, купленная за 50 р., въ годъ окупила себя и дала барыша 20 р.»²⁾ Что же это означаетъ? Это означаетъ, что рас-

¹⁾ «Кіевскій крестьянинъ», стр. 57—58.

²⁾ Сб. статист. свѣд. по Славяносербскому уѣзду, отдѣлъ 1-й, стр. 223.

пространеніе между крестьянами усовершенствованныхъ сельскохозяйственныхъ орудій часто бываетъ равносильно распространенію въ ихъ средѣ способовъ мелкобуржуазной наживы. Ну а эти способы одна-ли много способствуютъ упроченію устоевъ!

Это не все. Собственники сельско-хозяйственныхъ орудій охотно отдаютъ ихъ въ наемъ другимъ домохозяевамъ. Но не всякій домохозяинъ въ состояніи нанять эти орудія: не всякій можетъ платить, напр., по рублю въ день за пользование тужою вѣлкой. Вотъ почему и выходитъ, что между тѣмъ какъ богатые крестьяне мѣстами пользуются теперь превосходными орудіями, бѣдняки — вынуждены довольствоваться самыми дѣшевыми. Въ Славяно-сербскомъ уѣздѣ «довольно значительное распространеніе получилъ способъ найма богатыми домохозяевами паровыхъ и — рѣже — конныхъ молотилокъ». А бѣдняки остаются при традиционныхъ «каткаль-юрманалъ», которыхъ приходится къ тому же «на вѣскольکو хозяевъ по одному»¹⁾. Богатый становится еще богаче; бѣдный — относительно еще бѣднѣе. Это именно и говоритъ г. Рена.

Въ Новоузенскомъ уѣздѣ земскимъ статистическимъ изслѣдованіемъ найдено у 529 хозяевъ: плуговъ—1267; вѣлокъ—157; сортировокъ—11; соломерѣзокъ—2; конныхъ граблей—64; косилокъ—133; сѣялокъ—27; жнеекъ—84; конныхъ молотилокъ—205; паровыхъ молотилокъ—23.

Въ Николаевскомъ уѣздѣ, гдѣ записывались лишь крупныя машины, у 144 домохозяевъ оказалось: косилокъ—86; жнейка—1; конныхъ граблей—10; конныхъ молотилокъ—98; паровыхъ молотилокъ—4.

Что скажете вы, читатель, о столь «прогрессивномъ» теченіи въ самарскомъ крестьянскомъ хозяйствѣ? Положимъ, что вы придете отъ него въ восторгъ и воскликнете: вѣдь вотъ не мѣнаеть же община распространенію среди крестьянъ усовершенствованныхъ орудій! Мы охотно раздѣлимъ вашъ восторгъ, но въ то же время мы спросимъ васъ, — а сколько тысячъ безхозяйныхъ приходится въ названныхъ уѣздахъ на эти своими «умственныхъ

¹⁾ Тамъ-же, стр. 221.

мужичковъ, вооружившихся усовершенствованными орудіями. А сколько батраковъ начинаютъ умственные мужички? А сколько огромныхъ хуторовъ, этихъ настоящихъ фермъ, завели умственные мужички на своихъ *кунцахъ* и арендованныхъ земляхъ? А сколько чужихъ надѣловъ обрабатываютъ они своими усовершенствованными орудіями?

Въ названныхъ уѣздахъ Самарской губерніи есть хутора, занимающіе сотни, тысячи и даже *десятки тысячъ* десятинъ земли и имѣющіе сотни и даже *тысячи* головъ скота ¹⁾. Хуторяне во многихъ случаяхъ продолжаютъ числиться общинниками и умирать сердце г. Воронцова своимъ «стремленіемъ къ общинѣ, какъ къ формѣ быта». Это напоминаетъ некоторыхъ *крупныхъ фабрикантовъ* Московской губерніи, остающихся въ крестьянскихъ обществахъ и даже получающихъ надѣльную землю. Въ виду такихъ фактовъ, всякій, не совсѣмъ неспособный къ мышленію, человекъ согласится, что наши старые «устои» совершенно не въ состояніи предупредить возникновеніе и широкое развитіе тѣхъ экономическихъ противорѣчій, которыхъ хотѣли бы избѣжать наши народники. Но эти послѣдніе имѣютъ очи и не видятъ, имѣютъ уши и не слышатъ. Они—со своимъ протопопомъ Аввакумомъ, г. Воронцовымъ, во главѣ — упрямо твердятъ: кабая прелесть эти устои! И какъ пышно они развиваются! Правда, въ голосъ ихъ слышится подчасъ, какъ напр. у г. Сафонова, грустная нота сомнѣнія. Но ихъ грусть не устраняетъ глубочайшаго комизма ихъ положенія. Когда мы читаемъ ихъ разгла-

¹⁾ Такъ, хуторъ Устиновъ Никол. у. имѣетъ болѣе 5 тысячъ десят. арендованной земли и 190 головъ скота; хуторъ Вдовинъ Новоузенскаго уѣзда—17, 220 десят. купчей земли, 16,600 десят. арендованной и 1257 головъ скота. Очень, очень «прогрессивное теченіе!» Но о таножіи ли воссоединенія крестьянъ съ землемъ говорить г. Воронцовъ въ ноябрьской книжкѣ «Новаго Слова»? Такое воссоединеніе дѣйствительно гораздо многозначительнѣе другого, которое итѣснѣе вѣдетъ вѣсто въ Россіи (такъ, напр., въ Московской губ. все-гдѣ распаиваютъ теперь давно заброшенные устьяры), но которое не отъ чего нась не спасетъ, потому что во сдѣль случай «воссоединенія» приходится сотни случаевъ разрушенія крестьянскихъ хозяйствъ. Да и на долго ли воссоединятся съ землемъ «устыряныя»? Богатыи же хуторянина, раздъ завладѣвъ ею, не легко выпустятъ ее изъ рукъ.

гольствованія на тему объ «эволюціи общинной мысли», мы невольно вспоминаемъ иікогого Карла Карловича Филлера, «дидонку», фигурирующаго у Н. Михайловскаго въ его очеркахъ «Въ перемежку». Эту дидонку постоянно повторяли, не помня уже какою именно, нехлбную поговорку, произнося ее на особый манеръ: такъ поугай произносить иногда заученную фразу, говорить г. Михайловскій: грустно и некстати. Вотъ именно такъ и наши народники твердятъ объ «эволюціи общинной мысли»: *грустно и некстати*.

Усовершенствованіе крестьянскаго сельскаго хозяйства увеличиваетъ разстояніе между состоятельными членами общины съ одной стороны и несостоятельными—съ другой. А это ведетъ къ разложенію общины, потому что немаловажна солидарность между людьми, экономическое положеніе которыхъ очень различно, а интересы часто противоположны. Следовательно, если община дѣйствительно не препятствуетъ *сельско-хозяйственнымъ улучшеніямъ, то темъ хуже для общины, потому что тамъ скорее пробьются чуждыя силы*.

Но не препятствуетъ успѣхамъ сельскаго хозяйства только существующая въ головѣ г. Воронцова, *возможная* община, членъ которой, по своей экономической состоятельности, по своему развитію и по своей предприимчивости, не уступаютъ англійскимъ фермерамъ. *Дѣйствительная* же русская община, очень далекая, такъ извѣстно, отъ такого «идеала», довольно сильно задерживаетъ названные успѣхи.

Какими бы яркими красками вы ни разрисовывали будто бы «независимыя» отъ внѣшнихъ условій нравственныя свойства крестьянина, онъ не станетъ удобрять то поле, которое должно перейти отъ него при предстоящемъ передѣлѣ. Извѣстно, что какъ только въ *дѣйствительной* русской деревнѣ распространяется убѣжденіе въ неминучести передѣла, *удобреніе полей прекращается* до тѣхъ поръ, пока новое распределеніе земли не обезпечитъ, хоть на иісколько лѣтъ, хоть скольконибудь прочно, владѣніе ими. Это значитъ, что общинное землевладѣніе затрудняетъ даже такое сравнительно незначительное «улучшеніе» хозяйства какъ удобреніе полей, уже теперь мѣстами безусловно

необходимо. Г. Воронцовъ знаетъ это, но онъ утѣшаетъ себя тѣмъ соображеніемъ, что удлинненіе сроковъ передѣловъ «вполнѣ обезпечиваетъ улучшеніе земледѣльческой культуры».

Какъ же, посредствомъ чего «обезпечиваетъ»? Посредствомъ приговоровъ, устанавливающихъ сроки передѣловъ. Много-ли значенія имѣютъ въ глазахъ крестьянъ такіе приговоры? Если вѣрить г. Воронцову, то очень немного, потому что, какъ онъ увѣряетъ насъ въ другомъ своемъ сочиненіи, «критическая мысль» крестьянъ не останавливается даже передъ формальнымъ правомъ, когда передѣлъ кажется выгоднымъ большинству домохозяевъ (см. выше). Но въ такомъ случаѣ, т. е. если вѣрить г. Воронцову, выходитъ, что приговоры, удлиняющіе сроки передѣловъ, ничего не обезпечиваютъ (т. е. что не надо вѣрить г. Воронцову), и что зажиточные крестьяне, опасаясь «критической мысли» мѣшѣ состоятельныхъ домохозяевъ, должны, при переходѣ къ улучшенной системѣ земледѣлія, стать въ критическое отношеніе къ общинѣ. Другими словами, улучшение земледѣлія возстановить противъ общины именно тѣхъ крестьянъ, которые будутъ имѣть наиболѣе средствъ для усовершенствованной обработки полей. Дѣло «устоевъ» оказывается, такимъ образомъ, очень мало «обезпеченнымъ».

Сами крестьяне во многихъ мѣстахъ указываютъ на передѣлы какъ на важное препятствіе удобренію полей. Но г. Воронцовъ не придаетъ значенія этимъ отзывамъ крестьянъ. По его мнѣнію, если мѣстами крестьяне не удобряютъ своихъ полей, то это происходитъ единственно потому, что они не убѣждены въ пользѣ удобренія, смылаются же они на передѣлы такъ себѣ, между прочимъ, по той причинѣ, что надо же на что нибудь смылаться. Нѣкоторые мѣстные изслѣдователи разсуждаютъ въ этомъ случаѣ подобно г. Воронцову. «Критическая мысль» г. «интеллигентовъ» становится въ «критическое» отношеніе къ «критической мысли» крестьянъ, какъ только эта послѣдняя отворачивается отъ «идеаловъ» интеллигенціи.

Если бы г. Воронцовъ и ему подобные были хоть немного склонны къ послѣдовательному мышленію, то они спросили бы себя: а можетъ быть и общинное земледѣліе существуетъ повсе

не потому, что за него стоит «критическая мысль» крестьян? Может быть, эта мысль и в этом случае только оправдывает существующий факт? Может быть, она с наименьшей убедительностью будет отстаивать *подсормое* владение, когда община разложится под влиянием новых хозяйственных условий? Но последовательность никогда не была отличительным свойством мышления г. Воронцова и ему подобным.

Если приговоры, касающиеся сроков передёлов, мало «обеспечивают» участь зажиточных крестьян от покушений на них со стороны менее состоятельных домохозяев, то, конечно, законодательная деятельность правительства может иного сделать в смысл такого обозначения. Передь этого рода «формальным правом» «критическая мысль» крестьян поневоле должна «остановиться». Вот почему закон, установивший 12-летний срок для передёлов, бесспорно устранить некоторая невыгодная для земледельца стороны общинного землеустройства. Но какое влияние окажет этот закон на прочность общины? Прежде, чем ответить на этот вопрос, мы предложим читателю другой, а именно: *содействует-ли удлинение сроков передёлов росту неравенства между общинниками?*

Если *нѣтъ*, то значить общинное землеустройство не имеет никакого значения для благосостояния народной массы, и мы не понимаем, почему так много шуметь о нём гг. народники.

Если *да*, то всякое удлинение сроков передёлов равносильно усилению неравенства в общине, и в таком случае нас удивляет г. Воронцов, указывавший на это удлинение, как на новое торжество общины.

Предлагаем, что читатель и без наших разъяснений видит, почему удлинение сроков передёлов должно вести к усилению неравенства в общине. Точно также и без наших разъяснений поймет он значение закона, установившего двенадцатилетний срок. Закон этот далеко не «обеспечивает», разумеется, богатому крестьянину результатов всех тех улучшений, которые он мог бы предпринять на своем участке: ведь через двенадцать лет у него все таки могут отнять по крайней мере часть улучшенного поля. Но этот закон влиять «обеспечивает»

такое накопление неравенства между общинниками, при которой дальнейшая судьба всякой данной общины может сказаться сомнительной. Когда настанет время законного передѣла, у бѣдниковъ не будетъ, можетъ быть, ни силъ, чтобы добиться его, ни охоты его добиваться: видъ мы уже знаемъ, что безхотѣливо мало интересуются передѣлами. Выходить, стало быть... выходить, что и съ этой стороны *только хуже для общины.*

Въ своей защитѣ общиннаго землевладѣнія наши народники никогда не блистали логичностью аргументаціи: они до сихъ поръ не привели еще ни одного, рѣшительно ни одного довода, въ основѣ котораго не было бы логической ошибки. Но никогда клягичность этихъ добрыхъ и почтенныхъ людей не блистала столь яркою звѣздой, какъ въ спорѣ объ отношеніи сельско-хозяйственныхъ улучшеній къ общинному землевладѣнію. Тутъ что ни шагъ, то самое вопиющее нарушеніе самыхъ общезвѣстныхъ правилъ логики. Вотъ образчикъ ихъ удивительной аргументаціи.

Гдѣ народники обращаютъ взоры на крестьянское хозяйство тѣхъ мѣстностей Россіи, въ которыхъ нѣтъ общиннаго землевладѣнія. (Въ этихъ мѣстностяхъ крестьянское землевладѣніе стоитъ на такой же или почти на такой же ступени, какъ и тамъ, гдѣ существуетъ община.) Следовательно, умозаключаютъ они, *не община препятствуетъ* и т. д.; следовательно, вопросъ рѣшить въ пользу общины. Спрашивается, на сколько позволительно такое умозаключеніе?

Въ мѣстностяхъ подворнаго землевладѣнія существуетъ много причинъ, препятствующихъ успѣхамъ крестьянскаго земледѣія. Одна изъ самыхъ важныхъ прекрасно выяснена г. Рева.

«Подворный крестьянинъ — говорить онъ — въ возможности пользоваться своей землей стѣсненъ нѣсколько меньше, нежели крестьянинъ общинникъ, но все же стѣсненъ на столько значительно, что стѣсненность эта является одной изъ весьма серьезныхъ причинъ слабости урожаевъ на крестьянскихъ поляхъ. Подворный крестьянинъ, владея своимъ надѣломъ среди надѣловъ другихъ крестьянъ, не можетъ пахать его раньше другихъ своихъ односельцевъ, особенно, если вопросъ идетъ о вспашкѣ на паръ. Если онъ надумаетъ идти противъ обычая и вспахать

свое поле разные, общественная сельская «череда» (стадо) такъ уточняетъ ему эту нахоть, что се все равно придется перепахивать вновь, на что у крестьянина этого можетъ уже не оказаться ни времени, ни средствъ».

«Все въ тѣхъ же интересахъ выноса скота подворный крестьянинъ долженъ и сѣять, и убирать посѣянное съ поля одновременно со всѣми остальными односельчанами. Кто залозаетъ съ уборкой или сѣвкой своего хлѣба съ поля, тотъ пусть извиняетъ, но его хлѣбъ непременно потеритъ серьезный ущербъ и отъ дневной пастьбы «череда», и отъ ночного выноса лошадей. Нерѣдко случается такъ, что въ одну ночь гибнетъ весь урожай запоздавшего со сѣвкой крестьянина и онъ получаетъ тогда только лошадиные объѣды»¹⁾.

При такихъ условияхъ, дѣйствительно, невозможно дѣлать какія либо улучшения въ сельско-хозяйственной системѣ; трудно даже и вообще вести свое хозяйство. Эти условия *должны быть и будутъ устранены, если только суждено съплать хоть несколько серьезнѣе шажокъ впередъ крестьянскому земледѣлю*. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ то, что и при подворномъ владѣніи могутъ явиться непреодолимые или почти непреодолимые препятствія для улучшения сельскаго хозяйства крестьянъ или даже для простого поддержанія его на уже достигнутой, незначительной высотѣ. *Но это и все*. Упомянуть отсюда, что община не препятствуетъ «улучшенію земледѣльческой культуры» — по меньшей мѣрѣ странно. У *Прокопенка* хроническій бронхитъ. Слѣдовательно, разсуждаете вы, у *Петрова* цѣль ревматизма. Это возможно, но не убѣдительно. Видѣ очень возможно, что на самомъ-то дѣлѣ *Петровъ* страдаетъ и *бронхитомъ*, и *ревматизмомъ*. Въ такомъ случаѣ и гнѣть его надо *отъ обиха болѣзней сразу*. Нѣчто подобное и говорить такъ называемые народниками противники общиннаго земледѣлія, — по крайней мѣрѣ, многие изъ нихъ: общинное владѣніе вредитъ интересамъ земледѣлія; но недостаточно устранить его, надобно, кромѣ того, избавить земледѣльца отъ множества тѣхъ стѣсненій, которыя затрудняютъ улуч-

¹⁾ «Кіевскій крестьянинъ», стр. 30—32.

шение земледельческой культуры даже въ мѣстностях подворнаго владѣнія. Этими людьми не собранъ съ позиціи указаніемъ на отсталость сельско-хозяйственныхъ приемовъ у крестьянъ, незнающихъ предестей общины.

Г. Воронцовъ, который въ третьей главѣ своей книги «*Прогрессивная теченія*» широко пользуется указаннымъ приемомъ логическаго мышленія, идетъ еще дальше въ своемъ возстаніи противъ логики. Онъ хочетъ доказать не только то, что община не *мешаетъ* успѣхамъ сельскаго хозяйства, но что она, напротивъ, очень *благопріятна* имъ.

«Соглашаясь съ мнѣніемъ, что, стѣсняя личную инициативу, община, сравнительно съ подворно-хуторскимъ владѣніемъ, можетъ задержать *начало* улучшенія, мы должны имѣть съ тѣмъ признать за нею преимущества (даже сравнительно съ идеальнымъ типомъ подворной собственности) въ дѣлѣ дальнѣйшаго *распространенія* послѣдняго. Эти преимущества заключаются въ слѣдующемъ. Человѣкъ, хозяйственная дѣятельность котораго совершенно свободна, не имѣетъ надобности убѣждать другихъ въ пользѣ преобразованія, въ которое самъ вѣрится, такъ какъ осуществленіе послѣдняго зависитъ единственно отъ него. Кто же связанъ въ этомъ отношеніи волею сосѣдей, тотъ неизбежно приходитъ къ необходимости попытаться повліять на послѣднихъ: при всякомъ случаѣ онъ будетъ толковать о необходимости принять известную мѣру, казущуюся полезной ему, но не пользующуюся кредитомъ среди его однообщественниковъ и его проповѣдь увѣнчается большимъ или меньшимъ успѣхомъ»¹⁾.

Итакъ, приманъ, до сихъ поръ никѣмъ не подмѣченный, выгода общиннаго землевладѣнія заключается въ томъ, что оно на нѣкоторое время превращаетъ инициатора изъ человѣка, *практикующаго* улучшеніе сельско-хозяйственные приемы, въ *человѣка, проповѣдующаго* имъ. Она устанавливаетъ нѣчто въ родѣ *натуральной повинности* въ пользу пропаганды усовершенствованной земледельческой культуры. Г. Воронцовъ забылъ прибавить, что когда пропагандистъ вертятся на свою сторону боль-

¹⁾ «Прогрессивная теченія», стр. 173—174.

шинство членов общины—отсталое меньшинство закоренѣлыхъ рутинеровъ можно будетъ «соединить на сходѣ». Мы уже знаемъ, что такая операція производится подчасъ не безъ пользы для «эволюціи общинной мысли» крестьянъ, поддавшихся искушеніямъ индивидуализма. Надо надѣяться, что полезной окажется она и для исправленія сельско-хозяйственныхъ понятій общинниковъ.

Всякій поверхностный путешественникъ, попавъ въ Рочестеръ, найдетъ, по замѣчанію Диккенса, что улицы этого города могли бы быть менѣе грязны. Глубокомысленному мистеру Пикквизу рочестерская грязь подала поводъ для самыхъ отрадныхъ размышленій: онъ увидѣлъ въ ней новое указаніе на сильное торговое движеніе въ городѣ. Мы можемъ съ гордостью сказать, что по части глубокомыслия нашъ соотечественникъ г. Воронцовъ ни мало не уступаетъ почтенному геровъ Диккенса.

Еслибы г. Воронцова не увлекало соревнованіе съ мистеромъ Пикквизомъ, то онъ безъ труда позналъ бы, что для пропаганды сельско-хозяйственныхъ, да и всякихъ другихъ улучшеній, особенно въ русской крестьянской средѣ, важнѣе всего примѣръ. Отсюда онъ съ такою же легкостью умозаключилъ бы, что такъ какъ стѣсненія, налагаемыя общиннымъ землевладѣніемъ, мешаютъ новаторамъ употребить этотъ наиболѣе убѣдительный приемъ пропаганды, то улучшеніе земледѣльческой культуры стѣсняется существованіемъ общины.

Далѣе. Если бы г. Воронцова не вводило въ заблужденіе то же соревнованіе, то онъ рѣшился бы хоть разъ, хоть на одну минуту забыть заставшую въ его голову возможную общину и вспомнить о существованіи въ Россіи дѣйствительной общины. Мы уже знаемъ, что въ этой дѣйствительной общинѣ многие члены не имѣютъ рѣшительно никакихъ средствъ не только для усовершенствованнаго земледѣлія, но даже для самой достойной обработки и для обмѣненія своихъ полей. Вы можете сколько угодно убѣждать этихъ бѣдлывовъ въ преимуществахъ рациональной земледѣльческой культуры, — они не перейдутъ къ ней просто въ силу своей бѣдности. И если тотъ или другой упрямый петербургскій доктринеръ можетъ не обращать вниманія на это об-

стоятельство, то сами крестьяне, люди практики, а не резервства, вынуждены считаться с ними.

И они действительно считают: беднока устранился от пользования землей, надлы спекаются в руках зажиточных крестьян. И čím сильнее дасть себя почувствовать необходимость сельско-хозяйственных улучшений, тѣмъ дальше подвинется этот процесс, тѣмъ хуже будетъ для общины.

Г. Воронцов может пренебрежительно относиться къ «критической мысли» крестьян всякій разъ, когда она станетъ въ противорѣчье съ выводами его собственной «критической мысли». У насъ нѣтъ поводовъ для столь пренебрежительнаго отношенія ко взглядамъ крестьян; мы не связаны доктриной, и потому мы приглашаемъ читателя вздуматься вмѣстѣ съ нами въ слѣдующее явленіе.

Всюду, гдѣ крестьяне практикуютъ усовершенствованные приемы земледѣлія—напр. хоть иррасосываніе—они охотѣе примѣняютъ ихъ на усадебныхъ или на «куличахъ», чѣмъ на подлежащихъ передѣламъ надельныхъ земель. Объ этомъ свидѣлствуютъ не только «противники» общиннаго землевладѣнія, но и самые горячіе его сторонники.

«Крестьяне различно ведутъ земледѣльческое хозяйство на каждой категоріи земель, находящихся въ ихъ пользованіи,—говоритъ г. Дмитренко. Самый главный и цѣнный продуктъ сельско-хозяйственнаго крестьянскаго производства—пшеница занимаетъ самый высокій процентъ (71%) въ посѣвахъ другихъ растений на собственной купленной землѣ. Больше или меньше врожденной причиной такого явленія будетъ лучший способъ веденія полевого хозяйства на этого рода земляхъ. Крестьяне дорожатъ этой землей, какъ собственностью, даютъ ей большее число лѣтъ отдыхать подъ солокой, такъ что посѣвы пшеницы на ней даютъ самую большую урожайность. Такъ у государственныхъ крестьянъ купчей земли 2698,8 д. изъ нихъ пашется 702,5 дес., т. е. меньше $\frac{1}{3}$ части всей площади; у усадебниковъ изъ 124,2 дес. пашется только 40 дес. Значительно ниже процентъ пшеницы (58,6%) между посѣвными растениями на арендованныхъ земляхъ, хотя въ же время она выше на дѣлахъ 12% площади подъ

пшеницей на надельной землѣ. Крестьяне считают свою надельную землю самой неурожайной, вследствие ея истощенія и невозможности перейти къ болѣе обезпечивающимъ урожан формамъ системъ полеводства, а арендованныя помещичьи земли находятся въ отдыхъ большее число лѣтъ сравнительно съ надельными, и потому представляютъ болѣе возможности на оплату труда, вложеннаго въ производство пшеницы. Въ отношеніи хлѣбовъ маляцкихъ, иначе—хлѣбовъ предомовищенскихъ, существуетъ обратное явленіе. Ржи сѣется на купленной землѣ въ два раза меньше, чѣмъ на арендованной и надельной. Ячмень крестьяне занимаютъ на надельной землѣ самую большую площадь (18%), на арендованныхъ же и собственныхъ земляхъ имъ засѣвается на 7—8%, меньшее пространство. Съ посѣвомъ овса то же явленіе. Ячмень и овесъ на надельныхъ земляхъ почти въ три раза родятъ лучше, чѣмъ рожь и пшеница; поэтому станеть вполне понятнымъ, почему крестьяне находятъ болѣе выгоднымъ занимать посѣвомъ этихъ хлѣбовъ болѣе высокой процентъ надельной площади, чѣмъ собственной и арендованной. Всѣ остальные растенія крестьяне предпочитаютъ сѣять на надельной землѣ¹⁾.

Ясно, что славяносербскіе крестьяне не хотятъ ждать того блаженнаго времени, когда исчезнутъ препятствія, мешающія имъ тщательной обработкѣ надельныхъ земель; ясно также, что не довольствуются эти крестьяне словесной пропагандой болѣе разумныхъ приемовъ земледѣлія. Они стараются приобрести собственныя земли, которыя и подвергаютъ затѣмъ наиболее тщательной обработкѣ. Нельзя будетъ удивляться, если, прикинувъ смотреть на «собственную» землю какъ на землю, поставленную въ наиболее выгодныя условія въ смыслѣ воздѣлыванія, крестьяне вздумаютъ покончить съ общиной²⁾.

¹⁾ Сборн. стат. свѣд. по Славяносербскому уѣзду, отд. 1-й, стр. 205—206.

²⁾ Это мы видимъ въ Тамбовской губерніи. Въ вѣнскихъ Сорокоцахъ, Рубановкѣ, Геническѣ и Юмукѣхъ (Мелитопольскій уѣздъ) община селъ кризиса, однако и тамъ идутъ толки о подворномъ владѣніи по налѣчальскъ думамъ. Въ Сорокоцахъ большая часть достаточныхъ крестьянъ желаютъ уничтоженія періодическихъ переделовъ и перехода къ подворному владѣнію.

Приобретать частную поземельную собственность могут только зажиточные домохозяева, обыкновенно пользующиеся большим влиянием в своей среде. Когда такие домохозяева станут в отрицательное отношение к общинѣ, они дни будут сочтены. А такъ какъ прогрессъ сельско-хозяйственной техники уже теперь заставляетъ зажиточныхъ домохозяевъ вкушать стѣгъ дерева познания добра и зла, т. е. сознавать преимущества подворного владѣнія, то ясно, что «эволюція» народной мысли уже приняла неурядное для гг. народниковъ направление ¹⁾.

Примѣръ ростовскихъ огородниковъ, которые, ведя очень интенсивное хозяйство, въ то же время будто бы очень крѣпко держатся за общину, ясно показываетъ основательность нашихъ опасеній. Названные огородники, — какъ мы узнаемъ отъ того же г. Воронцова (стр. 158), — внимательно слѣдятъ за тѣмъ, чтобы ни

«Тогда, говорить они, каждая своя земля будетъ пахать лучше и ее можно купить, взаемъ къ казначейству 7 рублей на десятину», благодаря чему земля освободится отъ оброчной подати. То же соображеніе о выкупѣ заставляетъ мечтать и преселья с. Рубановки о переходѣ въ подворному владѣнію. Въ с. Юзюмкѣ некоторые крестьяне желаютъ возвратиться къ ревизской раскладкѣ, но такихъ немного. Гораздо больше такихъ крестьянъ, которые, отвергнувъ ревизскую раскладку, высказываютъ желаніе уничтожить периодичность платежей и перейти къ подворному владѣнію. Указываютъ два мотива: «подворный участокъ можно парвать въ одну сторону; его можно продать и уйти въ Червожорію или на берегъ Азовскаго и Чернаго моря ловить рыбу». Стремленіе къ прочному и устойчивому подворному владѣнію проявляется и въ притоварѣ ефремовскаго сельскаго сходъ отъ 27 июля 1882 г. и т. д. Сбор. статист. свѣд. по Таврич. губ. Томъ I, ч. II, стр. 57—58.

¹⁾ «Насколько сильно влечетъ на возвратнаа крестьянъ возможность приобрести «свѣтлую» землю — можно судить уже потому, что во извѣстномъ Веселовской возмощи стремленіе къ ревизской раскладкѣ произошло одновременно (1882 г.) съ тотъ моментъ, когда пришла слухъ о продажѣ 22,000 десятинъ земли впаденъ Ободенскихъ землями участвами и въ распродажу при помощи крестьянскаго банка. Покинуто, что гдѣ крестьяне, которые выкупаютъ въ виду купить участка, должны стремиться къ такой формѣ владѣнія, которая позволила бы имъ продать надѣльную землю и съестъ на купленные участки, а не вести два хозяйства въ разныхъ мѣстахъ, что сопряжено съ лишними расходами и съ лишней тратой времени. Такая форма и есть подворное владѣніе». Тамъ же, стр. 63.

одни из членов общины не запускал своего участка, и в последнее время стали даже *запрещать сдачу земли в аренду, отбирая на общество надельные участки тех лиц, которые сами их не обрабатывают*. Скажите, читатели, во что обратится русская поземельная община, если, волею судеб и состоятельного крестьянства, вся, стала многочисленная и бедная, не имеющая никакой возможности обрабатывать свои надельные участки? Или будет права сдавать их в аренду? Во что бы ни обратилась она, мы твердо знаем одно: *такая община будет, пожалуй, удовлетворять интересам г. Воронцова и землевладельца кулачничьего-домоглаза, но для бедного старика уже совсем, совсем бесполезной*. Центр тяжести интересов «горевых» крестьян — цыганов *обладается тогда ими общими, и этим крестьянам придется вступить в жестокую борьбу с нем, как с союзом мелких сельских буржуа, беззащитных, беспощадных, свирепых воев, где дело коснется их завбной «кубышки»¹⁾.*

¹⁾ Что касается собственно ростовских огородников, то они, по крайней мере некоторые из них, находятся в совершенно исключительных условиях. Так, в сел. Портьях, которое служит одним из главных центров огородничества, из 2,000 десят. надельной земли огородники и постройки занято лишь 284 десятинами, а остальное — лугом и выгозом (а часть находится в пустошах). Что луг и выгоз находится в обширном землевладении, это неудивительно, но мы сильно сомневаемся, чтобы часто переделывалась земля, занятая огородами. Если не ошибаемся, в Портьях держится ревизская размерность. Почти половина мужского населения Портьях ежегодно уходит в отхожие промыслы. Конная гоним на огородах у многих домохозяев производится ильком. Между общинниками-портьянами встречаются такие капиталисты-предприниматели, как Устинов, бр. Пыховы, Абрамовы, Корнуновы, Короленки и др., а рядом с ними существует такая порочная беднота, хотя Портьях — вообще зажиточное село. (См. Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России, выпуск XIV, приложение к I отд. тр. пом.; сообщение Н. П. Столяникова: *Промыслы в сел. Портьях-Рыбном* и т. д.). Если сердце г. Воронцова веселит даже и такая община, то экономическое развитие России будет все больше и больше его радовать. Но только звать г. Воронцов владеть в заблуждении численней: ведь от старых «устоявших в Портьях» — а может быть и у других ростовских огородников — не осталось и следа, это таинственное явление мелких буржуа, занимающихся частной подделыванием земли, а частью обрабатывающей промышленностью.

«Противуобщинная тенденція — говоритъ г. Воронцовъ—развивается, главнымъ образомъ, на почвѣ малоземелія, а интенсификація земледѣлія,—требуя сосредоточенія труда и средствъ хозяйства на меньшей площади, и позволяя ему получать съ небольшого участка достаточный доходъ,—парализуетъ невыгодныя экономическія послѣдствія малоземелія и этимъ ослабляетъ необходимость передѣлами земли, вытекающее изъ необеспеченности населенія, принужденнаго довольствоваться крайне недостаточнымъ надѣломъ»¹⁾).

Во-первыхъ, когда крестьянинъ сдѣлаетъ значительныя затраты на улучшеніе своего участка и на покупку нужнаго для его обработки живого и мертвaго инвентаря, онъ, за самими малыми исключеніями, непремѣнно станетъ врагомъ тѣхъ передѣловъ, благодаря которымъ уменьшатся размѣры его поля и, следовательно, окажется бесполезной часть его затратъ. Допустимъ даже, что такой крестьянинъ не откажется, уступить часть своего надѣла другому домохозяину, который съ своей стороны отдастъ ему часть своего надѣла, когда у него окажется убыль въ «душамъ». Но и тогда, и другой домохозяинъ съ всею силой своей энергии возстанетъ противъ отвода земли новымъ, подрастающимъ «душамъ», такъ какъ подобный отводъ, уменьшая количество земли, приходящейся на каждую душу, равносильно «интенсификаціи» малоземелія, страшнаго для крестьянина всегда и еще болѣе страшнаго тогда, когда земледѣліе становится очень доходною статею. Слѣдуетъ быть, при такихъ условіяхъ, отъ общины во всякомъ случаѣ останется или только одно воспоминаніе, или только одно имя.

Во вторыхъ, допустимъ, что мы ошибаемся; допустимъ, что основательно совершенно неосновательное рассужденіе г. Воронцова. Что же изъ него слѣдуетъ? Изъ него слѣдуетъ то, что если бы хозяйство всѣхъ вытѣсненныхъ крестьянъ-общинниковъ мгновенно превратилось изъ экстенсивнаго въ интенсивное, то, можетъ быть, общинѣ и не грозила бы опасность. Но подобное превращеніе мгновеннымъ быть не можетъ: для него требуется

¹⁾ «Прогрессивный землевѣдъ», стр. 159.

время, и кроме времени, еще одна бездланца: *значительными денежными средствами*. Таких средств нет у огромнейшей части русского крестьянства; следовательно, на путь «интенсирования земледелия» может выступить только меньшинство, состоящее из зажиточных домохозяев. Разъ выступить это меньшинство на указанный путь, его хозяйственным нужды станут в равное и непримаримое противоречие со старыми порядками землепользования и землеустройства, т. е. со старой общиной. Вот почему нужна колоссальная доза лавности для того, чтобы, подобно г. Воронцову, не ожидать от «интенсирования земледелия» ничего, кроме приятностей.

Впрочем, г. Воронцов очень неприветлив по части общины. Гоголевский поварь полагает, что было бы лужанье горчицы, вкус в нем, верно, какой-нибудь да будет. Г. Воронцов полагает, что была бы община—польза от нее произойдет во всяком случае. По его словам, община теперь «находится в полном цвету» в Московской губернии, в той самой губернии, где, как это засвидетельствовали еще покойный Орлов, «мир», в глазах деревенской бедноты, «*маллетя обузо, бичем, тармазом*». При такой невзыскательности нашего автора неудивительно, что он, несмотря на некоторые колебания и сомнения, в конце концов все таки твердо вбрызг в будущее общины.

В заключение, небольшая литературно-историческая справка. Мы видели, как старательно размалсывает г. Воронцов засиженую в его голове *возможную* общину, и как цыбмудренно набрасывает он покрывало на язви *действительной* русской общины. Изъ пятнадцать тому назад он поступал не так. *Возможную* общину он и тогда превозносил, конечно, по мирь возможности и дарования, но он не скрывал недостатков *действительной* общины. Вот, напр., что говорил он о ней в то доброе старое время.

«Община распадается, как добровольный союз, остается «общество» в административном смысле, группа лиц, насильно связанных круговой порукой, т. е. ответственностью каждого за ограниченность силъ всѣхъ плательщиковъ и неспособность фиска понять эту ограниченность. Все выгоды, когда-то

ГЛАВА II.

Кустарная промышленность.

Теперь мы знаем, насколько правильно оцифровывает г. Поронцов «формы, вырабатываемые коллективной мыслью» народа в области земледелия. Посмотрим, что особенно они нам о тех же формах в области промышленного труда.

Г. Веронцов — горячий сторонник кустарных промыслов. Он видит в них много выгод для производителей; главнейшая из них — связь промышленных занятий с земледелием.

Доходы от хлебопашества обеспечивают кустарю удовлетворение первичных потребностей, что позволяет ему не спешить с продажей изделий, если ценой последних слишком низки, или уменьшить стоимость продукта производства ниже нормальной его цены, для успешной конкуренции с городским мастером. Обладание лошадью дает кустарю возможность сбывать свой товар за пределами местного рынка, не прибегая к посредничеству спекулянта. То же обстоятельство в совокупности с привычкой к тяжелому труду позволяет кустарю чередовать занятие промыслом с извозом, лесными заработками и другими видами труда и таким путем предупредить чрезмерное падение цен кустарных изделий, неизбежное в том случае, если бы промысел составлял единственное поле приложения его труда. И так, занятие хлебопашеством придает кустарю устойчивость, какой лишен мастер, знающий только свое ремесло и ничего больше; промышленник-земледелец выигрывает в борьбе с безземельным; хлебопашество, следовательно, поддерживает промысел. Если занятие обоими видами труда выгодно сравнительно

со специализацией на почве промысла, то спрашивается, что же заставить кустара порывать съ земледѣлемъ? Естественно предположить, что, напротивъ того, онъ будетъ стремиться къ упроченію своего положенія въ качествѣ земледѣльца. И въ общемъ такое заключеніе оправдывается действительностью: мелкая обрабатывавшая промышленность въ Россіи продолжаетъ быть связанной съ земледѣлемъ, типическимъ представителемъ промысла является не безземельный горожанинъ, а крестьянинъ-хлѣбопашецъ»¹⁾.

Такъ-ли все это? Нѣтъ-ли какихъ погрѣшковъ въ «формахъ» и въ содержаніи мыслей г. Воронцова, заключающихся въ приведенномъ отрывкѣ?

Во-первыхъ, точно-ли кустарь, благодаря «доходамъ отъ хлѣбопашества», можетъ «не стѣснять съ продажой своихъ издѣлій»?

Московскіе статистики отвѣчала на этотъ, далеко не новый, вопросъ утвердительно. Они думали, что обезпеченіе надѣломъ составляетъ главное преимущество сельскихъ кустарей надъ городскими производителями. Приведи ихъ мнѣніе, г. Воронцова снѣшить его опровергнуть.

«Большая часть сельскихъ жителей, занимающихся промыслами, — говоритъ онъ — тоже не въ состояніи долго ждать запроса за продуктъ со стороны рынка и вынуждена продавать его тотчасъ по приготовленіи, хотя бы и значительно дешевле его нормальной стоимости»²⁾.

Выходитъ, что «доходы отъ хлѣбопашества» позволяютъ кустарю «не стѣснять съ продажой издѣлій», но не позволяютъ ему «долго ждать запроса со стороны рынка». Несмотря на эти «доходы», большая часть кустарей вынуждена продавать свои произведения «тотчасъ по приготовленіи, хотя бы и значительно ниже» и т. д. Тутъ въ «формахъ» мысли г. Воронцова обнаруживается значительная неясность, а въ ея содержаніи — полная противорѣчивость. Но послушаемъ еще г. Воронцова: можетъ быть, дѣло объяснится.

✓ ¹⁾ «Очерки кустарной промышленности въ Россіи», С.-ИВ. 1886, стр. 204—205.

²⁾ «Очерки», стр. 12—13.

«Кроме того,—продолжает он—сбыть продукты, предназначенных для отдаленного рынка, находится в руках скупщиков, которые обыкновенно сами определяют цены, по которым они принимают подлин кустарей»¹⁾.

Ничь, мы не ошиблись «доходы от хлебонашества», действительно, не позволяють кустарю «не слышать» и проч. Так думает г. Воронцовъ, вопреки мнѣнію г. Воронцова. И этого мало. Г. Воронцовъ рѣшительно отвергаетъ мнѣніе того же почтеннаго автора, утверждающаго, что «обладанію лошадей даетъ кустарю возможность сбывать свой товаръ за пределами мѣстнаго рынка, не прибѣгая къ посредничеству скупщика». Какая уж тутъ «возможность», когда «сбыть продукты, предназначенныя для отдаленнаго рынка, находится в руках скупщиков»!

Давно уже сказано, что вселенное царство, раздѣлившись на ся, погибаетъ. Это очень печальная судьба! Намъ хотѣлось бы думать, что она не угрожаетъ по крайней мѣрѣ тѣмъ писателямъ, которые «раздѣляются на ся», подобно г. Воронцову.

Но не унывайте, читатели! Если справедливо, что терпѣно все правосознатель, то можно, значить, добиться толку и отъ г. Воронцова, несмотря на его очевидное «раздѣленіе на ся».

«Кустарь земледѣлецъ, имѣя въ которое обезпеченіе въ сельсвохозяйственномъ промыслѣ, цѣнить свой трудъ дешевле горожанина; если же борьба производителей будетъ имѣть результатомъ слишкомъ сильное паденіе цѣнъ продукта,—селянинъ бросаетъ промыселъ, обращаетъ больше вниманія на хозяйство, беретъ зазывать и т. д. Городской житель значительно болѣе стѣсненъ въ выборѣ занятій, такъ какъ земледѣлія онъ не знаетъ, лошади не имѣетъ. Тихвинскіе мѣщане, напр., съ упадкомъ судоходства, поддерживавшаго разные ихъ промыслы, пробовали такъ и сякъ добывать хлѣбъ и водѣ встрѣчались съ непреодолимой конкуренціей сельскихъ жителей. Пробовали они ходить на заѣмки къ лесопромышленникамъ, но были оттиснуты крестьянами, всегда имѣющими возможность взять, противъ мѣщанъ, низшую заработную плату уже потому, что они имѣютъ и свой домъ, и

¹⁾ Тамъ же, стр. 13.

кусекъ хлеба. На лѣсныхъ работахъ зарабатываетъ хорошо тотъ, кто имѣетъ лошадей—крестьянинъ се имѣетъ, а мѣщанинъ нѣтъ. Значитъ, и этотъ промыселъ закрытъ для мѣщанъ, а другихъ нѣтъ». Въ виду сказаннаго плохое состояніе главнаго промысла отражается на горожанинѣ значительно тяжелѣе, чѣмъ на селянинѣ; поэтому, онъ и остерегается вступать въ соперничество съ сельскимъ жителемъ и вмѣсто работы на рынокъ избирать трудъ на заказчика»¹⁾.

Теперь дѣло нѣсколько выясняется. Хотя «доходы отъ хлебопашества» и не позволяютъ кустарю-крестьянину «не сдѣлать» и проч., но они позволяютъ ему довольствоваться «нисней заработной платой». Это, конечно, очень большое преимущество, во дни вою? Такъ какъ сбытъ кустарныхъ надѣлъ, по собственнымъ словамъ г. Воронцова, находится въ рукахъ скупщиковъ, то надо думать, что именно этимъ послѣднимъ и приносятъ больше всего выгоды та «нисняя заработная плата», которой могутъ довольствоваться кустари благодаря «доходамъ отъ хлебопашества». Но въ такомъ случаѣ сторонникъ мелкой кустарной промышленности, г. Воронцовъ, сходится съ антагонистомъ крупной капиталистической промышленности, г. Менделѣевымъ. «Русскій рабочий, говорить нашъ химикъ—будучи въ нѣкоторой степени обезпеченъ земельнымъ надѣломъ и сравнительною дешевизною хлеба и другихъ основныхъ условий жизни, смотритъ на всякій заработокъ внѣ земледѣлія, а особенно на зимній и фабричный, какъ на прямой барышъ, и если есть хотя какое-либо соперничество въ предложеніи услугъ, беретъ его за незначительное вознагражденіе, тѣмъ болѣе что иначе придется остаться безъ дѣла» (sic!)²⁾.

«Обезпеченность» русскаго рабочаго земельнымъ надѣломъ даетъ г. Менделѣеву поводъ для самыхъ отчаянныхъ размышленій по части будущей судьбы русскаго капитализма. «Такъ какъ цѣнность труда въ Россіи дешевае, чѣмъ въ большинствѣ странъ Запада, — фантазируетъ онъ — то заводско-фабричной дѣятельности Россія предстоитъ несомнѣнное оживленіе и такой ростъ,

¹⁾ Тамъ же, стр. 13—14.

²⁾ «Фабрично-заводская промышленность и торговля Россіи», С. III. 1893. Введеніе, стр. 47, примѣчаніе.

который долженъ дать мировой торговлѣ множество товаровъ, въ усиленной выработкѣ которыхъ народный трудъ и капиталъ найдутъ новый источникъ для усиленія благосостоянія страны, не менѣе важный, чѣмъ доставляемый земледѣльческою дѣятельностью»¹⁾).

Если принять въ соображеніе, что у насъ, по словамъ того же химика, «число лицъ, долженствующихъ ковать заработковъ въ земледѣліи, уже весьма велико», и что, слѣдовательно, эти ненужныя въ земледѣліи «лица» уже не обезпечиваются надѣломъ даже «въ нѣкоторой степени», то выходитъ, что грядущее благосостояніе нашей страны будетъ основано исключительно на «низкой цѣнности труда», т. е. на отсутствіи благосостоянія въ средѣ рабочихъ. Съ неурявочки такой выводъ можетъ показаться очень страннымъ, но онъ ни мало не удивитъ человека, знакомаго съ экономической литературой: г. Менделѣевъ поетъ старую пѣсню Бастиа и прочихъ вульгарныхъ экономистовъ, нѣсколько видоизмѣняя ея нѣмцѣ прѣмѣнительно къ музыкальнымъ требованіямъ русскаго «потребителя». Наши предприниматели уже теперь оказываютъ тонкими цѣнителями этой, занесенной къ намъ съ безбѣжнаго Запада, пѣсни и хорошо понимаютъ выгоды «обезпеченія» русскаго работника «земельнымъ надѣломъ». По замѣчанію г. Шульце-Гевевица, — нѣмецкаго профессора, знающаго русскій языкъ и, во время своего пребыванія въ Россіи, хорошо ознакомившагося съ нашими промышленными кругами, — у насъ «никто не защищаетъ съ такою горячностью, какъ промышленники, ученія о томъ, что сельская община, силой противъ возникновенія пролетаріата, есть важнѣйшая и драгоцѣннѣйшая особенность Россіи»²⁾. Все это вполнѣ понятно и со стороны предпринимателей, и со стороны г. Менделѣева. Но какими образомъ могъ затрубить въ одну трубу съ ними г. Воронцовъ, человекъ, выдавшій себя за противника капитализма и его теоретиковъ, буржуазныхъ экономистовъ?

Я думаю, что здѣсь тонкая и больше политическая причина.

¹⁾ Тамъ же, стр. 46—47, въ текстѣ.

²⁾ Preussische Jahrbücher, Febr. 1894, s. 357—358.

сказать бы гоголевский Акимъ Федоровичъ. Почтенный судья бытъ бы совершенно правъ.

Г. Воронцовъ убѣжденъ, что, «такъ какъ... всякія предвидѣнія дѣлаются лишь съ известной степенью вѣроятности и при дальнѣйшемъ ходѣ дѣла обстоятельства могутъ сложиться не въ пользу предсказанія; такъ какъ имѣемъ силу, съ какою люди тащатъ исторію въ разныя стороны, зависеть, между прочимъ, отъ энергіи сознательныхъ борцовъ за то или другое направленіе движенія, вълѣдствіе чего всякое приращеніе энергіи въ известномъ направленіи отразится и на равнодѣйствующей силѣ, то условенная законосообразность явленія иначе говоря, подмѣченное преобладающее направленіе движенія,—если оно возбудитъ энергію лицъ, тащащихъ исторію (?) по другимъ линіямъ (?),—можетъ сдѣлаться причиною того, что явленіе повернется въ эту сторону»¹⁾.

Это отрадное убѣжденіе, въ сознательнѣе выраженное слогомъ будочника Мырцова, и есть та тонкая причина, которая заставляетъ г. Воронцова противорѣчать самому себѣ и насиловать всѣмъ хорошо известные факты. Ему хочется потащить исторію по линіи своего идеала. Ради этой великой цѣли онъ не останавливается передъ такими пустяками, какъ логика и справедливость. Пусть со временемъ скажутъ, что г. Воронцовъ противорѣчалъ и себѣ, и дѣйствительности; что онъ, врагъ капитализма, говоритъ подчасъ языкомъ самыхъ рьяныхъ его защитниковъ,—если эти его грѣшки «возбудятъ энергію» народниковъ и тѣмъ избавятъ Россію отъ капитализма, то великая цѣль все таки будетъ достигнута, благосостояніе русскаго народа все таки будетъ обезпечено. А это все, что нужно г. Воронцову: по всему видно, что онъ давно уже рѣшился принести свою литературную славу въ жертву интересамъ отечества...

Ты знаешь, кто ближнюю лобитъ
 Больше собственной славы своей,
 Тотъ и славу сознательно губитъ,
 Если жертвы свисаетъ людей.

Когда вышла надѣлавшая не мало шуму книга г. Николая — см.: «Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства»,

¹⁾ Наши направленія, С.-ПБ. 1894, стр. 160.

г. Воронцовъ поспѣшилъ заявить, что этотъ «прекрасный трудъ» далъ новое освѣщеніе «экономической сторонѣ» развиваемой имъ, г. Воронцовымъ, теоріи ¹⁾. Впослѣдствіи изъ книги «*Очерки теоретической экономіи*» мы увидѣли, что г. Н.—онъ «не разсматривалъ не капиталистическаго теченія въ экономической жизни, какъ самостоятельнаго фактора послѣдней, и потому его выводы не полны, подлежатъ ограниченію и дополненію» (стр. 233). Надо думать, что именно въ качествѣ «дополненія» къ «Очеркамъ» г. Н.—она нашъ авторъ издалъ въ началѣ нынѣшняго года книжку «*Артели въ кустарномъ промыслѣ*».

Артель въ кустарномъ промыслѣ! Это, конечно, и есть тотъ «самостоятельный» не капиталистическій факторъ нашей экономической жизни, котораго не разсматривалъ г. Н.—онъ. И если этотъ факторъ даятъ сильно чувствовать себя уже въ настоящее время, то, вѣроятно, и самъ г. Н.—онъ покажетъ, что не «разсмотрѣлъ» его въ своихъ «Очеркахъ». Въ чемъ же, однако, проявляется дѣйствіе этого интереснаго фактора?

По словамъ г. Воронцова, оно проявляется: 1) въ существованіи семейныхъ артелей и во временномъ соудружествѣ кустарей, подъ давно знакомой крестьянину формою «помочи»; 2) въ артельномъ приобрѣтеніи сырья и совмѣстномъ сбытѣ издѣлій; 3) въ артельномъ пользованіи мастерскими и другими приспособленіями; 4) въ существованіи производительныхъ артелей какъ въ мѣстныхъ, такъ и въ отхожихъ промыслахъ.

Разсмотримъ прежде всего семейныя артели и «помочь».

На ряду съ главою семьи въ кустарномъ производствѣ участвуютъ также женщины и дѣти. Вотъ вамъ семейная ассоціація. Кроме того «родственные связи облегчаютъ образованіе союзовъ также для преслѣдованія частныхъ цѣлей въ какомъ либо промыслѣ, а иногда дѣлаются прямой причиной существованія такихъ союзовъ». Сказанное имѣеть мѣсто, напр. въ тѣхъ случаяхъ, когда при раздѣлѣ промысловой семьи, мастерская и т. п. остается въ общемъ пользованіи раздѣлившимся. Такимъ образомъ

¹⁾ Тамъ же, предисловіе, стр. VI.

произошли некоторые сдвиги в ткацком районе Физкинской волости Покровского уезда Владимирской губ. Упадок ткацкого промысла вызвал здесь образование общин, принадлежавших родственникам, сибтелоков, явившихся побудительной причиной к тому, чтобы, ради сокращения расходов на отопление и облегчения пазора за материалом, родственники-ткачи соединялись для работы в одной мастерской. Из 15 общин мастерских в районе производства мелких вещей из стекла в Дмитровском уезде Московской губернии, три принадлежат родным братьям, в двух соединялись отец с сыном и два брата. Работа в общинах мастерских названного района производится каждым кустарем при особом горни; но некоторые камушники устраиваются вдвоем при одном горни, выгадывая таким образом на углях». Наконец, «в гвоздорезном промысле Бисертского завода Красноуфимского уезда есть несколько семей, где отец и сыновья или братья работают парами в выделяемые им гвозди сдаются скупщику сообща, а следующая за них плата делится между членами пары поровну»¹⁾.

Когда мы прочли эти строки в книге г. Воронцова, нам припомнилась баобаба (Arber gigantea), росшая у Тартарова в горни от резеды. В самом деле, местами родственники имеют общины мастерских; они работают в них, правда, каждый особо, но иногда отец с сыном или брат с братом «устраиваются вдвоем». Это несомненное торжество артельного принципа, это бесспорный баобаба! И вместе с тем как бесспорно скромны его размеры. Ведь для него слишком велик даже горни от резеды, ему слишком престомерно даже в мастерской с несколькими горнями; он не идет дальше «устройства вдвоем», да и то только «местами»!

И замечьте, как странно происхождение нашего баобаба. Мастерские, находящиеся в общем пользовании нескольких родственников, являются результатом *разных промысловых семей*. Другими словами, они существуют не потому, что развивается артельный принцип, а потому, что принцип индивиду-

¹⁾ «Артел. в кустарном промысле», стр. 5—7.

ализма дѣлаетъ новые захваты. Нечего сказать, глубоко сидятъ корни дерева-гиганта!

Кустарное производство есть во всякомъ случаѣ производствo на сбытъ, *товарное производство*. Развитие же товарнаго производства, наносившее смертельный ударъ первобытнымъ кровнымъ союзамъ, подрываетъ также и семейную общину русскихъ крестьянъ (а следовательно и кустарей), что давно было указано у насъ множествомъ психологовъ и не разъ художественно изображено Г. И. Успенскимъ ⁴⁾. Г. Воронцовъ, вѣроятно, и самъ хорошо знаетъ это, но онъ столь же хорошо знаетъ и то, что если, излагая факты и высказывая факты, онъ въ надлежащей степени возбудитъ «энергію» гг. народниковъ, то они «потянутъ исторію» по любезной ему «лннн». Цѣль оправдываетъ средства.

Переходимъ къ «помочи» или «временному сотрудничеству» кустарей. Не желая ни на йоту умалять значенія доводовъ г. Воронцова, мы предоставляемъ ему, въ длинной вышескѣ, самому защищать свое дѣло.

«Примѣненіе въ кустарномъ промыслѣ взаимопомощи въ работѣ распространено всего больше въ тѣхъ же самыхъ производствахъ при гнутьѣ полозьевъ саней или ободьевъ колесъ... а также при гнутьѣ дугъ. Въ Нижегородской губерніи примѣненіе артельного труда при гнутьѣ санныхъ полозьевъ известно для трехъ промышленныхъ районовъ изъ числа шести, въ которыхъ промыслы существуютъ въ сколько-нибудь замѣтныхъ размѣрахъ... Гнутье

⁴⁾ «Промыслы не имѣютъ никакого вліянія на сплоченіе семей; большія перацѣльные семьи стали теперь большою рѣдкостью. Два брата еще живутъ вмѣстѣ; приброятъ трехъ перацѣльныхъ очень мало. Въ будущемъ гудѣцъ предсказываютъ еще болѣе частыя раздѣлы, часто приводя ихъ въ связь съ промыслами». «Промыслы Москв. губ.» Андрея Писева. Томъ 2-й, Москва, 1876, стр. 72. «Промыслы содѣйствуютъ частымъ раздѣламъ и распадаются власса дружныхъ семей... Не мнѣно промышленнаго люда, стремленіе къ раздѣламъ вероярно связано съ развитіемъ промышленной жизни. При полной (взрочно оцѣтнн) возможности влѣтъ породннхъ заработокъ отъ промысла, молодой человекъ старается отннхнся отъ семьи и основать собственное хозяйство, чтобы тѣмъ свободнѣе расплатать рабочей силой». (Тамъ же, стр. 161). Не днромъ г. Воронцовъ указывать на „уцѣдотъ промысла“, замъ на причину поманнн общнхъ сѣтѣловъ.

полосы производятся на особых станках и требуют участия 3—10 человек; и вот в Ардатовском, Арамасском и Сергачском уездах оно совершается помочами. По окончании работы помочале в первые двух уездах получают угощение. Дужники Ардатовского уезда производят гнутые дуги при помощи соседей. В Щеринском уезде Курской губернии дужники (всѣхъ ихъ 140 человекъ) гнут дуги руками, для чего требуется участие 3—6 человекъ. В виду этого малосемейные кустари соединяются вмѣстѣ и помогаютъ другъ другу. В уездахъ Белгородскомъ, Корочанскомъ и Новоскопскомъ (общее число дужниковъ 613), гдѣ сгибание производится при помощи верста, «сосѣдскія» товарищества состоятъ изъ 3—4 человекъ. У каждаго «сусѣда» артель работаетъ не болѣе одного дня (8—10 часовъ) въ недѣлю. Телѣжники Витебскаго уезда, работая почти безъ участія наемнаго труда, при операціяхъ, требующихъ сотрудничества нѣсколькихъ лицъ, собираютъ помочь за угощеніе. Помочью же, вѣроятно, производится сгибание колесъ (требующее участія 6—7 человекъ) и въ Уржумскомъ уездѣ. Могилевскіе телѣжники для сгибания колесъ приглашаютъ за плату или для безплатной работы соседей. Сгибание ободовъ колесниками Четкаринской волости Каминцовскаго уезда Пермской губерніи производится при помощи постороннихъ лицъ или за плату по одной копѣекѣ съ вынутаго ската каждому работнику, или «въ отработку», т. е. съ обязательствомъ, въ свою очередь, оказать ту же услугу, когда такая понадобится. При гнущъ полозья въ санномъ промыслѣ въ с. Дружко-Бордымскомъ Манчужской волости Красноуфимскаго уезда требуется участие трехъ работниковъ и, при отсутствіи въ семьѣ кустари столько-же лицъ, онъ уговаривается съ другими одиночками о взаимной помощи въ производствѣ этой операціи. Гнутые полозья санниками в с. Суцкино Нескафимской волости Кузнецкаго уезда (150 кустарей) производится помощью человекъ изъ 12, которые могутъ загнуть въ день до 30 полозьевъ. Колесники Полтавской губерніи и с. Чернетчины Сумскаго уезда Харьковской губерніи производятъ сгибание колесъ помощью ¹⁾).

¹⁾ «Артели въ кустарномъ промыслѣ» стр. 9—11.

Внимательно ли слушали вы, читатель, г. Воронцова? Если да, то вы очень хорошо сдѣлали, ибо на цитированных нами страницах онъ собралъ факты, громче другихъ говорящіе о распространеніи сосѣдской «помочи» въ кустарной промышленности. Дальше доводы его уже не столь убѣдительны. Онъ самъ признаетъ, что «уже значительно рѣже встрѣчается прихіщение помочи въ другихъ промыслахъ»¹⁾. Следовательно, тѣмъ вдумчивѣе должны мы отнестись къ тому, что происходитъ въ тѣхъ же производствѣ. Но что же собственно происходитъ здѣсь? Малосемейные кустари помогаютъ другъ-другу въ извѣстныхъ операціяхъ иногда въ «отработку», а иногда за деньги. Само собою понятно, что помощь за *демежную* плату никакого отношенія къ торжеству артельного принципа имѣть не можетъ. Но и взаимная помощь «въ отработку», какъ она существуетъ теперь, свидѣтельствуетъ развѣ лишь о *полнѣйшемъ* безсиліи этого принципа. Въ самомъ дѣлѣ, не замѣчательно ли, что онъ чаще всего применяется въ такой чрезвычайно отсталой, можно сказать совершенно первобытной отрасли кустарной промышленности, какъ производство тѣхъ и савей, гдѣ операція, требующія сотрудничества нѣсколькихъ лицъ, совершаются подчасъ просто «руками»? Видь еслибы этотъ принципъ имѣлъ какіе нибудь шансы развитія въ современной нашей кустарной промышленности, то мы, конечно, встрѣнились бы съ нимъ и въ тѣхъ-то отрасляхъ, которыя сдѣлали хоть какіе нибудь, хоть незначительные шаги на пути технического прогресса. Но именно въ этихъ-то отрасляхъ мы и не встрѣчаемъ его. «Несмотря на всѣ старанія, — говоритъ г. Исаявъ — мы не удалось найти какое либо общеніе между промышленниками (рѣчь идетъ о металлическихъ кустарныхъ промыслахъ). Единственное исключеніе и встрѣчалъ у подносчиковъ. Въ деревнѣ Хлѣбниковой есть три лица, совершенно другъ другу чуждыя и ведущія дѣло вѣстѣ... За исключеніемъ одного этого случая, общенія между промышленниками мы подумѣть не удалось: всякій работаетъ на себя, всѣ бредутъ врознь»²⁾. Такое же впо-

¹⁾ Тамъ же стр. 11.

²⁾ «Промыслы московской губерніи» т. II, стр. 71—72. «Вообще духъ ассоціаціи вовсе не такъ общенашему сельскому народонаселенію въ дѣлѣ

патріаіе проиваель на г. Псаева и мебельный кустарный проиваель, гдѣ господствуетъ «полная раздробленность», и гдѣ всѣй дѣйствуетъ въ одиночку, самъ по себѣ, какъ бы не сознавая всей полезности дѣйствія сообина, могущаго умножить слуд каждаго... всѣй видить врага въ изготовителѣ однородныхъ товаровъ, относятся къ нему съ недоверіемъ, считаютъ его виновникомъ умаленія своихъ барышей» и т. д. ¹⁾ То же въ гончарномъ проиваель: «я не займилъ большого общенія между проиваельниками. Среди горшечниковъ я встрѣтилъ нѣкоторое общеніе въ пользованіи горномъ. Многіе изъ нихъ, работая меньшую часть года, не имѣютъ собственныхъ горновъ и обжигаютъ посуду въ горнахъ сосѣдей. Платить за право обжиганія не приходится; но угощеніе владѣльца горна чужья обязательно; дрова обжигающіе приносятъ свои. Въ дозволеніи владѣльца горна, даваемомъ сосѣду, горшечники видятъ прямую для него выгуду: если онъ будетъ обжигать вскорѣ послѣ обжиганія сосѣдомъ, то потребуются меньше топлива, такъ какъ горнъ будетъ уже разогрѣтъ. На этомъ, сколько мнѣ извѣстно, и ограничивается *общеніе* (курсивъ г. Псаева); но и въ немъ *пресобладаетъ интересъ, а не товарищеское начало*» ²⁾.

Намъ остается, значить, утѣшаться тѣлѣжнымъ проиваельмъ да фактами, подобными тому, который обязательно сообщается намъ г. Воронцовъ и который имѣетъ иногда мѣсто въ бумаго-ткацкомъ проиваель Медвиневаго уѣзда: приготовленіе основъ требуетъ участія 4—5 лицъ; и вотъ, когда «одна баба удерживаетъ основу въ накинудомъ положеніи, держа за клубокъ, двѣ другія держатъ рядку и двѣ послѣднія вертять навой» ³⁾. Но еще разъ, неужели это не бабы въ горнишѣ отъ резеды? И неужели г. Воронцовъ можетъ безъ хитрой улыбки писать о подобныхъ «стеченіяхъ» въ

проиваельности, какъ это иногда думаютъ. А. Корякъ, «О формѣ проиваельности вообще и о значеніи домашняго проиваельства (кустарнаго и домашняго проиваельства) въ Западной Европѣ и Россіи», Москва, 1861 г., стр. 294.

¹⁾ Тамъ же, т. I, вып. I, стр. 85.

²⁾ Тамъ же, т. II, стр. 161.

³⁾ «Артиель въ гончарномъ проиваель», стр. 11.

жизни кустарей, какъ о какомъ то самостоятельномъ факторѣ русскаго экономическаго развитія? Или все это нужно единственно для возбужденія энергій гг. народниковъ, какъ извѣстно, очень невнимательныхъ по части доказательствъ¹⁾.

Но пойдѣмъ дальше, взглянемъ на артельное приобретение сырья и на совмѣстный сбытъ издѣлій. Слово принадлежитъ г. Воронцову. «При отсутствіи правильно организованныхъ кредитныхъ учреждений для мелкаго промысла и зависимости, въ какой находятся кустари въ отношеніи кредита отъ скупщиковъ ихъ издѣлій, являющихся въ тоже время и поставщиками для нихъ сырого матеріала, при безграмотности кустарей и существующей между ними разбѣденности и взаимномъ недоверіи (вотъ важъ и артельный принципъ)—организация въ ихъ средѣ союзовъ для оптовой закупки дорогаго сырья на болѣе или менѣе отдаленныхъ рынкахъ представляется дѣломъ весьма трудно осуществимымъ... Впрочемъ, въ литературѣ иногда попадаются извѣстія о существованіи артельныхъ закупокъ кустарями и дорогаго сырья»²⁾.

Итакъ, по части оптовой закупки дорогаго сырья дѣло обстоитъ очень плохо, и г. Воронцовъ говорить о ней въ минорномъ тонѣ. Но какія же это извѣстія «попадаютъ иногда въ литературѣ»?

Кузнеца г. Тихвина въ прежніе времена, когда промыслы ихъ были широко распространены, закупали нужной имъ матеріалъ въ Петербургѣ, отправляя туда въ складчину довѣренное лицо. Теперь, вслѣдствіе упадка промысла, покупка матеріала происходитъ на мѣстѣ, по мелочамъ и единолично. «Кожовики въ Черниговскомъ уѣздѣ... обыкновенно приобретаютъ матеріалъ единолично. Только случайно, когда «наскочатъ» на маленькую партію нѣсколько хозяевъ, они покупаютъ ее вмѣстѣ и затѣмъ или дѣлятся приобретеннымъ добромъ, или «скачиваютъ другъ

¹⁾ Замѣчательно, что даже и теперешній промыселъ кустарей г. Воронцову. Читатель помнитъ, что въ Нижегородской губерніи прѣлестное артельное трудъ при гнѣтѣ самыхъ положеній известна лишь въ трехъ районахъ или шести. О Arbor gigantea! O, германъ отъ реалды!

²⁾ «Артели въ кустарномъ промыслѣ», стр. 16—17.

другу по чести или съ отступнымъ» или что еще рѣже, вмѣстѣ вычинятъ партію и подѣлятся барышникъ». Читатель-иностранецъ торжествуетъ: вотъ, наконецъ, компанія, вмѣстѣ покупающія сырье, вмѣстѣ обрабатывающія его и дѣлящая лишь барыши! Но знаетъ ли онъ, какъ велики такіа компанія, представляющія, къ тому же, крайне рѣдкое явленіе? «Такія компанія обыкновенно состоятъ изъ двухъ хозяевъ-сосѣдей или родственниковъ»¹⁾. Выходитъ, что мы и здѣсь имѣемъ дѣло съ баобабомъ тарасковскаго героя.

Безполезно пестрить наши страницы новыми выписками изъ книги г. Воронцова. Факты, которые удалось ему собрать, привели его самого къ тому заключенію, «что хотя соединеніе кустарей для совместнаго пріобрѣтенія нужнаго имъ сырья, встрѣчается вѣрнѣе, тѣмъ не менѣе оно не можетъ быть считаемо явленіемъ распространеннымъ»²⁾. Это какъ будто нѣсколько противорѣчивый выводъ: съ одной стороны «не рѣдко», а съ другой — «распространеннымъ считаемо быть не можетъ». Но здѣсь надо принять въ соображеніе обычную неуклюжесть языка г. Воронцова, которая особенно увеличивается тогда, когда ему приходится оспаривать самого себя. Въ данномъ случаѣ «*нерѣдко*» значить у него «*рѣдко*» и даже — *очень рѣдко*, какъ читатель самъ можетъ убѣдиться изъ словъ г. Воронцова, непосредственно слѣдующихъ за только что приведенными. Вотъ эти слова: «Но еще рѣже наблюдается кооперація производителей въ дѣлахъ болѣе выгоднаго сбыта ихъ издѣлій». Ясно, что и *совместная покупка сырья* «наблюдается» *рѣдко*. Но какъ бы рѣдко ни случалась она, на нее слѣдуетъ обратить большое вниманіе, такъ какъ она хорошо выясняетъ значеніе «картельного» принципа, искомаго г. Воронцовымъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Шубякии Полтавской губерніи, «сложившись по сотнѣ и меньше рублей и отправивъ одного изъ товарищей за товаромъ, по доставленіи послѣдняго, распределяютъ его между участниками... Если кто либо изъ участниковъ внесъ на покупку овчины сумму,

¹⁾ Тамъ-же, стр. 17.

²⁾ Тамъ-же, стр. 33.

несколько превышающую долю каждого из остальных товарищей, то после раздела последние «додают верхівъ», т. е. удѣляютъ изъ своей части овчинными или ушачивають деньгами то, что они получили «сравнительно съ нимъ лишняго»¹⁾.

«Смушки, продающіяся въ г. Переяславѣ «парами» въ 200 шт. по цѣнѣ 180—200 рублей за сотню, обыкновенно покупаются компаніей изъ 2—3 хозяевъ, при чемъ, если приобретеніе дѣлается въ кредитъ съ уплатою при покупкѣ по 1 руб. за штуку, то на остальную сумму выдается однимъ изъ участниковъ вексель» и т. д.²⁾.

«Изъ бондарей Витецкой губерніи только немногіе зажиточные кустари покупаютъ лѣсъ участками, иногда складываясь вдвоемъ, троимъ; большинство же кустарей приобретають его по мелочамъ на базарахъ. Ничто подобное слѣдуетъ сказать и о древесныхъ (тележники, сундучники и т. п.) слободахъ Воронцовки Воронежскаго уѣзда, гдѣ лѣсные участки приобретаются болѣе зажиточными производителями, артелями въ 5—10 человѣкъ... Вслѣдствіе этой операціи дерево обходится отъ 50 коп. до 1 руб., вдвое дешевле базарной цѣны»³⁾.

Какова общая черта такихъ «компаній»? Онѣ состоятъ изъ людей приблизительно одинаковой степени зажиточности и требуютъ подчасъ отъ своихъ участниковъ довольно значительныхъ денежныхъ средствъ: цѣлыхъ сотенъ рублей⁴⁾. Такими средствами бѣдные, «горевые» кустари, конечно, не располагаютъ. Слѣдовательно, вступать въ компаніи могутъ только наиболее обеспеченные изъ кустарей. Оптовая покупка сырья очень выгодна: благодаря ей матеріалъ обходится иногда вдвое дешевле (см. выше), чѣмъ при покупкѣ по мелочамъ. Слѣдовательно, участники компаній оказываются въ гораздо болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ тѣ бѣдняки, которыхъ ни въ какую компанію не

¹⁾ Тамъ же, стр. 18—19.

²⁾ Тамъ же, та же страница.

³⁾ Тамъ же, стр. 20.

⁴⁾ Личный взносъ каждаго участника въ артеляхъ бочаровъ Сибирской губерніи доходить до 200 р., «лишь не включая требуемой суммы, по-скольку въ немѣдл. ст. комсомолъ насамымъ рабочимъ». Тамъ же, стр. 160.

принять именно по причинѣ ихъ бѣдности. Слѣдовательно, тутъ происходитъ то же самое, что мы уже видѣли при «товарищескихъ» арендахъ земли и покункахъ сѣвнѣ: расстояніе между бѣдняками съ одной стороны и людьми зажиточными съ другой—увеличивается; происходитъ то самое слоеніе обывателей деревни, на которое мы уже не разъ указывали выше. Слѣдовательно, чѣмъ больше распространялись бы и чѣмъ шире для нихъ участниковъ оказались бы все эти «товарищества» и «компании», тѣмъ хуже было бы для тѣхъ старыхъ «устоевъ», которые закупаютъ в. Воронцовъ. Нанѣ въ стору можетъ, себѣ въ утѣшеніе, только повторить, что подобныя компаніи «наблюдаются» въ средѣ кустарей очень редко.—Тамъ хуже для «артели в кустарномъ промыслѣ», скажемъ мы ему.

Поищемъ теперь поучительныхъ фактовъ по части артельного пользованія мастерскими.

«Приступая къ группировкѣ данныхъ, относящихся къ разсматриваемому явленію,—говорить г. Воронцовъ—нельзя не замѣтить, что примененіе артельного начала къ пользованію мастерской или другія приспособленія недвижимаго характера наблюдается не въ тѣхъ промыслахъ, занятіе которыми требуетъ сравнительно большихъ расходовъ, а въ отрасляхъ производства, которыя могутъ вестись съ небольшими затратами. Такъ, въ исконномъ, напр., или скорняжномъ дѣлѣ, при дорогомъ сырѣ, артельного пользованія приспособленіемъ для промысла почти не встрѣчается. Въ гончарномъ же производствѣ (грубой посуды), материалъ для котораго стоитъ минимальной суммой, артельное пользованіе горнами для обжиганія посуды распространено, вѣроятно, не менѣе, нежели пользованіе единоличное¹⁾».

Здѣсь мы опять видимъ то, что видѣли въ дѣлѣ сосѣдской «помочи»: чѣмъ большихъ затратъ требуетъ извѣстный промыселъ, тѣмъ болѣе несостоятельной оказывается «артель». Это уже само по себѣ замечательно. Но это не все. Главная бѣда въ томъ, что даже и въ дешевыхъ производствахъ артельное пользованіе мастерскими представляетъ собою уже знакомый намъ ба-

¹⁾ Тамъ же стр. 42—43.

обабы въ горничѣ отъ резеды. Г. Воронцовъ въ изобиліи сообщаетъ намъ «факты» такого, напр., рода: «въ Рязанской губерніи нѣсколько кустарей пользуются иногда для обжиганія кирпича одной печью»; «горны для обжиганія кирпича кустарями Казанской губерніи очень часто принадлежать не одной семьѣ, а двумъ-тремъ и больше кирпичикамъ»; «въ Козьмодемьянскомъ уѣздѣ... очень часто одна печь принадлежитъ нѣсколькимъ семьямъ» (стр. 74); «артельныхъ парницъ насчитывается въ д. Прокудной (промысловъ занимается 21 дворъ) 4, д. Хаминской (промысловыхъ семей 17) 3, Каменкѣ (22 промысловыхъ семей) 3» (стр. 70). Совершенная ничтожность всѣхъ этихъ «фактовъ» производитъ удивительно комичное впечатлѣніе въ связи съ той невозмутимой серьезностью, которую сохраняетъ Г. Воронцовъ въ своемъ изложеніи. Комизмъ дополняется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что намъ авторъ безъ всякаго разбора валитъ въ одну кучу явленія совершенно противоположнаго характера. Вотъ, напр., мы узнаемъ отъ него, что «по даннымъ отъ середины 70-хъ годовъ, гвездарь г. Твери, имѣющій кузницу на нѣсколько человекъ, отдастъ свободныя нѣста другимъ мастерамъ за «стражку» и «ожимокъ» (кусочъ желѣза, выковываемый каждымъ кузнецомъ ежедневно изъ мелкихъ частичекъ, оставшихся въ горну при накалываніи желѣза...) иногда съ присоединеніемъ денежной платы въ размѣрѣ 50 коп.»¹⁾ При чемъ тутъ «артель изъ кустарныхъ промысловъ? Или вотъ еще интересный «фактъ». «Въ Берднскомъ уѣздѣ Таврической губерніи обществомъ с. Андреевки въ половинѣ 70-хъ годовъ устроены кирпичный заводъ.. Общество нанимаетъ подрядчика за 5 руб. отъ тысячи выжигаемаго кирпича; рабочахъ подрядчикъ нанимаетъ отъ себя»²⁾. Если въ этомъ случаѣ мы и имѣемъ дѣло съ артелью, то, конечно, съ артелью совсѣмъ особаго рода: вѣдь нанимаемые подрядчикомъ рабочіе въ нее не входятъ. Но г. Воронцову это все равно: какъ только «фактъ» имѣетъ отношеніе къ «обществу», хотя бы общество состояло изъ экслуататоровъ, г. Воронцовъ зачисляетъ его по вѣдомству «артели въ кустарномъ промыслѣ». Благодаря этому числу «фактовъ» растетъ, а «станицы исторіи» народники,

¹⁾ Тамъ же, стр. 61.

²⁾ Тамъ же, стр. 74—75.

исцѣло поглощенные своимъ труднымъ дѣломъ, такъ же точно не замѣчаютъ невинныхъ хитростей своего теоретика, какъ не замѣнили Чичиковъ хитрости Собакевича, занесшаго Елизавету Воровья въ списокъ мертвыхъ душъ мужского пола.

Что мѣстами кузнецы-кустаря работаютъ у насъ по нѣсколькимъ человѣкъ въ одной кузницѣ, что горшечники пользуются иногда общимъ горномъ и т. д.,—это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнiю. Но унозаключать отсюда въ сильному развитiю артельного духа между кустарями на крайней мѣрѣ неспорно. Мы уже знаемъ, какъ отъывается объ этомъ пресловутомъ духѣ г. Исаскъ, изучившій его провалены на мѣстѣ, а не въ кабинетѣ. Теперь прибавимъ, что «артельный» мастерскiй не мѣшаетъ кустарю работать въ одиночку, своими собственными орудiями и пахъ своимъ собственнымъ матеріаломъ. При томъ же общiй мастерскiй часто обязанъ своимъ происхожденiемъ обстоятельствамъ, имѣющимъ очень мало отношенiя къ артельному духу. Вотъ, напр., какъ появились артельные кузницы въ гвездарномъ промыслѣ Нижегородской губери.

«Первое время по возникновенiю промысла шиповки (кузницамъ) ставили самостоятельные хозяева, которые держали у себя 12—18 работниковъ и работали наемнымъ трудомъ. Но когда промыселъ распространился и кузнецы познакомились съ характеромъ производства, пошло въ обыкновенiе только арендовать у хозяевъ мѣсто въ шиповкѣ, а промыселъ вести на свой страхъ, самому покупать или забирать сырой матеріалъ, самому его сбывать ¹⁾. Иногда въ уже выстроенныя шиповки стали вступать другiе владѣльцы, платя отъ 3—6 рублевъ, смотря по удобству мѣста, и такимъ образомъ выработывались формы артельного владѣнiя помещенiемъ. Позднѣе шиповки стали прямо ставиться артельными человѣкъ въ 14—18. Помѣщенiе (т. е. кузница), горнъ, мѣхъ, угли въ такихъ артельныхъ кузницахъ общiе, но *кузничья принадлежность: пелька, молотъ, гвездилка, насѣчки свои* (кур-

¹⁾ Не надо думать, что гвездари дѣлались, благодаря этому, самостоятельными производителями. Они работаютъ на слупщиковъ и, вичишь, только перемѣняли хозяевъ.

сивъ нашъ) ⁴⁾. Интересно, что кузнецы называют свои артельные кузницы *сулмырмым*: сулмырничать на местномъ языкѣ значитъ спорить, заводитъ тяжбы, какъ поясняетъ г. Плотниковъ ⁵⁾.

Уже на основаніи предыдущаго можно ожидать, что не много насчитаетъ г. Воронежъ *производительныхъ* артелей *между кустарями*. Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Самъ г. Воронежъ вынужденъ признать, что въ большей части кустарныхъ промысловъ *сотрудничество* возникаетъ не путемъ соединенія нѣсколькихъ самостоятельныхъ производителей, а посредствомъ *«смакыхъ капиталистическихъ предпріяній»* (курсивъ нашъ). Однако снѣ находятъ нѣсколько счастливыхъ исключеній изъ этого общаго правила. Именно въ каменоложномъ дѣлѣ «требуемое условіями производства объединеніе трудящихся часто достигается образваніемъ добровольныхъ и самостоятельныхъ артелей» ⁶⁾. То же самое замѣчается и при добычѣ «старотельныхъ» золота на Уралѣ. Наконецъ, смолокуреніе и витье веревокъ ведется иногда также артелями, состоящими изъ нѣсколькихъ членовъ. Насколько рѣдки и мало распространены такіе артели, — видно изъ собственнаго вѣдомства г. Воронцова. Объ артельномъ витьѣ веревокъ снѣ говоритъ намъ вотъ что: «въ сѣверной части Ардатовскаго уѣзда Нижегородской губерніи веревочно-придильный промыселъ существуетъ въ сс. Саконахъ и Липовѣ Саконой волости и дер. Билковѣ и Н. Лазаревѣ Мечасовской волости..

⁴⁾ Кустарные промыслы Нижегород. губ. Составлено М. А. Плотниковымъ. Нижній Новгородъ, 1894 г., стр. 210—211.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 211. «Кузнецъ со всеми принадлежностями и инструментами обходится отъ 40 до 50 руб. Такая дороговизна его создала артельному постановку кузницы и артельную работу въ ней. Но, работая артелью, членовъ 6—8, въ общей кузницѣ при артельномъ углѣ, каждый имѣетъ свое наковальное и работаетъ самостоятельно, нередко съ помощникомъ за свой счетъ (sic). Настоящей артели, «смакыхъ», въ смыслѣ общей выработки и дѣлежъ выручки, нѣтъ. «Переворугаша другъ у друга», говорятъ веждичные господами. Плотниковъ, тамъ же, стр. 206. Дайте такнмъ «артельцамъ» время, о которомъ такъ много говорятъ теперь народники; дайте имъ возможность заводить *собственными, оидельными* кузницами, и отъ артели у нихъ не останется даже слѣда.

⁶⁾ «Артель въ кустарномъ промыслѣ», стр. 97.

Наименше рабочих здесь 65 человек, а артель составляет из 2—3 семейств. В Кузнецком уезде Саратовской губернии артельная организация веревочного промысла существует в двух деревнях. В с. Верхнее Аблизове Анненковской волости промыслом занимается 37 человек. Веревочники обыкновенно заводят одну стань (стоимостью в 10 руб.) вдвоем или троим»¹⁾.

Читатель видит, что и веревочно-пряильный баобаб сь удобством пойдется в горник от резды. Артели для добывания смолы и сидки дегтя столь же величественны, как и веревочно-пряильны артели. «При господствующем нынѣ печном способѣ смолокурения, таковое производится в котлахъ, казанахъ или корчагахъ. При этомъ для производства операции выкурки нѣтъ надобности участия (читатель уже привыкъ къ слогу г. Воронцова и охотно извинитъ его неуклюжесть) въ ней многихъ лицъ, и потому промыселъ можетъ вестись самостоятельно, при помощи только членовъ семьи кустаря. Тамъ не менѣе, по нѣкоторымъ, не всегда, впрочемъ, определеннымъ даннымъ, смолокурение иногда ведется артелими»²⁾. А данными эти такого рода. «Новѣйшее изслѣдованіе промысла Вятской губерніи, произведенное земствомъ, не обнаружало (!) существованія артельной выкурки дегтя или смолы. Артельное смолокурение пользуется нѣкоторымъ распространениемъ въ Пермской губерніи. Такъ въ Шогринской волости Ирбитскаго уѣзда существуетъ артель изъ пяти смолокуровъ... По изслѣдованію въ началѣ 90-хъ годовъ, въ Петропавловской, Евапавловской и Мостовской волостяхъ Красноуфимскаго уѣзда насчитывается 88 смоло-дегтярныхъ заводовъ, въ томъ числѣ 60 дегтярныхъ, 2 смолокуренныхъ и 28 смѣшанныхъ... Артельныхъ заводовъ 19, принадлежащихъ 39 смолокурамъ, 16 артелей пятъ по 2 члена и 3 артели по 3 члена»³⁾. Не много артелей, и не велики оны! Но и эти микроскопическія производительныя артели, какъ муха въ колодѣ велькающія тамъ и сямъ въ кустарномъ промыслѣ, при первой надобности и возможности

¹⁾ Тамъ же, стр. 156.

²⁾ Тамъ же, стр. 148.

³⁾ Тамъ же, стр. 149.

приблизить къ *наемному труду и становящимся крошечными артелями предпринимателей*¹⁾. «Самостоятельный факторъ» народной экономической жизни быстро превращается, такимъ образомъ, въ *капиталистическій*.

Артельное добываніе каменнаго угля очень облегчается тѣмъ обстоятельствомъ, что оно ведется обыкновенно на общинныхъ земляхъ. Но такъ какъ мы уже знаемъ, въ какомъ положеніи находится теперь наша община, то можемъ легко представить себѣ, «насколько устойчивъ артельный принципъ» даже и въ этихъ отрасляхъ производства. «Горзавой» хозяинъ долженъ во всемъ уступать зажиточной деревенской добродѣтели, такъ какъ условія сдачи подъ артельную обработку общинной земли зависятъ отъ сельскихъ обществъ, въ которыхъ заправниками являются именно зажиточные и богатые домохозяева. При этомъ само собою подразумѣвается, что сельскія общества, при сдачѣ земель, руководствуются расчетомъ выгоды, а вовсе не отвлеченными соображеніями о желательномъ развитіи своей «общинной мысли». Случается, что они прямо спекулируютъ на землю этого рода. Такъ, въ с. Георгіевскомъ Славяносербскаго уѣзда «общество арендуетъ за 5,000 рублей у г-жи Муравьевой участокъ земли и уже отъ себя сдаетъ право разработки шахтъ (каменноугольныхъ) по разной цѣнѣ каждой артели»²⁾. Съ своей стороны артельники имѣютъ право «разбить свой пай на части и продать или передать другому одну изъ нихъ на известныхъ условіяхъ»³⁾.

Словомъ, денежное хозяйство на каждомъ шагѣ и самыми различными способами даетъ здѣсь чувствовать свою силу. Даже тамъ, гдѣ общество предоставляетъ каждому своему члену право заложить шахту и работать въ ней, какъ и сколько онъ хочетъ, право это сохраняется лишь до тѣхъ поръ, «пока не находятся предприниматели-капиталисты, желающіе взять у общества эту

¹⁾ См. сообщеніе г. Коваченка на стр. 148—149 той же книги.

²⁾ Сборникъ статист. свѣд. по Екатеринославской губ. Вып. 3-й, стр. 409.

³⁾ Тамъ же, стр. 415.

землю под разработку»¹⁾. Очевидно, при таких условиях артельный «принцип» имеет мало шансов на развитие.

Объ артелях в откопизить промыслах можно умолчать по той причине, что огромныйшее большинство их работает на хозяев и таким образом артельные организации только берегает предпринимателю издержки по надзору за работниками²⁾.

Но смотря на прословутый *общинный дух*, будто бы столь свойственный русскому крестьянину, мы далеко отстали от *синдикалистической* Запада в деле практического применения кустарями и ремесленниками принципа кооперации. Так, напр., в Англии уже в сороковых и пятидесятых годах вышешнего столетия кустари-субоняки стали заводить, на ко-

¹⁾ Так же, стр. 408.

²⁾ До какой степени это справедливо, показывает, между прочим, только что цитированный нами третий выпуск Сборника статист. свед. по Экстерикославской губ. Из него видно, что конторы руднянцев в Донецком бассейне не только предпочитают нанимать рабочих артелями, но в платят каждому члену артели сумму в пользу сравнительно с рабочими наплатимыми по отдельности. «Если принять во внимание расходы администрации на всякого узника, то окажется, что рудняне держат при работах артелими значительно меньше администрация, а следовательно, и расход на нее становится меньшим» (стр. 366).

Артельный труд кустарных рабочих применяется в некоторых отраслях промышленности и в Англии (напр., в docks). Но, искуснившиеся в деле защиты своих интересов (наш продавец рабочей силы), английские рабочие смотрят на него очень неодобрительно (with much disfavour). См. D. F. Schlos, Methods of industrial remuneration, second edition, London, 1894, chap. VIII, sup. 61 и след.

Эти строки были уже написаны, когда мы прочитали, в октябрьской вышке «Новаго Слова», статью г. Воронцова: «Артели для подработки и издежки рабочих». Эта, пока еще неоконченная статья имеет целью показать широкое распространение артельного духа в русском трудящемся населении. Но эта его цель достигается так же мало, как и цель всех прочих писаний нашего автора. Статья показывает главным образом безнужность «артельного духа» в его сношении с капиталом. Не дурно доказывает она также и негодность артельной организации наемного труда для предпринимателей. Г. Воронцов приводит довольно поучительные в этом смысле «факты». Мы не ставим передавать их здесь, полагая, что выжиданный нами взгляд на артели наемных рабочих не нуждается в новых доказательствах.

оперативных началах, крупная механическая мастерская. В Германии производительными товариществами особенно распространены были между саксонскими ткачами: в Россгайм, Гроссентайф, Мейсбург, Каменц и т. д. Саганские суконщики уже в 1810 году положили основание своему, впоследствии сильно развилшемуся, производительному товариществу. Промышленность Шульце-Делича дала, как известно, новый и сильный толчок всему этому делу, которое, разумеется, не разрешило и не разрешит «социального вопроса», но во всяком случае ясно доказало, что для развития кооперативных стремлений экономической прогресс гораздо важнее «спасительной неподвижности» русских славянофилов и народников!).

Спасительная неподвижность, которая, по предположению славянофилов и народников, должна была сохранить в своей силе «общинный дух» нашего народа, на самом деле привела к совершенно противоположному результату. В настоящее время, кустари совершенно неспособны не только к успешному ведению, но даже просто к пониманию кооперативного дела «Во время объезда мебельной области—говорит г. Исаяв—мнѣ приходилось во многих селеніях вести съ столярами рѣчь объ ихъ жить-бытьѣ, о разныхъ сторонахъ ихъ промышленной жизни, указывать на всѣ неудобства ихъ положенія и спрашивать о тѣхъ мѣрахъ, которыя, по ихъ мнѣнію, всего будутъ полезны для устранения неудобствъ. Желая слышать сужденія столяровъ, я начертывалъ передъ ними складочное товарищество, указывая на всѣ преимущества подобнаго веденія дѣла передъ настоящимъ разрозненностью. Столяры видимо интересовались этимъ дѣломъ, но имъ обмененно не давалось его пониманіе. Какъ ни просто велась рѣчь съ моей стороны, какъ ни безхитростны были выраженія, оказывалось, что слушатели смѣливали складочное товарищество или съ комиссіонерствомъ, или съ заказами отъ казны».

!) О производительныхъ товариществахъ см. Г. Шмоллера: «Zur Geschichte der deutschen Kleingewerbe im 19 Jahrhundert». Halle, 1870, стр. 583 и слѣд.; его же дѣлано: «Die Entwicklung der deutschen Weberei im 19 Jahrhundert», Berlin, 1875, и также: «Промышленные товарищества во Франціи и Германіи», Андреа Исаява, Москва 1879.

Особенно мудреным находить они счетоводство и отчетность, с которыми должны вестись дела товарищества, и не понимать, как за это вытисля, как контролировать его операции. Из среды самих же поселян доходили до меня немногие голоса, говорившие о томъ низкомъ уровнѣ развитія, который можетъ затормозить новое начинаніе: въ деревнѣ Бухаревѣ одинъ столяръ, человекъ очень разумный и развитой выше большинства лицъ своего сословія, рассказывалъ мнѣ, какъ онъ, прочитавъ гдѣ-то въ газетѣ объ успѣшномъ ходѣ дѣлъ промышленныхъ товариществъ въ Германіи, Франціи и Англии, вздумалъ излагать это среди своихъ односельчанъ и убѣждалъ ихъ также завести что-либо на подобіе товарищества, склада и т. п. «Слушали они меня, слушали,—говоритъ онъ—да и назвали меня чуднымъ человекомъ, потому что я-де затѣваю дѣло какое-то новое и небывалое; чѣмъ больше и имъ рассказывалъ, тѣмъ больше они махали руками и подсмѣивались»¹⁾.

— Это происходитъ отъ неразвитости кустарей, скажутъ гг. народники. Когда распространится между ними образованіе, они легко будутъ справиться съ тѣми самыми трудностями кооперативнаго дѣла, которыя теперь кажутся имъ совершенно непреодолимыми.

Справедливо,—отвѣтимъ имъ. Но для распространенія образованія нужно время, а за время, нужное для распространенія образованія, наши старшес «устои», равно какъ и ими порождаемый «духъ», до такой степени сойдутъ на шты, что намъ уже нечего будетъ и сказать съ вашими свѣтлыми мѣропріятіями.

Что такое кустарь? Обыкновенно наши «интеллигенты» представляютъ его себѣ самостоятельнымъ производителемъ, который, правда, подвергается сильной эксплуатаціи со стороны купцовъ, но за то самъ никого не эксплуатируетъ и потому совершенно чуждъ всякъ грѣховъ капитализма. Это до такой степени распространенное представленіе, что г. Воронцовъ считаетъ нужнымъ отбросить его неправильность. «Не слѣдуетъ полагать, гово-

¹⁾ «Промыслы Московской губ.», томъ первый, выпускъ первый, стр. 91—92.

рить онъ, что обыкновеннымъ типомъ кустарной производственной единицы, при отсутствіи договорной артели, является однокочка—производитель»¹⁾. Дѣйствительно, «не слѣдуетъ полагать», тѣмъ болѣе не слѣдуетъ, что, по известному уже намъ замѣчанію г. Воронцова, въ большей части кустарныхъ промысловъ со-трудничество достигается путемъ возникновенія мелкихъ капита-листическихъ предпріятій. Г. К. Вернеръ, изслѣдовавшій 1889—90 гг. кустарные промыслы Богородскаго уѣзда, опредѣляетъ ку-стари такъ: кустарь есть сельскій промышленникъ, не порвавшій связи съ землей и работающій при помощи семейства и наем-ныхъ рабочихъ (числомъ не свыше 15) для рынка, а не по заказу случайнаго заказчика²⁾.

Прежніе изслѣдователи кустарныхъ промысловъ Московской губерніи не придерживались подобнаго опредѣленія, а лучше ска-зать не руководствовались равно какимъ опредѣленіемъ: «у Исаева я въ другихъ трудахъ статистическаго отдѣленія въ числѣ кустарей показаны промышленныя заведенія съ 20, 30, 50 и даже 500 рабочими»³⁾. Само собой понятно, что сельскій про-мышленникъ, эксплуатирующій, не говоримъ уже 500 или даже 50, а хотя бы только 10—12 наемныхъ рабочихъ, единственно по недоразумѣнію можетъ считаться чуждымъ грѣховъ капита-лизма! На самомъ дѣлѣ это мелкій буржуа, маловѣный капита-листъ, много терпящій отъ конкуренціи крупныхъ предпріи-мателей, не тѣмъ старательнѣе выжимающій соки изъ тѣхъ, кого нужда заставляетъ служить у него по найму. «Интеллигентъ», толкующій о помощи кустарямъ, я не подозреваетъ, что предла-гаемая имъ будто бы антикапиталистическія «мѣропріятія» прежде всего пойдутъ на пользу именно мелкимъ сельскимъ капита-листамъ. Это планъ трикомедіи!

Чтобы дать читателю возможность судить, какую роль играетъ мелкая сельская буржуазія въ кустарныхъ промыслахъ болѣе раз-

¹⁾ «Артель въ кустарномъ промыслѣ», стр. 4.

²⁾ «Кустарные промыслы Богородскаго уѣзда», стр. 3, въ Статист. Еже-годникъ Московской губ. за 1890 годъ.

³⁾ Тамъ же, стр. 3—4.

вѣтхихъ мѣстностей Россіи, мы укажемъ на положеніе дѣлъ въ Богородскомъ уѣздѣ Московской губерніи.

1. Издѣлія изъ глины.

а) Производство кирпича.

Кустарное производство кирпича въ Богородскомъ уѣздѣ, по многимъ причинамъ, падаетъ. За время отъ 1880 до 1890 года замѣтно сократилось и число мелкихъ кирпичныхъ заводовъ и общее число занятыхъ въ нихъ рабочихъ. По свѣдѣніямъ статистическаго отдѣленія Московскаго Губернскаго Земства, въ 1880 г. въ уѣздѣ числилось 220 мелкихъ заводовъ при 1413 рабочихъ, а г. Вернеръ насчиталъ тамъ всего 131 заведеніе съ 867 рабочими. Тамъ же не менѣе, въ 1890, какъ и въ 1880 году, кустарное производство кирпича было мелкимъ капиталистическимъ промысломъ. Вотъ цифры, хорошо выясняющія его характеръ.

Число заводовъ, Число рабочихъ
въ 1880 г. въ 1890 г. въ 1880 г. въ 1890 г.

Васильевская вол.				
с. Васильево	5	5	67	60
д. Вашикова	16	15	192	160
с. Кудиново	43	30	425	290
д. Каменна	2	1	9	5
с. Черенково	3	3	34	35
д. Бѣлая	24	16	297	80
д. Сафонова	4	3	26	18
д. Неагова	3	3	16	15
Итого	100	76	1066	683

Теренинская вол.				
д. Ефимова	21	15	88	57
с. Теренино	9	3	20	7
д. Логина	6	1	11	2
д. Савастьянова	15	4	37	9
д. Горбачиха	19	13	47	31

д. Козлова	27	7	56	14
д. Бывальня	2	2	4	4
д. Стремляникова	2	—	4	—
д. Назарова	2	1	14	10
д. Щекучова	2	2	7	7
Итого	105	48	287	141

Игнатьевская вол.

д. Улитыла	8	3	40	28
д. Саурова	1	1	6	6
д. Елсева	4	3	14	9
Итого	13	7	60	43
Всего	220	131	1413	867

В среднем, на каждый кустарный кирпичный завод приходится около 6,5 рабочих. Придерживаясь языка г. Воронцова, мы скажем: ясно, что сотрудничество достигается здесь посредством найма рабочих¹⁾.

б) Производство глиняной и полуфарфоровой посуды.

Оно составляет главный заработок крестьян Гжедельского района. «В этом районе, к которому относится северо-западная часть Карповской волости, горшечное производство давно уже перешло в фарфоровую и фаянсовую промышленность, принявшую капиталистический характер». Сравнительно с 1876 г., когда г. Исавль изследовал этот промысел, «общее число горшечных заведений несколько уменьшилось, но они стали крупнее; в 1876 г. на одно заведение приходилось 4,1 рабочих а теперь—7,3».

в) Раскраска фарфоровой и фаянсовой посуды.

По словам г. Вернера, промысел этот только с большой натяжкой может быть назван кустарным. «Обыкновенно крупный

¹⁾ Все эти данные, равно как и следующие, относятся к Богородскому уезду, мы заимствуем у г. К. Вернера: «Кустарные промыслы Богородского уезда».

фабрикантъ самъ не занимается раскраской посуды, а сдать эту работу (за определенную отдельную плату) отдельному предпринимателю, который уже отъ себя строитъ мастерскую, покупаетъ краски и нанимаетъ рабочихъ». Число рабочихъ у подобнаго предпринимателя доходить часто до 25 и даже 30. «Еще сравнительно недавно крестьяне раскрашивали посуду у себя въ долахъ... Но уже въ началѣ семидесятыхъ годовъ вся раскраска заключалась въ мастерскихъ, которыя постепенно приняла довольно солидные размѣры». Въ 1876 г. на одно заведеніе приходилось 7,6 рабочихъ, а въ 1890 г.—10,2. «Необходимо при этомъ замѣтить,—прибавляетъ г. Вернеръ—что мы посетили Гжелъ тотчасъ послѣ Пасхи, когда еще не всѣ мастерскія были въ ходу и въ самый разгаръ кризиса; притомъ и мастера вслѣдствіе старались уменьшить въ своихъ показаніяхъ число рабочихъ. По всей вѣроятности, въ дѣйствительности мастерскія еще крупнѣе».

2. Издѣлія изъ металловъ.

а) Производство различного рода издѣлій изъ меди, латуни и олова.

Оно распространено въ 14 селеніяхъ Повинской волости, въ мѣстности, извѣстной подъ именемъ «Зазарь», и въ 5 селеніяхъ Пльинской волости, лежащихъ въ южной части «Гуслицкаго» района. Сравненіе данныхъ, относящихся къ 1876 г. съ одной стороны и къ 1890 г. съ другой, показываетъ, что какъ въ Зазарь, такъ и въ Гуслицахъ число мастерскихъ нѣсколько уменьшилось. «Уменьшеніе это произошло въ первомъ изъ этихъ районовъ отчасти отъ перехода кустарныхъ заведеній въ крупныя (такъ, въ Алферовѣ у Ив. Фед. Шувалова теперь до 50 рабочихъ, у Шелуханова болѣе 16, у Лукинова 18; въ Перхуровѣ у Ив. Тинкова 17 рабочихъ и т. д.), отчасти вслѣдствіе сокращенія числа самыхъ мелкихъ заведеній, принужденныхъ прекратить производство. Во второмъ районѣ на ряду съ сокращеніемъ числа самыхъ мелкихъ заведеній возникли и крупныя. Въ общемъ кустарныя мастерскія стали нѣсколько крупнѣе... Намъ стороннихъ рабочихъ... сильно распространены».

б) *Производство канители из медной проволоки.*

Оно распространено в селениях Ивазовской и Новинской вол.

в) *Кузнечный промысел.*

Распространен по всей территории уезда, но имеет, впрочем, скорее ремесленный, чем кустарный характер.

«Характерная особенность всех трех промыслов данной группы заключается в дороговизне сырья, необходимого для производства. Кустарь, для того, чтобы быть самостоятельным и не подпасть в экономическую зависимость от кушника, должен располагать сравнительно большим оборотным капиталом». Неудивительно, поэтому, что наемный труд на кустарей-самоделов сильно распространен в этих промыслах.

3. *Издѣлія изъ рога, копытъ и кожи.*

а) *Приготовление гребней изъ бычачьихъ роговъ.*

Оно распространено в одномъ с. Хогѣича, гдѣ существуютъ уже болѣе 200 лѣтъ и охватили все село. «Всѣхъ гребенныхъ кустарныхъ (т. е. имѣющихъ менѣе 16 рабочихъ) мастерскихъ въ Хогѣичахъ мы насчитали 23,—говоритъ г. Вернеръ—изъ нихъ въ одной мастерской 2 рабочихъ, въ 4—3 и 4 рабочихъ, въ 8—5 и 6 раб., въ 5—отъ 7 до 9 раб., въ 1—12 раб. и въ 4—отъ 14 до 16 раб.; всѣхъ рабочихъ въ кустарныхъ мастерскихъ 178, но промѣ того столько же, если не больше, работаютъ на дому и въ мастерскихъ крупныхъ производителей (курсивъ нашъ).

Нужно ли отмѣтить то обстоятельство, что промыселъ этотъ, какъ и всѣ предыдущіе, имѣетъ характеръ мелкаго капиталистическаго промысла?

б) *Производство пуговицъ изъ копытъ и бараньихъ роговъ.*

Оно сосредоточено въ южной части Ильинской волости, гдѣ находится 23 пуговичныхъ заведенія съ 10½ рабочими. Какъ видимъ, наемный трудъ играть довольно значительную роль и въ этомъ промыслѣ. Да оно и не удивительно, потому что, по расчету г. Вераера, пуговичнику для одного устройства мастер-

ской на 3 рабочих необходимо около 300 рублей. Такими средствами могут располагать только зажиточные крестьяне «промышленники».

в) Кожевенное производство.

Встречается в Ильинской, Запоярской и Дарховской волостях. «Промысел этот только по числу работников принадлежит к мелкой промышленности; по оборотному же капиталу, необходимому на производство, он далеко превосходит средства среднего крестьянина. Устройство завода на 200—300 кож требует по крайней мере до 500 рублей основного капитала и вдвое и втрое больше оборотного».

г) Саножное производство.

Сильно распространено по всему уезду. Кроме сельских ремесленников, г. Вернерь насчитал 27 более или менее крупных кустарных мастерских. Всех работников, занятых шитьем в этих мастерских, 215 человек. Вот как распределяются они между мастерскими разной величины:

сѣ	2	работниками	1	мастерская
>	3 и 4	>	5	>
отъ	5 до 7	>	7	>
>	8 > 10	>	7	>
>	11 > 13	>	2	>
>	14 > 16	>	5	>

Комментарии не нужны.

4. Ткачество.

«Мелких ткацких заведений, вмещающих от 1 до 16 станков, мы насчитали—говорить г. Вернерь—413 сѣ 4011 станками, при чем мы вовсе не считали тех крестьян, которые работают на фабрикантов и на конторы из хозяйской прижи и часто даже на домашнем станѣ. Таких станков по данным статистического бюро насчитывается не менее 18 тысяч».

Вообще в этом промыслѣ всецѣло господствует так называемая домашняя система крупнаго фабричнаго производства.

5. Мелкіе промыслы.

Въ эту рубрику г. Верверъ отнесъ нѣсколько мало распространенныхъ въ Богородскомъ уѣздѣ промысловъ: иконописный, деконный, портяжничій, шитье шапокъ и картузовъ и издѣлія изъ дерева. Экономическое значеніе этихъ промысловъ для уѣзда ничтожно. Но и въ нихъ эксплуатация наемнаго труда играетъ уже довольно значительную роль: такъ, въ деконномъ промыслѣ существуетъ всего 3 мастерскихъ; въ одной изъ нихъ въ 1890 г. было 3 рабочихъ, въ другой—8, а въ третьей—10, въ портяжничьемъ промыслѣ на каждую мастерскую приходилось около 7 (6, 8) рабочихъ и т. д.

Богородскій уѣздъ—едва-ли не самый промышленный изъ всѣхъ уѣздовъ Московской губерніи. Тѣмъ не менѣе, не надо думать, что преобладавшій въ немъ мелко-капиталистическій характеръ кустарной промышленности представляетъ собою что-нибудь исключительное. Въ другихъ уѣздахъ Московской губерніи мы видимъ то же самое. Такъ, въ малопромышленномъ Можайскомъ уѣздѣ кустарная промышленность имѣетъ всѣ признаки мелко-капиталистическаго производства. «Подъ именемъ кустарно-капиталистическаго производства мы разумѣемъ—говоритъ г. Погожевъ, ознакомившійся съ нимъ на мѣстѣ,—тѣ разнообразныя переходныя формы мелкихъ промысловъ, которыя съ одной стороны носятъ еще на себѣ характерныя черты кустарной промышленности, но съ другой требуютъ обладанія известнымъ торговымъ кредитомъ и небольшимъ капиталомъ для самостоятельнаго веденія дѣла. Съ другой стороны, такія переходныя формы исподволь усваиваютъ себѣ всѣ главнѣйшія атрибуты собственно капиталистическаго производства (*in sensu strictiori*)¹⁾. Кустарно-капиталистическія заведенія Можайскаго уѣзда представляютъ собою небольшія фабрички и заводы, на которыхъ работаетъ отъ 3—4 до 24—30 наемныхъ рабочихъ. Впрочемъ и эти заведенія быстро исчезаютъ. Изслѣдованіе г. Погожева застало Можайскій

¹⁾ Саят. извѣст. фабрич. завод. Можайск. Волоколам. и Звенигор. уѣздовъ. Москва, 1882, стр. 4.

уѣздъ «какъ разъ въ вѣнечномъ періодѣ уничтоженія фабрикой мелкаго кустарнаго и кустарно-капиталистическаго производства»¹⁾.

Въ Волоколамскомъ уѣздѣ почти нѣтъ другихъ кустарныхъ промысловъ, кромѣ мелкаго кустарнаго ткачества. Въ этомъ промыслѣ, по словамъ г. Погожева, ясно видно, «какимъ путемъ возникаютъ одна изъ другой... переходныя формы отъ кустари-крестьянина, работающаго у себя въ деревнѣ, къ отдѣльной отъ земли избѣ, хотя и при ничтожномъ участіи наемныхъ рабочихъ, а до болѣе или менѣе крупнаго мастера, сперва служащаго лишь посредникомъ между мѣстными рабочими и богатымъ фабрикантомъ-давальцемъ, а затѣмъ исаходивъ выростающаго въ самостоятельнаго предпринимателя, обладающаго сравнительно независимымъ кредитомъ и собственнымъ капиталомъ»²⁾.

Очень многія изъ этихъ фабричекъ возникли сравнительно недавно, въ семидесятыхъ годахъ. Но уже ко времени санитарнаго изслѣдованія Волоколамскаго уѣзда, т. е. къ началу восьмидесятыхъ годовъ, онѣ начали быстро «усваивать себѣ всѣ главнѣйшіе атрибуты капиталистическаго производства».

Впрочемъ, если нѣкоторые изъ бывшихъ кустарей быстро превращаются въ довольно крупныхъ фабрикантовъ (напр. Савковъ, Старшиновъ, Власовъ), то другіе, повидимому, уменьшаютъ размеры своего производства. Въ 1879 году общее число рабочихъ, занятыхъ на мелкихъ фабричкахъ, оказалось меньше, чѣмъ было въ 1871 году, хотя число фабричекъ значительно увеличилось. Это очень интересное явленіе, и мы удивляемся, почему до сихъ поръ никто изъ народническихъ публицистовъ не указалъ на него, какъ на новый примѣръ печальныхъ «судебъ капитализма въ Россіи». Чѣмъ вызвано было это явленіе и къ чему ведетъ оно на самомъ дѣлѣ? Слушайте.

«Дѣло въ томъ, что выработка земская оцѣнка, на которую единогласно сѣгуютъ всѣ мѣстные промышленники, а равно и трудность борьбы съ крупными предпринимателями въ Москвѣ и ближайшихъ къ ней мѣстностяхъ произвели раздоръ и не-

¹⁾ Тамъ же, стр. 3.

²⁾ Тамъ же, стр. 4.

равномерность условий конкуренции среди местных ткацких мастерских. Именно, одни предприниматели вынуждены были значительно сократить размеры своего производства и понизить до нефронтного минимума заработную плату ручных ткачей, тогда как другие промышленники, закрывая свои фабрики и раздавая основы на дома крестьянкам-ткачам, получают не малую прибыль от производства, пользуясь дешевой рабочей силой, но въ то же время не платя ни земскаго отбъочнаго сбора, ни промысловыхъ налоговъ. Понятно, что такую фабричную контору, такихъ очень много въ Волоколамскомъ, Богородскомъ и другихъ уездахъ, устроить гораздо легче, дешевле и выгоднѣе, чѣмъ выстроить и поддерживать отдѣльную фабрику. Этимъ объясняется то странное обстоятельство, . . . что у нѣкоторыхъ местныхъ фабрикантовъ нѣтъ ни одной самостоятельной фабрики, но за то на нихъ работаютъ по 200—300 и болѣе станиковъ въ отдѣльныхъ крестьянскихъ избахъ»¹⁾.

Такихъ виртуозовъ важны очень не мало. «Вообще говоря, нѣкоторые волости Волоколамскаго уезда представляютъ одну сплошную ткацкую фабрику, отдѣльными частями которой владеютъ нѣсколько предпринимателей, болѣе или менѣе сильныхъ, болѣе или менѣе держащихъ въ своихъ рукахъ все мѣстное население»²⁾.

Во избѣжаніе повтореній, мы не будемъ останавливаться на Звенигородскомъ уездѣ, гдѣ, по словамъ того же исследователя, «малые ткацкіе мастерки, выдержавъ упорную борьбу за существованіе, . . . обнаруживаютъ рѣзкое стремленіе къ переходу отъ кустарно-капиталистическаго производства къ сравнительно крупному ручному ткачеству»³⁾.

Въ Дмитровскомъ у. обнаруживаются, можетъ быть, иныя, чѣмъ гдѣ нибудь, современныя судьбы *кустарной промышленности въ Россіи*. Кустарные промыслы (напр. ткацкій, кожаный и др.) давно уже усвоили тамъ малый капиталистическій характеръ. Тамъ, по свидѣніямъ Матисева, въ 1871 году тамъ было

¹⁾ Тамъ же, стр. 71—72.

²⁾ Тамъ же, стр. 72, примѣчаніе.

³⁾ Тамъ же, стр. 129.

160 ручных ткацких фабричекъ, на которыхъ работало 1,300 человекъ. Къ началу восьмидесятыхъ годовъ многія изъ этихъ фабричекъ, подъ вліяніемъ конкуренціи со стороны крупныхъ предпринимателей, закрылись; другія уступили мѣсто уже знакомымъ намъ конторамъ, раздающимъ работу крестьянамъ на дому; наконецъ, третья превратились въ небольшія самоткацкія фабрики, уже ровно ничего обихаго не имѣющія съ кустарнымъ производствомъ ¹⁾.

Та же исторія съ документнымъ промысломъ. Именно, весьма многіе изъ прежнихъ мастеровъ, выработавшихъ поумнѣть и галунъ, прекратили производство, или же прсвратились въ простыхъ ткачей, работающихъ по найму у болѣе счастливыхъ мастеровъ, постепенно превратившихся въ довольно крупныхъ предпринимателей ²⁾.

¹⁾ А. Погожевъ. «Самыя высшія фабрик. завед. Дмитровскаго уѣзда». Москва, 1883, стр. 4 и 2.

²⁾ Тамъ же, стр. 5 и 247, примѣчаніе.

Это же слышимъ не отъ одного с. Погожева. Вотъ что говорилъ, почти одновременно съ г. Погожевымъ, г. И. Вернеръ, описывая кустарное ткачество Московскаго губерніи. «Большинство тѣхъ существующихъ фабрикъ средней величины возникли изъ кустарныхъ заведений ткацкихъ, гординыхъ и сѣдельныхъ фабрикъ Волоколамскаго уѣзда (оборотъ некоторыхъ достигаютъ всеобщихъ отъ тысячъ рублей) и до настоящаго времени прѣдьянныя работы ихъ работали на станкахъ, гдѣ заводили сытѣлку или ставились посредниками между ткачами и крупными производителями, а отцы основывали небольшую фабрику. Проходившія механическія заведенія Горской волости Коломенскаго уѣзда также ведутъ свое начало отъ кустарной швейц. значительная шерстяная и одыльная фабрика Егорова въ Клинскомъ уѣздѣ, еще въ 30 годахъ настоящаго столѣтія представляла собою небольшую сытѣлку, въ которой владѣлецъ ее, отецъ настоящаго владѣльца, работалъ на станкахъ наравнѣ съ другими ткачами; даже настоящій владѣлецъ состоитъ членомъ прѣдьянскаго общества той деревни, въ которой расположена фабрика; значительныя бархатныя фабрики Калянинскыя и Нахалова въ Богородскомъ уѣздѣ принадлежатъ также крестьянамъ, гдѣ которыхъ работали на фабрикѣ Солоньина въ томъ же уѣздѣ. Громадыя бумаготкацкія предпріятія Алексинской волости Бронницкаго уѣзда, обусловлены значительнымъ разлитіемъ ткачества въ окупавшихся селеніяхъ, сосредоточены въ рукахъ всеобщихъ предпринимателей, до сихъ поръ пользующихся крестьянскимъ наглядомъ; въ свое время они были ма-

Хотите знать, как обстоит кустарное дело в *Подольском* уезде той же губернии? Вот что сообщает нам о нем г. Деметьев: «...Этот вид обрабатывавшей промышленности все более и более принимает характер капиталистического производства, обшая в недалеком будущем совсѣмъ превратится въ рядъ болѣе или менѣе крупныхъ заводовъ и фабрикъ»... «Уже при огульномъ счетѣ — продолжаетъ г. Деметьевъ — т. е. когда всякій работникъ, разъ онъ самостоятельно, на свой страхъ, занимается какимъ либо мастерствомъ, считается представителемъ отдѣльной промышленной единицы, уже и при такомъ счетѣ все таки нельзя не замѣтить, что нѣкоторые изъ кустарныхъ промысловъ, напр. шпальный и канительный, носятъ въ сущности характеръ мелкихъ фабрикъ. На каждую шпальную мастерскую приходится въ среднемъ выводѣ по 7,5 рабочихъ, изъ которыхъ 6,4 наемные, и только 1 принадлежитъ къ семейству хозяина или есть самъ хозяинъ. То же самое слѣдуетъ сказать относительно канительныхъ и песточныхъ (мастерскихъ). Изъ частнаго описанія осмотрѣнныхъ заведеній, причисляемыхъ обыкновенно къ кустарнымъ.. видно, что почти все признаки, характеризующіе промышленное заведеніе какъ фабрику — на лицѣ»¹⁾.

Въ Коломенскомъ уездѣ фабричная промышленность развивалась довольно быстро. За періодъ времени отъ 1843 до 1883 года (года изслѣдованія этого уѣзда г. Деметьевымъ) «число фабричныхъ рабочихъ болѣе чѣмъ удвоилось»²⁾. Вместе съ абсолютнымъ увеличеніемъ числа фабрикъ и заводовъ шелъ процессъ

стержанъ, а теперь на нѣкоторыхъ изъ нихъ работаютъ до 1,500 крестьянскихъ. Парчевыя фабрики Руданова, Коловинныхъ, Вашихинныхъ, бумаготкацкія Баханова, Трехкина, Мироновыхъ — все были кустарными предприятиями, все принадлежитъ и теперь крестьянамъ и нисколько не связаны съ существующимъ въ окрестности кустарнымъ производствомъ». Сб. стат. свѣд. по Московской губ., отд. ход. стат., томъ VII, вып. III. Промыслы Московской губ., выпускъ V. Москва, 1883, стр. 27—28. Изъ кустарей известны и нѣкоторые крупные фабриканты Владимирской губ. См. у В. Ф. Самарского: «Фабрики, заводы и прочія промышленныя заведенія Владимирской губерніи». Владимиръ изъ Казань, 1890, стр. 15 и др.

¹⁾ Санкт. вѣстн. фабр. завод. Подольскаго у. Москва, 1883, стр. 1, 14, 17.

²⁾ Санкт. вѣстн. фабрикъ и завод. Коломенск. у. Москва, 1885, стр. 6.

концентрация производства. Такъ, по Самойлову въ 1843 году на каждую фабрику въ среднемъ приходилось по 61 рабочему, а по изслѣдованіямъ г. Дементьева, предпринятымъ сорокъ лѣтъ спустя, фабрика въ среднемъ имѣла отъ 106 (при наименьшемъ) до 140 (при наибольшемъ количествѣ) рабочихъ. Изъ некоторыхъ изъ самыхъ большихъ фабрикъ этого уѣзда (напр. наследниковъ Елиза. Моргуновой 320—360 раб.; Ив. Демкина—750 раб.; Щербачевыхъ до 1450 раб.; другихъ Щербачевыхъ до 1500 раб.; Василия Моргунова сыновей—богѣе 2000 рабочихъ) начали дыть какъ *небольшія кустарно-капиталистическія мастерскія*, «...И тѣ самыя условія,—замѣчаетъ г. Дементьевъ—которыя благоприятствовали ихъ развитію и росту, были залогомъ гибели между счастливыхъ ихъ конкурентовъ»¹⁾. Малыя кустарныя фабрички быстро исчезали: 12 такихъ фабричекъ съ 194 станами закрылись въ короткій промежутокъ времени 1878—1882 годовъ. Крупныя капиталы съ одной стороны, наемныя рабочіе съ другой, вотъ во что превращается теперь слой мастеровъ и мелкихъ фабрикантовъ, некогда выдѣлившіеся, благодаря своей относительной зажиточности, изъ «волны» кустарей, не располагавшихъ ничѣмъ, кромѣ своей рабочей силы.

Это тотъ самый процессъ «дифференціація деревенскаго населенія», на который мы (уже указывали, говоря объ общинѣ. Только здѣсь онъ, благодаря новымъ условіямъ, приобретаетъ новый видъ и новую силу. Нечего и говорить, что имущественное неравенство, вслѣдствіе и быстро растущее между крестьянами, какъ *промышленниками*, съ своей стороны способствуетъ усиленію неравенства между крестьянами, какъ земледѣльцами. Вотъ почему неравенство этого послѣдняго рода въ промышленныхъ губерніяхъ достигаетъ значительно большихъ размѣровъ, чѣмъ въ мѣстностяхъ отсталыхъ, не знавшихъ ни кустарныхъ промысловъ, ни сколько нибудь усовершенствованной обработки земли²⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 283.

²⁾ Крахмальные заводы могутъ устраиваться только тѣми крестьянами, которымъ удастся захватить болѣе или менѣе значительное количество земли. Вотъ почему кустарные крахмало-заводчики обыкновенно сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ огромную часть пахотной земли своей «общины». Въ

Кустари, работающій на фабриканта за издѣльную плату,—справедливо говорить г. Прилежаевъ—уже перестаетъ быть кустаремъ... Это... *domestic system*, домашняя система крупнаго производства, всецѣло относящаяся къ предпринимательской формѣ производства. Здѣсь кустарничество уже умерло¹⁾. Точно также умерло кустарничество и въ тѣхъ промыслахъ, гдѣ преобладаетъ система наемнаго труда въ мелкихъ мастерскихъ. Конечно, странно было бы упрекать г. Воронцова и ему подобныхъ въ то, что они, грома крупное капиталистическое производство, скромно умалчиваютъ объ эксплуататорскихъ грѣхахъ мелкой, «кустарной», буржуазии: у всякаго свой вкусъ; у всякаго свои пристрастія. Единственное, что мы могли бы въ этомъ случаѣ напомнить г. Воронцову,—это его обещаніе не обмануть общечеловѣческую идею въ классовую одежду. Но когда насъ увѣряютъ въ то, что промышленность, въ которой все болѣе и болѣе распространяется наемный трудъ и «домашняя система», представляетъ собою «народное хозяйство», чрезвычайно близкое къ чьимъ-то «идеаламъ» и способное вывести насъ на путь самобытнаго экономическаго развитія; когда намъ указываютъ на насъ, какъ на гордость и надежду Россіи, какъ на завяцаю отъ бѣдствій, идущихъ къ намъ съ лукаваго Запада, тогда мы крѣпко спрашиваемъ,—кого обманываютъ, кого хотять обмануть гг. Воронцовы: самихъ ли себя, насъ-ли съ вами, читатель, или же тотъ «народъ», объ экономическомъ «освобожденіи» котораго они такъ вѣрливо разсуждаютъ?

Конечно, намъ могутъ возразить, что не вездѣ же кустарная промышленность пришла въ такое положеніе, въ какомъ мы находимъ ее въ Московской губерніи; что даже и въ этой губерніи

д. Цибиво, Бронницкаго у., «184 душенихъ пашня, или 44,5% всей земли, принадлежной на 166 домохозяевъ, находится въ рукахъ всего только 18 заводчиковъ, причемъ на западѣ въ нихъ приходится по 10,7 душенихъ пашень, между тѣмъ какъ 52 исправныхъ домохозяевъ владѣютъ всего 172 пашнями или по 3,3 на дворъ.» Сб. статист. свѣд. по Моск. губ., отд. хол. ст., томъ VII, выд. I. Промыслы Моск. губ.; Выпускъ III, Москва, 1882 г. стр. 42.

¹⁾ Что такое кустарное производство? С.-Петербургъ, 1882, стр. 175.

сть промыслы, еще не вовлеченные въ процессъ капиталистическаго развитія. На это мы отвѣтимъ, во первыхъ, что болѣе развитыя мѣстности Россіи только показываютъ, какая экономическая судьба ожидаетъ мѣстности отсталыя, а во вторыхъ, что не вовлечены до сихъ поръ въ процессъ капиталистическаго развитія только тѣ промыслы, для развитія которыхъ требуется самый ничтожный средства производства. Какъ только необходимый размѣръ этихъ средствъ возрастаетъ во тѣмъ или другимъ причинамъ, какъ только капиталъ вступаетъ въ свои права, онъ тотчасъ же ведетъ за собой свои неизбежные капиталистическія послѣдствія.

Вотъ нѣсколько примѣровъ. Кустари-кожевники Курской, Харьковской, Полтавской и — отчасти — Черниговской губ. являются еще въ значительной степени самостоятельными производителями, типичными кустарями, какъ выражается изслѣдовавшій ихъ житейбытъ, г. Шевлягинъ. Каждый изъ нихъ работаетъ по большей части лишь съ собственной семьей, въ той же хатѣ, гдѣ живетъ, и вообще гораздо болѣе находится подъ властью земли, нежели промысла. «Капитализация» сдѣлала еще мало успѣховъ, хотя мѣстами (напр. въ Ахтырѣ) она и тамъ уже даетъ себя чувствовать. Но то въ Нижегородской губерніи. Здѣсь «мелкая кожевенная промышленность въ значительной степени потеряла кустарный характеръ, который она имѣла въ сравнительно недавнее время, и приняла характеръ мелкой заводской промышленности... Здѣсь уже довольно много крупныхъ кожевенныхъ заводовъ, нѣмнѣныхъ наемныхъ рабочихъ. Послѣднихъ вообще здѣсь значительно больше, чѣмъ самостоятельныхъ мелкихъ кустарей. Развитіе крупныхъ заводовъ сильно ограничило число послѣднихъ и оставило имъ только выдѣлку самыхъ низшихъ сортовъ товара для мѣстнаго потребленія» ¹⁾. Словомъ, здѣсь, въ этой болѣе промышленной мѣстности, великій Панъ уже уперъ въ кожевенномъ промыслѣ. Весь вопросъ теперь въ томъ, долго ли протянется его существованіе на отсталомъ югѣ Россіи.

¹⁾ Отчеты и разсужденія по кустарной промышленности въ Россіи, П. С.-Петербургъ, 1894, стр. 241 и 243—244.

Кустари Вятской губ., занимающиеся выделкой корзины и производством разного рода ладбай из лыка и коры, нуждаются въ сравнительно ничтожномъ «основномъ капиталѣ» (отъ 1 руб. до 15 руб.). Наемный трудъ почти бездѣиственъ въ этомъ промыслѣ: «если этиими работами занимаются сами хозяева со своими семьями, ученикомъ и работникомъ не держатъ» ¹⁾. А вотъ въ сапожномъ промыслѣ, гдѣ требуются уже нѣсколько болѣе дорого—хотя въ сущности все еще очень дешевые—инструменты и материалъ, появляются уже мастерскія съ наемными рабочими ²⁾. Въ скорняжномъ тулунно-овчинномъ промыслѣ появляются уже довольно крупныя *кустарныя заводы*. Наконецъ, въ кожевенномъ и клеварномъ промыслахъ наемный трудъ становится преобладающимъ ³⁾. Великій Плязъ умираетъ.

Таковы-то судьбы нашей «народной» промышленности: ей суждено частью исчезнуть въ борьбѣ съ крупными фабриками, частью быть поглощенной ими, а частью перейти въ мелкую капиталистическую промышленность. И эти судьбы, повторяемъ, въ значительной степени уже исполнились.

Великій (т. е. собственно маленький) Плязъ умираетъ! Это обстоятельство должно будетъ рано или поздно отразиться на міреозерданіи нашихъ интеллигентныхъ защитниковъ «народ-

¹⁾ Труды комиссии по изслѣзованію кустарной промышленности въ Россіи. Выпускъ XI. С.-Петербургъ. 1884, стр. 218. Впрочемъ, выделка буркакомъ падаетъ вследствие недостатка бересты. Бросившіе свой промыселъ, буратишки поступаютъ рабочими на кожевенныя заводы. Лапотный промыселъ требующій, какъ известно, немного «основнаго капитала», тоже падаетъ мѣстами частью отъ выворочиванія лыка, а частью отъ того, что развращаемые индустриализаціей крестьяне вселюбого обучаются теперь съ лыками. Это ужасно жаль! Плязъ всегда казался, что именно въ сапожномъ лапотномъ промыслѣ могли бы широко осуществляться самобытные «идеалы» лучшей части нашихъ народниковъ.

²⁾ Тамъ же, стр. 368.

³⁾ Въ кожевенномъ промыслѣ Слободского уѣзда «только на маленькихъ заводахъ сами хозяева и ихъ семьи занимаются промысломъ, на всѣхъ же остальныхъ занимаются рабочими»... (Тамъ же, стр. 313). Клеварный промыселъ Вятскаго уѣзда весь сосредоточенъ на довольно крупныхъ «кустарныхъ» заводахъ, при чемъ сами заводоуправляющіе лишь наблюдаютъ за ходомъ работъ, которыхъ исполняются иными рабочими». (Тамъ же, стр. 90).

ных» интересов. У нас вошло въ обычай твердить, что капитализм развивался и развивается у нас крайне искусственно ¹⁾ и что отъ, несмотря на всѣ усилія правительства, охватилъ у нас лишь незначительную часть промышленности, «объединивъ» ничтожное число рабочихъ. Оставши въ сторонѣ вопросъ о числѣ рабочихъ, занятыхъ у насъ въ крупной промышленности (объ этомъ мы поговоримъ въ другой разъ), мы замѣтимъ здѣсь, что наша кустарная промышленность, развивалась самымъ «естественнымъ» путемъ, съ своей стороны успѣла привести подъ власть капитала огромное число наемниковъ. Результаты «естественнаго» развитія нашей обрабатывающей промышленности сливаются, такимъ образомъ, съ результатами ея «искусственною» развитія; и тамъ, и здѣсь наемный трудъ, и тамъ и здѣсь крушение старыхъ «устоевъ», и тамъ и здѣсь торжество капитала.

Однимъ изъ важнѣйшихъ отличительныхъ признаковъ нашего экономического развитія было, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, отсутствіе того отдѣленія города отъ деревни, которое дало такой сильный толчекъ развитію производительныхъ силъ на западѣ Европы. Въ 1861 г. г. Корсакъ, основываясь на статистическихъ данныхъ, относящихся къ 1856 г., показалъ, что у насъ въ самыхъ промышленныхъ губерніяхъ пропорція городского населенія *меньше средней для цѣлой Россіи*. Такъ, между тѣмъ какъ въ Орловской губ. городское населеніе составляло 9,77%, въ Харьковской—10,72%, въ Киевской—10,88%, въ Таврической 18,38% и въ Херсонской—21,35%, въ Ярославской оно не превышало 8,2%, во Владимирской—5,87%—въ Московской (за исключеніемъ Московскаго уѣзда)—6,37% ²⁾. Это въ высшей степени важное обстоятельство; оно показываетъ, до какой степени деревня играла у насъ, въ промышленномъ отношеніи, роль города, и на сколько

¹⁾ Хотя и странно называть искусственнымъ развитіе такого способа производства, который, съ одной стороны, вызывался настоятельными потребностями государства, а съ другой,—при данныхъ обстоятельствахъ—не могъ быть замѣненъ никакимъ инымъ способомъ, но объ искусственности русскаго капитализма много говорить даже—вообще очень дѣльный и хвально-славный писатель г. Корсакъ въ своей книгѣ: «О формахъ промышленности».

²⁾ «О формахъ промышленности», стр. 210—211.

неосновательны тѣ, столь обычныя у насъ соображенія о нашемъ экономическомъ состояніи, которыя основываются на маломъ развитіи у насъ городского населенія. Малое развитіе городского населенія безспорно надолго задержало развитіе нашихъ производительныхъ силъ. Но оно не помѣшало сдѣлаться *наиболѣе промышленными* тѣми самыми губерніями, въ которыхъ пропорція городского населенія была *наименьшей*. Точно также оно не помѣшаетъ и разложенію старыхъ, азіатскихъ устоевъ нашей деревни, появленію въ ней новыхъ, болѣе *подвижныхъ* и потому болѣе *прогрессивныхъ* отношеній производителей въ общественно-экономическомъ процессѣ производства, — словомъ ей *вероятности*; напротивъ, оно придастъ этому процессу огромную, непреодолимую стихійную силу.

Какъ вліяетъ кустарный промыселъ на земледѣліе? Г. Воронцовъ утверждаетъ, что превосходно. Но г. Воронцовъ говоритъ это «грустно и некстати». Какъ думаютъ другіе изслѣдователи? Они даютъ на этотъ счетъ самыя противоположныя отвѣты: одни говорятъ, что очень плохо, другіе, подобно г. Воронцову, — что очень хорошо. Интереснѣе всего то, что и тѣ и другіе подкрѣпляютъ свои мнѣнія совершенно безспорными данными. Выходитъ, что промыселъ вліяетъ на земледѣліе и дурно, и хорошо въ одно и тоже время и въ одной и той же мѣстности. На первый взглядъ это представляется намъ явнымъ противорѣчіемъ. ✓

Но при болѣе внимательномъ отношеніи къ дѣлу противорѣчіе это легко разрѣшается. Надо только помнить, что кустарь во многихъ и многихъ случаяхъ ни мало не похожъ на того «самостоятельнаго производителя», какиаго его привыкли изображать наши народники. Вотъ, напр., не угодно ли вамъ прочесть слѣдующія строки изъ одного изслѣдованія В. С. Пругавина.

«Бумаго-ткацкій промыселъ вызвалъ здѣсь къ жизни мастерковъ и свѣтелочниковъ, болѣе или менѣе обособившихся теперь среди крестьянства въ особый слой закаточныхъ крестьянъ-промышленниковъ... Сельское хозяйство находится у нихъ въ сравнительно ~~очень~~ ^{нѣ} удовлетворительномъ состояніи; изъ 195 свѣтелочниковъ-земледѣльцевъ лишь одинъ обрабатываетъ землю наймомъ, а безхозяйныхъ среди нихъ совсѣмъ нѣтъ; 99,3% свѣ-

тезачинковъ обрабатываютъ землю сами и содержатъ почти вдвое больше скота, чѣмъ масса населенія»¹⁾.

Есть ли у васъ какія нибудь основанія для того, чтобы заподозрить правдивость показаній г. Пругавина? Мы думаемъ, что нѣтъ и потому говоримъ: вы должны согласиться, что *промыслы хороша вліянія на земледѣліе*. Значитъ мы приглашаемъ васъ послушать г. Исаева, который, конечно, также заслуживаетъ полного довѣрія съ вашей стороны.

«Правда, есть хозяева, составляющіе небольшое меньшинство, у которыхъ хорошее состояніе хлѣбопашества прямо зависитъ отъ успешнаго хода промысла; вы найдете у такого хозяина и больше скота, и больше удобренія, и лучшія жатвы; но эти примѣры единичны. Большинство же, не извлекая изъ промысловъ доходовъ больше, нежели нужно для покрытія издержекъ по поддержанію ихъ семей, ничего не вносятъ въ землю... Если промыслы мало содѣйствуютъ улучшенію земледѣлія, то нельзя не подмѣтить, что въ некоторыхъ мѣстахъ онъ даже прямо содѣйствуетъ упадку. Это замѣчается въ некоторыхъ мѣстностяхъ Богородскаго уѣзда, гдѣ многіе крестьяне оставляютъ земледѣліе и посвящаютъ себя промышленнымъ занятіямъ»²⁾.

Въ цитированныхъ нами строкахъ у г. Исаева рѣчь идетъ о вліяніи на земледѣліе *металлическихъ* промысловъ. Въ описаніи другихъ промысловъ мы находимъ у него тотъ же взглядъ. «Что промыслы ничего не принесутъ земледѣлію—очевидно, говорить онъ о *Гусельн*, районѣ гончарнаго производства. Если у крестьянъ-промышленниковъ и есть какіе нибудь излишки отъ веденія промысла, то они затрачиваются не на улучшеніе земледѣлія, а на какіе либо другіе предметы: или на расширеніе производства, или на самостоятельное веденіе промысла, если это мастеръ, или же на улучшеніе одежды, пищи»³⁾.

Какъ же согласить это свидѣтельство съ противоположнымъ ему свидѣтельствомъ г. В. Пругавина? Ясно, что это противорѣчіе

¹⁾ Сельская община, нустриные промыслы и земледѣльческое хозяйство Юрьевскаго уѣзда Владимирской губ. Москва, 1884, стр. 62.

²⁾ Промыслы Московской губ., томъ второй, стр. 77.

³⁾ Тамъ же, стр. 165.

можно развить, лишь становясь на точку зрѣнія развитія. Кустарные промыслы, какъ известно, возникли въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земледѣлю не приносилъ крестьянамъ достаточнаго дохода. Малопродуктивность земледѣлія непосредственно должна была выразиться въ плохомъ состояніи крестьянскаго хозяйства. Когда кустарный промыселъ явился новымъ источникомъ дохода¹⁾, домохозяева, естественно, воспользовались лишней копѣйкой для увеличенія своего инвентаря и вообще для устранения тѣхъ слабыхъ сторонъ земледѣлія, которыя особенно сильно дали почувствовать себя въ прежнее время. Крестьянское сельское хозяйство нѣсколько улучшилось. Вотъ напр., въ Нижегородской губерніи «въ числа надѣльныхъ дворовъ, занятыхъ ложкарнымъ промысломъ, не болѣе 21,7% (4,6% цѣлкомъ, а 17,1% частью) сдать свою пашню, тогда какъ по всему уѣзду процентъ надѣльныхъ дворовъ, сдающихъ свои надѣлы, равенъ 38,3% (7,6% цѣлкомъ, а 30,7% частью). Такимъ образомъ, отношеніе дворовъ, сдающихъ надѣлы, ко всему числу ихъ въ ложкарномъ промыслѣ даже благоприятнѣе для земледѣлія, чѣмъ въ среднемъ по уѣзду для надѣльныхъ дворовъ вообще»²⁾. Когда исследователь подумываетъ такое извѣніе, онъ такъ и говоритъ: промыселъ *недодерживаетъ* земледѣліе, а не *поддерживаетъ* его. Исследователь правъ. Тѣмъ болѣе правъ что на подмѣненномъ имъ извѣніи дѣло не останавливается. Изъ общей массы кустарей постепенно выделяется слой мелкихъ предпринимателей, подобныхъ тѣмъ мастерамъ и свѣтелочникамъ Юрьевского уѣзда, о которыхъ говорить въ вышеслѣдывающей нами вышѣ, г. Прутанинъ. Эксплуатируя чужой трудъ своихъ односельчанъ, слой этотъ, мѣстами имѣющій всѣ признаки значительной зажиточности, ставитъ свое сельское хозяйство на *очень прочную ногу*. Исслѣ-

¹⁾ Вообще говоря можно категорично констатировать тотъ фактъ, что большинство кустарныхъ промысловъ возникло сравнительно въ недавнее время, нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ, что даже въ промыслахъ, которые въ томъ или другомъ районѣ существуютъ, какъ говорятъ, «изстари», особое развитіе и наибольшее распространеніе получила только съ начала пятидесяти лѣтъ. В. С. Прутанинъ, «Кустари на выставкѣ 1882 года», стр. 51.

²⁾ Плотниковъ, «Кустарные промыслы Нижегородской губ.», стр. 142.

дователь опять подмечает это, и даже иногда стрелит на этом основании целую «программу» помощи кустарям, поднятия крестьянского земледелия и т. п. Пока программа эта красуется на бумаге (въ жизнь ни одна из этих программ пока еще не переходила), логика товарно-капиталистического производства по-прежнему дѣлает свое дѣло. Занятіе промышленью из второстепенною дѣлается главным источником дохода крестьян данной местности. Несмотря на свойственный крестьянину консерватизм, центр тяжести его интересов пріурочивается уже не къ земледѣлю, а къ промышленности ¹⁾. Излишки, получаемые от веденія промысла, затрачиваются, как мы это видѣли въ Гжели, уже не на улучшеніе земледѣлія, а на расширеніе промысла: мастерокъ превращается въ фабрикантика, а затѣмъ и въ настоящаго фабриканта, т. е. крупнаго предпринимателя. Для такого предпринимателя улучшеніе его крестьянскаго хозяйства не можетъ имѣть уже ровно никакого интереса. «Очевидно, говорить г. Исаявъ, если земли считается здравомыслищими горючниками (рѣчь идетъ о горючникахъ Гжельскаго района) привычнымъ имуществомъ, заслуживающимъ хотя бы того небрежнаго ухода, который завѣщаны отдаленными предками, то фарфоровый заводчикъ не придаетъ ей никакого значенія и считаетъ ее слиткомъ ничтожнымъ имуществомъ сравнительно съ капиталами, заключающимися въ его фабричныхъ строенияхъ, орудіяхъ матеріалахъ и това-

¹⁾ Г. Прилежневъ справедливо оспариваетъ странное мнѣніе г. Исаява (промыслы Моск. г., т. I, в. 1-8, стр. 68) что, подобность промысла даетъ ему возможность не принимать законовъ народно-хозяйственной науки. «Посмотрите на такъ называемыхъ подспорныхъ занятіяхъ российскихъ нашихъ крестьянъ, — говоритъ г. Прилежневъ — вы на каждомъ шагѣ видите, что изъ нихъ извлекается больше, нежели изъ земледѣлія, такъ что по количеству приносимаго дохода эти промыслы вовсе не составляютъ «*travail de terre perdu*», а являются въ бюджетъ крестьянскаго двора главнымъ источникомъ дохода, земледѣліе же дѣлается второстепеннымъ; достаточно бывать, что кустарь круглый годъ занимается только своимъ промысломъ, землю же его обрабатывается бабашъ, наемными братьями, дается въ аренду или, наконецъ, пустоуетъ, такъ что кустарь является земледѣльцемъ только *de jure*, а не *de facto*. Въ этихъ случаяхъ, если строго держаться теоріи подспорности, промыслы не могутъ уже быть называемы кустарными». Цит. соч., стр. 80—81.

рахъ. Говорить о значеніи для заводчика земледѣлія—то же, что говорить о значеніи подгородной дачи для купца, торгующаго въ городѣ»¹⁾.

Совершившіяся въ средѣ кустарей процессъ слесенія отражается и на ихъ отношеніи къ общинѣ. «Въ чисто земледѣльческой мѣстности, говоритъ г. Исаевъ, главнѣйшая собственность, земля,—принадлежитъ не отдѣльному лицу, а общинѣ, и каждый членъ ея привыкъ видѣть себя только временнымъ держателемъ того или другого участка. Среди крестьянъ-промышленниковъ выступаютъ на сцену другіе элементы, принадлежащіе ему, какъ полному, неограниченному, личному собственнику. Веди дѣло независимо отъ своихъ товарищей по ремеслу, появляясь на рынкѣ со своимъ товаромъ, исключительно на себѣ неся всю ответственность за его недоброкачественность, равно какъ и получая всѣ отъ него барыши, промышленники переносятъ то же воззрѣніе и на землевладѣніе. Принимаютъ къ свободному распоряженію своимъ движимымъ имуществомъ, своими подносами, наделами (г. Исаевъ говоритъ здѣсь о металлическомъ промыслѣ), крестьянинъ-промышленникъ хотѣлъ бы столько же свободно располагать и землею. Дѣйствительно, въ некоторыхъ мѣстахъ, напр., въ Троицкой волости, у подносчиковъ стремленіе къ личной поземельной собственности видно въ рѣдкихъ передѣлахъ угодій: послѣ освобожденія крестьянъ участки остались за тѣми же держателями, которымъ они достались въ 1861 году»²⁾.

Итакъ, кустарный промыселъ, очевидно, содѣйствуетъ разложенію общины. Но замѣйте, что это не всегда, а лучше сказать, что это бываетъ *только до поры до времени*. Въ той же самой Московской губерніи, въ которой кустари, занимающіеся металлическимъ промысломъ, обнаруживаютъ отрицательное отношеніе къ передѣламъ, гончары Гжельскаго района *передѣляютъ* землю, напротивъ, *очень часто*: иногда каждыя 2—3 года. «Казалось бы,—справедливо замѣчаетъ г. Исаевъ—что въ такомъ промышленномъ районѣ, какъ Гжель, гдѣ большая часть доходовъ извлекается изъ движимаго

¹⁾ Цитир. соч., т. II, стр. 165.

²⁾ Тамъ же, стр. 77—78. Напоминаемъ, что исследование г. Исаева появилось въ 1876 году.

частнаго имущества, гдѣ поселенію особенно часто приходится дѣйствовать на правахъ неограниченнаго собственника, у крестьянъ должна была родиться склонность и къ частному землевладѣнію, но этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ». Отчего же нѣтъ? «Я полагаю, говорить г. Исаявъ, что въ крестьянахъ эта склонность не развита именно изъ силу небольшого значенія земледѣлія въ ихъ бюджетѣ»¹⁾. Выходитъ, что если Гжельцы и не противъ передѣловъ, то единственно потому, что община уже не имѣетъ для нихъ практическаго значенія: какъ источникъ дохода, земли почти перестала существовать для большинства домохозяевъ. Выше мы видѣли, что въ Саратовской губерніи къ передѣламъ относятся безразлично (т. е. съ одинаковой легкостью высказываются, смотря по обстоятельствамъ, и за передѣлы, и противъ нихъ) домохозяева тѣхъ общинъ, гдѣ обладаніе душевнымъ надѣломъ не представляетъ ни большого интереса, ни большого убытка. Теперь, въ Гжели, мы видимъ подобное же равнодушіе, вызванное подобными же причинами. О Саратовской губерніи намъ извѣстно также, что тамъ равнодушіе къ передѣламъ замѣчается въ тѣхъ общинахъ, гдѣ много безземельныхъ. Въ Гжельскомъ райсѣ равнодушно относятся къ землѣ богатые кустари-заводчики. *Крайности сходятся.*

До сихъ поръ у насъ шла рѣчь о той части кустарой, которой удается накопить кое-какой капиталецъ, которая состоитъ изъ мастерковъ и фабрикантовъ. Но вѣдь появленіе этого слоя обуславливается разореніемъ большинства кустарей, превращеніемъ ихъ изъ самостоятельныхъ производителей въ работниковъ по найму. Какъ относится къ землѣ этотъ обездоленный слой производителей? Первоначально онъ такъ же судорожно держится за землю, какъ и за промыселъ. Но ему все труднѣе и труднѣе становится нести непосильную для него тяготу крестьянскаго хозяйства. Все большія и большія часть предстанителей этого слоя переходить въ разрядъ тѣхъ «дробей», тѣхъ «нулей цѣлыхъ», положеніе которыхъ такъ художественно изобразилъ Г. И. Успенскій. Все яснѣе и яснѣе видать эти «дробинки», что

¹⁾ Тамъ же, стр. 165. Курсивъ нашъ.

нимъ не справиться съ землею. Наконецъ, онѣ совсѣмъ забрасываютъ земледѣліе, возвращаясь къ нему лишь во времена промышленнаго застою.

Одинъ изъ фабрикантовъ-крестьянъ Покровскаго уѣзда Филипповской волости слѣдующими живыми красками изображаетъ земледѣліе мѣстныхъ кустарей-ткачей: «Землепашецъ!—съ Пасхи бросить фабрику, на Осминой примется ладить соху да борону. Ладить, ладить ведѣля двѣ, за сбрюу примется... Набереть коегдѣ сѣмянъ,—посѣять... Много-ли? Двѣ мѣры ржи, да двѣ гречи... Удружалъ! Пришло Успенье... Сколько намолотилъ? Четверть ржи да четверть гречи. Покажъ молотилъ, и свой былъ хлѣбъ, и кончилась мохотьба, и хлѣба нѣтъ!...»¹⁾ Правда, крестьяне-фабриканты вообще «косо поглядываютъ на землепашество»: оно отвлекаетъ рабочія руки отъ ткацкаго промысла. Но г. Харизомоновъ замѣчаетъ, что картина, нарисованная фабрикантомъ, «въ сожалѣнію», представляетъ не одну только пародію на действительность... «Но фабриканты только, но и сами крестьяне (напр. села Филипповскаго) совершенно степенно, хотя и не безъ горечи, смѣются надъ своимъ хлѣбопашествомъ» (стр. 93).

Въ районѣ села Кимры (Тверской губерніи) «сапожный промыселъ составляетъ до такой степени исключительное занятіе мѣстныхъ жителей мужского пола, что всѣ полевныя работы, кромѣ сѣнокоса, а также въ зимнее время и возка дровъ, отправляются преимущественно женщинами. Только въ сѣнокосъ, съ Петрова до Ильина дни или до перваго Спаса, мужчины оставляютъ свои занятія сапожнымъ мастерствомъ, помогаютъ женщинамъ во всѣхъ работахъ по кошенію сѣна, и въ то же время дѣлаютъ, такъ сказать, осмотръ всему своему домашнему хозяйству, занимаясь въ немъ необходимыми исправленіями и улучшеніями. Но въ самомъ селѣ Кимры и на это время мужчины не освобождаются отъ занятій по сапожному мастерству, а занимаются имъ, исключая праздничныхъ дней, круглый годъ: земли же своей, по большей части, отдають въ арендное содержаніе или въ-посу, или на другихъ условіяхъ,

¹⁾ «Промыслы Володк. губ.», выпускъ III, стр. 90.

накі кому покажутся выгодными. Во все время года, исключая праздничных дней, ежедневно работники, а также и мальчики, занимаются сапожным мастерством не менее 14 часов в сутки, съ 5 часов утра до 8 часов вечера, давая себе льготы только один час на обедъ. При такомъ распределеніи времени, едва ли ктонибудь будетъ въ состояніи исполнить какихъ-либо другихъ работъ по хозяйству *до* и *послѣ* работъ по сапожному мастерству»¹⁾.

Въ Нижегородскомъ уѣздѣ «исключимъ занятіемъ всѣхъ кожевниковъ является земледѣіе; тѣмъ не менѣе, кожевенный промыселъ представляется столь выгоднымъ, что мало по малу отгнѣсываетъ собой земледѣіе на второй планъ. Татарсковскіе кожевники заняты производствомъ круглый годъ, для полевыхъ же работъ нанимаютъ работника»²⁾.

Въ некоторыхъ обществахъ бывшихъ госуд. крестьянъ Ростовскаго и Мышкинскаго уѣздовъ гончарный промыселъ есть почти единственный источникъ существованія пресытнѣ. Холуйскіе иконописцы Владимирской губ. Вязниковскаго у., не только не занимаются хлебопашествомъ, но рѣдкій изъ нихъ умѣетъ запрячь лошадь. Въ селѣ Великомъ Ярославской губ., въ с. Безводномъ Нижегородскаго у., въ с. Богородскомъ Горбатовскаго у., въ Павловскомъ кустарномъ районѣ, въ Уламскомъ глеадарномъ районѣ Череповецкаго у. и т. д. и т. д. о земледѣльческомъ хозяйствѣ кустарей почти не можетъ быть и рѣчи. Наши народолюбивые «против-

¹⁾ *Материалы для изученія кустарной промышленности и ручной работы въ Россіи*, часть первая, С.-ПБ., 1872 г., стр. 172.

²⁾ Платиновъ, «Кустарные промыслы Нижегород. губ.», стр. 229.

Въ игрушечномъ промыслѣ Моск. губ., за исключеніемъ Сергіевскаго шледа, «мы не видимъ ни одного случая, когда бы человекъ, нѣкогда напашенную землю, не обрабатывалъ ее». Прекрасно! Новое доказательство правдыности народническихъ разсужденій. Однако «если раздѣръ производитель не совладаетъ лично заниматься обработкой земли, то производятъ металлическихъ игрушекъ нанимаютъ себе земельныхъ рабочихъ. Такимъ образомъ, въ производствѣ металлическихъ игрушекъ промыселъ и земледѣіе идутъ рука объ руку». (Промыслы Моск. губ., выпускъ II, составилъ И. Богдановъ, стр. 83). Это тоже идушно, но при чемъ здѣсь старые «устоя»?

ники капитализма» и сторонники соединения промышленности съ земледѣемъ прекрасно знаютъ все это. Но они стараются отговориться отъ неприятной дѣятельности, указывая на *исключительность* положенія кустарей, заброшенныхъ земледѣе.

«Въ большинствѣ случаевъ, — говоритъ, напримеръ, г. Н. Езерскій — упадокъ земледѣія вызывается какими нибудь причинами, заключенными въ немъ самомъ, — ничтожностью надѣловъ, плохимъ качествомъ почвы, обременительностью платежей...»¹⁾ Г.

Езерскій правъ. Но мы напомнимъ ему его же собственное положеніе: «чѣмъ меньше даетъ земледѣіе, тѣмъ больше должно быть изъ данной мѣстности кустарей», мы напомнимъ ему приводимыя имъ же слова Гацисскаго: «не родитъ земля хлѣба —

✓ родитъ кустаря; родитъ хлѣбъ — на кустаря вѣтурскаго»²⁾. Это значитъ, что еслибъ намъ крестьянныя быль хорошо обезпечены землей, то у насъ, можетъ быть, и совсѣмъ не развилась бы кустарная промышленность. Но мы говоримъ не о *возможныхъ*, а о *дѣйствительныхъ* существующихъ условіяхъ русскаго экономическаго развитія. А при этихъ послѣднихъ условіяхъ нельзя не счистаться съ тѣмъ фактомъ, что довольно значительная часть кустарей уже забросала земледѣіе, а другая и на менѣе значительная близка къ тому, чтобы его забросать.

Къ тому же земледѣіе забрасывается кустарями не только по причинамъ, не имѣющимъ къ промыслу прямого отношенія. Вотъ что говоритъ на этотъ счетъ самъ г. Езерскій: «Только высокой зароботокъ отъ послѣдняго (т. е. отъ промысла) или долгая привычка къ нему въ силахъ убавить въ кустарѣ интересъ къ своему надѣлу: скоряки подъ Арзамасомъ могли бы имѣть свой хлѣбъ весь годъ, но многіе (до $\frac{1}{2}$) не обращаютъ должнаго вниманія на землю, притомъ степень заботы о ней въ каждой семьѣ опредѣляется привычкой къ тому или другому роду занятій: въ Морозовкѣ, гдѣ промыселъ возникъ лишь 15—20 л. назадъ и ведется лишь въ $\frac{1}{2}$ домовъ, земледѣіемъ занимаются больше, чѣмъ въ Кирилловѣ и другихъ селеніяхъ, поголовно промышленно-

¹⁾ «Кустарная промышленность и ея значеніе въ народномъ хозяйствѣ», Москва, 1894, стр. 48.

²⁾ Тамъ же, стр. 39—40.

ных скорняжничеству. Подобно этому, обилие выгодных промыслов отвлекает жителей Чернорядской волости Балахнинского уезда от земли, не смотря на ее плодородие. Даже временное процветание промысла может нанести ущерб земледелию, как то было съ пуговичниками Богородского уезда въ 1877—1878 годах»¹⁾.

Какъ видите, дѣло происходитъ не совсѣмъ такъ, какъ хотѣлось бы изобразить его сторонникамъ соединенія промысла съ земледѣліемъ. Достаточно даже временнаго процветанія промысла, чтобы кустари забросали земледѣліе. Другими словами, какъ только промыселъ оказывается въ состояніи прокормить кустаря,—кустарь бросаетъ земледѣліе. Это давно извѣстно людямъ, внимательно относящимся къ нашему народному быту. «*Общее правило то, что чѣмъ выгоднѣе промыселъ, тѣмъ продолжительнѣе и срока жизни има*», говорилъ еще г. Корсакъ²⁾. Но это значитъ, что кустарь держится за землю только до тѣхъ поръ, пока и земельный его надѣлъ и промыселъ держатъ его, каждый съ своей стороны, въ полудюродномъ состояніи. Хотятъ ли гг. народники увѣривать такое положеніе дѣлъ?

Связь кустарныхъ промысловъ съ земледѣліемъ составляетъ, говоря вообще, необходимое слѣдствіе той помещельной политики русскаго государства, о которой мы говорили въ главѣ объ общинѣ. Посажелный на землю и обязанный платить за нее высокіе платежи, крестьянинъ естественно старается обработать ее, чтобы не платить «слуста»³⁾. Кустарь, забросавшій земледѣліе, не

¹⁾ Тамъ-же, стр. 49.

²⁾ «О формахъ промышленности», стр. 232, курить паль. Въ Яранскомъ у., Вятской губ., часть эквивалентъ занимаетъ промыселъ круглый годъ, между тѣмъ какъ другіе, болѣе значительная, посвящаютъ ему лишь около ста дней въ году (Труды вѣдомствъ по землѣ, куст. пр., вып. XVI, стр. 107 (5043). Имъ увѣрены, что круглый годъ занимаются промысломъ тѣ кустари, которые имѣютъ лучшіе заработки.

³⁾ «Причина такой привязанности коревитя, конечно, въ многовѣковой привычкѣ народа къ земледѣлію, которая находитъ поддержку во многихъ условіяхъ современной жизни; владѣніе землей, несущей значительные платежи, и сельско-хозяйственнымъ инвентаремъ уже затрудняетъ крестьянину переходъ въ классъ промышленнаго работника». Коереній, инт. соч., стр. 46—47.

сдѣлается общимъ правительствомъ до тѣхъ поръ, пока не разорится окончательно русский крестьянинъ, или русское государство не откажется отъ своей традиционной поземельной политики. Но къ чему привести насъ наше пресловутое соединеніе промысла съ земледѣліемъ?

1) Къ тому, что кустари-крестьяне, несмотря на то, что промыселъ иногда поддерживаетъ земледѣліе, въ общемъ обрабатываютъ свои надѣлы самыми первобытнымъ образомъ.

2) Къ тому, что кустари-крестьяне жалкими орудіями труда, съ огромнымъ напряженіемъ силъ, производятъ чрезвычайно жалкія издѣлія.

Иначе сказать:

1) Къ плохой обработкѣ земли.

2) Къ жалкой обрабатывающей промышленности. Или, еще короче, — къ жалкому состоянію нашихъ производителей и къ результату котораго неизбежно является жалкое положеніе производителей¹⁾.

Прекрасный результатъ, ради котораго стоить потрудиться «друзьямъ народа».

Г. Воронцовъ, стѣсывая соединеніе промысла съ земледѣліемъ, упреко твердо утверждаетъ, что только при этомъ соединеніи нашъ крестьянинъ можетъ быть занятъ въ теченіе цѣлаго года. Онъ доказываетъ это цѣлымъ рядомъ примѣрныхъ расчетовъ. Но если, работая цѣлый годъ, нашъ крестьянинъ произведетъ лишь то, что при другихъ условіяхъ производства — а слѣдовательно и при другихъ отношеніяхъ производителей — потребовало бы труда во много разъ меньшаго, то *ничего, кроме народной нищеты, изъ этого не выйдетъ...*

Во второй главѣ мы сказали, что наши старыя общественныя отношенія производителей ставятъ много препятствій на пути нашего экономическаго развитія. Теперь прибавимъ, что пресловутое соединеніе промысла съ земледѣліемъ есть одно изъ нихъ.

¹⁾ «Такъ здѣ производился городской и деревенскій вѣстрѣчанскіе рядовыя, вѣданыя кустаря, колочныя, гибельно для народа» — говорить г. Кагренскій (стр. 66). Гибельно, — потому, что кустаря обмануть нелегко до невозможнаго мнѣнью. Печальное преимущество!

Ему мы в значительной степени обязаны тем слабым развитием покупательной силы нашего населения, которое многие относят на счет капитализма. Мы страдаем не от развития капитализма, а от недостаточного его развития. Пора бы понять это всем тем, которые так долго и так постоянно «плачут» у нас «над цифрами», как выражался Г. И. Успенский.

«По мере того, как кустари сосредотачиваются на промыслах, — говорит г. Езерский — специализируются и земледельцы: освободившись от забот ремеслом, арендуют у них заброшенные участки, соединяя в своих руках количество земли, достаточное для успешного ведения полевого хозяйства... Во всяком случае, эта централизация представляет важное явление в деревенской жизни; если она обезземеливает часть сельского населения, то интересы самого земледелия могут от нее только выиграть, так как, благодаря ей, те, в чьих руках сосредотачивается земля, получают возможность вести правильное хозяйство, извлекать из нее такой доход, какого она не могла бы дать, будучи разбита на прежние мелкие участки. Не нужно забывать, что здесь дело идет не о замене мелкой культуры крупной, а только о соединении слишком дробных участков в такие, которые допускают правильное хозяйство»¹⁾.

В других местах своей книги г. Езерский повторяет, вслед за Харизоменовым, что именно *средний промышленник сильнее всего других держится за землю*. Это справедливы и в то же время многозначительны слова. Они показывают, кого именно имеют в виду; с чьими интересами приспосабливать свои «программы» наши вышние защитники старых «устоев».

Как бы там ни было, но современное положение нашей деревни таково, что твердить о хорошем влиянии промыслов на земледелие значит насмехаться над той массой безхозяйных крестьян, которая все больше и больше увеличивается в настоящее время. Г. Воронцов, избравший целью своей жизни идеализацию *мелкого буржуа деревни*, может совершенно игнорировать судьбу этой массы. У него кустари непременно *«обладают лошадьми»*; ясно, что безлошадные совсем *«испадают»* из его поля зрения.

¹⁾ Цит. соч. стр. 50—51.

Но человек, дорожащий интересами деревенской бедноты, не может не считаться с тем процессом дифференциации в среде кустарей, который очень далеко зашел уже и в настоящее время и который имеет все шансы пойти гораздо дальше в будущем¹⁾. Такой человек без труда поймет также, что напр. кимрский сапожник или павловский замочник, вовсе не занимающийся земледелием, не согласится с г. Воронцовым, который утверждает, что «доходы от хлебопашества обезпечивают кустарю удовлетворение первичных потребностей» и потому позволяют ему довольствоваться «*нижней заработной платой*». — Наша «*салата*» действительно низка — сказал бы такой сапожник или замочник, — но берем мы ее вовсе не потому, что имеем будто бы, независимо от промысла, «кусочек хлеба». Наша бедность действительно велика, но чтобы хоть немного помочь нам, вы, «интеллигенты», должны прежде всего понять наше истинное положение, а не повторять на наш счет старая стереотипная фраза, давно уже потерявшая всякое значение. Очень возможно, что мы добрые и хорошие господа, горячо любящие тот воображаемый нами народ, с которым вы так почитесь. Но наше народолюбие приносит нам гораздо больше вреда, чем пользы.

Кустарь, работающий на деревенского «мастера», «фабрикантика», или на крупного капиталиста-скупщика, фактически становится самым пролетарием, появлением которого в деревни так боялся наши народники. Каково положение такого пролетария *in genere*? Пусть и на этот вопрос отвечают люди, исследовавшие положение дель на месте.

¹⁾ В Воронцовской вол. Под у. Моск. губ. (центр кружевного промысла) с 1869 по 1877 г. общее число лошадей, коров и малых свиней увеличилось; но в то же самое время увеличилось и число домашних птиц, вовсе не имеющих смысла. В 1869 г. процентное отношение безлошадных к числу свиней домашних равнялось 22,3%, в 1878 г. оно дошло до 28,3%, в 1880 г. процентное отношение безлошадных к числу свиней домашних равнялось 17,3, а в 1877 г. — 20. Рядом с этим увеличилось число домашних птиц, не обрабатывающих землю (Сб. ст. св. Моск. г., т. VI, вып. II, Промыслы Моск. губ. вып. II, «Круж. пр.», стр. 9 — 10). Это возрастание благосостояния меньшинства рядом с упадком экономической «самостоятельности» большинства — общеразрушающее у нас явление.

«Что касается до ткачей и вообще рабочихъ въ сѣтезкахъ и кустарныхъ избахъ, то положеніе ихъ далеко не завидно. Трудъ ихъ оплачивается дешевле, чѣмъ на крупныхъ фабрикахъ, и иначе и быть не можетъ: только дешевизна рабочихъ заставляетъ капиталиста дробить производство и разбрасывать его по всей площади уѣзда. Не будь этой погоды за дешевымъ трудомъ, производство давно бы сконцентрировалось въ большія фабрики. Средній дневной заработокъ ткача, выработывающаго бухажный тканъ, не превышаетъ 25—30 коп. или около 6—6 р. 50 к. въ мѣсяцъ, въ то время какъ на фабрикахъ онъ выработываетъ 12—14 руб. Продолжительность рабочаго дня у кустаря также длиннѣе, чѣмъ у фабричнаго... Truck-system, преслѣдуемая фабричными инспекторами на крупныхъ фабрикахъ, находится въ полной силѣ на мелкихъ фабрикахъ и сѣтезкахъ, понижая и безъ того скудный заработокъ ткача. Словомъ, съ вѣншей стороны положеніе кустарнаго ткача хуже фабричнаго. Но за то первый имѣетъ то громадное преимущество передъ фабричнымъ, что ткачество не отрываетъ его отъ земли. А это такое громадное преимущество, что уже ради этого слѣдуетъ поддерживать кустарное производство»¹⁾. Последнія фразы характерны для г. Вернера, какъ для человѣка, зараженнаго предрассудками народниковъ. Онъ такъ наивно откровененъ при этомъ, что—противъ воли г. Вернера—северенно разоблачаютъ утонченный характеръ «борьбы» народниковъ съ капитализмомъ. Низкая заработная плата, продолжительный рабочій день, truck-system—все это лишь «темная сторона» для г. Вернера. Суть же заключается въ томъ, что кустарный промыселъ не отрываетъ крестьянина отъ земли. Мы уже знаемъ, какъ относится промыселъ къ земледѣлію. Но если бы даже мы и не знали этого, то легко было бы видѣть, что люди, способные смотрѣть на самыя насущныя экономическія потребности какъ на простую, если вовсе не пустую, омытость, въ «друзья народа» не годятся. Но это мы замѣчаемъ мимоходомъ. По существу же дѣла, интереснаго намъ въ настоящую минуту, свидѣтельство г. Вернера относительно сильнѣйшей эксплуатаціи кустари сравнительно съ фабричнымъ рабочимъ тѣмъ дра-

¹⁾ К. Вернеръ, «Кустарные промыслы въ Богородск. уѣз., стр. 42—43.

гоциане для насъ, чѣмъ дальше отстоитъ его точка зрѣнія отъ нашей, и чѣмъ меньше, поэтому, сказанное имъ можетъ быть за-подозрѣно въ преувеличеніи ради предвзятой доктрины.

Другой исследователь, г. А. Погожевъ, такъ описываетъ взаимныя отношенія кустарной бѣдноты съ одной стороны и мастеровъ и фабрикантовъ — съ другой.

«Вобщемъ между мелкими мастерами и рабочими не заключаются при каймѣ писанныхъ письменныхъ условій. По словамъ некоторыхъ мастеровъ, рабочий можетъ когда захочетъ бросить работу, забравши впередъ деньги, а съ другой стороны еще большій произволъ существуетъ и въ отношеніяхъ самихъ мастеровъ къ своимъ рабочимъ. Подати за своихъ односельчанъ мастера уплачиваютъ обыкновенно прямо отъ себя старостамъ и старшинамъ, а впоследствии рабочіе зарабатываютъ деньги, отданныя за нихъ въ уплату недоимокъ, причемъ, въ случаѣ, если должникъ уйдетъ некая зароботка въ другихъ мѣстахъ, то кредитору предоставляется лишь возможность получить съ него по неполнительному листу по 3 руб. въ мѣсяцъ. Денежныхъ штрафовъ и взысканій съ рабочихъ не бываетъ, ибо, по словамъ одного мастера, «и радъ бы взять, да не изъ чего вычитать», такъ что приходится ограничиться бранью или увольненіемъ виновнаго рабочего. Но едва лишь мастерокъ начинаетъ входить въ силу, упрочиваетъ за собою кредитъ и мѣсто обыва, т. е. другими словами изъ мелкаго мастера, часто самаго работающаго на фабричкѣ вмѣстѣ съ своими дѣтьми, становится маленькимъ фабрикантомъ, такъ одновременно съ этимъ расширяются предѣлы эксплуатаціи рабочихъ и уменьшаются жалобы послѣднихъ на своихъ хозяевъ... Однимъ словомъ, каждая такая фабричка представляетъ маленькое, но до мелочей точное подобіе крупной мануфактуры, а часто даже превосходить послѣднюю, ибо мастеракъ нередко держитъ въ своихъ рукахъ все мѣстное населеніе, тогда какъ крупный фабрикантъ иногда, хотя и очень редко, опасается рисковать остаться безъ рабочихъ» (курсивъ г. Погожева), если слишкомъ круто будетъ обращаться съ фабричнымъ людомъ»¹⁾.

¹⁾ Свѣд. о послѣдств. фабрич. закон. Монаховъ, Волосовичевъ, и Заслаторъ-ульковъ, стр. 92.

Г. А. Погожевъ едва-ли не единственный въ своемъ родѣ русский изслѣдователь. Онъ замѣтилъ, наконецъ, того слона, котораго не хотѣли и до сихъ поръ не хотѣтъ замѣтить другіе русскіе изслѣдователи. Онъ повѣлъ, что крупная фабрика имѣетъ перель мелкимъ полукустарнымъ «заведеніемъ» по крайней мѣрѣ одно неоспоримое преимущество: собранная на ней трудящаяся масса приобретаетъ некоторую силу отпора, между тѣмъ какъ на мелкихъ фабричкахъ такая сила не существуетъ, и потому тамъ эксплуатация совершенно безпредѣльна. Только напрасно г. А. Погожевъ такъ доверчиво отнесся къ словамъ мелкихъ мастеровъ, которые выставили ему себя чуть-ли не жертвами своихъ вѣрныхъ рабочихъ. Во-первыхъ, слишкомъ знаменательно уже этотъ доводъ: и радъ бы взять, да не изъ чего вычитать. Почему же не изъ чего? Видѣ дѣлаются же вычеты изъ заработной платы фабричныхъ рабочихъ. Тутъ какъ будто что-то не договорено или г. Погожевымъ, или тѣми мастерами, слова которыхъ онъ приводитъ. Но что же могло быть недоговорено въ этомъ случаѣ? Только одно: нечего взять съ рабочаго потому, что и безъ того очень ужъ низка его заработная плата. Другими словами, «мастерокъ» такъ хорошо обдѣлываетъ рабочаго *прежде*, чѣмъ тотъ успѣваетъ тѣмъ или инымъ способомъ провиниться, что, когда является, наконецъ, поводъ къ наложенію на него штрафа, въ его карманѣ оказывается абсолютная пустота, и мастерку остается только *ругаться*. Г. Погожевъ прибавляетъ, что мастерокъ можетъ также «уволить виновнаго рабочаго». Но г. Погожевъ забылъ, что, по его же собственнымъ словамъ, мастера платятъ за своихъ рабочихъ *подати*, которыя тѣ зарабатываютъ послѣ своихъ трудовъ. «Уволить» задолжавшаго рабочаго значитъ потерять деньги, внесенныя за него въ волостное правленіе, — что, разумѣется, вовсе не въ интересахъ мастера. Поэтому на самомъ дѣлѣ мастера не «ограничиваются» бранью или увольненіемъ рабочаго, а обращаются въ то же волостное правленіе, которое, какъ извѣстно, располагаетъ многими, весьма внушительными средствами исправленія «рабочаго». Однимъ изъ этихъ средствъ является указанный нами выше фактъ *сочема* задолжавшихъ кустарей по жалобамъ ихъ вѣнimatorsей. Жаль, что г.

Погожевъ не освидѣдился у бесѣдованныхъ съ нимъ мастеровъ, прибѣгаютъ или не прибѣгаютъ они къ воздействию на рабочаго черезъ посредство волостного правленія. Очень можетъ быть, что они откровенно сознались бы ему въ этомъ. А если бы и не обнаружили они столько откровенности, то г. Погожевъ могъ бы узнать правду отъ рабочихъ или, наконецъ, сообразить, что инвентаріи, несомнѣнно вѣщанія мѣсто въ Повровскомъ уездѣ Владимирской губерніи, заѣрное повторяются при прочихъ равныхъ условіяхъ и въ Волоколамскомъ уездѣ Московской губерніи. А что въ данномъ случаѣ условия равны, т. е. что кустари и тамъ и здѣсь закабалены мастерами, это видно изъ словъ самого г. Погожева ¹⁾.

Сама рабочіе прекрасно знаютъ, что для нихъ лучше и выгоднѣе работать на крупнаго предпринимателя, чѣмъ на деревенскаго мастера или фабриканта. Поэтому они при первой возможности покидаютъ мелкихъ свѣтскихъ, чтобы пристроиться на крупныхъ фабрикахъ. «Достойно вниманія,—говоритъ г. Погожевъ— что... всѣ мѣстные крестьяне, при махнѣйшей возможности, стремятся уйти на фабрики, ближайшія къ Москвѣ, не охотно и не надолго оставаясь на мѣстныхъ (мелкихъ, полукустарныхъ) льнопрядильныхъ фабрикахъ: фактъ этотъ... объясняется... причинами, изъ которыхъ достаточно будетъ указать лишь на значительную разницу въ заработной платѣ на мѣстныхъ фабрикахъ и на ближайшихъ къ Москвѣ ²⁾. Въ Судяковской волости того же уѣзда «большинство взрослого мужского населенія уходитъ на другія, болѣе крупныя фабрики, такъ что на долю мѣстныхъ мастерскихъ и мелкихъ фабрикантовъ остаются, такъ сказать, *оборотни*: большей частью пожилыя женщины и тѣ въ рабочихъ-мужчинъ, ко-

¹⁾ «Въ настоящее время почти всѣ работники (въ разговорѣ «кустарники» промыслѣ Московской губ.) находятся въ долгу у хозяина; цифра долга одного работника иногда доходитъ до 100—150 руб., тогда какъ прежде, рѣдко превышала 50 рублей. Рядъ задолжавши хозяину порозничную сумку, работникъ рѣдко или вѣрнѣе совсѣмъ не находитъ возможности проплатить уплату долга». Промыслы Моск. губ., выд. I, составили Н. Орловъ и Н. Богдановъ, Москва, 1879, стр. 261.

²⁾ Санитарное вѣстн. фабр. завод. Рузскаго уѣзда, стр. 75—76.

торымъ, почему-либо, нельзя уйти на сторону. Отсюда понятно, что постоянныхъ рабочихъ на данной фабрицѣ почти совсѣмъ не бываетъ, ибо всякій рабочий, поживъ некоторое время на фабрицѣ (т. е. опять таки на мелкой, полукустарной фабрицѣ), направляется въ Москву»¹⁾.

На мелкихъ бумаго-ткацкихъ фабрикахъ Коломенскаго уѣзда «за стенами работаютъ всегда только женщины, при томъ рѣдко замужнія, обыкновенно же дѣвушки въ возрастѣ отъ 13 до 18 лѣтъ». Пингулы для ткачихъ «смотрятъ чаще всего члены ихъ семей,—старухи, дѣти»²⁾. Это тоже своего рода «обороши», съ которыми хозяйникъ можетъ дѣлать все, что хочетъ. «Несмотря на малый заработокъ, съ ткачихъ взыскиваются еще и штрафы. Конторы (съ которыми имѣютъ дѣло мастерки), не стѣсняясь штрафуютъ «за плохую работу» мастерковъ, а эти послѣднія съ анхвой выбираютъ вытѣнное съ ткачихъ... Намъ вѣрѣею приходится слышать на многихъ изъ описываемыхъ (т. е. полукустарныхъ), фабрикахъ, что ткачиха поработаетъ съ мѣсяцъ и «сбѣжитъ» (стр. 289).

Какъ видитъ читатель, сами рабочіе рѣшаютъ вопросъ, «идѣ лучше», въ пользу крупныхъ фабрикъ. Но «интеллигентные» исследователи, пренебрегающіе «вышшею стороною» дѣла, смотрятъ на этотъ вопросъ другими глазами. Ихъ неважность къ крупному капиталистическому производству заставляютъ ихъ идеализировать бытъ рабочихъ, эксплуатируемыхъ мелкими предпринимателями.

¹⁾ Тамъ-же, стр. 80.

²⁾ Демитъ-евъ, сказит. изсл. фабр. и зав. Коломенскаго у., стр. 287.— Странная эксплуатация дѣтскаго труда играетъ серьезную роль какъ въ западно-европейской «дожлившей», такъ и въ нашей кустарной промышленности (въ Германіи см. W. Stieba, Literatur, heutige Zustände und Entstehung der deutschen Hausindustrie, Leipzig, 1889; у насъ любое изслѣдованіе). Г. Воронцовъ, въраши своей задачей скрашивать печальную дѣйствительность, изображаетъ дѣло такъ, какъ будто дѣти кусторей, спуска и играа, учатся работать и «сами приступаютъ къ родителямъ», чтобы ихъ заставляли трудиться. «Очерки кустарной промышленности», стр. 106. «Примаскаательная работа», в которой нечестъ Фурье, открыта, наконецъ, въ нашей кустарной промышленности. Жаль только, что она продолжается иногда до 16 часовъ въ сутки!

Едва-ли не больше других усердствует по части этой идеализации уже цитированный нами г. Деметьевъ. Правда, онъ, подобно прочимъ исследователямъ, не могъ не замѣтить, что заработная плата ниже на мелкихъ фабрикахъ, чѣмъ на крупныхъ ¹⁾. Не могъ онъ также не увидѣть, что на мелкихъ, полукустарныхъ фабрикахъ не принимается рѣшительно никакихъ мѣръ, способныхъ хоть немного ослабить вредное дѣйствіе черезъ-чуръ продолжительной работы ²⁾. Тѣмъ не менѣе, вѣтъ къ какому выводу приходится онъ, описывая санитарное состояніе рабочихъ и вредныя условия производства на мелкихъ ручныхъ фабрикахъ Коломенскаго уѣзда.

«Всѣ эти условія олаживаютъ, однако, на рабочихъ мелкихъ ткацкихъ фабрикъ, повидимому, не болѣе, если не менѣе вредное вліяніе, чѣмъ извѣстныя уже изъ прежнихъ описаній условія на рабочихъ большихъ мануфактуръ. Мы говоримъ повидимому, ибо недостатокъ антропометрическихъ данныхъ по мелкимъ фабрикамъ не позволяетъ сдѣлать надлежащаго цифрового сравненія, которое тотчасъ бы рѣшило или во всякомъ случаѣ значительно уяснило бы вопросъ; другой путь его рѣшенія—подробная разработка заболеваемости и смертности въ ткацкихъ округахъ по сравненію съ таковою же среди рабочихъ большихъ мануфактуръ въ настоящее время совсѣмъ неосуществима. Что касается насъ лично, то надѣя тѣхъ рабочихъ мелкихъ ткацкихъ фабрикъ, которыхъ приходилось встрѣчать, заставляетъ насъ призвать ихъ въ лучшее санитарное состояніе, чѣмъ самоткачей на большихъ мануфактурахъ. Этими они, безъ сомнѣнія, обязаны двумъ очень важнымъ условіямъ. Первое изъ нихъ то, что они часть года, иногда довольно значительную—до 6 мѣсяцевъ, проводятъ на полевыхъ и домашнихъ работахъ, и это-то главнымъ обра-

¹⁾ «Наименьшій заработокъ на фабрикахъ Подольскаго уѣзда мы нашли, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ и малолѣтнихъ, — состоитъ онъ — въ маленькой бумаготкацкой фабрикѣ, косящей полукустарный характеръ». Санит. взглядъ на фабрич. завод. Под. уѣд., стр. 83.

²⁾ «Иногда учрежденій для рабочихъ и даже такихъ простыхъ необходимостей, какъ розрядки, на описываемыхъ фабричныхъ итѣ». Деметьевъ, исл. Коломенскаго у., стр. 289.

зомъ и парализуетъ тѣ вредныя условія, которымъ они подвергаются въ теченіе зимы. Второе—ткачи мелкихъ ручныхъ фабрикъ—не автоматы большихъ мануфактуръ, обязанные во что бы то ни стало по снѣтку быть на своемъ мѣстѣ и простоять у машины столько-то часовъ, они свободно располагаютъ собою и своимъ временемъ: они отдыхаютъ, когда устанутъ или когда хочется, они не насиловать себя и ихъ жизнь не сдавлена со всѣхъ сторонъ желѣзнымъ кольцомъ фабричныхъ распорядковъ ¹⁾.

Остатки въ стореѣ, какъ совершенно недостойную, басню о томъ, что рабочіе, закабаленные мастерами и фабрикантами, «свободно располагаютъ собою и своимъ временемъ, отдыхаютъ когда устанутъ или когда хочется» и т. д., мы замѣтимъ, однако, что наемныя дѣлныя работы дѣйствительно должны освѣжающимъ образомъ дѣйствовать на кустарей, кустаренныхъ однообразнымъ и чрезмѣрнымъ трудомъ въ зимнихъ рабочихъ помѣщеніяхъ. Въ этомъ заключается несомнѣнная выгода соединенія промысла съ земледѣліемъ. Но эта выгода покупается слишкомъ дорогою цѣною усиленной эксплуатаціи кустарей, эксплуатаціи, которая, съ своей стороны, доводитъ до ничтожныхъ размѣровъ ихъ заработокъ, лишаетъ всякой возможности сколько нибудь прочно заткнуть многочисленныя дыры ихъ земледѣльческаго хозяйства. Современный кустарь—не мастерокъ и не фабрикантъ—бьется въ настоящемъ безвыходномъ кругу. Съ одной стороны, его земледѣльческое хозяйство положительно не въ состояніи прокормить его съ семействомъ, и потому онъ буквально голодаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда его промышленный заработокъ падаетъ вслѣдствіе застоя въ промышленности. Съ другой стороны, его промышленный заработокъ, гораздо болѣе низкій, чѣмъ плата фабричному рабочему, не приноситъ никакой серьезной поддержки ему, какъ земледѣльцу, и его хозяйство все болѣе и болѣе падаетъ ²⁾. Поэтому,

¹⁾ Тамъ же стр. 292—293.

²⁾ „Въ 18 селеніяхъ Филипповской вол. (Покров. уѣздъ Владимір. губерніи), гдѣ развилось шелковое кустарное производство, на 816 лошадиныхъ дворовъ приходится 412 дворовъ безъ лошадей“ (ит. извѣст. г. Харламова, стр. 79). Безлошадные составляютъ такимъ образомъ, 33,8% общего числа дворовъ этой волости, вопреки отвлеченному положенію г. Верещака,

все болѣе и болѣе уменьшается превозносимая народниками выгода соединенія промысла съ земледѣлiемъ, соединенія, которое, въ свою очередь, все болѣе и болѣе отходитъ въ область преданія вѣдѣствiе возрастающей сдачи крестьянами своихъ надѣловъ¹⁾. «Населенiе всѣхъ волостей Верейскаго уѣзда—говоритъ г. Погожевъ—недостаточно вознаграждается за свой земледѣльческiй трудъ... Отсюда становится понятнымъ, что все крестьянское населенiе Верейскаго уѣзда постепенно забрасываетъ земледѣлiе»...²⁾ Таковы факты. Въ виду этихъ фактовъ народники только и ужьютъ что твердить о выгодахъ соединенія промысла съ земледѣлiемъ и о полезности и о прiятности «полевыхъ работъ». Святая простота!³⁾

гласшему: кустарь обладаетъ лошадыю. Въ Клязовской вол. Под. г. Моск. губ., «при надѣлѣ 3,2 дес. на рязанскую душу, крупнаго скота (лошадей и коровъ) приходится лишь 0,6 головы, на одного домохозяйства приходится лишь 0,7 лошадей и 0,9 коровы (зотъ силъ «нуля плыхъ»).... Домохозяйствъ, въ которыхъ лошадей, насчитывается до 4%, а въ которыхъ коровъ, до 30%» и т. д. Промыслы Моск. губ. вып. I, стр. 228. Въ явномъ положенiи помещать безлошадные кустари, см. въ томъ же выпускѣ. «Промыслы Истрин. губ.», стр. 22.

¹⁾ «Массовая сдача надѣловъ стала постояннымъ... явленiемъ... значительное число надѣльных домохозяйствъ надо считать фактически безземельными». «Аренда вѣст. надѣл.», «Русская Мысль», Мартъ 1893. Причиной возрастающей сдачи надѣловъ авторъ цитируемой статьи, г. К., считаетъ малоземелье и недостатокъ скота: «затрачивать цѣлый сезонъ на обработку влоши земли, выручкой съ котораго нельзя даже прокормиться, невыгодно»... Въ Петербургской губ. сдать землю именнo малоземельные. Въ Вятской, Подтшанской, Екатеринбургской губ. сдача обуславливалась недостаткомъ скота. Въ Московской губ. даже богатые крестьяне не находятъ иногда возможнымъ тратить время на обработку надѣла (см. стр. 1—2). Вотъ какъ и «полевыхъ работъ»

²⁾ Савинъ, шведск. фабр. заводъ Верейскаго уѣзда, стр. 22.

³⁾ Въ Паллонѣ, несмотря на дурныя гигиеническiя условiя, существующiя на фабрикѣ г. Кондратова, «работнiе предпочитаютъ жить болѣе веселымъ и довольнымъ, нежели самостоятельныя кустари». А. Субботинъ, Повесть по кустаршкѣ рассказъ и кустаршкѣ артели. С.-Петербургъ. 1893, стр. 26. Въ Тулѣ «многие кустари уже давно обратились въ наемныхъ рабочихъ, распродаютъ свои инструменты и даже свои избы и стали заниматься съ другими кустарями за 30—40 к. въ день. Какъ бы ужасно ихъ положенiе съ теоретической точки зрѣнiя, такъ какъ они въ самостоятельныхъ кустарей обращались въ наемныхъ рабочихъ, но на прiятнѣе самостоятельныя кустари иногда даже докладываютъ имъ» и т. д. Тамъ же, стр. 43. Вотъ какъ, прiятная

Замѣчательно, что между тѣмъ какъ народники съ ужасомъ смотрятъ на превращеніе мелкой кустарной (т. е. вѣрнѣе, уже полукустарной) промышленности въ крупную фабричную, самъ рабочий «народъ» рѣшительно предпочитаетъ фабрику «свѣтелкѣ». Мы уже говорили выше, какъ часто въ этихъ послѣднихъ работаютъ только «соборники». Теперь приведемъ напечатанную въ Статистическомъ Ежегодникѣ Московской губерніи за 1890 г. корреспонденцію одного крестьянина (Бронницкаго уѣзда), почти съ ненавистью и злорадствомъ говорящаго о мелкомъ полукустарномъ производствѣ.

«Въ нашей мѣстности имѣются болѣе или менѣе крупныя кустарныя и всѣ они въ настоящее время остались какъ разъ на мели; товаръ ихъ вовсе съ рукъ не идетъ... Столбовымъ фабрикантамъ товара ихъ и даромъ не надо. Вслѣдствіе сего неизменно пришлось имъ на время приковать свой кустарный промыселъ, да и включили мздоима на нихъ почти даромъ работамъ (sic!); платили кустары вѣсачамъ за штуку клѣтчатой шотландки или камлота изъ плохого матеріала въ 73 арш. 69 коп. и менѣе, которой самый бойкій ткачъ сработывалъ въ недѣлю не болѣе двухъ штукъ на 1 руб. 20 коп., тогда какъ отъ столбовыхъ фабрикантовъ работаютъ тѣкъ изъ лучшаго матеріала за штуку въ 40 арш. 90 коп. и 1 руб. 20 коп.; средней руки ткачъ сработывалъ три штуки въ недѣлю на 2 руб. 70 коп. и 3 руб. 60 коп. Конторы выдаютъ за работу деньги исправно, не навязывая какихъ-нибудь недоброкачественныхъ по высокой цѣнѣ харчи, какъ дѣлаютъ кустары».

Когда мы прочитали эту корреспонденцію, мы спросили себя: что произошло бы, если бы такое сообщеніе написалъ какойнибудь «левый» противникъ «устовъ» изъ интеллигенціи? Его обвиняли бы въ пристрастіи къ «столбовымъ фабрикантамъ», его называли бы «апологетомъ власти денегъ», и ужъ конечно редація «Ежегодника» забрковала бы его корреспонденцію, какъ не точную и недостоверную. Но авторъ сообщенія—крестьянинъ и притомъ, независимость нашихъ самостоятельныхъ производителей! Прощасяся, мы не видимъ ничего «ужаснаго» въ томъ, что они избавляются, наконецъ, отъ ихъ ужаснаго врага.

как замечает редакция, крестьянина, «хорошо знакомый условія работы». Показаніе такого человѣка отвести трудна, чѣмъ показаніе «интеллигента». И вотъ редакция «Ежедневна» не только печатаетъ это показаніе, но и признаетъ, что отмѣченная имъ разница въ мелкомъ и фабричномъ тлачествѣ «во всѣхъ... отношеніяхъ не въ пользу перваго». И дѣйствительно—«не въ пользу!» До такой степени не въ пользу, что авторъ корреспонденціи, почти съ любовью говоря о «столбовыхъ фабрикантахъ», рѣзко противопоставляетъ интересы «кустарей» интересамъ «жюкочей», т. е. трудящейся массы. На языкѣ корреспондента-крестьянина кустарь значить заѣванный эксплуататоръ. На языкѣ нашихъ пародниковъ кустарь значить «самостоятельный производитель». Чье опредѣленіе больше соответствуетъ дѣйствительности?

Выгода соединенія промысла съ земледѣльемъ сводится теперь, какъ мы знаемъ отъ самого г. Воронцова, къ возможности для работника довольствоваться нисшей заработной платой. Какъ ни полезны для организма «полевая работа», но и онѣ могутъ стать источникомъ его ближайшаго изнуренія, если физическая сила, затраченная на эти работы, не будетъ возмещаться хоть сколько нибудь питательной пищей¹⁾. Ну, а низкая заработная плата, которую, по словамъ г. Воронцова, всегда имѣть возможность взять кустарь, какъ извѣстно, не даетъ много средствъ для покупки питательной пищи. Вотъ почему въ нашей народной жизни встрѣчаются иногда удивительные парадоксы. Вездѣ на Западѣ считается аксіомой, что заболѣваемость и смертность въ промышленныхъ округахъ выше, чѣмъ въ земледѣльческихъ. Русская экономическая дѣйствительность превращаетъ эту аксіому въ по-

¹⁾ Въ шотландскомъ промыслѣ Моск. губ. рабочіе обыкновенно являлись на годъ, но при этомъ освобождаясь иногда себя свободн на двѣ—три дѣсятихъ недѣль, именно—на время полса. Промыслы Моск. губ. шш. I стр. 30. Мы ничего не имѣемъ противъ такого рода привилегій, но полагаемъ, что эти-же ихъ привилегіи не стоить держать кустаря-шотландца въ томъ же самомъ положеніи, въ которомъ онъ находится благодаря своему званию экономической амфибии. Въ кружевномъ промыслѣ Моск. губ. некоторыя женщины «омкунамиса» у своихъ семей они обязанности выдѣлать стволъ въ видѣ. См. шездд. г-жи Горбуновой по 2-му выд. «Промыслы Моск. губ.» (стр. 20).

доказаніе, которое нужно еще доказать и которое доказать едва-ли возможно. Вот что узнаем мы на этот счет от г. Эрисмана.

«По данным Осипова о распределеніи смертности по церковным приходамъ Московскаго уѣзда, относящимся къ пятилѣтію 1868—1873 гг., мы видимъ, что хотя приходы съ высокой смертностью и являются довольно разбѣнными по уѣзду, но все таки сильная смертность болѣе сосредоточивается въ сѣверозападномъ, сѣверовосточномъ и югозападномъ углахъ его, т. е. именно въ мѣстахъ почти полнаго отсутствія фабричной промышленности... Смертность въ 50—55 на тысячу жит., принятая Осиповымъ какъ средняя смертность для всего уѣзда, встрѣчается въ 35,18% изъ всѣхъ приходоѡ и въ 29,73% изъ приходоѡ съ фабричными заведеніями; смертность ниже средней мы находимъ въ 37,7% всѣхъ приходоѡ и въ 40,59% фабричныхъ приходоѡ; выше же средней смертность оказывается въ 26,9% изъ первой группы приходоѡ и въ 29,7% изъ второй. Последнія цифры какъ бы указываютъ на жите благопріятныя санитарныя условія въ промывленныхъ частяхъ уѣзда, но такой выводъ становится невозможнымъ въ виду того, что между фабричными приходами находится болѣе процентъ съ наименьшей смертностью, нежели между всеми приходами вообще»¹⁾.

Итакъ, сильная смертность болѣе сосредоточивается въ земледѣльческихъ приходахъ Московскаго уѣзда. Выходитъ, стало быть, что пресловутыя «полевныя работы» не спасаютъ крестьянина отъ вредоноснаго вліянія тѣхъ санитарныхъ условій, которыя особенно сильно даютъ себя чувствовать именно въ земледѣльческихъ округахъ Московскаго уѣзда. Какъ хотите, а это поразительный выводъ, способный привести въ замѣнательство любого изъ западныхъ ученыхъ. И онъ тѣмъ болѣе становится поразителенъ, чѣмъ внимательнѣе всматриваемся мы въ таблицы смертности, по разнымъ мѣстностямъ Московскаго уѣзда. *Самыя фабричныя его волости: Пехорская, Ростокинская, Митищенская, имѣютъ либо среднюю смертность, либо относятся къ разряду съ наимень-*

¹⁾ Санит. вѣстн. фабрич. зав. Москов. у. ч. 1-ая, Москва, 1882 стр. 55—57.

шей смертностью»¹⁾. Одинъ этотъ фактъ способенъ разрушить, какъ карточные домики, всѣ жалобы народниковъ на вредныя послѣдствія капитализма въ Россіи. Народники чувствуютъ это и потому стараются ослабить значеніе этого факта съ помощью разныхъ, болѣе или менѣе остроумныхъ, предположеній. Такъ напр., они ни разъ указывали на то обстоятельство, что значительная часть заболѣвшихъ на фабрикахъ рабочихъ увольняется и уходитъ на родину, если не попадаютъ въ городскія больницы. Въ случаѣ смертельнаго исхода ихъ болѣзни, такіе рабочіе не обозначаются въ церковныхъ книгахъ тѣхъ приходовъ, гдѣ они работали, и такимъ образомъ цифра смертности этихъ приходовъ понижается. Это справедливое соображеніе, и г. Эрисманъ не оставляетъ его безъ вниманія. Къ несчастью, соображеніе это не исчерпываетъ вопроса. Въ самомъ дѣлѣ, больныя дѣти не покидаютъ тѣхъ приходовъ, въ которыхъ они заболѣли. Поэтому, если бы санитарныя условія промышленныхъ мѣстностей Московскаго уѣзда были хуже тѣхъ же условій въ мѣстностяхъ земледѣльческихъ, то это прежде всего отразилось бы на смертности дѣтей: она непремѣнно была бы выше въ фабричныхъ приходовъ. Но этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Разница по отношенію къ дѣтской смертности между всеми приходами вообще и тѣми изъ нихъ, въ которыхъ много фабрикъ, не замѣчается. «Скорѣе можно было бы усматривать нѣкоторое преимущество на сторонѣ фабричныхъ приходовъ,—говоритъ г. Эрисманъ.—... Вообще наибольшая дѣтская смертность сосредоточивается на сѣверѣ и преимущественно на сѣверо-западѣ уѣзда (Дурьининская волость), гдѣ вовсе нѣтъ фабричнаго производства»²⁾.

По весьма понятной причинѣ, г. Эрисману очень трудно освоиться съ этихъ выводовъ. Онъ относится къ нему съ большимъ сомнѣніемъ. Онъ указываетъ на нѣкоторые отдѣльные фабричные приходы съ весьма значительною дѣтскою смертностью. Но эти исключенія не опровергаютъ въ его глазахъ общаго правила, которое онъ формулируетъ такими словами:

¹⁾ Тамъ же, стр. 58; курсивъ нашъ.

²⁾ Тамъ же, стр. 58—59.

«Въ общемъ итогѣ, насколько можно судить по материалу, обработанному Осиповымъ, оказывается, что фабрики не имѣютъ рѣзкаго вліянія на процентъ общей или дѣтской смертности въ соответственныхъ частяхъ уѣзда, и, какъ ни пагубна обстановка несчастнаго ребенка, родившагося въ душной атмосферѣ фабричныхъ казармъ, надобно, очевидно, сознаться, что и въ крестьянской и въ мелкопомѣстнаго гражданина встрѣчаютъ такіе же неблагоприятныя условія, предвѣщающія печальную участь доброй половины нарождающагося поколѣнія въ первый же годъ его жизни»¹⁾.

Съ своей стороны, мы повторяемъ, что какъ ни хороши съ гигиенической точки зрѣнія «полевая работа», но въ современной Россіи занимающагося ими «гражданина» окружаетъ такое множество неблагоприятныхъ условій, что полезное физиологическое дѣйствіе этихъ работъ сводится почти къ нулю. Поэтому, смѣлимы тѣ люди, которымъ хотѣлось бы, между прочимъ въ интересахъ гигиены, задержать превращеніе нашей кустарной, т. е. мелкой капиталистической промышленности въ такую же *крупную* промышленность. Слишкомъ ужь незначительны тѣ преимущества, которыя могутъ быть утрачены при этомъ превращеніи, и слишкомъ велики выгоды, которыя навѣрное приобретаетъ при этомъ рабочій классъ.

Первая изъ этихъ выгодъ заключается въ *возможности болѣе приближеннаго надзора надъ крупными фабриками*. На этихъ фабрикахъ гораздо легче обезпечить рабочимъ болѣе гигиеническія условія труда, чѣмъ въ маленькихъ полукустарныхъ заведеніяхъ. Уже и въ настоящее время оказывается, что въ Московскомъ уѣздѣ на крупныхъ фабрикахъ на каждого рабочаго приходится въ мастерскихъ болѣе кубическаго пространства, чѣмъ на мелкихъ. «Въ этомъ отношеніи—замѣчаетъ г. Эрисманъ—подтверждается выводъ, сдѣланный мною по поводу описанія фабричныхъ заведеній Клинскаго уѣзда, а именно, что въ общемъ, абсолютной величи-

¹⁾ Тамъ же, стр. 59. Г. Эрисманъ говоритъ (тамъ же, стр. 184), что на фабрикахъ Московскаго уѣзда рабочіе помещаются въ спальныхъ помещенияхъ тѣсно. «Надобно замѣтить, впрочемъ, прибавляетъ онъ, что... рабочіе живутъ на фабрикахъ, хотя бы и не такъ просторно, чѣмъ у себя дома въ избахъ».

ной мастерских определяется и их относительная величина»¹⁾. Правда, наши народники и отъ этого несомнѣннаго факта отговариваются глѣть соображеніемъ, что на мелкихъ фабрикахъ сильнѣе естественная вентиляция черезъ стѣны и т. п. Это соображеніе неоднократно высказывалъ, напр., г. Дементьевъ. Чтобы читатель могъ судить, насколько оно основательно, мы заимствуемъ у того же г. Дементьева описаніе мастерскихъ въ шпалномъ промислѣ Подольскаго уѣзда, имѣющемъ полукустарный характеръ.

«Содержаніе мастерскихъ вообще крайне грязное, онѣ метутся только нѣсколько разъ въ годъ (у г. Дементьева за этими словами слѣдуетъ въ скобкахъ вопросительный знакъ и замѣчаніе: «по словамъ рабочихъ»). Что значить это замѣчаніе? Хочетъ ли сказать г. Дементьевъ, что слова рабочихъ не заслуживаютъ довѣрія? Почему же?); наші бревенчатыхъ стѣнъ и всѣ находившіяся въ мастерской предметы, все покрыто пылью; на полу масса сора, оббиваемого лучками отъ пуха... волоса, состригаемаго съ мѣха... выстриженныхъ и брошенныхъ образцовъ мѣха, и т. д.. Результатомъ такого устройства и содержанія мастерскихъ выходитъ то, что тяжелый, застоившійся и отравленный воздухъ мастерскихъ полонъ пыли и пуха. Количество же воздуха на каждаго рабочаго при всемъ разнообразіи величины мастерскихъ... только рѣдко превосходитъ 1 куб. саж., до 1¹/₄ (максимум), обыкновенно же менѣе этого и до 0,4 куб. саж. Еще хуже устройство стирокъ...»²⁾.

Набавляемъ читателя отъ описанія «стирокъ» и спрашиваемъ его: что подѣлаешь при такихъ условіяхъ «естественной вентиляции»? Ясно, что тутъ нуженъ строгій санитарный надзоръ, а *этотъ надзоръ несравненно удобнѣе на крупныхъ фабрикахъ, чѣмъ въ полукустарныхъ мастерскихъ.*

Обыкновенно нашей народолюбивой интеллигенціи рабочій представляется не болѣе, какъ жалкимъ существомъ, отупѣвшимъ отъ непрерывнаго шума станковъ и безпробуднаго пьянства въ пенинги, выпадающіе на его долю, часы досуга. Г. Дементьевъ, долго изучавшій нашу фабричный бытъ, такъ прямо и вели-

¹⁾ Тамъ-же, стр. 181.

²⁾ Санит. вѣстн. фабр. завод. Подольскаго уѣзда, стр. 360—361.

часть рабочих *проносами*¹⁾. Мы совсем не отрицаем того, что русские—да и не одни русские—рабочие, къ сожалѣнiю, пьютъ подь часть много. Но неужели тѣ добрые и хорошие «любода», которые, занимаясь своими санитарными изслѣдованiями, имѣли возможность хорошо ознакомиться съ рабочими, замѣтили въ нихъ только склонность къ вину, только *извѣстную слабость русскихъ писателей*? Неужели они не открыли ни одной свѣтлой черты въ характерѣ нашего фабричнаго рабочаго? Какъ не открытъ,—открыли! Но характеръ фабричнаго рабочаго, не смотря на свои свѣтлыя черты, противорѣчить «идеаламъ» народниковъ, а потому, народники, говоря о немъ, вообще, предпочитаютъ рисовать его одними черными красками. Такъ какъ мы давно уже освободились отъ народническихъ предрасудковъ, то мы можемъ взглянуть на дѣло болѣе безпристрастно, а потому и болѣе справедливо.

Просимъ читателей обратить вниманiе на слѣдующую таблицу, относящуюся къ Вогоредскому уѣзду Московской губернии.

Группа волостей.	Процентное отношенiе грамотности къ наличному населенiю.	
	Муж.	Жен.
1) Весьма промышленныя	38,41	6, 8
2) Сравнительно промышленныя	36,63	5,27
3) Сравнительно малопромышленныя	35,69	3,84
4) Малопромышленныя	31,83	2,92
Среднее для всего уѣзда.	35,75	4,78

Исслѣдователь, у котораго мы заимствуемъ эту таблицу, совершенно правильно заключаетъ изъ нея, что *чѣмъ болѣе развита въ той или другой волости фабрично-заводская промышленность, тѣмъ болѣе распространена грамотность среди мѣстнаго*

¹⁾ «Съ другой стороны, и волостное начальство предпочитаетъ всегда получать все познательности отъ фабрикантовъ, ибо непосредственно отъ рабочихъ, крайне распущенныхъ и проносивъ, они не въ состоянiи собрать и десятой доли». «Фабрика, что она даетъ населенiю и что она у него беретъ», Москва, 1893, стр. 155. Речь идетъ о рабочихъ фарфоро-фаянсовыхъ фабрикъ Исс. губ.

населеніи»¹⁾. Это чрезвычайно интересное и важное явленіе. Оно какъ будто показываетъ, что, вопреки уиѣреніямъ гг. народниковъ, развитіе промышленности приноситъ съ собою не только пьянство и «распущенность» рабочихъ. Но можетъ быть оно вызвано какими-нибудь случайными причинами, не имѣющими прямого отношенія къ развитію промышленности? Какъ объясняютъ его наши изслѣдователи? Опредѣленіе всего высказывается по этому поводу г. Эрисманъ, который, указавъ на то, что въ 1881 г. въ Московскомъ уѣздѣ оказалось *одное* больше грамотныхъ, чѣмъ было ихъ не даѣе какъ въ 1869 году, замѣчаетъ: «Безъ сомнѣнія, мы здѣсь имѣемъ передъ собою результатъ полезной дѣятельности земства, обращающаго, какъ показываютъ отчеты уѣздной управы, усиленное вниманіе на распространеніе школы въ уѣздѣ. Впрочемъ, земству содѣйствуютъ въ этомъ отношеніи тѣ, правда немногочисленные, фабриканты, которые устроили при своихъ фабрикахъ начальныя школы»²⁾. Насколько сильно содѣйствіе фабрикантовъ земству, видно изъ того же изслѣдованія г. Эрисмана, гдѣ, на стр. 145 той же первой части, мы читаемъ: «училища составляютъ чрезвычайно рѣдкое явленіе на фабрикахъ Московскаго уѣзда; ихъ насчитываютъ во всемъ уѣздѣ не болѣе шести»³⁾. Къ тому же «работающіе на фабрикахъ дѣти посѣщаютъ школу весьма рѣдко: на основаніи имѣющихся данныхъ можно придти къ тому заключенію, что такихъ дѣтей учатся во всякомъ случаѣ не болѣе 100 чел., что составляетъ 6,7% всего количества работающихъ на фабрикахъ Моск. уѣзда дѣтей моложе 14 лѣтъ, число которыхъ приблизительно равняется 1500 человекъ»⁴⁾. Итакъ, не фабрикантамъ обязаны фабричныя рабочіе тѣмъ, что между ними быстро развивается грамотность. Земства дѣлаютъ въ этомъ отношеніи несравненно больше. Но при отсутствіи у насъ обязанности даже первоначальнаго образованія, усилія земствъ пропали

¹⁾ Помощь, Санит. вѣстн. фабрич. дѣл, Богород. уѣзда, стр. 29. Курскія привилегіи, с. Богороду.

²⁾ Цитированное изслѣдованіе, часть I-ая, стр. 214—215.

³⁾ Правда, два (но только два!) фабриканта принимали грошъ того участія въ расходахъ по близлежащимъ земскимъ школамъ.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 146.

бы даромъ, если бы само население не имѣло потребности въ образованіи. Потребность эта чувствуется теперь, вообще говоря, всей нашей трудящейся массой, но сильнѣе всего она обнаруживается именно въ *промышленныхъ мѣстностяхъ*. На фабрикахъ Московской губ. работаетъ, какъ извѣстно, множество рабочихъ различныхъ губерній. При опросахъ этихъ рабочихъ оказалось, что процентъ грамотныхъ между ними тѣмъ выше, чѣмъ промышленнѣе та губернія, въ которой они принадлежатъ. Впереди всѣхъ идетъ въ этомъ отношеніи Владимірская губ., потомъ Московская, Тверская, Тульская, Рязанская. Меньше всего распространена грамотность между рабочими сравнительно земледѣльческихъ губерній—Калужской и Смоленской. Въ Богородскомъ уѣздѣ г. Погожевъ изслѣдовала, по даннымъ подворной переписи 1833 года, распространеніе грамотности *по отдельнымъ волостямъ*. И тутъ оказалось, что *чѣмъ промышленнѣе данная волость, тѣмъ выше въ ней процентъ грамотныхъ не только между фабричными рабочими, но и во всемъ вообще населеніи* ¹⁾. Г. Погожевъ склоненъ искать причину этого въ томъ, что «*фабриканты въ настоящее время открываютъ училища не по принужденію, а по своей доброй волѣ*» ²⁾. Въ Богородскомъ уѣздѣ фабриканты действительно больше заботятся о школахъ, чѣмъ, наприм., въ Московскомъ. Но, во-первыхъ, *не работающимъ на фабрикахъ крестьянскимъ дѣтямъ рѣдко имѣютъ доступъ въ фабричныя школы,*

¹⁾ То же самое замѣчается и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи. «Г. Бычковъ составилъ для 110 обследованныхъ уѣздовъ таблицу, изъ которой видно, что съ увеличеніемъ процента распаханнаго пространства съ 6—40 до 76—86 уменьшается процентъ грамотныхъ съ 14,8 до 5,8 процента. Если, такимъ образомъ, съ увеличеніемъ чисто-земледѣльческаго населенія въ данной мѣстности понижается грамотность, то это можетъ быть объяснено не тѣмъ, конечно, что *земледѣльцу не нужна грамотность...* а только тѣмъ, что *сознаніе въ немъ познать жизнь распространено среди всѣхъ земледѣльцевъ-крестьянъ. Точно также въ Боконской волости Сердобского уѣзда, означавшейся по своей торгово-промышленной дѣятельности, количество грамотныхъ въ 2½ раза больше, чѣмъ въ остальныхъ волостяхъ уѣзда. Къ тому же выводу приходятъ изслѣдователи Острогожскаго, Воронежскаго, Ново-Оскольскаго и другихъ уѣздовъ». П. В. Вахтеровъ, «Условія распространенія образованія въ народѣ», «Русская Мысль», Май, 1895, стр. 170 и 171.*

²⁾ Цит. изслѣд., стр. 168.

а между тѣмъ мы видимъ, что съ развитіемъ промышленности проценты грамотности поднимаются не только въ средѣ фабричныхъ рабочихъ. Во-вторыхъ, г. Погожевъ самъ опровергаетъ свою догадку, сообщая намъ, что «въ Богородскомъ уѣздѣ большинство рабочихъ приобрѣло знаніе грамоты изъ школы (самоучной), а также въ земскихъ школахъ, тогда какъ въ фабричныхъ школахъ обучалось всего лишь 8,6%»¹⁾. Ясно, что въ дѣлѣ распространенія грамотности между рабочими фабриканты почти не причемя. Но это не все. Во время изслѣдованія между рабочими оказалось только 27,89%, обучавшихся въ сельскихъ школахъ, между тѣмъ какъ самоучкой обучалось 36,97%; кромѣ того, 9,46% изучились грамотѣ «у лицъ духовнаго званія», т. е. по собственному побужденію и безъ всякой помощи со стороны земства или фабрикантовъ). Отсюда слѣдуетъ, что если фабричный рабочий не остается въ той темнотѣ, въ которой дѣлу тысячъ лѣтъ прожилъ русскій земледѣлецъ, то этимъ онъ обязанъ прежде всего самому себѣ, и что если, тѣмъ не менѣе, г. народники хотятъ видѣть въ немъ только «примону», то это происходитъ единственно отъ ихъ собственной слѣпоты и ихъ старовѣрческаго упрямства.

Правда, г. Погожевъ замѣчаетъ, что по отдѣльнымъ возрастнымъ группамъ преобладаніе того или другого источника грамотности выражается далеко не равномерно. Въ младшихъ возрастахъ преобладаютъ обучившіеся самоучкой, въ возрастѣ же до 18 лѣтъ обнаруживается преобладаніе школьнаго обученія²⁾. Но это нисколько не ослабляетъ сдѣланнаго нами вывода. Въ послѣдніе десятилѣтія число школъ у насъ значительно увеличилось. Молодые рабочіе, прежде обучившіеся самоучкой, теперь идутъ въ школы. Это такъ же естественно, какъ напр., то, что молодой «интеллигентъ» не изучаетъ анатомію дома, если имѣетъ возможность ходить въ анатомическій театр. Но земскія и фабричныя школы только удовлетворяютъ—когда удовлетворить—той потребности, которая обнаружилась уже раньше ихъ сколько ни-

¹⁾ Тамъ же, стр. 193.

²⁾ Тамъ же, та же страница.

³⁾ Тамъ же, стр. 196.

будь значительнаго распространения подъ влияніемъ новыхъ условий нашей экономической жизни ¹⁾. У Г. И. Успенскаго прозвѣванной поды «*властью земли*» крестьянинъ Иванъ Ермолаичъ, находитъ, что ему нужно обучить грамотѣ своего сына Мишутку, самъ же не зная хорошенько, зачѣмъ это нужно. Авторъ, подпавшій поды влияние «*строительныхъ земледѣльческихъ идеаловъ*», тоже не умѣлъ вразумить его на этотъ счетъ: «потому, въ разговорахъ объ ученіи, мы съ Иваномъ Ермолаичемъ только твердили одно: «надо!». «Надо, надо!», а сущность и цѣль Ивану Ермолаичу неизвѣстны, непонятны, а я уже дѣлалъ разъяснить ихъ, да и позабылъ, чѣмъ именно это *надо* слѣдуетъ оправдать». Наконецъ, самъ Мишутка рѣшительно не хочетъ идти въ школу. Таково дѣйствительно было отношеніе къ «учебѣ» въ то доброе время, когда пресерь были еще старшіи, дорогой народникамъ экономическій порядокъ, а съ нимъ и старыя «земледѣльческіе идеалы». И если мы теперь видимъ въ трудящейся массѣ совершенно обратное къ ней отношеніе ²⁾, то этимъ мы обязаны именно крушевію стараго экономического порядка и развитію ненавистнаго народникамъ капитализма ³⁾.

¹⁾ Говоримъ: «когда удивительнѣе» потому что, въ время введенія г. Погоженскихъ фабричныхъ заведеній Богородскаго уѣзда, процентъ дѣтей и подростковъ, обучившихся грамотѣ, былъ очень значителенъ: въ возрастѣ вышше 10 лѣтъ онъ равнялся 46; отъ 10 до 12 лѣтъ—15,9; отъ 12 до 14 лѣтъ—17,7; до 14 до 18 лѣтъ—25,1.

²⁾ По словамъ одного мелкаго мастера въ позументномъ производствѣ, въ прекрасное время наложатне садился за работу ранѣе 12 лѣтъ, а теперь это очень рѣдко встрѣчается, ибо, по мнѣнію такихъ рабочихъ... «малышу нужно еще прежде грамоты выучиться, а тамъ и за работу можно садиться». А. Погоженск., Санит. послѣд. фабр. завод. Дмитров. уѣзда, стр. 22.

³⁾ Просимъ читателей не забывать закона (накъ любить у насъ выражались), установленнаго г. Погоженскихъ: «распространеніе грамотности прямо пропорціоально большому или меньшему развитію въ данной волости фабрично-заводской промышленности». Другой «законъ», установленный тѣмъ же исследователемъ, гласитъ такъ: «грамотность фабричнаго населенія не идетъ параллельно общей цифрѣ грамотности данной волости, но получаетъ значительный переизбытокъ, благодаря отчасти присутію стороннихъ элементовъ изъ принашихъ рабочихъ, отчасти тѣмъ особенностямъ, въ которыхъ находится рабочее населеніе вышше пружинныхъ мануфактуръ». Санит. послѣд. фабрич. завод. Богород. уѣзд. стр. 190.

«Народъ на фабрикахъ—какъ бы сказать—*несамодѣлательное, потороваѣе, чѣмъ въ деревнѣ. И понимаетъ лучше, чѣмъ деревенскіе*». Такъ говорилъ г. Рубакину рабочій, случайно встрѣченный имъ на желѣзной дорогѣ («Взыскующіе грады» изъ наблюденій надъ русскими читателями). Интересно, что статья г. Рубакина напечатана въ томъ самомъ архивародническомъ органѣ (Новое Слово, октябрь), который, такъ сказать, по долгу службы долженъ оплачивать распространіе у насъ фабричнаго производства. Пусть читатель сопоставитъ съ этимъ отзывомъ рабочаго о рабочихъ хоть ту характеристику нашего фабричнаго населенія, которая находится въ ходатайствахъ Имп. Вольн. Экон. общества объ измѣненіяхъ въ таможенномъ тарифѣ: «Уже въ 1812 году, по свидѣтельству очевидцевъ, простомужики Москов. губ. считались самыми развратными въ Россіи людьми» и т. д. (стр. 171 и слѣд.).

Между нашими фабричными работниками грамотныхъ несравненно меньше, чѣмъ между работниками. Это печальное послѣдствіе добраго стараго времени и «*стройныхъ земледѣльческихъ идеаловъ*», осуждавшихъ женщину на полное подчиненіе мужчине: вѣдь еще Аристотель сказалъ, что рабъ не долженъ имѣть больше ума, чѣмъ это требуется ему для пониманія приказаній своего господина. Сдѣлавъ рабочую женщину объектомъ своей эксплуатаціи, капитализмъ разрушилъ въ старое семейное положеніе и фактически поставилъ ее въ болѣе независимыя отношенія къ мужчине. «Умъ» ее господина—мужа уже не играетъ почти никакой роли въ ее существованіи; поэтому, ей нуженъ теперь *собственный умъ*, а для пріобрѣтенія ума нужна *грамота*. И вотъ рабочая женщина начинаетъ учиться, и учиться даже съ большимъ усердіемъ, чѣмъ мужчина. Если въ 1881 году, по свидѣніямъ г. Эрнсмана, грамотныхъ мужчинъ между фабричными рабочими оказалось вдвое больше, чѣмъ было ихъ въ 1869 году, то между женщинами грамотность за тотъ же періодъ «увеличилась болѣе, чѣмъ втрое»¹⁾. Въ дѣлѣ женскаго образованія, въ противоположность видѣному нами между мужчинами, сельскія и фабричныя школы играютъ преобладаю-

¹⁾ Эрнсманъ, цит. извѣст., часть 1-я, стр. 214.

щую роль. Такъ напр., процентъ самоучекъ между грамотными работницами Богородскаго уѣзда (24,4) много ниже, чѣмъ между грамотными работницами (36,97); процентъ же обучившихся въ фабричныхъ школахъ равняется у нихъ 39,11 для сельскихъ школъ и 22,38 для школъ фабричныхъ, противъ 27,8 и 8,59 у мужчинъ. Оно и понятно. Грамотныхъ между работницами пока еще мало; поэтому не много помощи могутъ оказать онѣ тѣмъ своимъ подругамъ, которыя хотѣли бы научиться грамотѣ въ школахъ. Мужчины же и до сихъ поръ, вѣроятно, отчасти сохранили старый взглядъ на женщину, какъ на существо, которому грамота «ни къ чему». И потому врядъ-ли часто помогаютъ она женщинамъ-«самоучкамъ». Имъ остается, значить, только идти въ школы.

Наши народники убѣждены, что рабочую женщину ожидаетъ на фабрикѣ половой развратъ и только половой развратъ. Они не видятъ ея начинающагося умственного пробужденія, ея фактического освобожденія отъ власти мужчины¹⁾. Прогрессивная сторона переживаемаго Россіей экономическаго переворота остается здѣсь, какъ и вездѣ, совершенно незамѣченной ими. И потому они способны только оплакивать судьбу фабричнаго пролетариата подобно тому, какъ оплакиваютъ ее до сихъ поръ нѣкоторые добродушные западные ищущіе и оплакивали въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ социалисты-утописты.

Но мы совсѣмъ позабыли о г. Воронцовѣ. Сейчасъ мы вернемся къ нему. А теперь, на основаніи всего вышесказаннаго, повторимъ за г. Привлечевымъ (см. цит. соч. стр. 202): *«Постепенное вытѣсненіе кустарничества другими, болѣе совершенными формами производства есть явленіе прогрессивное, согласное съ интересами развитія и благосостоянія человѣческой личности въ обществѣ».*

1) «Бѣдная женщина-ткачиха идетъ на фабрику за отцомъ и мужемъ, работаетъ на ряду съ ними и независима отъ нихъ. Она такой же кормилица семьи, какъ и мужчина... Бросилъ мужа, ткачиха врядъ-ли сильно будетъ чувствовать матеріальную нужду...». Харлаковская, «Промыслы Ваджирской губ.», вып. 3-й, отд. 1-й, стр. 113.

ГЛАВА III.

Самодѣтельность населенія какъ рычагъ общественной эволюціи.

«Народничество, какъ направленіе мысли культурнаго общества,—говоритъ г. Воронцовъ—присуще лишь такимъ странамъ, въ которыхъ народная масса удалена отъ вліянія на ходъ общественныхъ дѣлъ и активными дѣлателями въ общественной жизни являются лица культурнаго слоя»¹⁾.

Изъ этого слѣдуетъ, что въ странахъ, подобныхъ Россіи, гдѣ народничество развилось такъ пышно, «самодѣтельность населенія» можетъ стать «рычагомъ общественной эволюціи» лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Въ настоящее время, для оцѣнки народничества, надо прежде всего дать себѣ отчетъ въ томъ, каковы тѣ главнѣйшія задачи, которыя, по мнѣнію теоретиковъ этого ученія, должны быть разрѣшены «лицами культурнаго слоя».

По словамъ г. Воронцова, практическое осуществленіе народническихъ *vis desiderata* «требуетъ умственнаго подъема массы, который поэтому и поставимъ, какъ главную задачу переживаемаго момента»²⁾.

Слѣдовательно, главная задача современнаго народничества намъ известна: народники стремятся къ умственному подъему массы. Это, разумѣется, превосходно, и ни одинъ благомыслящій

¹⁾ Наши направленія, стр. 5.

²⁾ Тамъ-же, стр. 7.

человек не возразить против столь похвального намерения. Правды, могут сказать, что, распространяя в массы просвещения, народники в то же время распространяют в ней значительную часть тех предрассудков, которые наполняют их собственные головы. Но и это скорее кажущаяся, чем действительная опасность. Пусть привожу читатель, чем кончались во «Власти земли» Г. И. Успенского беседы «интеллигентного» народника с обстоятельным мужичком Иваном Ермолаевичем: этот последний не слушал, очевидно не хотѣлъ слушать и *зналъ самым ужасным образом*. Опыт показывает, стало быть, что распространение в нашей *народной* массе предрассудков «лицом культурного слона», зараженным *народничеством*, является делом в высшей степени сомнительным. А в виду этого остается только рукоплескать просвѣтительным планам г. Воронцова и его единомышленников. Пусть учат они народ; он воспользуется приобретенными от них *знаниями* для усвоения *идей более здравых и более современных, чем восточные идеалы наших народников*.

Но гг. народники собираются не только учить народ. Они собираются также «бороться с капитализмом». Вѣдь тогда: если вѣрить имъ, то они давно уже «борются» съ этимъ чудовищемъ, съ этимъ львомъ, рыкающимъ и ищущимъ кого поклотить. Какъ же «борются» они съ капитализмомъ?

Разными способами. Самымъ действительнымъ и «идеальнымъ» + оцѣнется распространение производительныхъ артелей в области кустарнаго производства и—самоневѣроятная новинка!—земледѣлія.

Производительнымъ артельямъ, обязаннымъ своимъ существованіемъ «самодѣятельности» русской интеллигенціи, г. Воронцовъ посвящаетъ цѣлое сочиненіе, которое называется: «*Артельныя начинанія русскаго общества*» (С.-Петербургъ, 1894).

Сочиненіе это написано, если не ошибаюсь, съ цѣлью нравственнаго поддержанія и ободренія лицъ «ташанскихъ исторію» + изъ желательномъ для г. Воронцова направленіи. Но—какъ это всегда случается съ трудами нашего автора—впечатлѣніе, производимое «Артельными начинаніями русскаго общества», диаметрально противоположно тому, которое г. Воронцовъ хотѣлъ извѣдать. Это

по истинѣ *страшная книга!* Авторъ ея, тоно усердный кладбищенскій сторожъ, неутомимо ведетъ насъ отъ одной могилы къ другой, монотонно называя намъ имена и даже сообщая краткія жизнеописанія покоящихся въ нихъ «артельныхъ начинаній». Мы не сторонники ученія народниковъ, но признаемъ, когда мы читали новую книгу нестоющаго г. Воронцова, намъ отъ души жаль было этихъ добрыхъ людей, несемѣнно илѣвшихъ самыя добрыя намѣренія и, несмотря на это, потерѣвшихъ жесточайшее фиаско. И мы говорили себѣ, какъ же, однако, сурова, какъ зла объективная логика дѣйствительности! Какъ беззачадно, какъ неукоснительно разбиваетъ она субъективныя иллюзіи нашихъ лицъ культурнаго класса!

Въ 1869 году Тверская губернская земская управа, указавъ земскому собранію на то трудное положеніе, въ какомъ находилось населеніе Тверской губ., предложила принять мѣры къ поднятію производительности народнаго труда путемъ устройства производительныхъ артелей въ разныхъ отрасляхъ кустарной промышленности. Собраніе приняло предложеніе управы и въ 1870 г. приступило къ устройству артелей, началъ съ *гвоздарнаго промысла*. Если читатель хочетъ знать, какъ шло, — т. е. вѣрѣе, хромало на обѣ ноги, — почтенное дѣло помощи этому промыслу, то ему надо прочесть стр. 45—52 книги г. Воронцова. Мы укажемъ только его результаты.

«Въ августѣ мѣсцѣ 1876 года завѣдывавшій кузничными артелями, г. Демяковъ, заявилъ управѣ, что, по его мнѣнію, затрачиваемая на поддержаніе гвоздарныхъ артелей сумма расходуется непроизводительно. «Всѣ неудачи артели произошли отъ того, что она открыта въ то именно время (1872 г.) когда кустарная гвоздарная промышленность, совершенно теперь отжившая, начала уже отживать. Съ введеніемъ въ гвоздарную промышленность машинъ, кустари, при весьма высокой цѣнѣ на желѣзо и при крайнемъ упадкѣ цѣны на гвозди, были доведены до того, что, носясь по цѣлымъ днямъ съ выработаннымъ ими въ теченіи недѣли гвоздемъ, сбывали его всетаки въ убытокъ. Въ это время имъ было предложено устроить артель. Не зная даже, что такое артель, они приняли предложеніе, лишь

бы выйти изъ крайняго положенія. По полученіи ссуды крестьяне тотчасъ же почти половину ея подѣлили между собою, а затѣмъ, принимая гвозди сами у себя, клали имъ дѣву, гораздо большую сравнительно съ торговцами, потому что взглянувши на это дѣло заглъ на помощь имъ со стороны управы. Это убѣжденіе у многихъ удержалось до сихъ поръ. Въ заключеніи г. Демидовъ предложилъ управѣ прекратить поддержаніе Васильевской артели и освободившіяся средства употребить на разработку горфа ¹⁾. Управа согласилась съ мнѣніемъ г. Демидова и ликвидировала гвоздарныя артели, сложивъ часть причитавшагося на нихъ долга.

Столь же скоро и столь же печально закончили свое брѣнное существованіе и другія артели основанныя на инициативѣ тверскаго земства въ средѣ кустарей. Въ 1871 образовалась артель сапожниковъ въ д. Городиѣ Вельскаго уѣзда: «Эта артель получила отъ земства ссуду въ 300 руб., но вскорѣ распалась, не уплативъ долга». Въ 1874 г. распалась, «вследствіе несогласія между ея членами», Васюковская артель кузнецовъ; въ 1877 г. губернская управа «рѣшила прекратить до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ» артельное производство сапожковъ въ Останковѣ; въ 1888 г. рѣшено оставить на произволъ судьбы смолякурениныя артели, «предъявивъ въ то же время къ несправнымъ пазельщикамъ (т. е. къ кустарямъ, не возвращавшимъ земскихъ ссудъ) искъ у мирового судьи» и т. д. Словомъ, каждый годъ приносилъ съ собою новое крушеніе артельнаго принципа. Въ результатѣ—*ничего, кромѣ траты земскихъ денегъ, полученныя съ тѣхъ же крестьянъ, и исполнителыныхъ листовъ на бывшихъ артельщиковъ*, съ которыхъ, въ виду ихъ безвыходной бѣдности, часто не могла взыскать ни койѣйки самая усердная полиція. А между тѣмъ, дѣятельность тверскаго земства по развитію артельнаго производства представляетъ собою, какъ говоритъ г. Воронцовъ, нѣчто исключительное въ смыслѣ «размѣровъ» и «систематичности». Можете представить себѣ, какъ велики были успѣхи «артельнаго принципа» въ другихъ губерніяхъ!

¹⁾ «Артельное кочинаніе», стр. 52.

Но едва ли не наиболее поучительной из всех других попыток этого рода является попытка распространения въ крестьянской среде артельного сыроваренія. Люди, начинавшіе это дѣло, глубоко вѣрили въ его великое значеніе. «Мнѣ памятно это время—торжественно повѣствуетъ г. С. Деруновъ. Я живо вспоминаю надежды лучшихъ земскихъ людей, какія они возлагали на устройство артелей (рѣчь идетъ о Ярослав. губ.). Памятны также толки крестьянскіе. Народъ точно по инстинкту чувствовалъ, что затѣвается дѣло хорошее; что это дѣло можетъ, до некоторой степени, поправить его горемычное житье-бытье. Народъ былъ вполнѣ увѣренъ, что плохія его коровушки будутъ хорошими, что изъ тощихъ овецъ сдѣлаются тучными. Крестьяне съ удовольствіемъ узнали, что польза отъ сыроваренія будетъ значительная и что она раздѣлится поровну между артельщиками...¹⁾

Ну а какъ же пошло, какъ кончилось это будто бы великое дѣло?

«Открытыя въ Тверской губерніи артели существовали не долго, а немногія... открывались туго. Въ 1871 г. изъ 11 открытых Н. В. Верещагинцемъ артелей сохранилось только три. Самъ Н. В. съ 1869 г. рѣшилъ не открывать новыхъ артелей, пока не приготовитъ настоящихъ сыроваровъ, а впоследствии обратилъ свое вниманіе на другую губернію»²⁾.

«Имѣя за собой опытъ развитія артельного сыроваренія въ Тверской губерніи, организаторы этого дѣла въ Ярославской губ. могли избѣгать многихъ ошибокъ, допущенныхъ въ первомъ случаѣ»³⁾.

Могли,—но или не избѣжали, или надѣлали новыхъ ошибокъ, потому что съ 1873 года и въ Ярославской губерніи артельныя сыроварни «стали захрываться одна за другой»⁴⁾.

Подобная же участь постигла артельное сыровареніе и въ Новгородской губерніи. Въ Гдовскомъ у. Петербургской губ. открыта была г. Бландовымъ, при содѣйствіи земства артельная

¹⁾ Цитировано на стр. 33 «Артельныхъ начинаній».

²⁾ Тамъ же, стр. 29.

³⁾ Тамъ же, стр. 31.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 34.

сыроварня, но... «вместо ожидавшейся прибыли, получился убыток в 250 руб., и артель распалась»¹⁾. Такие же попытки были сделаны на Дону и на Кавказе, «но, по неудовлетворительности получавшагося продукта, сыроварни терпели убытки и были закрыты»²⁾.

В настоящее время во всем нашем обширном отечестве можно насчитать всего лишь несколько *артельных* сыроварен. Это очевидно, не то, к чему стремились инициаторы артельного сыроварения. Печальный исход их дела сильно охладил широкие порывы этих пылких людей. «В виду сказанного естественно,—говорит г. Воронцов,—если организаторы русского сыро- и маслодела, бывшие в то же время и наиболее энергичными представителями идеи артели, гг. Бирюковъ, Гландовъ и Верещанинъ, обратили главное внимание на приспособление новой отрасли промышленности къ общимъ хозяйственнымъ условиямъ нашей страны; осуществление же идеи артельной организации промысла отложили до того времени, когда она твердо станет на ноги въ техническомъ и торговомъ отношеніяхъ. Когда же этотъ моментъ наступилъ, названные лица оказались находящимися во главѣ крупныхъ и важныхъ предприятий учебнаго и коммерческаго характера, а общественная атмосфера весьма мало благоприятствовала появлению новыхъ представителей идеи артельного производства»³⁾.

Итакъ, начали насаждеіемъ «артельного принципа», кончили «предпріятіями коммерческаго характера». Это своего рода предостереженіе для всѣхъ тѣхъ, которые до сихъ поръ увлекаются у насъ названнымъ «принципомъ». Больше ничего и не вышло изъ пресловутаго артельного сыроваренія.

Впрочемъ, итъ, это не совсемъ такъ! Вышло еще кое-что, о чемъ писалъ писалъ покойный А. Зигельгардтъ въ «Отечественныхъ Запискахъ».

«Намъ говорятъ, что тамъ, гдѣ устроились сыроварни, недомокъ итъ. Я этому охотно вѣрю. Разумѣется, хозяева, получая

¹⁾ Тамъ же, стр. 36.

²⁾ Тамъ же, стр. 37.

³⁾ Тамъ же, стр. 41.

деньги за молоко, будут исправнее платить повинности, будут больше пить воды (следовательно больше платить акциза), может быть, будут лучше одеваться. Но, с другой стороны, съ устройством артельных сыроваренъ, уменьшится потребление крестьянами молока, вследствие чего *увеличится смертность дѣтей*¹⁾.

Такъ вотъ, пришли не только къ «предпріятіямъ коммерческаго характера», но и къ ухудшенію жизни крестьянскихъ дѣтей, вследствие котораго, дѣйствительно, должна была возрасти ить *смертность*.

О, дѣти, дѣти, какъ опасны ваши лета!

Мы говоримъ это не о тѣхъ дѣтихъ, которыя лишены были молока вследствие возникновенія артельных сыроваренъ, а о тѣхъ, которыя заводили сыроварни, да еще о тѣхъ, которыя рукоприкладски ихъ затѣли. Это были, несомнѣнно, довольно опасныя дѣти.

Г. Воронцовъ, говоря объ артельныхъ сыроварняхъ, позабылъ упомянуть о статьѣ Энгельгардта. Это понятно. Но мы считали себя обязанными напомнить о ней. Организаторы артельного сыроваренія шли въ комнату, а пошали въ другую. *И то же самое непременно произойдетъ со всеми нашими сторонниками «артельнаго принципа».* И не можетъ не произойти. При современныхъ нашихъ экономическихъ условіяхъ *артель непременно должна превратиться въ свою собственную противоположность.* Изъ этого общаго правила возможны, конечно, и исключенія. Но видъ маленькими исключеніями «побороть капитализмъ» рѣшительно немислимо.

Г. Воронцовъ, конечно, не согласится съ нами. Печальная исторія артельныхъ злоключеній страннѣмъ образомъ приводитъ его къ тому выводу, что артельному принципу предстоить чуть не полное торжество въ нашей отечествѣ. Онъ, выйдя съ г. Калантаромъ, жалуется на то, что «и литература, и практика были очень послѣдны въ выводахъ, и дѣло, такъ торжественно начатое, прилекнее столько искреннихъ свиданій со стороны общества, осуждено на забытіе безъ всякой серьезной критики, безъ по-

¹⁾ А. Энгельгардтъ, «Вопросы русскаго сельскаго хозяйства», От. Зап. 1872 г. Февраль, стр. 150.

пыток «отделить временное и случайное от постоянного». По его мнению, как и по мнению г. Калантара, «дѣло осуществлеши артельного сыроваренія еще впереди, какъ оно ни мало низко въ глазахъ практиковъ, считывшихъ всякій новый толкъ за артельное сыровареніе дѣтскимъ лепетомъ» (стр. 41). Въ виду этого мнѣнія нашего «авторитетнаго» экономиста, полезно будетъ попытаться «отделить временное и случайное отъ постоянного», т. е. спросить себя: въ чемъ же заключаются причины тѣхъ неудачъ, которыя постигли «артельныя начинанія русскаго общества», относящіяся къ концу шестидесятихъ и началу семидесятихъ годовъ.

Что касается артельныхъ сыроваренъ, то на вашъ вопросъ отвѣчаетъ г. С. Деруновъ, прекрасныя слова котораго о времени первыхъ попытокъ насадить артельное сыровареніе мы привели выше. «Можетъ быть, эта самая торопливость, эта энергія въ дѣлѣ, бесспорно полезныя, но еще новыя, требовавшая болѣе строгаго выбора и осмотрительности, и способствовала впоследствии распаденію артелей — говоритъ этотъ краснорѣчивый и пылкій человѣкъ. Въ члены артелей вошли такіа лица, которыя, мало понимая артельное дѣло, были притомъ и на вхождѣ благовадежны, какъ съ нравственной, такъ и съ экономической стороны: у нихъ часто вовсе не было излишняго молока для сыроваренія. Въ старости выбирались также не артельные люди, а люди себѣ на умѣ»¹⁾.

Г. Веронцовъ приводитъ *безъ всякаго возраженія* эти слова краснорѣчиваго г. С. Дерунова; стало быть, онъ съ нимъ согласенъ. А если согласенъ, то это отношеніе къ «артельному принципу» выступать въ новомъ свѣтѣ. Въ такомъ случаѣ, задачей организаторовъ артелей является: 1) устраненіе изъ нихъ «людей себѣ на умѣ», которые превратили бы артели въ простые «коммерческія предпріятія»; 2) недопущеніе въ нихъ лицъ «неблагонадежныхъ въ экономическомъ отношеніи», т. е., выражась не изысканнымъ языкомъ г. Дерунова, а простымъ и яснымъ политико-экономическою прозою, «взятли гладка». Печето и говорить, что устраненіе этого люда значительно облегчитъ развитіе на

¹⁾ Цитир. на 33 стр. «Артельныхъ начинаній».

Руси артельного дѣла. Но вотъ бѣда: вѣдь съ его устраненіемъ сами артели превратятся въ простые «коммерческія предпріятія»! Въ нихъ будетъ процвѣтать—ослабнѣетъ процвѣтать—тотъ самый—«хозяйственный мужичокъ», который и теперь уже хорошо знаетъ, гдѣ раки зимуютъ.

«Новѣйшее артельное движеніе среди русскаго общества не имѣетъ идеалистическаго характера увлеченія идеей коопераціи, отличающаго движеніе шестидесятыхъ годовъ»,—говоритъ г. Воронцовъ въ статьѣ: «Артели для подрядныхъ и взятныхъ работъ» (Новое Слово, октябрь 1895, стр. 72). Справедливо! Современныя наши посятели артельнаго принципа, дѣйствительно, не похожи на своихъ предшественниковъ. Они могутъ сказать о себѣ словами Фатста:

Zwei Samen wohnen, ach! in meiner Brust!

Въ каждомъ нынѣшнемъ сторонникѣ артелей живетъ, во-первыхъ, душа Донъ-Кихота, а во вторыхъ—душа Санчо-Пансы. Донъ-Кихотъ кричитъ: *«завесу артели»*. Санчо-Панса разсудительно прибавляетъ: *«причемъ устраню неблагонадежныя съ экономическомъ отношеніи элементы»*. Въ концѣ концовъ благоразумный Санчо, разумѣется, беретъ верхъ надъ пылкимъ рыцаремъ печальнаго образа. Das ist eine alte Geschichte, doch bleibt sie immer neu. *Эта старая исторія, но она остается вѣчно новой.*

¹⁾ Что Санчо одолеваетъ Донъ-Кихота, показываетъ еще грізѣтъ Царсковококшайской земской управы. Эта управа рѣшила поддерживать смолокурныя артели... Казанское губернское земство въ 1880 году выдало Царсковококшайскому на 20 лѣтъ 10,000 рублей безпроцентной ссуды и «смолокурное дѣло» вошло въ ходъ. Но... дѣло въ томъ, что до 1884 года ссуды возвращались кустарямъ весьма исправно; съ этого же года въ возмѣщеніи ссуды стали замѣчаться задержки, такъ что земской управѣ весьма часто приходилось прибѣгать къ предъавленію искль (знакомаго исторіи!) противъ неисправныхъ должниковъ. Такое положеніе дѣла заставило отчасть отъ того, что въ составѣ артелей провалялось много лицъ въ имущественномъ отношеніи неблагонадежныхъ («охъ, ужъ эти неблагонадежныя! Всегда они прокрутятся по всякое хорошее значеніе!» пародолобивою интеллигенціей); кромѣ того, явилось избыточное число артелей совершенно фактивныхъ, члены которыхъ, призываваясь лишь договоромъ о составленіи артели для выработки тѣхъ или другихъ лѣсныхъ издѣлій, брали изъ ссудной кассы деньги совершенно для иныхъ цѣлей (торговли и т. п.). Поэтому

По словам г. Воронцова, во второй половине 80-х годов «появилось опять стремление къ внесению артельного начала въ область мелкаго производства, но уже не въ видѣ увлеченія идеей массы общества, какъ въ первый періодъ пореформеннаго времени, а въ формѣ заботы объ этомъ со стороны дѣловыхъ людей, соприкасающихся съ нуждами кустарей и пытавшихся дать отъѣтъ на возникающіе въ данной сферѣ запросы»¹⁾.

Малы золотники, да дороги! Не много теперь людей, наскаждающихъ артельный принципъ, но это дѣловые люди, не амѣющіе «идеалистическаго характера», отличавшаго дѣателей шестидесятыхъ годовъ. Теперь артельный принципъ, навѣрное, пойдетъ семимильными шагами!

Уже и теперь есть не мало зачатковъ его широкаго распространенія. «По изслѣдованію г. Квачко, въ 1884 г. въ Петербургѣ существовало двѣ артели: женская брошюровочная и переплетная, состоявшая изъ 9 полноправныхъ членовъ; столярная, основанная въ 1869 г. и состоящая изъ 3-хъ членовъ, заведывавшихъ тремя мастерскими, въ коихъ работаютъ по найму 30 человекъ; артель имѣетъ собственный магазинъ»²⁾.

Петербургская столярная артель устроена, повидному, болѣе въ духѣ Санчо, чѣмъ въ духѣ Донъ-Кихота: 30 именныхъ рабочихъ на 3-хъ человекъ «артельныхъ» предпринимателей! Но за то женская, кажется, вѣрза истинному духу артели. И при томъ состоитъ она не изъ 3-хъ, а изъ 9,—подумайте только, девяти!—«полноправныхъ членовъ». Иско, что скоро придетъ конецъ петербургскому капитализму.

Наша артельная начинанія окончилась неудачей не только потому, что начинатели заражены были «идеалистическими»

земская управа стала вообще гораздо строже относиться къ выдачѣ ссуды. Имущественное состояніе артелей (sic) и цѣль полученія ссуды стали протрѣбоваться тщательнѣе и т. д. (Отчеты и изслѣдованія по кустарной промышленности въ Россіи, томъ III, стр. 21). Словомъ, теперь управа рѣшила руководствоваться принципомъ: если ты имѣешь много, то тебѣ еще дадутъ, если же мало, то и это очень мало возмужетъ (для помощи артелямъ). Теперь, навѣрное, прошествуютъ артели!

¹⁾ Артели. Начинанія, стр. 17.

²⁾ Тамъ же, стр. 66.

стремлениями. Ибо, причина неудачи лежит гораздо глубже. Она заключается в неспособности современного русского производителя к артельному ведению дела. Г. Ворожцов не замечает этой способности. Напротив, он полагает, что русский народ есть избранный народ артельного принципа. Но в его же собственной книге можно найти не мало данных, подтверждающих нашу мысль. Вот что читаем мы, например, на стр. 75 «Артельных начинаний».

«Имѣя... въ виду, что наши кустари образуютъ несбытвенную массу, почти не могущую на первых порахъ учредить правильный контроль за дѣйствиями доверенныхъ лицъ въ столь сложномъ дѣлѣ, представляется необходимымъ, чтобы правленіе артели, кромѣ знанія своего дѣла, отличалось еще особенной добросовѣстностью, удерживающею его отъ злоупотребленія своимъ положеніемъ, или чтобы оно находилось подъ неусыннымъ контролемъ какого либо посторонняго учрежденія».

Комиссія по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи, составивъ проектъ устава для Волчанской артели, «не упустила изъ виду, что въ большинствѣ товариществъ подобнаго рода причина неуспѣха заключается въ отсутствіи руководителей» и т. д. ¹⁾

Въ Тульскую кустарную артель вошли: начальникъ оружейнаго завода, вице-губернаторъ, предсѣдатель казенной палаты, предсѣдатель губернской земской управы, нѣсколько горныхъ инженеровъ и т. д., и т. д. Рѣшено было, что участіе въ артели этихъ постороннихъ лицъ нежелательно, между прочимъ, «въ томъ отношеніи, что, будучи вполнѣ безпристрастными въ обсужденіи различныхъ вопросовъ, эти лица парализуютъ возможное вліяніе на дѣла артели нѣсколькихъ крупныхъ мастеровъ, которые безъ ихъ участія могли бы обратять артель въ орудіе своихъ личныхъ цѣлей» ²⁾.

¹⁾ Тамъ-же, стр. 78

²⁾ Тамъ-же, стр. 80. На Старокопѣ стеклянномъ заводѣ, по словамъ г. Субботина, «многіе вопросы, довольно малые по существу, оказывались тѣмъ не менее на погѣ силу для разваленія артели и члены ее обривались, какъ дѣти, къ директору конкурса, напр., съ просьбою объяснить имъ, какъ счита-

Словомъ, «самодеятельность» нашего кустарнаго населенія въ этомъ случаѣ равняется нулю. Если артели мѣстами и держатся, то главнымъ образомъ потому, что ихъ поддерживаетъ внимательство «*постороннихъ учреждений*» или не менѣе постороннихъ лицъ, въ родѣ г. Штанге, посвящающаго не мало времени Павловской артели, или г. Морозова и другихъ капиталистовъ, довольно щедро помогающихъ деньгами г. Штанге въ его «*борьбѣ съ капитализмомъ*». А это значитъ, что артельные организации строятся лишь... на пескѣ «*субъективныхъ*» добродѣтелей русской интеллигенции. Но этотъ песокъ непрочная опора тѣмъ болѣе, что и «интеллигенція»-то не имѣетъ уже «идеалистическаго характера» интеллигенціи шестидесятихъ годовъ.

«Если земледѣльцы-общинники — говорить, г. Воронцовъ — получаютъ некоторое воспитаніе, облегчающее ихъ соединеніе въ качествѣ самостоятельныхъ хозяевъ для цѣлей промыслово-кустарнаго заработка, а ремесленники-спеціалисты — экономической организацией своего промысла предрасполагаются не къ солидарности, а къ розни, то фабричные и заводскіе рабочіе находятся въ такой обстановкѣ, въ которой хотя бы они и не приобрѣтали способности къ самостоятельному веденію общаго предпріятія, за то приучаются работать ни въ чѣмъ, дѣлать одно общее дѣло. По этой причинѣ, при извѣстныхъ условіяхъ, среди этихъ рабочихъ можетъ легко зародиться мысль объ устройствѣ артельного предпріятія и при извѣстной комбинаціи обстоятельствъ, такая мысль можетъ получить осуществленіе»¹⁾.

Это видіе г. Воронцова нѣсколько напоминаетъ известное соображеніе нѣкоторыхъ людей относительно пользы «*фабричнаго котла*». Мы не будемъ разсматривать здѣсь, насколько основательно это соображеніе вообще, и насколько правильно поняли его люди, повосившіе его —

«При всякомъ честномъ собраніи
Васурманской разной Бранью».

тается изъ поставленные хлѣбъ и вино, какъ разсчитываться съ былыми старостой». (Повѣсть по кустарнымъ районамъ и кустарнымъ артелямъ, стр. 71).

¹⁾ «Артельные начинанія», стр. 73.

Замѣтимъ только, что, въ сожалѣнію, и заводскія артели идутъ у насъ пока очень плохо. Г. Воронцовъ, разумѣется, набрасываетъ похвально стыдливости на ихъ слабыя стороны. Но въ тѣхъ источникахъ, на которые онъ, между прочимъ, ссылается, встрѣчаются очень поучительныя страницы. Вотъ, на примѣръ, что узнаемъ мы отъ г. В. И. Катаева о чернытлинской артели, основанной по инициативѣ г. Стукалеча на стеклянномъ заводѣ въ д. Стари (Чернытлинско тоск).

«Выплавивши, въ среднемъ, артели за ящикъ стекла по 12 р., контора сама сбываетъ этотъ товаръ, приблизительно, по 14 р. за ящикъ и всю прибыль такимъ образомъ сохраняетъ за собою. Цѣна, платимая артели за готовый товаръ, устанавливается приблизительно къ цѣнамъ, по которымъ обходился конторѣ товаръ, когда работы производились поденщиками. Следовательно, Чернытлинская артель промышленною артелью, въ тѣсномъ смыслѣ этого выраженія, названа быть не можетъ. Самостоятельной хозяйственной единицы она изъ себя не представляетъ—это скорѣе способъ раздачи заводомъ работъ на надѣльномъ началѣ, такъ какъ ни риска потернть убытокъ, ни возможности выручить прибыль, сопряженныхъ со всякимъ самостоятельнымъ производствомъ и находящимся въ зависимости отъ колебанія рыночныхъ цѣнъ на сырье и фабрикатъ, эта артель (имѣть?) не можетъ... Значительныя выгоды представляютъ подобныя артели для хозяина завода, т. е. въ данномъ случаѣ для конкурснаго управленія. Онѣ даютъ возможность до минимума сокращать администрацію завода, предоставляемую артели, ограничиваясь представленіемъ къ заводу лишь лицъ, назначеніе которыхъ сводать артели сырье материалы и принимать готовый товаръ»¹⁾.

По этому же типу устроена и артель на чугуно-литейномъ заводѣ въ с. Любохвѣ (тоже одинъ изъ бывшихъ мальцевскихъ заводовъ).

Чтобы ликовать по поводу появленія такихъ артелей, надо обладать очень значительнымъ запасомъ наивности.

¹⁾ «Отчеты и исследования по кустарной промышленности въ Россіи». Т. I, стр. 312—313.

Г. Каталей заявляет, что «совсем иную по существу представляется артель, учрежденная тоже в район бывших мальцевских заводов и также в недавнее время, именно артель кустарных мастеров села Людинова Жиздринского уезда Калужской губернии». Как видно из его же описания этой артели, она, действительно, довольно сильно отличается от двух вышеупомянутых. Эта артель, по словам г. Каталей, «не есть самостоятельная ассоциация рабочих-кустарей, а простое товарищество на паях». При таких условиях и слово артелинизм правильнее было бы заменить словом пайщик¹⁾. Цѣль учрежденія этой артели «заключалась въ желаніи придти этимъ путемъ на помощь правленію бывшихъ мальцевскихъ заводовъ въ дѣлѣ возобновленія работъ на Людиновскомъ заводѣ»²⁾. Похвальная цѣль! Но какое отношеніе имѣетъ она къ «борьбѣ съ капитализмомъ»?

Что мѣстами дѣла той или другой артели могутъ пойти, какъ исключеніе, не дурно, это не подлежитъ сомнѣнію. Но чтобы умозаключать отсюда, что производительныя кустарныя артели съѣдаютъ капитализмъ, подобно тому, какъ топція фараоновыя коровы съѣли тучныя коровы, для этого надо обладать чисто маяковской фантазіей. Вотъ почему люди, обладающіе простымъ здравымъ смысломъ, смотря на будущность артелей по меньшей мѣрѣ скептически.

«Кустарныя артели, за немногими исключеніями, не прививаются въ Россіи—говоритъ г. А. Субботинъ. Мы видѣли это на артеляхъ тверскаго земства, которыя были устроены въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Артели могутъ развиваться только тогда, когда есть значительный оборотный капиталъ, поддержка извнѣ, участіе постороннихъ вѣстныхъ лицъ, а главное интеллигентные идейные руководители. Если этихъ условій нѣтъ, то дѣло prontу разрушится, какъ это мы видѣли на Павловской складочной, Камсковошкинской, отчасти также на Людиновской и другихъ артеляхъ. Держится только Тульская артель въ виду исключительныхъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 313 и 315.

²⁾ Тамъ же, стр. 314. Въ Окт. 1891 г. Людиновская артель окончательно пришла въ упадокъ. (См. А. П. Субботинъ: Потѣха по кустарнымъ работамъ и т. д.).

благоприятныхъ условий, потому что въ ней участвуютъ заботливыя лица и дѣйствуетъ нѣсколько интеллигентныхъ руководителей».

«Артели кустарей — продолжаетъ тотъ же исследователь — не видѣютъ большой будущности, такъ какъ онѣ не могутъ выделить изъ себя руководящаго элемента главнымъ образомъ для расширения коммерческихъ сношеній, для завоеванія рынковъ, для противодействия спекулянтамъ, т. е. для тѣхъ формъ водѣйствій, для которыхъ требуется болѣе широкій взглядъ, опытъ и умѣнье, чѣмъ какія имѣются у простыхъ мастеровыхъ. Самые бѣдные и обездѣленные кустари не могутъ участвовать въ артеляхъ, ибо не имѣютъ возможности ждать платы за свои изделия на одного дня и не въ состояніи уплатить членскаго вступнаго взноса»¹⁾.

Тотъ же г. Субботинъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что «всѣ подобныя мѣры, какъ устройство артелей, основаніе образцовыхъ мастерскихъ, курсы, техническихъ школъ, складовъ и т. п. въ концѣ концовъ помогаютъ вовсе не тѣмъ, кто болѣе всего нуждается въ помощи, такъ какъ бѣднѣйшіе кустари не въ состояніи пользоваться благами этихъ организацій; помогаютъ же онѣ только менѣе нуждающимся, положеніе же самыхъ несчастныхъ кустарей можетъ еще болѣе ухудшиться отъ подобныхъ образцовыхъ учрежденій: ими воспользуется одна группа кустарей, которая и явится на рынкѣ новымъ конкурентомъ для остальныхъ»²⁾.

Чтобы названныя мѣры не привели къ подобнымъ результатамъ, надо, по мнѣнію г. Субботина, чтобы «онѣ охватывали не отдѣльныя группы кустарей, а цѣлые районы; въ частности относительно артелей желательнее, чтобы въ составъ ихъ входили всѣ кустари данной мѣстности»³⁾.

Когда это будетъ, мы не знаемъ, т. е. откровеннѣе сказать, мы знаемъ, что этого *совсѣмъ не будетъ*. А пока этого не будетъ, до тѣхъ поръ останется справедливымъ то положеніе г. Субботина, что *така называемая помощь кустарямъ есть на самомъ дѣлѣ лишь помощь одному болѣе зажиточному слою кустарей, т. е. съ сущности намечающаго мелкому капитализму*.

¹⁾ Петька и т. д., стр. 72—73.

²⁾ Тамъ же, стр. 73—74.

³⁾ Тамъ же, стр. 74.

Въ последнее время наша «передовая» печать стала съ гордостью упоминать на сельско-хозяйственныхъ крестьянскихъ артелях. О нихъ говорилъ г. Карышевъ въ «Русскомъ Богатствѣ», на нихъ какъ на особенно знаменательное явленіе сослался г. Кудринъ въ томъ же журналѣ. Г. Кудринъ—человѣкъ молодой: его имя въ первый разъ встречается въ литературѣ. Ему простили, стало быть, ребяческия умозрѣнія и обобщенія. Но отъ *зрѣлыхъ* людей можно было бы ожидать иного отношенія къ вопросу о сельско-хозяйственныхъ артеляхъ.

Сельско-хозяйственныя крестьянскія артели существуютъ у насъ въ Шадринскомъ уѣздѣ Пермской губ. и въ Александрійскомъ—Херсонской. Въ этомъ послѣднемъ уѣздѣ артели возникли лишь въ началѣ 1895 г., и все, что о нихъ извѣстно до настоящаго времени, это ихъ уставъ, написанный, очевидно, не ихъ участниками, а ихъ «интеллигентнымъ» организаторомъ. Уставъ очень длиненъ: въ немъ 53 параграфа. Въ немъ очень много моральныхъ разсужденій на телстонскую тему: *члны люди живут*. Это отчасти *уставъ*, а отчасти—*нотация*. Что касается распредѣленія продуктовъ артельного производства, то оно нѣсколько напоминаетъ распредѣленіе ихъ въ фурьеровскомъ фаланстерѣ: *не обижемъ трудъ, не обижемъ и капитала; только таланты* оставлены безъ надлежащаго вознагражденія. Конечно, мы желаемъ полного успѣха нашему херсонскому quasi-фурьерству, но сомнѣваемся, чтобы этотъ успѣхъ превзошелъ болѣе чѣмъ скромные практическіе успѣхи французскихъ фурьеристовъ. Что касается шадринскихъ артелей, то о нихъ можно прочесть въ брошюрѣ г. А. Соломона «*Крестьянскія сельско-хозяйственныя артели*» (С.-Петербургъ, 1895). Чтобы судить объ ихъ экономическомъ значеніи, достаточно принять въ соображеніе нѣсколько цифръ. Весною 1892 г. въ Шадринскомъ уѣздѣ было 23,992 семейства (115,750 душъ об. п.) безхозяйныхъ (37,8% всего крестьянскаго населенія уѣзда). Къ осени того же года въ томъ же уѣздѣ считалось около 50 артелей. Г. Соломонъ имѣетъ свидѣнія по 38 артелямъ: 27 изъ нихъ были организованы весной и лѣтомъ 1892 г., а 9—весною 1893 г. Въ первыхъ было 136 человекъ, составъ семей которыхъ равнялся 776 душамъ обоюга пола; въ среднемъ артель состоитъ изъ 5 чле-

новъ. Въ артеляхъ, основанныхъ въ 1893 г., членовъ было—51, съ семейнымъ составомъ въ 270 душъ. Г. Соломонъ полагаетъ, что «въ числѣ мнѣръ подъема экономическаго благосостоянія крестьянъ» крестьянскія сельскохозяйственныя артели «занимаютъ не послѣднее мѣсто». Мы не ставемъ спорить съ г. Соломономъ: очевидно,—онъ убѣжденный гомеопатъ. Мы приведемъ только его отзывъ о внутренней жизни шадринскихъ артелей.

«Въ жизни артелей за отчетное время имѣли мѣсто и несогласія между отдѣльными членами артелей, обусловливаемая главнымъ образомъ непониманіемъ своихъ же выгодъ, желаніемъ воспользоваться чѣмъ либо изъ артельного имущества въ ущербъ остальнымъ членамъ артелей. Артель, нерѣдко являясь безсильной разобратся въ томъ или другомъ недоразумѣніи, обращалась обыкновенно къ артельному попечителю. Многие изъ, послѣднихъ, будучи и сами людьми мало интеллигентными, у которыхъ нерѣдко бывали и личные счеты съ тѣмъ или другимъ изъ спорящихъ, не всегда могли стать на объективную почву и этимъ часто оказывали отрицательное вліяніе. Но на ряду съ этимъ правильное пониманіе попечителями своихъ обязанностей всегда способствовало успѣшному ходу артельного предпріятія, какъ это показала практика.

«Изъ отрицательныхъ сторонъ отмѣтимъ еще и недобросовѣстное отношеніе артельныхъ старостъ, которые, въ особенности при невнимательномъ отношеніи попечителя, пользуясь своимъ положеніемъ, иногда удерживали у себя лошадей дольше, чѣмъ слѣдовало, иногда вовсе не давали лошадей своимъ товарищамъ, отдавая ихъ въ чужую работу, плату за которую присвоивали себѣ, чѣмъ часто оказывали, конечно, вредное вліяніе на дѣла артелей. Таковы тѣ немногіе результаты, съ какими знакомить крайне ограниченный, но не лишенный интереса опытъ примѣненія артельного начала въ крестьянскомъ сельскомъ хозяйствѣ»¹⁾.

Совершенно такія же «отрицательныя стороны» видѣли мы въ жизни *кустарныхъ* артелей, основывавшихся на земскіи деньги.

¹⁾ Крестьянскія сельскохозяйственныя артели, стр. 14—15.

Въ числѣ причинъ, *поубившихъ* кустарныя артели, эти стороны «занимаютъ не последнее мѣсто»¹⁾.

Но довольно о *производительныхъ* артеляхъ. Наши народники охотно славословятъ эти артели. Тѣмъ не менѣе, даже въ ихъ «программѣ» дѣло сколько нибудь широкой организаціи такихъ артелей отодвигается въ болѣе или менѣе отдаленное и во всякомъ случаѣ чрезвычайно туманное будущее. Въ настоящее же время «хлопоты» ихъ направлены главнымъ образомъ въ сторону доставленія кустарямъ дешеваго кредита, устройства ассоціаціи для покупки сырья, организаціи сбыта кустарныхъ издѣлій, улучшенія техника кустарнаго производства и т. п. «Всѣ наши лучшіе и компетентнѣйшіе изслѣдователи кустарной промышленности — говоритъ г. Плехановъ — сходится во мнѣніи, что артельная форма, будетъ ли это въ заготовкѣ сырого матеріала, въ самомъ производствѣ или въ сбытѣ товара, представляется наиболѣе важной и коренной мѣрой къ поддержанію и упроченію сельской промышленности и надежнѣйшимъ орудіемъ для кустарнаго производства въ борьбѣ его съ эксплуатирующими посредниками и слупщниками. Но съ этой формой, какъ извѣстно изъ горькаго опыта, слѣдуетъ обходиться съ крайней осторожностью, такъ какъ всякая неудачная попытка насажденія артели при неблагоприятныхъ для ея устойчивости мѣстныхъ и другихъ условіяхъ ведетъ только къ полному дискредитированію этого прекраснаго учрежденія, къ торжеству разныхъ скупщивовъ и мѣстныхъ «хозяйничковъ» и къ дальнѣйшему ухудшенію положенія массы кустарей... Болѣе цѣлесообразнымъ является во образованіе артелей тамъ, гдѣ до тѣхъ поръ ихъ не было, но постепенное развитіе уже существующихъ артелей и зачатковъ артельной организаціи»²⁾. Зачатки такой организаціи су-

¹⁾ Въ семидесятыхъ годахъ это-то, — если не ошибемся с. Златовратскій — сравнилась наша община съ рубахой, въ которую тискама «вѣтніи условія» вгонять вѣселою челоука сразу. Шадрянскія артели — это даже не рубаха, а просто рубище, подъ которымъ излетаетъ отъ непогоды нѣсколько голышекъ. Если только пройдетъ непогода, если голышки перестанутъ быть голышками, они немедленно распростятся съ рубищемъ, и тогда — простя, простя сармаломъ бука».

²⁾ Кустарные промыслы Нижегородской губ., стр. 54 — 55.

шествуют, по мнѣнію г. Платникова, въ смежномъ, кулачечномъ и «другихъ» промыслахъ. Но онъ самъ забываетъ, что во всѣхъ этихъ промыслахъ артельное начало имѣетъ лишь «крайне неполное примѣненіе» (курсивъ нашъ). Поистинѣ, что на этихъ «крайне неполныхъ» зачаткахъ далеко не увидѣшь и что народники и сами не могли бы придавать значеніе своей «борьбѣ съ капитализмомъ», если бы она ограничивалась культивированіемъ подобныхъ зачатковъ. Поэтому г. Платниковъ выдвигаетъ на первый планъ безземель кредитъ, упрощеніе и расширеніе сбыта, устройство профессиональныхъ школъ и т. п. Такъ же поступаетъ и г. Пругавинъ, какъ извѣстно, одинъ изъ «столповъ» народничества. Онъ рекомендуетъ «расширеніе площади земельного владѣнія» кустарей, а затѣмъ сводитъ «все остальныя мѣры» по помощи къ слѣдующимъ «категоріямъ»: 1) распространеніе среди кустарей общаго и технического образованія, 2) доставка имъ сырого матеріала и 3) облегченіе условій сбыта¹⁾. Правда, г. Пругавинъ совѣтуетъ также («максимумъ») помогать кустарямъ въ приобритеніи дорогихъ орудій на артельныхъ началахъ. Но г. Пругавинъ и самъ не гнѣшитъ въ возможности широкаго развитія у насъ артельнаго кустарнаго производства. Это видно изъ слѣдующаго его замечанія. «Безъ сомнѣнія, будущее принадлежитъ крупному производству. Задача промышленнаго прогресса должна состоять лишь въ томъ, чтобы овладѣть этой формой на началахъ коллективизма. Но это—лишь возникая цѣль, къ которой мы стремимся и при осуществленіи которой приходится считаться съ цѣлымъ рядомъ фактически созданныхъ въ странѣ условій экономическаго и общественно-политическаго характера»²⁾. Изъ этой оговорки слѣдуетъ, что «пока» народникамъ «приходится» поддерживать почти исключительно мелкое «самостоятельное» производство. Г. Воронцовъ въ сущности держится того же мнѣнія. «Извѣстны примѣры попытокъ... ввести въ мелкое производство артельную организацію. Эти попытки въ большинствѣ случаевъ оказались безплодными, между прочимъ потому, что инициаторы задава-

¹⁾ Кустарь на выставкѣ 1882 года, стр. 54.

²⁾ Тамъ же, стр. 50.

лись широкой цѣлью охватить артельной организаціей всю промышленную жизнь мастера, не обращая вниманія на то, что гнѣва разрозненной дѣятельности кустарей не могли не отразиться на ихъ характерѣ, сдѣлавъ его малоспособнымъ къ широкому приложенію принциповъ кооперации и что нужно постепенное воспитаніе массы» и т. п. ¹⁾

Если бы старанія народниковъ увѣнчались сколько нибудь значительнымъ успѣхомъ, то они несомнѣнно облегчили бы въ которомъ слѣдѣ кустарей борьбу съ крупными предпринимателями и ослабили бы его зависимость отъ спекулянтовъ и вообще всякаго рода посредниковъ. Но какому именно слѣду? *Наиболѣе зажиточному, тому, который и теперь частью переходитъ, частью, какъ мы видѣли, уже перешелъ изъ ряда покупщика чужой рабочей силы.* «Хлопоты» народниковъ привели бы къ тому же, къ чему приводитъ крестьянскій банкъ и распространеніе улучшенныхъ сельско-хозяйственныхъ орудій между крестьянами: и безъ того очень значительное слое въ деревенскаго населенія пришло бы тогда еще болѣе разноразличное: богатые стали бы еще богаче, и уже по одному этому бѣдные стали бы, по крайней мѣрѣ относительно, еще бѣднѣе. Въ послѣднемъ счетѣ восторжествовали бы тѣ самые «мастера» и «хозяйчики», съ которыми собираются бороться гг. народники. Но это еще не все. Откуда взялись бы тѣ средства, которые нужны для осуществленія народническихъ плановъ помощи кустарной промышленности? Ихъ пришлось бы искать въ *народномъ карманѣ*. На практикѣ здѣсь дѣло свелось бы къ тому, что деньги взяты были бы главнымъ образомъ съ самой бѣдной части крестьянскаго населенія, а воспользовались бы ими только его наиболѣе зажиточная часть. Вотъ вамъ еще одно основаніе для того, чтобы богатые стали еще богаче, а бѣдные еще бѣднѣе. И вышло бы такъ, что народники помогли бы не трудящейся массѣ, но имъ которой ведутся ихъ «хлопоты», а именно эксплуататорамъ этой массы.

¹⁾ Очерки кустарной промышленности, стр. 113. Знаменитый артистическій бунтъ оказывается, какъ видно, несомнѣтельнымъ.

Вотъ яркій примѣръ для поясненія нашей мысли. Г. Плотниковъ горячо стоитъ за помощь кустарямъ, вообще, и за помощь нижегородскимъ кожевникамъ, въ частности. По его словамъ, кустарное, кожевенное производство терпитъ отъ конкуренціи петербургскихъ заводовъ, отъ недостатка свободныхъ капиталовъ, отъ невозможности дешевыхъ закупокъ, отъ недостатка казенныхъ заказовъ, и т. д. «Только обширный, но возможности, дешевый кредитъ—говоритъ онъ—могъ бы поднять и поставить... промышленность на надлежащую высоту». Положимъ, что «дешевоты», г. Плотникова увѣнчались успѣхомъ; что у кустарей-кожевниковъ явились и казенные заказы, и дешевый кредитъ. Что вышло бы изъ этого? Самъ г. Плотниковъ говоритъ, что въ этой области кустарнаго дѣла преобладаетъ *мелкій трудъ*; изъ его книги—да и не только изъ его книги—видно, что кустарное кожевенное производство есть въ сущности *мелкое заводское производство*. Ясно, стало быть, что «дешевый» и «обширный» кредитъ только облегчилъ бы *мелкимъ* капиталистамъ—заводчикамъ Нижегородской губ. борьбу съ *крупными* заводчиками—капиталистами Петербурга. А между тѣмъ, помощь этимъ «кустарямъ» взята была бы изъ народнаго кармана.

Въ № 139 «Русскихъ Вѣдомостей» 1895 года мы прочитали слѣдующее извѣстіе:

ПЕТЕРБУРГЪ. При кустарномъ комитетѣ министерства земледѣлія работала комиссія по снабженію кустарей сырыми матеріалами. Комиссія состояла изъ председателя проф. Исаева и членовъ: М. И. Аргановой, С. А. Давыдовой, гг. Арсеньева, Лоранскаго, Пономарева и Тихонова. Близжайшее участіе въ дѣлахъ комиссіи принималъ Д. А. Тихирязевъ; окончивъ занятія, комиссія внесла въ кустарный комитетъ слѣдующія предложенія: 1) свести съ казенными и частными горными заводами относительно продажи кустарямъ на возможно льготныхъ условіяхъ жельза, стали, иѣди; 2) ходатайствовать передъ министерствомъ путей сообщенія о продажѣ некраннымъ скупщикамъ (sic), а преимущественно кустарямъ, тѣхъ остатковъ жельза и стали, которые въ большомъ количествѣ накопляются въ распоряженіи желѣзныхъ дорогъ; 3) открыть въ Павловѣ Нижегородской гу-

беряи склады для облегченія кустарей въ приобретеніи сырыхъ матеріаловъ, необходимыхъ для изготовленія кузнечно-саесарныхъ издѣлій; 4) ходатайствовать передъ лѣснымъ казеннымъ управленіемъ о продажѣ изъ казеннаго лѣса самыхъ мелкихъ участковъ за срубъ и объ устройствѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лѣсо-сушилки для первоначальной обработки матеріала, необходимаго въ древодѣльныхъ промыслахъ; 5) ходатайствовать объ открытіи кредита изъ Государственнаго банка для проведенія этихъ мѣръ. Кустарный комитетъ принялъ эти предложенія.

Кажется, не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать, что отъ осуществленія мѣръ, одобренныхъ названною комиссіей, выиграютъ прежде и больше всего *«мелкіе кустарики»*.

Правда, № 142 той же газеты принесъ намъ извѣстіе другого рода. Этотъ № сообщалъ, что министерство финансовъ разработало вопросъ объ устройствѣ мелкаго кредита, и что, согласно проекту министерства, ссуды будутъ выдаваться только тѣмъ кустарямъ, *которые не имѣютъ наемныхъ рабочихъ*. Это очень хорошо. Но, во первыхъ, осуществленіе этого проекта встрѣтитъ почти непреодолимая трудности по той простой причинѣ, что наемный трудъ играетъ теперь уже очень большую роль въ кустарномъ производствѣ, и что на практикѣ по-всѣмъ придется считаться съ этимъ измѣненіемъ, а во вторыхъ... во вторыхъ надо принять въ соображеніе слѣдующее:

«Переходъ отъ феодальнаго способа производства (въ капиталистическому) совершается двоякимъ образомъ. Производитель становится купцомъ и капиталистомъ, въ прѣизволжность съ тѣмъ, что имѣетъ мѣсто въ земледѣльческой натуральномъ хозяйствѣ и въ средневѣковомъ городскомъ ремеслѣ, связанномъ кочовымъ строемъ. Это самый рѣшительный путь. Но иногда купецъ непосредственно овладѣваетъ производствомъ. Исторически и этотъ путь тоже является переходнымъ. Но самъ по себѣ онъ вовсе не ведетъ къ перевороту въ старомъ способѣ производства, который онъ скорѣе сохраняетъ и удерживаетъ, какъ свое необходимое предварительное условіе. Такъ, вплоть до половины текущаго столѣтія фабрикантъ во французской шелковой промышленности и въ англійскомъ вѣзальномъ и

кружевномъ производствѣ былъ только по имени фабрикантомъ, а въ дѣйствительности простыми купцомъ, оставлявшимъ ткачей работать при условіяхъ стараго раздѣленного производства, и господствующимъ надъ ними только въ качествѣ купца, на котораго они и работали... Не измѣнивъ способовъ производства, эта система только ухудшаетъ положеніе непосредственныхъ производителей, превращаетъ ихъ въ простыхъ, мелкихъ рабочихъ и пролетаріевъ, положеніе которыхъ хуже, чѣмъ положеніе производителей, прямо подчиненныхъ капиталу и присваиваетъ себѣ ихъ прибавочный трудъ, опираясь на старшій способъ производства». Эта система *еще не настоящій капитализмъ*. Она съ нимъ несовмѣстима, и потому, являясь препятствіемъ къ его развитію, она исчезаетъ, когда производство становится *капиталистическимъ въ истинномъ смыслѣ этого слова*.

Господство «купца», зависимость производителя отъ скутника, доходить у насъ во многихъ отрасляхъ кустарнаго производства до послѣдней крайности. Именно это господство, съ одной стороны, сохраняетъ въ этихъ отрасляхъ старый, лучше сказать, совершенно допотопный способъ производства, а съ другой — напоминаетъ надеждой сердца г. Воронцова и ему подобныхъ.

— Пока еще сохранились старые способы производства, разсуждаютъ эти господа, ничто еще не потеряно: хорошая организація кредита и продажи издѣлій уничтожить власть скутника, и тогда народное производство вновь приобрететъ свою первобытную чистоту, тогда у насъ опять будутъ самостоятельные производители, которые и пойдутъ прямымъ путемъ къ артельному способу производства. — Но скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается, а притомъ заще всего дѣло дѣлается совсѣмъ не такъ, какъ сказывается сказка. Уничтоженіе власти скутника, улучшивъ матеріальное положеніе кустарей, дало бы огромный толчекъ усовершенствованію техники кустарнаго производства, усиліи которой задерживаются теперь крайней бѣдностью производителей. «Усовершенствованіе техники и было бы огромнымъ шагомъ въ направленіи къ настоящему капитализму. Въ производительныхъ артеляхъ вошла бы въ самое лучшее случаевъ только небольшая часть кустарей,

да и та, прочно ставши на ноги, превратилась бы, как это мы не раз видели на Западе и даже в России, въ особую разновидность предпринимателей ¹⁾. Остальная же часть прямо пошла бы къ «*сотрудничеству*» путем *максималю труда*. Иначе сказать, въ этой остальной части господство *кумца* смѣнилось бы господствомъ *капиталистско-предпринимателей*, вышедшихъ изъ среды самихъ кустарей. Товарное производство, съ его зависимою отъ производителя отъ отдаленнаго общаго рынка, необходимо несетъ съ собою такіе большіе шансы неравенства, которыхъ не устранишь никакимъ кредитомъ. Это обстоятельство, вѣроятно, и имѣло въ виду нѣкій-то совзникъ зародковъ, г. Н.—онъ, когда онъ разрушалъ народническія иллюзіи на счетъ чудеснаго дѣйствія кредита. Вотъ что писалъ г. Н.—онъ.

«Кредитъ, будучи основанъ на товарномъ производствѣ, не для собственнаго потребленія, капиталистическомъ, и будучи вѣстѣ съ тѣмъ «механизмомъ специально предназначеннымъ для сосредоточенія капитала», находится, слѣдовательно, въ прямомъ противорѣчіи съ производствомъ некапиталистическимъ, не можетъ, конечно, служить ему *основой развитія*. Если чему онъ служить, такъ это развитію кулаковъ во всѣхъ видахъ, но никакъ не можетъ служить производителю, будь этотъ производитель единичнымъ лицомъ или общиной, все равно. Поэтому всѣ проекты, стремящіеся улучшить матеріальное положеніе производителя, основанные на кредитѣ, не только не могутъ улучшить этого положенія, но совсѣмъ напротивъ, ухудшая положеніе многихъ, ухудшаютъ — большинства. Борьба двухъ способовъ производства на почвѣ кредита представляется, поэтому, борьбой крайне желательной для капитализма, такъ какъ именно на

¹⁾ Вотъ, напримеръ, какъ-ли носились наши народники съ знаменитой Вотинской артелью кумцовъ. Саралужское земство не сумело въ суды этой артели. И что же? Въ послѣднее время въ печать троняются кнѣжки о нѣкоторыхъ признакахъ, знаменующихъ собою упадокъ артели в «*возрастающее несомнообразіе ея членовъ*» (курсивъ нашъ). Волжскій Вѣстникъ, 1889 г., №№ 251 и 252, цитир. у г. Цюльникова, Промыслы Нижегородской губ., стр. 78. А вѣстиво ли гг. народниками, какъ шла дѣла въ тузюковской артели?

этомъ позриць онъ вооруженъ *jusqu'aux dents*; такая борьба только увеличивается и безъ того широкую арену капитализма, убитая вибстѣ съ тѣмъ и послѣдніе остатки противоположнаго ему способа производства»¹⁾.

Изъ всего этого ни мало не слѣдуетъ, конечно, что не можно помогать кустарямъ, не нужно бороться противъ власти скупщиковъ. Наоборотъ, *очень нужно*. Ослабленіе—не говоримъ полное уничтоженіе, потому что это, къ сожалѣнію, дѣло несбыточное—ихъ власть будетъ очень полезно трудящейся массѣ. Но полезно именно тѣмъ, что оно *приведетъ наконецъ къ господству настоящаго капитализма съ его не только дурными, но и хорошими послѣдствіями, а не тѣмъ, что оно устранимъ будто бы капитализма, какъ этого ожидаютъ народники*.

Наши народники во многомъ напоминаютъ славянофиловъ. Интересно, поэтому, сравнить народническую идеализацію «народнаго производства» съ той идеализаціей нашей «народной бытовой силы», которая отличала славянофильскія воззрѣнія.

«Село—вотъ, скажемъ кстати, заглавіе того ученаго труда, къ которому мы призываемъ нашихъ статистиковъ, экономистовъ, политиковъ, юристовъ и пр. и пр.,—инсаль И. С. Аксаковъ—село съ его сельскою промышленностью, торговлею, ремесленнымъ, фабричнымъ и заводскимъ производствомъ, село нашенное, село торговое, село съ неотъемлемымъ отъ него общиннымъ бытаемъ, общиннымъ самоуправленіемъ. Разрушимъ ли мы эти избытки, эти резервуары народной бытовой силы? эти центры народной жизни, которые способны и къ развитію и къ просвѣщенію—для того, чтобы съ одной стороны создать крупную личную собственность для нѣсколькихъ единицъ, а съ другой, чтобы скопить въ городахъ безземное, безсильное населеніе?»²⁾

И. С. Аксаковъ не хотѣлъ *крупной личной собственности* и скопленія въ *городахъ* безземнаго населенія. Поэтому онъ идеализировалъ село, не подозревая, что сельская торговля и *сельская фабричная промышленность* неизбежно ведутъ къ развитію

¹⁾ «Очерки нашего порефор. общ. хлѣбства», стр. 76.

²⁾ «Дѣло», 1865 г., ст. отъ 6 и 13 марта, перепеч. въ «Полномъ собраніи сочиненій И. С. Аксакова».

той крупной личной собственности и того бездомного населения, позавиднее которых ему хотелось бы предупредить.

Наша народники тоже хотели бы предупредить развитие у нас крупной личной собственности со всеми ее последствиями. Поэтому они тоже идеализируют «село». Но они уже поняли значение фабричной промышленности. Поэтому они хотят «села» без фабрики. Они не подозревают, что «село» заключает в себя — и помимо фабрики — множество противоположных интересов, движение которых необходимо должно привести, в последнем счете, к полному торжеству «личной крупной собственности».

Идеализируя «село» с фабрикой и пр., И. С. Аксеков фактически становится выразителем интересов нашей крупной буржуазии.

Идеализируя «село» без фабрики, но с мелкой кустарной промышленностью, наши народники фактически стали выразителями интересов нашей мелкой буржуазии.

В качестве выразителя интересов крупной буржуазии, И. С. Аксеков хотел, чтобы «все, непосредственно содействующее нашему материальному благосостоянию, было главным, если не исключительным предметом законодательных забот и стремлений».

Под материальными заботами он понимал главным образом развитие железных дорог, покровительственный тарифы и т. п.

Современный налог покровительственный тарифы является в глазах народников одним из главных причин народного бедствия. Они ненавидят его от всей души. Но не надо думать, что они по принципу возмуть с покровительственным тарифом. Нет, в качестве выразителей интересов мелкой буржуазии, они осуждают его лишь по столько, по сколько он обогащает крупную капиталистическую. А сам по себе он кажется им не только не вредным, но даже необходимым для поддержания и развития «народной промышленности». Вот, например, посмотрите, как относятся к нему нижегородские защитники кустарей.

«Что касается ходатайств об изменении тарифа в пользу

Нижегородской кустарной промышленности, то земство прибѣгло къ нимъ неоднократно... Горбатовское земство, считая одной изъ главныхъ причинъ плохого сбыта кустарныхъ павловскихъ издѣлій пониженіе тарифа на ввозимыя стальные издѣлія и повышеніе его на сталь, въ 1884 году постановило ходатайствовать передъ правительствомъ о возвышеніи тарифа на ввозимыя изъ за границы стали-сесаринныя и замочныя издѣлія и пониженіи тарифа на заграничную сталь. Ходатайство Горбатовскаго уѣзднаго земства увѣчалось успѣхомъ... Подобное ходатайство было отправлено въ 1888 году Нижегородскимъ уѣзднымъ земствомъ; желая придти на помощь Безводнискимъ кустарямъ, выдѣлывающимъ удочки, оно просило правительство возвысить пошлины на привозныя удочки ¹⁾.

Какъ это понятно само собою, у насъ нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній ожидать, что подобнаго рода ходатайства не станутъ повторяться въ будущемъ, въ виду «нужды» какихъ нибудь отраслей кустарнаго производства. Совершенно наоборотъ. Съ иностранной конкуренціей невозможно было бы бороться нашей кустарной мелкой буржуазіи. Поэтому защитники «народнаго производства» вынуждены будутъ держаться за то самое «покровительство отечественной промышленности», которое они такъ часто и такъ неосторожно проливаютъ. Они называютъ покровительственный тарифъ тяжелымъ налогомъ на потребителя. Мы видимъ теперь, что ихъ раздражаетъ въ сущности не налогъ, а то обстоятельство, что этотъ налогъ обогащаетъ кружныя капиталисты, а не мелкую буржуазію.

✓ Та же исторія повторяется и съ железными дорогами. Железные дороги, чрезвычайно сильно содѣйствуя развитію товарнаго производства, столь же сильно разрушаютъ, старые «устои». Поэтому народники верѣдко оплакиваютъ ихъ разрушительное дѣйствіе. Но въ своихъ заботахъ о «народномъ производствѣ» народники натакаиваются на необходимость расширенія сбыта кустарныхъ издѣлій. Железные дороги облегчаютъ сбытъ. Поэтому тѣ же народники должны высказываться за железныя дороги. Это

1) Цвитковскъ, цит. соч. стр. 37.

мы и видим напр. в уже цитированном нами сочинении г. Пругавина «Кустари на выставкѣ», «Сюда (т. е. въ число мѣръ поимени кустарями) войдутъ всѣ мѣры, имѣющія цѣлью сблизить кустари съ мѣстами закупки сырого материала и рынками сбыта товаровъ (предѣтъ, пути сообщения...)» говорить г. Пругавинъ (стр. 14).

Наконецъ, совершенно тоже видимъ — и еще болѣе увидимъ — мы и въ вопросѣ о рынкахъ. Потони крупныхъ предпринимателей за рынками вызываетъ въ идеологѣ мелкой буржуазнаго чувства близкое къ омерзѣнью. Поучительные примѣры риторическаго выраженія такого чувства можно было бы привести изъ исторіи просвѣдательной французской литературы 18-го столѣтія. Но если великій производитель не ремесленникъ, если онъ самъ работаетъ на обширный и болѣе или менѣе отдаваемый рынокъ, то и для него какъ нельзя болѣе выгодно увеличеніе этого рынка. Поэтому его идеологъ, защитникъ «народной промышленности», начинаетъ «хлопотать» и о рынкѣ. Такъ, наши народники подумываютъ уже о сбытѣ кустарныхъ издѣлій за границу и — замѣчательное дѣло! — вопросъ о заграничныхъ рынкахъ въ этомъ случаѣ сразу принимаетъ въ нихъ разсужденіяхъ совершенно новый видъ. Когда рѣчь идетъ о завоеваніи заграничныхъ рынковъ для произведеній нашей *крупной* промышленности, народники твердятъ, что это дѣло совсѣмъ безнадежное, что «туда ужъ намъ» и т. п. Но тѣ же самые народники твердо убѣрены, что *кустарной* (т. е. мелкой капиталистической) промышленности очень легко найти сбытъ для своихъ издѣлій за границей.

«Высшимъ выраженіемъ товарнаго производства служатъ заграничный сбытъ кустарныхъ издѣлій — говорить г. Воронцовъ. Его имѣютъ по преимуществу продукты только что описанной области (т. е. центральной промышленной области), хотя иногда туда посылаютъ свои издѣлія кустарные округа, лежащіе въ сторонѣ отъ развитыхъ въ промышленномъ отношеніи областей. Намъ извѣстенъ сбытъ за границу слѣдующихъ продуктовъ кустарнаго производства: мѣховъ арзамасскаго скорважнаго района (увозятся въ Грецію, Турцію и др.), салогъ, шатыхъ въ Выздной слободѣ того же уѣзда и клирскомъ округѣ, Кожи Богородскаго района

(Нижегородской губ.) идутъ за границу, а послѣ некоторой переработки возвращаются назадъ подъ именемъ Гамбургскаго товара. Нижегородская деревянная посуда доходитъ до Англии и Франціи на западъ, Сибири и Индіи на востокъ. Ювелирные издѣлія Костромской губ. встрѣчаются въ Средней Азіи и Индіи; тульскіе самовары изъ Персіи; мелкія издѣлія изъ стекла московскихъ камушниковъ—въ Бухарѣ. Въ Среднюю Азію сбываются гончарныя гжельскія издѣлія, поли и замки павловскаго слесарнаго округа, льняныя и бумажныя ткани владимірскихъ кустарей, кружева московскихъ шетей и т. д.¹⁾

Г. В. Пругавинъ сообщаетъ намъ перспективу широкаго развитія въ Сибири столь любезнаго Воронцову товарнаго производства. «Сибиря, по отношенію къ соседнимъ дикарямъ и рынкамъ Азіи, должна когда нибудь играть роль мануфактурнаго рынка—говоритъ онъ²⁾».

✓
 23
 Покровительственный тарифъ, кредитъ, желѣзныя дороги, расширеніе внутренняго рынка и завоеваніе заграничныхъ—такова серьезная, діловая, нефантастическая часть программы нашихъ занятіинокъ «народной промышленности». Она почти совершенно тождественна съ программой сторонниковъ крупнаго капиталистическаго производства. Народническая «формула»: село минусъ фабрика приводитъ насъ на практикѣ къ тому же, къ чему привела насъ формула Аксакова: село съ его фабричками и заводскими производствами.

Мы сказали, что въ каждой изъ нашихъ народническихъ «противниковъ капитализма» сидятъ два человека: Донъ-Кихотъ и Санчо-Панса. Донъ-Кихотъ говоритъ: я ниспровергну капитализмъ. Санчо-Панса прибавляетъ: а пока что, поддержку мелкихъ капиталистовъ и надѣлавъ какъ можно больше неприятностей крупнымъ. Этотъ діалогъ вообще довольно комичекъ. Но иногда онъ доходитъ до степени пысового, истинно художественнаго комизма. Образчиковъ такого комизма надо искать, разумеется, прежде всего у «авторитетнаго» г. Воронцова. Въ своихъ

¹⁾ «Очерки кустарной промышленности», стр. 78. Плетенія называются работницами, выполняющими плетениемъ.

²⁾ Кустарь на выставкѣ, стр. 44.

«судьбахъ капитализма» г. Воронцовъ высказалъ ту мысль, что «раньше, чѣмъ артельная организація схватитъ механическую отрасль промышленности, послѣдняя, вѣроятно, перейдетъ въ казенное заведѣваніе» (стр. 66). Онъ довольно кратко красками рисовалъ послѣдствія такого перехода. Къ сожалѣнію, нѣтъ тотчасъ же овладѣн тяжелыя сомнѣнія.

«Не не утопія ли все это, скажетъ читатель? Исправится ли дѣло съ переходомъ въ руки казны; сдѣлаются ли его руководители люди талантливые, способные организовать производство по всемъ правиламъ техники; будетъ ли администрація заводовъ заботиться о благосостояніи рабочаго и не станетъ ли она напротивъ того урывать всякій его кусокъ съ цѣлью наволоченія собственнаго кармана; такимъ образомъ, процессъ накопленія капитала не перекинется-ли только вѣнчикомъ оболочку, и капиталистъ—казнокрадъ не займетъ ли мѣсто современнаго дѣльца?»

Г. Воронцовъ—Донъ-Кихотъ хлопочетъ о переходѣ механической промышленности въ казенное заведѣваніе. Г. Воронцовъ—Санчо-Панса, принимая на себя видъ «читателя», замѣчаетъ: это было бы хорошо, но вѣдь, покажуй, заведется казнокрадство. Въ отвѣтъ на это замѣчаніе г. Воронцовъ—Донъ-Кихотъ разражается слѣдующей тирадой: «Да, читатель! Если бы завтра исполнилось то, что мы проектируемъ, то именно по твоему бы и вышло. Хищные инстинкты такъ сильны въ современномъ обществѣ, что въ той или иной формѣ—а ближайшее будущее принадлежитъ имъ. Но это-то хищническое направленіе общества и послужитъ препятствіемъ скорому выполненію нашего проекта; ибо указанная перереорганизація промышленности поведетъ къ уничтоженію обычныхъ приемовъ, которыми до сихъ поръ хищничество питалось, а тамъ еще жди, когда и кашъ выработаются новыя орудія хищенія и попадутъ ли онѣ въ твои руки! Современные руководители хищниковъ, повтораемъ, воспрепятствуютъ переицѣ, ближайшимъ результатомъ которой было бы измѣненіе формы хищенія.

«Указанное преобразование промышленности тогда проявитъ свои благотѣльные послѣдствія, когда измѣнится все направленіе нашей общественной жизни, когда сдѣлается общепризнаннымъ, что руководство капитала и связанныя съ нимъ привилегіи со-

ставляют эле русской жизни и что прогрессивное развитие страны возможно лишь при отсутствии всяких стѣсненій для проявленія народной дѣятельности и при строгом прослѣдованіи общественными учрежденіями принципа пользы рабочаго населенія, принципа, незатемняемаго никакими другими болѣе или менѣе почтенными формулами. Тогда отыщутся и иные отсутствующіе честные и талантливые дѣтели, которымъ можетъ быть поручено преобразование нашего капиталистическаго производства въ государственное и артельное»¹⁾.

Хорошо говорить Доль-Кихотъ! Но—сказать ли?—вѣдь онъ въ сущности уступаетъ, онъ соглашается съ Санчо. Онъ утѣшаетъ его тѣмъ, что его «программа», программа «рыцаря Печального Образа», осуществится еще очень не скоро. Санчо торжествуетъ.

Доль-Кихотъ говоритъ: я поборю капитализмъ. Санчо прибавляетъ: а пока что, я и капиталъ приобрѣту и невинность соблюду. Какъ осуществляется на практикѣ программа почтеннаго Санчо, показывается примѣръ г-жи Костинской, на который указать когда-то г. Каблуковъ въ одномъ изъ своихъ статистическихъ исследований Московской губерніи. Г-жа Костинская, купивъ себѣ имѣніе, вмѣсто того, чтобы притѣснять сосѣднихъ крестьянъ, связала себя съ ними узами самой иѣжной дружбы. Она не эксплуатировала ихъ, а, напротивъ, всегда старалась помочь имъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Крестьяне много выиграли отъ этого, да и г-жа Костинская оказалась не въ убыткѣ. Хозяйничая на 130 десятинахъ, она не только содержитъ себя и семью, но и имѣетъ возможность «давать прекрасное воспитаніе своимъ дѣтямъ». По поводу этого примѣра, описаннаго покойнымъ В. И. Орловымъ, г. Каблуковъ—тоже одинъ изъ «враговъ капитализма»—указавъ (въ первомъ выпускѣ пятаго тома Сборника ст. св. Московской губ.) на противрѣчіе интересовъ крупныхъ землевладѣльцевъ съ одной стороны и крестьянства съ другой, замѣчаетъ: «Что же касается иной постановки дѣла, исключавшей такую противоположность и содѣйствующей двѣтущему положенію какъ крестьянскаго, такъ и частнаго хозяйства, то на возможность ея указываютъ не только раз-

¹⁾ Судьбы капитализма, стр. 68.

личныя общія положенія и мнѣнія нѣкоторыхъ хозяевъ практиковъ, но даже и живой примѣръ хозяйства В. В. Костинской въ Подольскомъ уѣздѣ». (Стр. 175—176).

Г. Воронцовъ думаетъ, что «случай» (указываемый г. Кабул-евскимъ) вовсе не можетъ служить примѣромъ для всѣхъ хозяевъ, такъ какъ онъ гораздо болѣе, чѣмъ на агрикультурномъ расчетѣ, основанъ на такихъ личныхъ свойствахъ человека, какія встрѣчаются крайне рѣдко. Кроме умственныхъ качествъ, необходимыхъ для организатора новой системы земледѣлія (1), г-жа Костинская обладаетъ очевидно рѣдкими нравственными достоинствами, она одна изъ тѣхъ личностей, изъ народа столичнаго, о которыхъ мы говорили выше, какъ о способныхъ (при известныхъ условіяхъ) сдѣлаться инициаторами, пойти по новому пути, рука объ руку съ народомъ»¹⁾.

Мы охотно соглашаемся съ тѣмъ, что г-жа Костинская—дама почтенная во всѣхъ отношеніяхъ. Но мы спрашиваемъ себя и другихъ: да развѣ же ея «примѣръ» есть примѣръ «борьбы съ капитализмомъ»?

Въ мартовской книжкѣ крайне враждебнаго «капитализму» «Русскаго Богатства» за 1895 г. нѣкто г. Н. Соколовскій, въ статьѣ озаглавленной: «Въ одномъ изъ захохотѣвъ» процѣдилъ хвалебную пѣснь нашей «городской интеллигенціи», мѣстами начинающей наступать теперь на поприсѣ сельскаго хозяйства. Все хорошо у этихъ сельскихъ хозяевъ новаго типа: и орудія труда, и скотъ, преимущественно коричневый, «ангельской породы», и даже «не лишенный шегольства видъ мызь... съ окружающими ихъ молодыми садами и цвѣтниками». Рабочій день на такихъ *интеллигентныхъ* мызлахъ короче, а заработная плата значительно выше, чѣмъ въ хозяйствахъ старомодныхъ эксплуататоровъ. Словомъ, отъ наступленія «городскихъ интеллигентовъ» въ качествѣ сельскихъ хозяевъ рабочей «остался въ выигрышѣ» во всѣхъ отношеніяхъ. Такъ говоритъ г. Соколовскій. Намъ хочется думать, что она ничего не преувеличиваетъ, и мы сами готовы пѣть хвалу новоявленнымъ культуртрегерамъ, но... развѣ эти мызы «борьба съ капитализмомъ»?

¹⁾ Судьбы интеллигенции, стр. 171.

Г. Н.—онъ, въ душѣ котораго поселился, какъ извѣстно, паническій страхъ передъ «капитализмомъ», мечтаетъ объ организаціи русскаго земледѣлія и русской обрабатывающей промышленности на основѣ общиннаго землевладѣнія. Можно очень многое возразить противъ тѣхъ соображеній г. Н.—она, которымъ онъ обязанъ своимъ паническимъ страхомъ передъ Западомъ... то бишь,—передъ капитализмомъ. Но нельзя не признать, что г. Н.—онъ, по своему, послѣдовательный человекъ: разъ объявилъ войну капитализму, онъ помирится не на интеллигентныхъ мызкахъ со скотомъ англійской породы, а развѣ что на фуриеровскихъ фаланстерахъ. Пока наша сельская община не превратится, по шучьему велѣнію, въ фаланстеръ, г. Н.—онъ останется Кассандрой, сотканной изъ недоразумѣній. А вотъ г. Соколовскій тяготеетъ къ интеллигентнымъ мызамъ и къ англійскому скоту. Г. Н.—онъ воетъ (не пугайтесь, однако, читатель: воетъ лишь на словахъ) съ капитализмомъ вообще. А г. Н. Соколовскій воетъ съ тѣми «чужаками», съ тѣми представителями торговаго капитала, которые слишкомъ дешево платятъ за англійскій скотъ, ввезенный на «интеллигентныхъ» мызкахъ. Г. Н.—онъ стоитъ за соединеніе земли съ земледѣльцемъ. А г. Соколовскій стоитъ за водруженіе двуглавыхъ орловъ на границахъ крестьянскихъ нацѣловъ, такъ какъ «въ отсутствіи двуглавыхъ орловъ по границамъ крестьянскаго землевладѣнія кроется между прочимъ одна изъ причинъ—возникновенія на деревенской почвѣ, въ той или другой формѣ, слуховъ «на счетъ земельки» и «новыхъ правовъ». Безъ двуглаваго орла крестьянской общины пока не вѣрится, чтобы ея вотчина была отнехана окончательно. «Быть еще нацѣлъ по новымъ душамъ», утѣшаетъ себя мужикъ въ наступившемъ малоземельи» (стр. 160). Въ лагерѣ нашихъ противниковъ капитализма» г. Н.—онъ прекрасно играетъ роль Донъ-Кихота. А г. Н. Соколовскій не менѣе блестятельно изображаетъ Санчо. Это различіе ролей не мѣшаетъ, разумеется, имъ обоимъ мирно уживаться на страницахъ одного и того же «переходоваго» журнала.

Замѣтимъ, однако, что экономическіе Донъ-Кихоты столь чистой воды какъ г. Н.—онъ составляютъ между русскими «противниками капитализма» величайшую рѣдкость. При томъ же

г. Н.—онъ и не совсѣмъ народникъ. Нѣкоторые говорятъ даже, что онъ «жаренъ».

Гг. народники «борются» не съ капитализмомъ вообще, а только съ крупнымъ капитализмомъ, да еще съ нѣкоторыми грубыми, хищническими разновидностями капиталистическаго накопленія. Съ каждымъ изъ народниковъ дѣлается судороги, когда онъ слышитъ слова: прибавочная стоимость. Но въ действительности народники возстаютъ только противъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ способовъ присвоенія прибавочной стоимости. *Mutatis mutandis*, наши народники въ экономической области хотятъ какъ разъ того же самаго, чего хотѣли очень многие изъ тѣхъ французскихъ просвѣтителей, которыхъ г. Воронцовъ, вслѣдъ за г. Карлсезымъ, презрительно называетъ служителями буржуазіи¹⁾. Говоря это, мы вовсе не думаемъ упрекать гг. народниковъ, выставивъ ихъ литературными «молодцами» мелкой буржуазіи. Совсѣмъ напротивъ. «Идеалы» нашихъ народниковъ очень дни. Но ихъ практическія стремленія очень полезны. Если бы осуществились эти ихъ стремленія, то отъ этого очень много выиграла бы наша культура, потому что нашъ капитализмъ сдѣлалъ бы огромный шагъ впередъ. Единственное въ чемъ мы упрекаемъ гг. народниковъ, это несоотвѣстіе ихъ «идеаловъ» съ ихъ практическими стремленіями. Пора нашимъ народникамъ вспомнить завѣтъ древней греческой религіи и философіи: пора имъ вознѣсть самимъ себя. Разъ придутъ они къ такому самопознанію, они бросятъ, какъ никуда негодную ветвь, свои допотопные «идеалы» и станутъ весьма полезными культурными дѣятелями. И тогда русскій капитализмъ скажетъ имъ сердечное «русское спасибо» даже за ихъ, вообще говоря, очень неудачныя «артельныя начинанія».

Когда будетъ все это? Мы не знаемъ. А пока нельзя не замѣтить, что поначалу та литературная эпоха, когда гг. Воронцовъ считаются *авторитетными* исследователями,

¹⁾ Пусть почтываетъ г. Воронцовъ книгу Галланція «De l'Homme»: онъ найдетъ въ ней много неожиданнаго.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

Стран.	Строка.	Исправлено:	Слѣдуетъ читать:
8	6 сверху	либухъ	либудь
18	10 >	«вѣдливостьныя»	«Невѣдливостьныя»
29	3 снизу	пѣвальный	пѣвальный
33	16 >	неудовлетворенность	неудовлетворительность
56	2 >	удивительна	удивительнах
59	11 сверху	Есан	Есан бы
81	7 >	desideria	desideria
69	14 >	Эго	«Эго»
99	2 >	первый	первый разъ
111	7 снизу	дворянскихъ	дворянскихъ
—	2 >	Департамента	Департаментъ
112	5 >	Некоторые	«Не некоторые»
113	14 сверху	при	по
—	5 снизу	переходъ.	переходъ» (см. Сборн. стат. свѣд. по Оболвскому у. Курской губ., ч. II, стр. 1—3).
121	7 сверху	назвать	назвать
—	17 >	неподвижностию	неподвижностью
122	14 снизу	распашки	распашки
124	16 >	Мативеку	Мативеку
125	6 сверху	перевѣдоман	перевѣдоманх
128	15 >	губернш	губернш
139	14 >	разумѣтея	разумѣтея
135	11 сверху	большо	большо и большо
—	16 снизу	земляхъ	земляхънш
—	13 >	30	40
—	— >	всей земли	всей надѣльной земли
—	9 >	въ сѣнь	въ сѣнѣ
—	4 >	сходъ	схода
—	2 >	большинство теперь	большинство
—	1 >	«жить на хлѣбахъ».	жить на хлѣбахъ» («Русская Мысль», Январь 1884 г., «Очерки народнаго настроенія», стр. 102).

144	3 сверху	взвѣсь : 70% ₁₀₀	взвѣсь : 70% ₁₀₀ (Русск. Мысль, Апрель 1884 г., «Земле-статистическія изслѣдованія по Саратовской губ.», стр. 44).
148	3 снизу	чѣлоб	чѣлоби
150	8 "	невыправныхъ	невыправныхъ
152	2 "	находится	находится
168	13 сверху	соотвѣственниковъ	соотвѣственниковъ
171	1 снизу	орма	форма
175	4 сверху	настоящее	настоящее
183	6 снизу	назь	назь
216	3 "	очень	очень
—	1 "	совѣтъ	совѣтъ
247	13 "	очень	очень
255	7 сверху	артельныхъ	артельныхъ
270	9 "	высоту*	высоту* (стр. 227).

271	10	—	—	—	—
272	11	—	—	—	—
273	12	—	—	—	—
274	13	—	—	—	—
275	14	—	—	—	—
276	15	—	—	—	—
277	16	—	—	—	—
278	17	—	—	—	—
279	18	—	—	—	—
280	19	—	—	—	—
281	20	—	—	—	—
282	21	—	—	—	—
283	22	—	—	—	—
284	23	—	—	—	—
285	24	—	—	—	—
286	25	—	—	—	—
287	26	—	—	—	—
288	27	—	—	—	—
289	28	—	—	—	—
290	29	—	—	—	—
291	30	—	—	—	—
292	31	—	—	—	—
293	32	—	—	—	—
294	33	—	—	—	—
295	34	—	—	—	—
296	35	—	—	—	—
297	36	—	—	—	—
298	37	—	—	—	—
299	38	—	—	—	—
300	39	—	—	—	—
301	40	—	—	—	—
302	41	—	—	—	—
303	42	—	—	—	—
304	43	—	—	—	—
305	44	—	—	—	—
306	45	—	—	—	—
307	46	—	—	—	—
308	47	—	—	—	—
309	48	—	—	—	—
310	49	—	—	—	—
311	50	—	—	—	—
312	51	—	—	—	—
313	52	—	—	—	—
314	53	—	—	—	—
315	54	—	—	—	—
316	55	—	—	—	—
317	56	—	—	—	—
318	57	—	—	—	—
319	58	—	—	—	—
320	59	—	—	—	—
321	60	—	—	—	—
322	61	—	—	—	—
323	62	—	—	—	—
324	63	—	—	—	—
325	64	—	—	—	—
326	65	—	—	—	—
327	66	—	—	—	—
328	67	—	—	—	—
329	68	—	—	—	—
330	69	—	—	—	—
331	70	—	—	—	—
332	71	—	—	—	—
333	72	—	—	—	—
334	73	—	—	—	—
335	74	—	—	—	—
336	75	—	—	—	—
337	76	—	—	—	—
338	77	—	—	—	—
339	78	—	—	—	—
340	79	—	—	—	—
341	80	—	—	—	—
342	81	—	—	—	—
343	82	—	—	—	—
344	83	—	—	—	—
345	84	—	—	—	—
346	85	—	—	—	—
347	86	—	—	—	—
348	87	—	—	—	—
349	88	—	—	—	—
350	89	—	—	—	—
351	90	—	—	—	—
352	91	—	—	—	—
353	92	—	—	—	—
354	93	—	—	—	—
355	94	—	—	—	—
356	95	—	—	—	—
357	96	—	—	—	—
358	97	—	—	—	—
359	98	—	—	—	—
360	99	—	—	—	—
361	100	—	—	—	—

Цѣна 2 руб.